

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

2024 Том 21 № 2

DOI 10.22363/2313-1683-2024-21-2

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Лебедева Н.М. Идентичность, миграция и межкультурные отношения на постсоветском пространстве 353

ИДЕНТИЧНОСТЬ, МИГРАЦИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Приглашенный редактор раздела Н.М. Лебедева

Галяпина В.Н., Умуркулова М.М., Тучина О.Р. Воспринимаемая культурная дистанция и психологическое благополучие русских в разных контекстах постсоветских стран: медиативная роль аккультурационных стратегий 360

Lepshokova Z.Kh., Djukic J., Chernaya A.V. Ideal and real multiculturalism in post-soviet countries: relationship with mutual acculturation and psychological well-being among of ethnic majorities and minorities (Идеальный и реальный мультикультурализм в постсоветских странах: связь со взаимной аккультурацией и психологическим благополучием этнического большинства и меньшинства) 385

Bultseva M.A., Berberyan A.S., Berrios Callejas S.A. The permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The role of social identities and perceived security (Проницаемость социальных границ для русских на постсоветском пространстве: роль социальных идентичностей и воспринимаемой безопасности) 408

Bushina E.V., Kornilova O.A., Kovaleva N.V. The relationship between multi-cultural ideology, social identities and perceived permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet space: the case of Estonia (Взаимосвязь между мультикультурной идеологией, социальной идентичностью и воспринимаемой проницаемостью социальных границ для россиян на постсоветском пространстве: на примере Эстонии) 427

Родионов Г.Я. Роль самоэффективности, воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации как факторов адаптации русских в Эстонии и Казахстане 445

Трифонов А.В., Лебедева Н.М. Контекстуальные и индивидуально-личностные факторы психологической адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане 466

Grigoryev D., Gallyamova A., Komyaginskaya E. Navigating national acceptance: key antecedents of social markers of acceptance of immigrants in Russia (Навигация по гражданской инклюзии: ключевые antecedents социальных маркеров принятия иммигрантов в России) 490

Bushina E.V., Karimova A.M. The role of interpersonal and intergroup attitudes in interaction strategies of Russian and Tajik students in Tajikistan (Роль межличностных и межгрупповых установок в выборе стратегий взаимодействия в поликультурных классах в Таджикистане) 511

Васильева Е.Д., Трифонова А.В., Лебедева Н.М. Современный кризис этнической и гражданской идентичности и стратегии совладания с ним (по материалам интервью россиян, «оставшихся» и «уехавших» в 2022 году) 532

Кузнецова Ю.С. Образы России и Русского мира у представителей русской диаспоры в Казахстане и Кыргызстане 556

РЕСУРСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Бондаренко И.Н., Фомина Т.Г., Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция и удовлетворенность жизнью как ресурсы профессиональной вовлеченности и предупреждения выгорания у современного учителя 587

Самохвалова А.Г., Шипова Н.С., Вишневская О.Н., Тихомирова Е.В. Субъективная оценка факторов психологического благополучия русскими и армянскими студентами 608

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Обзор методов анализа социальной идентичности: проблемы и перспективы их разрешения 633

Логвиненко Т.И., Канонир Т.Н., Орел Е.А., Куликова А.А. Этические аспекты измерения интеллекта: навстречу компетентности и справедливости 657

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Башкин Е.Б., Берберян А.С., Ермаков Д.С., Новикова И.А., Бжоян Е.А. «Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие» – итоги Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию профессора А.И. Крупнова 683

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Куриленко Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка № 5, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, *Москва, Россия*
E-mail: kurilenko-vb@rudn.ru

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии, Хьюстонский университет, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека, Бейлорский медицинский колледж, *Хьюстон, США*

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, член-корреспондент МАНПЮ, *Москва, Россия*
E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор Института психологических исследований, Лувенский католический университет, *Лувен-ла-Нев, Бельгия*

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, *Москва, Россия*

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств, *Париж, Франция*

Кючуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице, *Катовице, Польша*

Нью Вилльям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи, Колледж Белойта, *Белойт, США*

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук, Университет Силезии в Катовице, *Катовице, Польша*

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора, профессор кафедры педагогики и психологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, *Москва, Россия*

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт, *Джуно, Аляска, США*

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор факультета менеджмента, Университет «Юнион – Никола Тесла», *Сремски Карловцы, Сербия*

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии, Университет Фордхэм, *Нью-Йорк, США*

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем», *Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США*

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Москва, Россия*

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, *Минск, Беларусь*

Редактор *Ж.В. Медведева*

Редактор англоязычных текстов *Ю.Н. Бирюкова*

Компьютерная верстка *А.А. Рогожиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 778-38-07 (доб. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 21.06.2024. Выход в свет 28.06.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 30,80. Тираж 500 экз. Заказ № 620. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН им. Патриса Лумумбы

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2024

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2024 VOLUME 21 NUMBER 2

DOI 10.22363/2313-1683-2024-21-2

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

CONTENTS

EDITORIAL

Nadezhda M. Lebedeva. Identity, Migration and Intercultural Relations in the post-Soviet Space 353

IDENTITY, MIGRATION AND INTERCULTURAL RELATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE

Guest Editor of the Section is Nadezhda M. Lebedeva

Victoria N. Galyapina, Madina M. Umurkulova, Oksana R. Tuchina. Perceived Cultural Distance and Psychological Well-Being of Russians in Different Contexts of Post-Soviet Countries: The Mediating Role of Acculturation Strategies 360

Zarina Kh. Lepshokova, Jelena Djukic, Anna V. Chernaya. Ideal and Real Multiculturalism in Post-Soviet Countries: Relationship with Mutual Acculturation and Psychological Well-Being among Ethnic Majorities and Minorities 385

Maria A. Bultseva, Asya S. Berberyan, Sonia A. Berrios Callejas. The Permeability of Social Boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The Role of Social Identities and Perceived Security 408

Ekaterina V. Bushina, Olga A. Kornilova, Natalia V. Kovaleva. The Relationship between Multicultural Ideology, Social Identities and Perceived Permeability of Social Boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The Case of Estonia 427

Germogen Ya. Rodionov. The Role of Self-Efficacy, Perceived Threat and Perceived Discrimination as Adaptation Factors for Russians in Estonia and Kazakhstan 445

Anastasiiya V. Trifonova, Nadezhda M. Lebedeva. Contextual and Individual-Personal Factors of the Psychological Adaptation of the Ethnic Majority in Estonia and Kyrgyzstan 466

Dmitry Grigoryev, Albina Gallyamova, Elizaveta Komyaginskaya. Navigating National Acceptance: Key Antecedents of Social Markers of Acceptance of Immigrants in Russia 490

Ekaterina V. Bushina, Azkhariya M. Karimova. The Role of Interpersonal and Intergroup Attitudes in Interaction Strategies of Russian and Tajik Students in Tajikistan 511

Ekaterina D. Vasilyeva, Anastasiya V. Trifonova, Nadezhda M. Lebedeva. The Current Ethnic and National Identity Crisis and Coping Strategies to Deal with it (Based on Interviews with Russians Living in Russia and those who Emigrated after 2022) 532

Yulia S. Kuznetsova. The Images of Russia and the Russian World among the Russian Diaspora in Kazakhstan and Kyrgyzstan 556

RESOURCES FOR PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND MENTAL HEALTH OF PERSONALITY

Irina N. Bondarenko, Tatiana G. Fomina, Varvara I. Morosanova. Conscious Self-Regulation and Life Satisfaction as Resources for Professional Engagement and Burnout Prevention in Modern Teachers 587

Anna G. Samokhvalova, Natalya S. Shipova, Oksana N. Vishnevskaya, Elena V. Tikhomirova. Subjective Assessment of Psychological Well-Being Factors by Russian and Armenian Students 608

CURRENT TRENDS IN PERSONALITY RESEARCH

Inna B. Bovina, Boris G. Bovin. Methods of Social Identity Analysis: Problems and Prospects for Their Resolution (Brief Review) 633

Tatiana I. Logvinenko, Tatiana N. Kanonir, Ekaterina A. Orel, Alena A. Kulikova. Ethical Aspects of Measuring Intelligence: Towards Competence and Fairness 657

SCIENTIFIC CHRONICLE

Inna B. Bovina. "Personality in Modern Society: Research, Education, Development" – Results of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 85th Anniversary of Professor Alexander I. Krupnov 683

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2024

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Viktoriya B. Kurilenko, D.Sc. in Education, Head of Department of Russian Language No. 5, Russian Language Institute, RUDN University, *Moscow, Russia*
E-mail: kurilenko-vb@rudn.ru

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology, University of Houston, *Houston, USA*, Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics, Baylor College of Medicine, *Houston, USA*

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Psychology and Pedagogy Chair, RUDN University, *Moscow, Russia*
E-mail: novikova-ia@rudn.ru

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychological Sciences Research Institute, University of Louvain, Louvain-la-Neuve, *Belgium*

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, *Moscow, Russia*

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art, Paris College of Art, *Paris, France*

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of School of Psychology, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), *Moscow, Russia*

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education, University of Silesia in Katowice, *Katowice, Poland*

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies, Beloit College, *Beloit, USA*

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science, University of Silesia in Katowice, *Katowice, Poland*

Lilia K. Raitskaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), *Moscow, Russia*

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association, *Juneau, Alaska, USA*

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council, Fordham University, *New York, USA*

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher, Avalon Business Systems, Inc., *Fair Lawn, NJ, USA*

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair, Republican Institute of Higher Education, *Minsk, Belarus*

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor, Faculty of Management, University "Union – Nikola Tesla", *Sremski Karlovci, Serbia*

Copy Editor *Zh.V. Medvedeva*
English Texts' Editor *Yu.N. Biryukova*
Layout Designer *A.A. Rogozhina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Psychology and Pedagogics:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2024

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ на базе Научной электронной библиотеки (НЭБ), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Цель и тематика

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов имени Патриса Лумумбы с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала – публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

5.3.2. Психофизиология (психологические науки);

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки);

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки);

5.3.7. Возрастная психология (психологические науки);

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, с 2020 г. – в базу RSCI на платформе WoS.

Функционирует сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редакцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2313-1683 (Print); ISSN 2313-1705 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation (Core Collection), RSCI, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, Research-Bib, Lens, Research4Life, JournalTOCs, British Library, Bodleian Libraries (University of Oxford), Ghent University Library.

Aim and Scope

"RUDN Journal of Psychology and Pedagogics" is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled **"Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics"**.

The founder and publisher of the Journal is Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>

The main thematic rubrics of the Journal are:

- Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;
- Current Problems of Personality Psychology;
- Contemporary Social Psychological Research;
- Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;
- Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;
- Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;
- Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;
- Cross-National Scientific Cooperation;
- International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial Board by e-mail: psyj@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-353-359

EDN: IDPSIW

УДК 316.6

Редакционная статья

Идентичность, миграция и межкультурные отношения на постсоветском пространстве

Н.М. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
 nlebedeva@hse.ru

Более 30 лет прошло с распада Советского Союза и образования 15 независимых государств на постсоветском пространстве. В составе 14 из них осталось довольно большое количество русских и русскоязычных жителей, хотя их количество значительно сократилось (с 25 до 15 млн человек¹). В предлагаемом вниманию читателей тематическом разделе журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» представлены статьи, отражающие результаты исследований, выполненных коллективом ученых из четырех стран и восьми университетов при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268 <https://rscf.ru/project/23-18-45015/> «Новая Русская Диаспора» 30 лет спустя: идентичность, социальный капитал, межкультурные отношения».

Страны реализуют разные политики и практики управления поликультурностью: от инклюзивности до неприятия и вытеснения с помощью дискриминации в области языка, культуры, экономики, гражданства. Как переживаются русскими и представителями титульных этносов смена этнического статуса, культурная и экономическая угроза, проницаемость социальных границ, и как это все отражается на их психологическом благополучии? Исследование *Виктории Николаевны Галяпиной* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Мадины Максимовны Умуркуловой* (научно-исследовательская социально-психологическая лаборатория НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова», Караганда, Республика Казахстан) и *Оксаны Роальдовны Тучиной* (кафедра истории, философии и психологии, Кубанский

© Лебедева Н.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

¹ Ethnic Russians in post-Soviet states. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ethnic_Russians_in_post-Soviet_states (accessed: 25 May 2024).

государственный технологический университет, Краснодар, Россия) **«Воспринимаемая культурная дистанция и психологическое благополучие русских в разных контекстах постсоветских стран: медиативная роль аккультурационных стратегий»** посвящено поиску универсальных и культурно-специфических взаимосвязей воспринимаемой культурной дистанции, аккультурационных стратегий и психологического благополучия русских в трех постсоветских странах (Казахстане, Армении и Эстонии). Данное исследование показывает, что актуализация в дискурсе стран информации о близости культур, о наличии общей истории, традиций и др. может быть стимулом для снижения воспринимаемой культурной дистанции у представителей этнических меньшинств и способствовать их психологическому благополучию.

В работе *Зарины Хизировны Лепшиковой* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Елены Джукич* (Академия человеческого развития, Белград, Сербия) и *Анны Викторовны Черной* (кафедра психологии развития, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия) **«Ideal and real multiculturalism in post-soviet countries: Relationship with mutual acculturation and psychological well-being among ethnic majorities and minorities»** / **«Идеальный и реальный мультикультурализм в постсоветских странах: связь со взаимной аккультурацией и психологическим благополучием этнического большинства и меньшинства»** разграничиваются понятия идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма и исследуется их связь с аккультурационными предпочтениями и психологическим благополучием представителей этнического меньшинства и большинства Казахстана, Кыргызстана и Эстонии. Выяснилось, что универсальной основой удовлетворенности жизнью представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства является реальный (воспринимаемый) мультикультурализм, а не абстрактное принятие мультикультурной идеологии. У русских реальный мультикультурализм лег в основу выбора стратегии интеграции. У представителей этнического большинства реальный мультикультурализм проявил себя основой установки на интеграцию русских (у казахов и киргизов) или их ассимиляцию (у эстонцев). Завершается статья объяснением практической ценности тестируемой модели для диагностики межкультурных отношений в поликультурных обществах.

В работе *Марии Александровны Бульцовой* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Аси Суреновны Берберян* (кафедра психологии, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения) и *Берриос Кальехас Сони Алехандры* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) **«The permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The role of social identities and perceived security»** / **«Проницаемость социальных границ для русских на постсоветском пространстве: роль**

социальных идентичностей и воспринимаемой небезопасности» проницаемость социальных границ представлена одним из индикаторов инклюзивности общества. Исследование имело своей целью выяснить, какую роль воспринимаемая небезопасность и социальные идентичности играют в проницаемости социальных границ для русских в Армении, Казахстане, Эстонии и Кыргызстане. Были обнаружены как культурно-специфические, так и универсальные паттерны взаимосвязи. Сделан вывод о том, что воспринимаемая небезопасность связана с более выраженными советской и этнической идентичностями, тогда как наиболее инклюзивной идентичностью, способствующей проницаемости социальных границ для россиян, является национальная идентичность принимающего общества.

Тему проницаемости социальных границ продолжает статья *Екатерины Валерьевны Бушиной* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Ольги Алексеевны Корниловой* (Самарский филиал Московского государственного педагогического университета, Самара, Россия) и *Натальи Владимировны Ковалевой* (Центр социально-психологических проблем, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Республика Адыгея, Россия) **«The relationship between multicultural ideology, social identities and perceived permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet space: The case of Estonia» / «Взаимосвязь между мультикультурной идеологией, социальной идентичностью и воспринимаемой проницаемостью социальных границ для россиян на постсоветском пространстве: на примере Эстонии»**. Авторы пришли к выводу, что как среди эстонцев, так и среди русских поддержка мультикультурной идеологии не вносит существенного вклада в проницаемость социальных границ для русских. Однако локальная идентичность положительно влияет на воспринимаемую проницаемость социальных границ для русских в обеих группах: и русских и эстонцев.

В исследовании *Анастасии Валентиновны Трифоновой* (департамент психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) и *Надежды Михайловны Лебедевой* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) **«Контекстуальные и индивидуально-личностные предикторы психологической адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане»** было показано, что индивидуально-личностные и контекстуальные факторы в процессе аккультурации действуют совокупно, демонстрируя тесные взаимосвязи. С помощью поискового моделирования структурными уравнениями в обеих странах были выделены три комплексных фактора адаптации: этнокультурная самобытность, ориентация на мультикультурализм и воспринимаемая инклюзивность контекста. И в Эстонии, и в Кыргызстане этнокультурная самобытность представителей этнического большинства положительно связана с аккультурационным ожиданием исключения русских; ориентация на мультикультурализм положительно обусловлена ожиданием их интеграции

и отрицательно связана с ожиданием ассимиляции, а воспринимаемая инклюзивность контекста негативно связана с ожиданием сепарации русских. Культурно-универсальными являются также положительные взаимосвязи воспринимаемой инклюзивности контекста с показателями психологического благополучия.

В исследовании *Гермогена Ярославовича Родионова* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) **«Роль самооффективности, воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации как факторов адаптации русских в Эстонии и Казахстане»** изучалась роль воспринимаемой дискриминации, угрозы и самооффективности в адаптации русского этнического меньшинства в Эстонии и Казахстане. В работе рассматриваются три типа воспринимаемой угрозы: экономическая, культурная и физическая. Результаты показали, что культурная угроза отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью, самооценкой, интеграцией, ассимиляцией и положительно – с сепарацией среди русских в Эстонии. Экономическая угроза оказалась положительно связана со стратегией сепарации и отрицательно – со стратегией интеграции среди русских в Казахстане. Самооффективность оказалась положительно связана с удовлетворенностью жизнью и самооценкой, а также положительно – со стратегией интеграции среди русских в Казахстане.

Проблемам адаптации инокультурных мигрантов на постсоветском пространстве посвящены две статьи. В исследовании *Дмитрия Сергеевича Григорьева, Альбины Аликовны Галлямовой и Елизаветы Шамилевны Комягинской* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) **«Navigating national acceptance: Key antecedents of social markers of acceptance of immigrants in Russia» / «Навигация по гражданской инклюзии: ключевые antecedents социальных маркеров принятия иммигрантов в России»** изучаются связи между четырьмя ключевыми antecedентами (депровинциализмом, воспринимаемыми нормами многообразия, верой в автохтонность, относительной депривацией) и социальными маркерами принятия иммигрантов в России (этническим, гражданским, социоэкономическим, социокультурным). Целью данного исследования является определение степени, в которой эти переменные связаны с социальными маркерами принятия иммигрантов в российском контексте. Результаты исследования показывают, что депровинциализм и воспринимаемые нормы многообразия в непосредственном окружении человека играют важную роль в социальном принятии иммигрантов как прямо, так и косвенно. Эти результаты углубляют понимание сложного процесса социального принятия иммигрантов, подчеркивая важность как индивидуальных различий, так и социального влияния. Они также свидетельствуют, что социальное принятие иммигрантов выходит за рамки простой открытости и позитивного отношения к культурному многообразию, а предполагает такую форму инклюзии этнокультурных групп в более широкое общество, которая решает проблему групповой иерархии и неравенства приемлемым для

принимающего общества образом. Благодаря детальному изучению этих взаимоотношений исследователи предлагают ценную информацию, которая может стать основой для инициатив, направленных на повышение социальной инклюзии и содействие межкультурной гармонии в России.

Исследование *Екатерины Валерьевны Бушиной* и *Азхари Мухаматовны Каримовой* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) *«The role of interpersonal and intergroup attitudes in interaction strategies of Russian and Tajik students in Tajikistan»* / *«Роль межличностных и межгрупповых установок в выборе стратегий взаимодействия в поликультурных классах в Таджикистане»* направлено на изучение роли межличностных и межгрупповых установок в выборе стратегий взаимодействия русских и таджикских школьников в поликультурных классах Таджикистана, что является довольно эксклюзивным материалом. Стратегии взаимодействия рассматриваются с точки зрения поведенческих стратегий сотрудничества, соперничества, используемых школьниками русской и таджикской групп. Для таджикских школьников, как представителей этнического большинства, межгрупповые установки явились важными факторами выбора стратегий взаимодействия. Высокий воспринимаемый школьный статус и меньшая культурная дистанция с русскими способствовали выбору стратегии конкуренции. Для русских школьников, как представителей этнического меньшинства, в свою очередь, межличностные установки оказались значимыми предикторами стратегий взаимодействия. Так, высокий индекс антипатии и межличностного доверия, высокий воспринимаемый школьный статус способствовали выбору сотрудничества с таджикскими одноклассниками.

В начале 2022 года произошло значимое событие на мировой политической арене – начало Россией специальной военной операции на Украине. Это событие не могло не повлиять на отношения русского населения в постсоветских странах с представителями этнического большинства. Во многие постсоветские страны прибыло большое число российских релокантов, что также повлияло на социально-психологическую картину взаимного восприятия русских и представителей этнического большинства этих стран. Предметом качественного исследования *Екатерины Дмитриевны Васильевой* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), *Анастасии Валентиновны Трифоновой* (департамент психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) и *Надежды Михайловны Лебедевой* (Центр социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) *«Современный кризис этнической и гражданской идентичности и стратегии совладания с ним (по материалам интервью россиян, «оставшихся» и «уехавших» в 2022 году)»* стали проблемы, связанные с кризисом гражданской и этнической идентичностей у россиян в разных социокультурных контекстах, а также стратегии

совладания с ним. Сбор данных осуществлялся с февраля по июнь 2023 года посредством полуструктурированных интервью. В результате анализа были выделены темы, описывающие источники угрозы идентичности, проявления кризиса этнической и гражданской идентичности, стратегии совладания с ним, а также обозначены особенности аккультурации «новых» мигрантов из России в странах постсоветского пространства. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию социально-психологических процессов, обусловленных современной ситуацией, и ее влияния на идентичности россиян в России и за рубежом.

Исследование *Юлии Сергеевны Кузнецовой* (Аспирантская школа департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия) **«Образы России и Русского мира у представителей русской диаспоры в Казахстане и Кыргызстане»** выявило, что большинство респондентов ощущают в той или иной степени свою принадлежность к Русскому миру; отмечается преобладание положительных чувств по отношению к Русскому миру, однако присутствует и тревога. Субъективные границы Русского мира у подавляющего большинства респондентов проходят либо по постсоветскому пространству, либо в принципе отсутствуют. Зачастую у представителей русской диаспоры не было ответов на тот или иной вопрос о Русском мире, что может говорить об отсутствии представления о нем, а значит, о необходимости внимания к идее Русского мира со стороны социальных и политических институтов России. В условиях исчезновения советской идентичности правомерен вопрос о возможности иной «наднациональной» идентичности, которая могла бы объединить разные страны, при этом не только русских в постсоветских странах, но и представителей этнического большинства этих стран с россиянами. Поставленные и частично решенные научные задачи не только в высшей степени актуальны и своевременны, но и обладают научной новизной и значимостью.

Мы очень надеемся, что результаты нашей научной работы покажутся читателям интересными, обогатят российскую науку новыми идеями и эмпирическими находками, а кого-то и вдохновят на дальнейшие исследования в этой области. Со своей стороны выражаем огромную благодарность сотрудникам редколлегии журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» за помощь и содействие в работе над данным тематическим разделом и надеемся на продолжение сотрудничества между Центром социокультурных исследований НИУ ВШЭ и журналом.

Благодарности и финансирование. Исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

История статьи:

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

Принята к печати 8 мая 2024 г.

Для цитирования:

Лебедева Н.М. Идентичность, миграция и межкультурные отношения на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 353–359. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-353-359>

Сведения об авторе:

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д.20. ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-код: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-353-359

EDN: IDPSIW

UDC 316.6

Editorial

Identity, Migration and Intercultural Relations in the post-Soviet Space

Nadezhda M. Lebedeva

HSE University,
Moscow, Russian Federation

 nlebedeva@hse.ru

Acknowledgements and Funding. Research were supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Article history:

Received 10 March 2024

Revised 6 May 2024

Accepted 8 May 2024

For citation:

Lebedeva, N.M. (2024). Identity, Migration and Intercultural Relations in the post-Soviet Space. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 353–359. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-353-359>

Bio note:

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Psychology, Academic Supervisor of the Centre for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Science, School of Psychology, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-code: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384

EDN: IGQQR

УДК 316.6

Исследовательская статья

Воспринимаемая культурная дистанция и психологическое благополучие русских в разных контекстах постсоветских стран: медиативная роль аккультурационных стратегий

В.Н. Галяпина¹, М.М. Умуркулова², О.Р. Тучина³

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

² Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова,
Караганда, Республика Казахстан

³ Кубанский государственный технологический университет,
Краснодар, Российская Федерация

 vgalyapina@hse.ru

Аннотация. Исследование посвящено поиску универсальных и культурно-специфических взаимосвязей воспринимаемой культурной дистанции, аккультурационных стратегий и психологического благополучия русских в трех постсоветских странах (Казахстане, Армении и Эстонии). В исследовании мы опирались на теорию воспринимаемой культурной дистанции и теорию аккультурации. Выборка включала 660 русских (179 – в Казахстане, 358 – в Эстонии, 123 – в Армении). Использовали моделирование структурными уравнениями, мультигрупповой и медиационный анализ. Результаты показали, что высокая воспринимаемая культурная дистанция способствует снижению психологического благополучия русских в постсоветских странах, где они имеют значительную численность (Казахстан и Эстония). Кроме того, высокая воспринимаемая культурная дистанция снижает ориентацию на интеграцию во всех странах, повышает установки на сепарацию в благоприятных контекстах (Казахстане и Армении) и понижает — в неблагоприятном (Эстония). Медиационный анализ показал, что в странах, где численность русских достаточно большая, важным фактором выступает воспринимаемая культурная близость, именно она повышает значимость стратегии интеграции (в Эстонии), снижает значимость стратегии сепарации (в Казахстане), что приводит к психологическому благополучию русских. В Армении, где русских очень мало, они выработали механизм адаптации как в ситуации высокой, так и низкой воспринимаемой культурной дистанции: в первом случае высокая культурная дистанция повышает установки на сепарацию, и они приводят к психологическому благополучию, в ситуации низкой культурной дистанции медиатором выступает стратегия интеграции, она опосредует положительную связь воспринимаемой культурной близости и психологического благополучия русских в Армении. Исследование показало, что актуализация в дискурсе стран информации о близости культур, о наличии общей

© Галяпина В.Н., Умуркулова М.М., Тучина О.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

истории, традиций и др., может быть стимулом для снижения воспринимаемой культурной дистанции у представителей этнических меньшинств и способствовать их психологическому благополучию.

Ключевые слова: воспринимаемая культурная дистанция, стратегии аккультурации, психологическое благополучие, русское этническое меньшинство, Казахстан, Эстония, Армения

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

После распада СССР на базе союзных республик образовались независимые национальные государства, которые выбрали разные траектории развития. В целом это повлияло на межгрупповые процессы и межкультурные отношения в этих странах. Русские, проживающие в постсоветских «новых» государствах, оказались за границей, изменился их этнический статус, они стали этническим меньшинством. Многие мигрировали, тем что остались пришлось адаптироваться к сложившейся социокультурной и политической ситуации. В этой связи важно понимать, какие факторы влияли и влияют на их успешную адаптацию и психологическое благополучие. В данном исследовании мы фокусируемся на психологическом благополучии русских, проживающих в трех постсоветских странах – Казахстане, Эстонии, Армении. Мы анализируем взаимосвязь воспринимаемой культурной дистанции с показателями психологического благополучия и роли в этой взаимосвязи аккультурационных стратегий.

Исследования воспринимаемой культурной дистанции

Впервые понятие воспринимаемой культурной дистанции (далее – ВКД) было использовано в работе Babiker et al. (1980). Обобщение понятий этого феномена, предложенных разными авторами (Babiker et al., 1980; Mumford, 1998; Searle, Ward, 1990; Suanet и Van de Vijver, 2009; Melkonian, Areepattammannil, Menano, Fidalgo, 2019), позволяет заключить, что ВКД – это субъективные оценки сходств и различий между социальными и физическими аспектами той культуры, которая для человека является родной и принимающей культурой.

Достаточно часто феномен ВКД анализируется в контексте эффективных межкультурных продаж (De Quero-Navarro et al., 2022; Charoensukmongkol, Pandey, 2021). Например, исследование тайских продавцов, торгующих на выставках в Японии, Индии, Вьетнаме, показало, что ВКД смягчает влияние внимательности к чертам личности покупателя на планирование и эффективность межкультурных продаж (Charoensukmongkol, Pandey, 2021). Также в некоторых исследованиях ВКД рассматривают как ресурс развития организаций и введение инноваций, связанных с освоением международных рынков (Pesch, Bouncken, 2017; Azar, Drogendijk, 2016).

*Исследования взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции
и адаптации мигрантов*

Много исследований посвящено изучению ВКД в контексте краткосрочной миграции, например, туристической (Fan et al., 2017; Liu et al., 2018) или образовательной (Galchenko and van de Vijver, 2007; Melkonian, Areepattamannil, Menano, Fidalgo, 2019). Анализируя роль ВКД для адаптации международных студентов, исследователи отмечают, что стресс, вызванный сочетанием отсутствия опыта проживания в культуре принимающей страны и культурной дистанцией, снижает успешную социокультурную адаптацию в целом (Galchenko and van de Vijver, 2007; Melkonian, Areepattamannil, Menano, Fidalgo, 2019) и вероятность бикультурной компетенции (Benet-Martínez, & Haritatos, 2005; Berry, 2005; Bourhis, Montaruli, El-Geledi, Harvey, & Barrette, 2010; LaFromboise, Coleman, & Gerton, 1993). Однако необходимо отметить, что есть исследования, в которых ВКД не предсказывала результат социокультурной адаптации. Примером может служить изучение иностранных неазиатских студентов в Китае (English, Chi, 2020).

Не так много исследований, которые изучали бы другие группы мигрантов (долгосрочные, трудовые и пр.). Анализ показывает, что в этих исследованиях ВКД рассматривается также через призму стресса аккультурации. Например, было доказано, что ВКД повышает уровень стресса у мигрантов при въезде в новую страну (Babiker et al., 1980; Mumford, 1998; Searle, Ward, 1990). Кроме того, воспринимаемая культурная дистанция влияет на взаимодействие мигрантов с принимающим обществом, оценки своих возможностей (Galchenko and van de Vijver 2007; Suanet и van de Vijver, 2009) и успеха в принимающей стране (Suanet и van de Vijver, 2009; Ward, 2001; Ward, & Kennedy, 1993).

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что большинство исследований ВКД были проведены на краткосрочных мигрантах; при этом установлено, что ВКД оказывает отрицательное влияние на социокультурную адаптацию мигрантов, их психологическое здоровье и благополучие.

*Стратегии аккультурации и психологическое благополучие
мигрантов и этнических меньшинств*

Многочисленные исследования, проведенные среди мигрантов и этнических меньшинств, доказывают, что наиболее успешной для психологического благополучия этих групп является стратегия интеграции (Mutual intercultural relations, 2017; Berry et al., 2006; Verkuyten, 2009). Например, исследование, проведенное среди русских в Грузии и Таджикистане, показало, что стратегия интеграции способствует их самоуважению и удовлетворенности жизнью (Berry et al., 2019). Наименее успешной для психологического благополучия мигрантов является стратегия маргинализации (Berry et al., 2006; Croucher, 2013). Исходя из этого мы не анализировали в данном исследовании эту стратегию.

Сепарация и ассимиляция оказывают положительное влияние на психологическое благополучие мигрантов и этнических меньшинств только в определенном контексте (Galyapina, Lepshokova, Molodikova, 2021; Schmitz, Berry, 2011; Jasinskaja-Lahti, Horenczyk, Kinunen, 2011; Kus-Harbord, Ward,

2015). Например, в исследовании мигрантов из Средней Азии в России было установлено, что стратегия ассимиляции положительно взаимосвязана с их удовлетворенностью жизнью (Lebedeva, Ryabichenko, 2016). Однако в исследованиях, проведенных среди русских Грузии (Berry et al., 2019) и в Латвии (Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017), стратегия ассимиляции снижала их благополучие. Исследование, проведенное в Крыму среди крымских татар (Коджа и др., 2019), и исследование армян Кубани показали, что стратегия сепарации положительно сказывается на их благополучии (Galyapina, Tuchina, Apollonov, 2023). Однако у русских Дагестана данная стратегия, напротив, не способствовала их психологическому благополучию (Galyapina, Lepshokova, Molodikova, 2021).

Исследования медиационной роли аккультурационных стратегий

Анализ показал, что в исследованиях проверяется в основном прямой эффект аккультурационных стратегий на адаптацию мигрантов и этнических меньшинств. Есть немного исследований, в которых данные стратегии рассматриваются как медиаторы. Например, в исследовании, проведенном среди русских в республиках Северного Кавказа, установлено, что стратегии аккультурации медируют взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью, межкультурными дружескими контактами и психологическим благополучием (Lebedeva, Galyapina, Lepshokova, Ryabichenko, 2017).

Практически не рассматривалась медиационная роль аккультурационных стратегий в контексте ВКД и психологического благополучия. Однако на основе ранее проведенных исследований мы можем предположить, что ВКД снижает бикультурную компетенцию (Benet-Martínez, & Haritatos, 2005; Berry, 2005; Bourhis, Montaruli, El-Geledi, Harvey, & Barrette, 2010; LaFromboise, Coleman, & Gerton, 1993). Чем ниже бикультурная компетентность, то есть обладание атрибутами, необходимыми человеку для успешного управления жизнью в двух культурах (LaFromboise et al., 1993), тем беднее культурная ориентация человека на культуру принимающей страны, тем больше вероятность плохой адаптации (Ward 2001; Ogbu, 1992; Schachner, Van de Vijver, & Noack, 2014; Babiker et al., 1980; Rienties, Tempelaar, 2013). То есть мы можем заключить, что высокая ВКД снижает ориентацию на интеграцию, предполагающую как сохранение собственной культуры, так и принятие другой, что приводит к снижению адаптации (как социокультурной, так и психологической).

Поскольку характер ВКД меняется в зависимости от поколения мигрантов, длительности проживания в другой культуре, и исходя из социокультурного контекста, в котором происходит процесс аккультурации, также может возникать конфликт собственной культурной идентичности и идентичности с принимающей культурой (Ward, 2007), который в свою очередь может влиять на уровень стресса (Kibria, 2000), успешность адаптации мигрантов и их психологическое благополучие.

Можно предположить, что стратегия интеграции может смягчать негативные последствия воспринимаемой культурной дистанции на психологическое благополучие, однако какова медиационная роль стратегий ассимиляции и сепарации не известно.

Социокультурный контекст исследования

Ранее проведенные исследования показывают, что социокультурный контекст, а также длительность проживания в принимающей культуре могут быть важными условиями, которые оказывают влияние как на ВКД, предпочтение аккультурационных стратегий, так и на психологическую адаптацию мигрантов. Исходя из этого мы проанализировали социокультурные контексты трех стран, в которых проводилось исследование (Казахстан, Эстония и Армения).

Все три государства поликультурные. Русские являются этническим меньшинством, проживают на территории этих государств около 200 лет. После распада СССР их численность в данных странах значительно сократилась из-за миграции. Сейчас доля русских сильно различается: в Эстонии русские составляют 22 % населения¹, в Казахстане – 15,5 %², в Армении – всего лишь 0,39 %³. При этом в Армении и Казахстане после распада СССР русские получили гражданство автоматически, а в Эстонии должны пройти процедуру натурализации, и в настоящее время негражданами являются около 21 % русских⁴.

По религиозному составу страны также имеют различия: в Казахстане более 90 % казахов исповедуют ислам суннитского толка⁵ (Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан, 2023), в Армении более 90 % армян являются христианами и относят себя к Армянской апостольской церкви⁶. В Эстонии эстонцы относят себя скорее к неверующим, таковых 71 %, среди верующих 55 % считают себя православными, 34 % — лютеранами⁷.

¹ Statistikaamet. RL0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_kodakondsus/RL0424 (access date: 28.02.2024).

² Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан / под ред. Ж.Н. Шаймарданова. Нур-Султан: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 29.01.2024).

³ Национальная статистическая служба Республики Армения. Таблица 5.4 Население (городское, сельское) по национальности, полу и вероисповеданию // Результаты переписи населения Республики Армения 2011 г. Ереван: Национальная статистическая служба РА, 2013. С. 290-294. URL: <https://armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

⁴ Statistikaamet. RL0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_kodakondsus/RL0424 (access date: 28.02.2024).

⁵ Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан / Под ред. Ж.Н. Шаймарданова. Нур-Султан: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 29.01.2024).

⁶ Национальная статистическая служба Республики Армения. Таблица 5.4 Население (городское, сельское) по национальности, полу и вероисповеданию // Результаты переписи населения республики Армения 2011 г. Ереван: Национальная статистическая служба РА, 2013. С. 290–294. URL: <https://armstat.am/file/doc/99484908.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

⁷ Statistikaamet. RL0451: Vähemalt 15-aastased usu, soo ja elukoha järgi, 31. Detsember 2011. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_usk/RL0451 (access date: 28.02.2024).

Если говорить об использовании русского языка, то в Казахстане он является официальным, в Эстонии и Армении его статус не определен, этническое большинство практически не использует его в повседневной жизни. В отношении получения образования можно отметить, что в Казахстане число школ с русским языком обучения составляет 3606, это примерно около 25 % от всех школ⁸. В Эстонии образование на русском можно получить всего в 78 школах. При этом с 2007 года идет ориентация на обучение только на эстонском языке⁹. В Армении в 45 школах из 1353 обучение ведется в том числе и на русском языке, 14 из этих школ – «чисто» русские (6 – обычных, 7 – для погранотрядов Пограничных войск России, 1 – для детей дипломатических работников и сотрудников посольства)¹⁰.

Если рассматривать особенности культуры, то в Казахстане, где активно идут процессы экономической, социально-политической и культурной трансформации, наряду с тенденцией все более возрастающей свободы выбора индивидуального стиля жизни наблюдается возрождение национальных ценностей, связанных с этнической казахской культурой (Шалгинбаева, 2002.). В исследованиях отмечается, что у армян в Армении более всего выражены ценности «принадлежности» и «иерархии», что свидетельствует об их традиционной ориентации (Жамакочян, Акопян, 2013). Но есть другие исследования, которые говорят о том, что наряду с традиционным высокоритуалистичным поведением, характерным для кавказской культуры, армянам присущи и такие индивидуалистические черты, как энергичность, предприимчивость, смекалка (Цуциев, 2001).

У эстонцев в Эстонии, по данным исследований, более выражены ценности личностного фокуса – самоутверждения и открытости изменениям, для них в большей степени важна защита частных интересов, что более характерно для европейских обществ (Руднев, 2009). Европейское социологическое исследование, проведенное среди эстонской и русской общин, показало, что их ценности сильно различаются, и эти различия самые значимые по сравнению с другими Балтийскими странами¹¹ (Хоботов, 2015).

Межэтнические отношения представителей этнического большинства и русских в этих странах имеют различия. Отношения между русскими и казахами в Казахстане являются стабильными и благоприятными (Назаров, 2017). В Эстонии контакты между русскими и эстонцами ограничиваются работой и общественной сферой, только 10 % имеют межэтнические контакты в свободное время (Kaldur et al., 2017). В целом существует дискриминация

⁸ Сколько школ с русским языком обучения в странах ЕАЭС // Sputnik. 24.08.2023. URL: <https://ru.sputnik.kz/20230824/skolko-shkol-s-russkim-yazykom-obucheniya-37904111.html> (дата обращения: 24.08.2023).

⁹ *Eesti Hariduse Infosüsteem. Koolid* URL: <https://enda.ehis.ee/avalik/avalik/oppesutus/OppeasutusOtsi.faces?sessionId=c0a8c8ca30d8d51b95600edc4dcfa3cdef6a5ce8e4ce.e3ySaN8Ob38Le3mSchaOcheRbO> (access date: 28.02.2024).

¹⁰ *Ткачев О., Ермишин Д.* География распространения русского языка в Армении // Русское географическое общество. 7 декабря 2022. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/geografiya-rasprostraneniya-russkogo-yazyka-v-armenii> (дата обращения: 29.01.2024).

¹¹ *Хоботов А.* Ценности эстонцев и русских Эстонии различаются кардинальным образом. // ERR. 03.04.2015. URL: <https://rus.err.ee/209352/cennosti-jestoncev-i-russkih-jestonii-razlichajutsja-kardinalnym-obrazom> (дата обращения: 24.10.2023).

русских, поскольку выражено трудовое неравенство, связанное с особенностями законодательства в области гражданства и языка. В Армении по данным политологов, наблюдается создание более устойчивого и сильного «имиджевого присутствия» России, что сказывается на положительном отношении к русским (Оганисян, 2012). Молодежь Армении имеет толерантные установки по отношению к русским и ориентирована на эффективные межкультурные отношения (Современная молодежь Армении и России..., 2020).

Таким образом, можно заключить, что русские в Казахстане и Эстонии имеют достаточно высокую долю в численности населения в отличие от Армении. Наиболее далекой для русских является казахская культура, но при этом в Казахстане есть поддержка русского языка и образования на русском, межнациональные отношения достаточно стабильные. В Эстонии, напротив, существует дискриминация русских, снижаются доля русских школ и пространство использования русского языка. В Армении русских очень мало, русский язык не используется местным населением, хотя школы с русским языком достаточно представлены в образовательном пространстве и отношения между армянами и русскими не являются напряженными.

Анализ показал, что контексты трех стран достаточно сильно отличаются, поэтому результаты исследования взаимосвязи ВКД и аккультурационных стратегий с психологическим благополучием русских в этих странах также могут различаться.

Гипотезы и исследовательские вопросы

Опираясь на представленный выше обзор релевантной литературы и анализ социокультурного контекста изучаемых стран, мы выдвинули ряд основных и альтернативных (в случае наличия неоднозначных данных предшествующих исследований) гипотез и поставили исследовательские вопросы.

Гипотеза 1. ВКД отрицательно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Гипотеза 2. Стратегия интеграции предсказывает психологическое благополучие представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Гипотеза 3. Стратегия ассимиляции положительно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Альтернативная гипотеза 3. Стратегия ассимиляции отрицательно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Гипотеза 4. Стратегия сепарации положительно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Альтернативная гипотеза 4. Стратегия сепарации отрицательно взаимосвязана с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах.

Исследовательский вопрос 1: Какова медиационная роль аккультурационных стратегий интеграции, ассимиляции и адаптации во взаимосвязи ВКД и психологического благополучия русских в постсоветских странах?

Исследовательский вопрос 2: Каковы межстрановые сходства и различия во взаимосвязях ВКД, аккультурационных стратегий с психологическим благополучием русских в Казахстане, Эстонии и Армении?

Процедура и методы исследования

Выборка

В данное исследование вошли представители русского этнического меньшинства Казахстана, Эстонии и Армении ($N = 660$ респондентов). Основные характеристики выборки представлены в табл. 1.

Гендерные и возрастные характеристики выборки /
Gender and Age Characteristics of the Sample

Таблица 1 / Table 1

Респонденты / Respondents	N	Пол / Gender			Возраст / Age			
		М/ М (%)	Ж/ F (%)	Не указали/ Not specified (%)	Min.	Max.	M	SD
Русские Казахстана / Russians from Kazakhstan	179	21,6	78,4	0	17	69	38,15	17,02
Русские Эстонии / Russians from Estonia	358	50	42,8	7,2	18	75	37,29	16,63
Русские Армении / Russians from Armenia	123	38,2	61,8	0	18	74	39,75	13,37

Инструментарий

В данном исследовании мы использовали шкалы из опросника проекта MIRIPS, переведенного и адаптированного для русской выборки (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009).

Стратегии аккультурации: шкала интеграции включала 4 пункта, например, «Для меня важно свободно владеть как казахским/эстонским/армянским, так и русским языками»; шкала ассимиляция включала 4 пункта, например, «Я предпочитаю общественную деятельность, в которой участвуют только казахи/эстонцы/армяне»); шкала сепарации включала 4 пункта, например, «Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, в которых участвуют только русские». Для оценки использовалась шкала Ликерта от 1 до 5: 1 – «Совершенно не согласен», 5 – «Абсолютно согласен».

Психологическое благополучие. Мы использовали две шкалы – *шкалу самоуважения*, включающую 4 утверждения, например, «Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими»; *шкалу удовлетворенности жизнью*, включающую 4 утверждения, например, «Во мно-

гом, моя жизнь близка к идеалу». Для оценки использовалась шкала Ликерта от 1 до 5: 1 – «Совершенно не согласен», 5 – «Абсолютно согласен».

Воспринимаемая культурная дистанция (ВКД). Для измерения использовалась адаптированная шкала культурной дистанции (Galchenko & Van de Vijver, 2007), включающая 12 утверждений. Респондентам необходимо было указать, насколько похожими или отличными в России и в стране проживания являются прием пищи, семейные отношения и др. Для оценки использовалась шкала Ликерта от 1 до 5: 1 – «Совершенно не важно», 5 – «Принципиально важно». Соответственно 1 – свидетельствует о низкой культурной дистанции, 5 – о высокой.

Социально-демографические данные: пол, возраст, образование и этническая принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных: были использованы описательные статистики, α Кронбаха, MANOVA и регрессионный анализ с дополнительным медиационным анализом (модуль «Процесс», применялась модель 4), моделирование структурными уравнениями (SEM) с использованием приложения AMOS (SPSS 22.0).

Процедура исследования

В опросе использовалась «удобная» выборка, применялся метод «снежного кома». В распространении опросника в Казахстане помогали исследователи из Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова, в Эстонии – исследователи из Таллинского университета, в Армении – из Российско-Армянского (славянского) университета. Участие в исследовании было добровольным, не предполагало вознаграждения.

Результаты исследования

На первом этапе мы сравнили все исследуемые переменные у русских, проживающих в Казахстане, Эстонии и Армении с помощью MANOVA (страна была независимой переменной, воспринимаемая культурная дистанция, стратегии аккультурации и психологическое благополучие — зависимыми). Результаты (табл. 2) показали значимые различия: Wilks's $\Lambda = 0,824$, $F(12, 1302) = 11,071$, $p = 0,000$, $\eta^2 = 0,094$. Различия по отдельным показателям также были значимыми, за исключением стратегии сепарации и удовлетворенности жизнью.

Результаты показали, что ВКД наиболее всего выражена у русских в Армении, далее идут русские в Эстонии, менее всего воспринимают культурную дистанцию русские в Казахстане. Стратегия интеграции более всего выражена у русских в Эстонии, у русских в двух других странах – менее. Стратегию ассимиляции менее всего предпочитают русские в Армении, далее идут русские в Эстонии, более всего данная стратегия выражена у русских в Казахстане. Стратегия сепарации имеет средние значения у русских

всех трех групп. Более высокий уровень самоуважения у русских в Армении, у русских Эстонии и Казахстана ниже. Уровень удовлетворенности жизнью у русских всех трех групп был чуть выше среднего и не имел значимых различий.

Таблица 2 / Table 2

Сравнение средних значений всех исследуемых переменных и показатели α Кронбаха у русских Казахстана/Эстонии/Армении/ Comparison of the Mean Values of All the Studied Variables and Cronbach's Alpha among Russians from Kazakhstan/Estonia/Armenia

Переменные / Variables	M	SD	Cronbach's α	F (4; 656)	Partial η
Воспринимаемая культурная дистанция / Perceived cultural distance	3,18с / 3,00b / 2,79a	0,62/ 0,62/ 0,58	0,88 / 0,87 / 0,86	15,20***	0,044
Интеграция / Integration	3,94a / 4,27b / 4,05a	0,67 / 0,68 / 0,88	0,69 / 0,64 / 0,77	13,98***	0,041
Ассимиляция / Assimilation	2,04с / 1,78b / 1,51a	0,88 / 0,79 / 0,56	0,85 / 0,81 / 0,68	18,43***	0,053
Сепарация / Separation	2,43a / 2,47a / 2,61a	0,80 / 0,89 / 0,95	0,74 / 0,80 / 0,81	1,64	0,005
Самоуважение / Self-esteem	4,01a / 4,07a / 4,26b	0,69 / 0,56 / 0,72	0,85 / 0,84 / 0,91	6,93**	0,021
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	3,29a / 3,33a / 3,35a	0,75 / 0,71 / 0,75	0,81/ 0,82/ 0,84	0,30	0,001

Примечания. *M* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение; *F* – *F*-критерий Фишера; partial η^2 – частный эта-квадрат — коэффициент нелинейной корреляции;

* $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

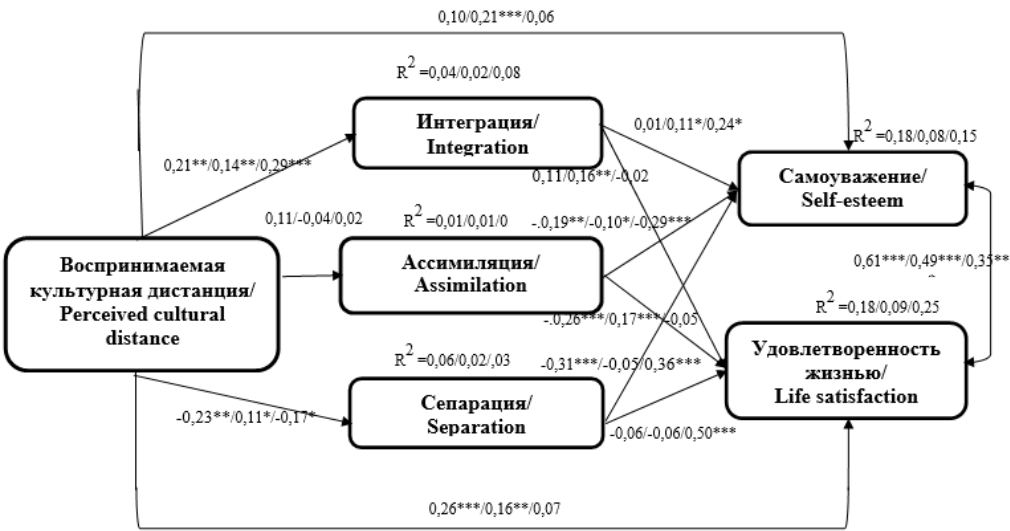
Отличающимися латинскими буквами (*a*, *b*, *c*) отмечены значимые различия на уровне $p < 0,05$ с поправкой на множественные сравнения Бонферрони.

Notes. *M* = mean; *SD* = standard deviation; *F* = *F*-test; partial η^2 = partial eta-square — non-linear correlation coefficient;

* $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Different Latin letters (*a*, *b*, *c*) indicate significant differences at the $p < 0.05$ level, corrected for Bonferroni multiple comparisons.

Далее мы провели мультигрупповой анализ. Результаты показали наличие конфигуративной инвариантности ($\Delta CFI \leq 0,01$), что позволило говорить о том, что структура используемой измерительной модели одинакова во всех трех группах. Для тестирования наших гипотез мы провели анализ, используя моделирование структурными уравнениями (путевой анализ). В приведенной на рисунке модели коэффициенты для трех групп указаны через слеш. Индикаторы моделей соответствуют рекомендованным: $\chi^2/df = 3,9/0,30/3,5$; $p = 0,001/0,652/0,019$; SRMR = 0,067/0,007/0,055, CFI = 0,95/1,00/0,96, RMSEA = 0,17/0,01/0,19, PCLOSE = 0,11/0,75/0,05.

Путевая модель взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции аккультурационных стратегий и психологического благополучия русских в Казахстане, Эстонии, Армении (коэффициенты представлены через слеш)

Примечания. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Path model of the relationship between the perceived cultural distance, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in Kazakhstan, Estonia, and Armenia (results are presented using a slash: Russians from Kazakhstan/Estonia/Armenia)

Note. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Проверяя нашу первую гипотезу, мы установили, что низкий уровень ВКД был положительно связан с самоуважением у русских в Эстонии и с удовлетворенностью жизнью у русских в Казахстане и Эстонии. То есть мы можем сказать, что если русские в Эстонии и Казахстане — странах, где они имеют достаточную долю в численности населения, ощущают культурную близость с принимающим обществом, то это приносит им психологическое благополучие. В Армении ВКД не имела значимых связей с показателями психологического благополучия. Можем сказать, что наша первая гипотеза подтвердилась на выборках русских Казахстана и Эстонии.

Дополнительно мы выявили взаимосвязи воспринимаемой культурной дистанции и аккультурационных стратегий. Анализ показал, что низкий уровень ВКД предсказывает установки на интеграцию во всех трех группах русских. То есть если русские воспринимают культуру принимающей страны как близкую, они ориентированы на интеграцию. Что касается связи между ВКД и стратегией ассимиляции, то она была статистически незначима у всех трех групп. Высокий уровень культурной дистанции предсказывал ориентацию на сепарацию русских в культурно далеких, но достаточно благоприятных контекстах для русских (Казахстане и Армении), и напротив, способствовал снижению установок на сепарацию у русских в культурно достаточно близком контексте, но не благоприятном (Эстонии).

Тестирование наших основных и альтернативных гипотез о взаимосвязи стратегий аккультурации и психологического благополучия (гипотезы 2, 3, 4) показало, что стратегия интеграции положительно взаимосвязана с самоуважением русских в Эстонии и Армении и с удовлетворенностью жизнью у русских в Эстонии. Стратегия ассимиляции имела значимую негативную взаимосвязь с самоуважением у всех трех групп русских. Также у русских в Казахстане эта стратегия снижала удовлетворенность их своей жизнью. Однако у русских в Эстонии данная стратегия, напротив, приводила к удовлетворенности русских своей жизнью. Стратегия сепарации была отрицательно взаимосвязана с самоуважением русских в Казахстане, однако она способствовала психологическому благополучию русских в Армении (и самоуважению, и удовлетворенности жизнью).

Таким образом, можем сказать, что наша вторая гипотеза подтвердилась на выборках русских Эстонии и Армении. Наша третья гипотеза подтвердилась частично в отношении удовлетворенности жизнью и только на выборке русских Эстонии, контекст которой является для русских ассимиляционным. Альтернативная гипотеза 3 подтвердилась полностью для русских в Казахстане и частично – в отношении самоуважения – для русских Эстонии и Армении. Четвертая гипотеза подтвердилась полностью только для русских в Армении. Альтернативная гипотеза 4 подтвердилась для русских Казахстана в отношении их самоуважения.

Далее для ответа на наш первый и второй исследовательские вопросы мы провели медиационный анализ, используя дополнительный модуль Process. Была применена модель 4, где предиктором (X) выступала ВКД, ауткамами (Y) – самоуважение и удовлетворенность жизнью, медиаторами (M) были интеграция, ассимиляция и сепарация.

В *Казахстане* у русских мы выявили, что стратегия *сепарации* была положительным медиатором во взаимосвязи ВКД и самоуважения. Медиационная модель была значимой: $R = 0,43$, $R^2 = 0,19$, $F = 10,12$, $p = 0,001$), не-прямой эффект через сепарацию – $\beta = 0,08$ [0,016; 0,146]. Поскольку прямой эффект был не значим, можно говорить о полной медиации. То есть если русские в Казахстане воспринимают местную культуру как близкую, у них снижается установка на сепарацию и это приводит к их самоуважению.

В *Эстонии* значимым медиатором выступала стратегия *интеграции*: воспринимаемая русскими культурная близость с эстонцами способствовала предпочтению интеграции, которая в свою очередь приводила как к самоуважению (показатели модели: $R = 0,28$, $R^2 = 0,08$, $F = 7,56$, $p = 0,001$; показатели непрямого эффекта $\beta = 0,02$ [0,002; 0,035]) и удовлетворенностью жизнью (показатели модели: $R = 0,28$, $R^2 = 0,08$, $F = 7,56$, $p = 0,001$, показатели непрямого эффекта: $\beta = 0,02$ [0,002; 0,035]). Поскольку ВКД оказывает прямой положительный эффект на показатели психологического благополучия, то в данном случае мы имеем дело с частичной медиацией.

В *Армении* мы выявили, что воспринимаемая культурная дистанция взаимосвязана с самоуважением через *интеграцию* (эффект положительный $\beta = 0,09$ [0,04; 0,30], модель значимая: $R = 0,38$, $R^2 = 0,15$, $F = 5,07$, $p = 0,001$) и через *сепарацию* (эффект отрицательный $\beta = -0,08$ [-0,19; -0,03]). Поскольку прямого эффекта ВКД не оказывала на самоуважение русских в *Армении*, здесь выявлена полная медиация. Для удовлетворенности жизнью также выявлен не прямой отрицательный эффект ВКД через *сепарацию* (показатели модели: $R = 0,50$, $R^2 = 0,25$, $F = 10,01$, $p = 0,001$; показатели непрямого эффекта $\beta = -0,11$ [-0,24; -0,03], медиация полная). То есть если русские чувствуют культурную близость с армянами, то это приводит к их ориентации на интеграцию, что в свою очередь способствует самоуважению. Если русские воспринимают местную культуру как далекую, то это способствует предпочтению стратегии сепарации, которая позитивно сказывается как на самоуважении русских в *Армении*, так и на их удовлетворенности жизнью.

Обсуждение результатов

В данной статье представлены результаты исследования роли ВКД и аккультурационных стратегий в психологическом благополучии представителей русского этнического меньшинства, проживающего в трех постсоветских странах – Казахстане, Эстонии и *Армении*. Наше исследование показало, что высокая ВКД оказывает негативное влияние на психологическое благополучие русских в тех странах, где они имеют достаточно высокую долю в численности населения — Казахстане и Эстонии. То есть можно сказать, что когда русские ощущают, что их достаточно много, для их психологического благополучия очень важно чувствовать культурную близость с этническим большинством. К похожим результатам пришли ранее исследователи, изучающие психологическую адаптацию мигрантов (Suanet и van de Vijver, 2009; Ward, 2001; Ward, & Kennedy, 1993). Данные показали, что высокий уровень ВКД повышает уровень стресса и снижает благополучие.

В *Армении* мы не выявили влияния ВКД на психологическое благополучие. Русские в этой стране составляют менее 1 %, их очень мало, возможно, они изначально настроены на то, что окружены во всех сферах жизни иной культурой, это снижает значимость для них культурной дистанции с этническим большинством в целом и для их благополучия в частности.

В ходе исследования мы также нашли, что при высокой ВКД установки на интеграцию очень низки во всех трех группах русских. Это говорит о том, что для установок на интеграцию очень важно, чтобы представители русского этнического меньшинства ощущали культурную близость с этническим большинством. Наши данные находят подтверждение в других исследованиях (Benet-Martínez, Haritatos, 2005; Berry, 2005; Bourhis, Montaruli, El-Geledi, Harvey, Barrette, 2010). При этом нельзя сказать, что при высокой ВКД представители русского этнического меньшинства готовы ассимилиро-

ваться, такой связи мы не выявили. Однако было установлено, что когда русские ощущают высокую культурную дистанцию в культурно далеких контекстах (в нашем исследовании это Казахстан и Армения), то они ориентируются на сепарацию. В культурно близком контексте Эстонии ситуация противоположная — русские, имеющие высокий уровень ВКД, не ориентированы на стратегию сепарации. Обобщая можно отметить, что низкий уровень ВКД ведет к предпочтению стратегии интеграции во всех контекстах и стратегии сепарации — в достаточно близком культурном контексте, а также снижает ориентацию на сепарацию в далеком культурном контексте.

Результаты нашего исследования показали, что стратегия интеграции способствует благополучию русских в Армении и Эстонии. В Казахстане эта связь положительная, но статистически не значимая. В целом наши данные близки к ранее полученным результатам (Mutual intercultural relations, 2017). Стратегия ассимиляции не способствовала самоуважению русских во всех трех странах. Можно сказать, что представители русского этнического меньшинства, предпочитающие стратегию ассимиляции, имеют низкий уровень самоуважения. Ранее похожие результаты были получены на выборке русских в Грузии (Berry et al., 2019). Влияние данной стратегии на удовлетворенность русских своей жизнью отличается в разных контекстах: у русских в Казахстане (достаточно благоприятный для русских контекст) он был отрицательным, а в Эстонии (ассимиляционный контекст для русских) — положительным. Можно заключить, что ассимиляция не приносит самоуважения русским вне зависимости от контекста, в благоприятном контексте она не способствует удовлетворенности жизнью, а в ассимиляционном, напротив, благоприятствует. Подобные данные были получены ранее в исследовании, проведенном среди русских Таджикистана (Berry et al., 2019).

Стратегия, связанная с ориентацией на собственную культуру, способствовала психологическому благополучию только у русских в Армении. Возможно, это связано с тем, что русских мало в данной стране, и этническое большинство не воспринимает их как угрозу (ни культурную, ни экономическую), поэтому «позволяет» русским сохранять свою культуру. Для русских в Армении, в свою очередь, как очень малочисленной группе, находящейся в иной культурной среде, важно поддерживать свою культуру, это повышает их психологическое благополучие. Близкие результаты получены в других исследованиях, проведенных ранее в Крыму у крымских татар и на Кубани у армян (Коджа и др., 2019; Galyapina et al., 2023).

В Казахстане мы выявили отрицательное влияние стратегии сепарации на самоуважение русских. Возможно, это связано с тем, что Казахстан предоставляет русским широкие возможности для интеграции (и языковые, и культурные, и экономические), поэтому стремление к сохранению только собственной культуры не способствовало самоуважению русских. Такой же результат был получен на выборке русских в Дагестане (Galyapina et al., 2021).

Говоря о медиационном эффекте, можно заключить, что в Казахстане ВКД имела влияние на самоуважение только через стратегию сепарации. Механизм был следующий: низкий уровень ВКД способствовал снижению установок на сепарацию, а это в свою очередь повышало самоуважение русских.

В Эстонии частичным медиатором выступала стратегия интеграции: низкий уровень ВКД способствовал предпочтению стратегии интеграции, которая, в свою очередь, приводила к самоуважению и удовлетворенности русских своей жизнью.

В Армении мы выявили разные механизмы взаимосвязи ВКД с показателями психологического благополучия через стратегии интеграции и сепарации: при низком уровне ВКД у русских Армении увеличивается ориентация на интеграцию, что, в свою очередь, способствует самоуважению; при высоком уровне ВКД увеличивается ориентация на сепарацию, которая позитивно сказывается как на самоуважении, так и на удовлетворенности русских своей жизнью в Армении.

Можно видеть, что для представителей русского этнического меньшинства, имеющих достаточную долю в численности страны проживания, очень важно воспринимать культуру этнического большинства как близкую. Тогда в культурно близком, но ассимиляционном для русских контексте (Эстония) предпочтение стратегии интеграции будет «проводником» между ВКД в психологическом благополучии, а в культурно далеком, но достаточно благоприятном для русских контексте (Казахстане) — низкий уровень стратегии сепарации будет опосредовать связь ВКД и самоуважения русских.

В Армении, в силу того, что русских очень мало, их культура практически «не видна» в культурном армянском контексте, у русских выработан механизм и для тех, кто ощущает культурную близость, и для тех, кто ощущает культурную дистанцию: при восприятии армянской культуры как близкой идет ориентация на интеграцию, которая приводит к психологическому благополучию; при высоком уровне ВКД идет ориентация на сепарацию, которая также приводит к психологическому благополучию. В целом можно сказать, что ВКД оказывает влияние на благополучие русских в Армении только через стратегии интеграции или сепарации.

Заключение и выводы

Обобщая итоги проведенного исследования, можно сделать ряд **выводов**.

1. У представителей русского этнического меньшинства высокая ВКД снижает психологическое благополучие только в культурно близком, но не очень благоприятном контексте, где русские имеют достаточно высокую численность (Эстония). Кроме того, в данной стране стратегия интеграции является медиатором связи ВКД с психологическим благополучием: воспринимаемая русскими культурная близость с эстонцами способствует

предпочтению интеграции, которая в свою очередь приводит как к самоуважению, так и к удовлетворенности жизнью.

2. В культурно далеком, но благоприятном контексте, где русских достаточно много (Казахстан), высокая ВКД снижает удовлетворенность русских своей жизнью. Эффект ВКД на самоуважение проходит только через стратегию сепарации: воспринимаемая русскими культурная близость с казахами снижает их установки на сепарацию и это приводит к их самоуважению.

3. В культурно близком и благоприятном контексте, где русских очень мало (Армения), ВКД не взаимосвязана с психологическим благополучием русских. Однако существует непрямой медиационный эффект: воспринимаемая русскими культурная близость с армянами приводит к их ориентации на интеграцию, что в свою очередь способствует самоуважению; воспринимаемая русскими культурная дистанция с армянами способствует предпочтению стратегии сепарации, которая позитивно сказывается как на самоуважении русских, так и на их удовлетворенности жизнью.

Можно сказать, что в разных социокультурных контекстах представители русского этнического меньшинства выработали механизмы преодоления стресса, связанного с проживанием в иной культурной среде: в случае если русских много, вне зависимости от культурной близости и благоприятности контекста, для русских важно ощутить культурную близость с титульным этносом, и тогда их ориентация на интеграцию или на снижение сепарации приносит ощущение благополучия; в случае, когда русских численно очень мало, они выработали механизмы для ситуации, когда принимающая культура воспринимается как близкая – здесь им помогает интеграционная стратегия, и когда принимающая культура воспринимается как очень далекая – здесь им помогает стратегия сепарации.

Исследование в целом демонстрирует, что актуализация в дискурсе стран информации о близости культур, о наличии общей истории, традиций и др. может быть стимулом для снижения воспринимаемой культурной дистанции у представителей этнических меньшинств и способствовать их психологическому благополучию. Также результаты продемонстрировали роль социокультурного контекста как в восприятии культурной дистанции, так и в ее взаимосвязи с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства в постсоветских странах. В целом полученные данные могут быть полезны организациям, которые работают с русской диаспорой в разных странах. Также это в целом будет значимо для разработки программ эффективного межкультурного взаимодействия в регионах России, поскольку демонстрирует важную роль воспринимаемой меньшинствами культурной близости с культурой этнического большинства в их психологическом благополучии.

Данное исследование имеет ряд *ограничений*, связанных с несбалансированностью выборки по полу в некоторых странах, а также с тем, что при сборе данных использовался метод «удобной выборки». Кроме того, наше исследование проводилось на выборке русского этнического меньшинства. Для проверки универсальности полученных результатов необходима проверка на выборках других этнических меньшинств.

Список литературы

- Жамакочян А., Акопян Л. Ценностные ориентации Армении в контексте межкультурных исследований // «Глобус» – аналитический журнал. 2013. № 7. URL: http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12288 (дата обращения 10.12.2023 г.)
- Коджа Е.А., Лебедева Н.М., Галяпина В.Н., Лепшокова З.Х., Рябиченко Т.А. Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 250–268. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-250-268>
- Назаров Р.Р. Межэтнические отношения и модель этнической политики Казахстана // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3. № 3. С. 320–328.
- Оганисян В. О некоторых аспектах армяно-российского культурного сотрудничества // 21-й ВЕК: информационно-аналитический журнал. 2012. № 3 (23). С. 83–90.
- Руднев М. Г. Влияние внутривосточных этнических различий на жизненные ценности населения Эстонии // Социологические этюды: сборник статей аспирантов. Вып. 2 / под общ. ред. М.К. Горшкова. Сост.: Т.Н. Короткова, Л.А. Окольская, Л.В. Яикова. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 113–123.
- Современная молодежь Армении и России: социально-демографические и этнокультурные ориентации: коллективная монография / отв. ред. Р.А. Старченко, Р.С. Карапетян; Ин-т этнологии и антропологии РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. М.: ИЭА РАН, 2020. 193 с.
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сборник научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий. Часть II // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. С. 46–65.
- Шалгинбаева С.Х. Семейные традиции и социокультурный облик казахов городов Алматы и Тараза (этносоциологическое исследование): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2002. 29 с.
- Azar G., Droegendijk R. Cultural distance, innovation and export performance: An examination of perceived and objective cultural distance // *European Business Review*. 2016. Vol. 28. No 2. Pp. 176–207. <https://doi.org/10.1108/eb-06-2015-0065>
- Babiker I.E., Cox J.L., Miller P.M. The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultations, symptomatology and examination performance of overseas students at Edinburgh University // *Social Psychiatry*. 1980. Vol. 15. No 3. Pp. 109–116. <https://doi.org/10.1007/bf00578141>
- Benet-Martínez V., Haritatos J. Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents // *Journal of Personality*. 2005. Vol. 73. No 4. Pp. 1015–1050. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x>
- Berry J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. No 6. Pp. 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry J.W., Galyapina V.N., Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Ryabichenko T.A. Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Vol. 16. No 2. Pp. 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // *Applied Psychology*. 2006. Vol. 55. No 3. Pp. 303–332. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>

- Bourhis R.Y., Montaruli E., El-Geledi S., Harvey S.-P., Barrette G. Acculturation in multiple host community settings // *Journal of Social Issues*. 2010. Vol. 66. No 4. Pp. 780–802. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2010.01675.x>
- Charoensukmongkol P., Pandey A. Trait mindfulness and cross-cultural sales performance: The role of perceived cultural distance // *Canadian Journal of Administrative Sciences / Revue Canadienne Des Sciences de l'Administration*. 2021. Vol. 38. No 4. Pp. 339–353. <https://doi.org/10.1002/cjas.1638>
- Cheng C.-Y., Leung A.K.-y. Revisiting the multicultural experience–creativity link: The effects of perceived cultural distance and comparison mind-set // *Social Psychological and Personality Science*. 2013. Vol. 4. No 4. Pp. 475–482. <https://doi.org/10.1177/1948550612462413>
- Croucher S.M. Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: An analysis of Muslim immigration in Western Europe // *Communication Monographs*. 2013. Vol. 80. No 1. Pp. 46–62. <https://doi.org/10.1080/03637751.2012.739704>
- DeQuero-Navarro B., Barakat K.A., Shultz C.J., Araque-Padilla R.A., Montero-Simó M.J. Consumer animosity and perceived cultural distance: Toward mutual well-being for refugees and host countries // *Journal of Consumer Affairs*. 2022. Vol. 56. No 4. Pp. 1496–1524. <https://doi.org/10.1111/joca.12473>
- English A., Chi R. A longitudinal study on international students' stress, problem focused coping and cross-cultural adaptation in China // *Journal of International Students*. 2020. Vol. 10. No S(1). Pp. 73–86. [https://doi.org/10.32674/jis.v10is\(3\).1774](https://doi.org/10.32674/jis.v10is(3).1774)
- Fan D.X.F., Zhang H.Q., Jenkins C.L., Lin P.M.C. Does tourist–host social contact reduce perceived cultural distance? // *Journal of Travel Research*. 2017. Vol. 56. No 8. Pp. 998–1010. <https://doi.org/10.1177/0047287517696979>
- Galchenko I., Van de Vijver F.J.R. The role of perceived cultural distance in acculturation among exchange students in Russia // *International Journal of Intercultural Relationships*. 2007. Vol. 31. No 2. Pp. 187–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Galyapina V.N., Lepshokova Z., Molodikova I.N. Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation // *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Vol. 22. No 1. Pp. 75–90. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
- Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A. Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Vol. 20. No 2. Pp. 197–210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>
- Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37. No 9. Pp. 1423–1440. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.623617>
- Kaldur K., Vetik R., Kirss L., Kivistik K., Seppel K., Kallas K., Masso M., Anniste K. Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017. Tartu: Balti Uuringute Instituut, 2017. 108 p.
- Kibria N. Race, ethnic options, and ethnic binds: Identity negotiations of second-generation Chinese and Korean Americans // *Sociological Perspectives*. 2000. Vol. 43. No 1. Pp. 77–95. <https://doi.org/10.2307/1389783>
- Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes // *International Perspectives in Psychology*. 2015. Vol. 4. No 1. Pp. 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>

- LaFromboise T., Coleman H.L.K., Gerton J.* Psychological impact of biculturalism: Evidence and theory // *Psychological Bulletin*. 1993. Vol. 114. No 3. Pp. 395–412. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.114.3.395>
- Lebedeva N., Galyapina V., Lepshokova Z., Ryabichenko T.* Intercultural relations in Russia // *Mutual Intercultural Relations* / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 1–33. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.002>
- Lebedeva N., Tatarko A., Galyapina V.* Intercultural relations in Latvia and Azerbaijan // *Mutual Intercultural Relations* / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 34–58. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.003>
- Lebedeva N.M., Ryabichenko T.A.* Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9. No 1. Pp. 98–111. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0107>
- Liu H., Li X. (Robert), Cardenas D.A., Yang Y.* Perceived cultural distance and international destination choice: The role of destination familiarity, geographic distance, and cultural motivation // *Journal of Destination Marketing & Management*. 2018. Vol. 9. Pp. 300–309. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2018.03.002>
- Melkonian M., Areepattamannil S., Menano L., Fidalgo P.* Examining acculturation orientations and perceived cultural distance among immigrant adolescents in Portugal: Links to performance in reading, mathematics, and science // *Social Psychology of Education*. 2019. Vol. 22. No 4. Pp. 969–989. <https://doi.org/10.1007/s11218-019-09506-5>
- Mumford D.B.* The measurement of culture shock // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 1998. Vol 33. No 4. Pp. 149–154. <https://doi.org/10.1007/s001270050037>
- Mutual intercultural relations* / Ed. by J.W. Berry. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 452 p. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Ogbu J.U.* Adaptation to minority status and impact on school success // *Theory into Practice*. 1992. Vol. 31. No 4. Pp. 287–295. <https://doi.org/10.1080/00405849209543555>
- Pesch R., Bouncken R.B.* The double-edged sword of cultural distance in international alliances – How perceived cultural distance influences trust and task discourse to drive new product development performance // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2017. Vol. 24. No 1. Pp. 33–54. <https://doi.org/10.1108/ccsm-03-2016-0065>
- Rienties B., Tempelaar D.* The role of cultural dimensions of international and Dutch students on academic and social integration and academic performance in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. No 2. Pp. 188–201. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2012.11.004>
- Schachner M.K., Van de Vijver F.J., Noack P.* Family-related antecedents of early adolescent immigrants' psychological and sociocultural school adjustment in Germany // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014. Vol. 45. No 10. Pp. 1606–1625. <https://doi.org/10.1177/0022022114543831>
- Schmitz P.G., Berry J.W.* Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A study with immigrant and national samples in Germany // *Rendering borders obsolete: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor. Proceedings from the 19th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology* / Ed by F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, K. Boehnke. Bremen, Germany: International Association for Cross-Cultural Psychology, 2011. Pp. 52–70. <https://doi.org/10.4087/ygkd3122>

- Searle W., Ward C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // *International Journal of Intercultural Relations*. 1990. Vol. 14. No 4. Pp. 449–464. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(90\)90030-Z](https://doi.org/10.1016/0147-1767(90)90030-Z)
- Suanet I., Van de Vijver F.J.R. Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 19. No 3. Pp. 182–197. <https://doi.org/10.1002/casp.989>
- Ward C. Ethno-cultural identity conflict in Korean youth in New Zealand // *Seventh Biennial Conference of the Asian Association of Social Psychology*. Conference Proceedings. Kota Kinabalu, Sabah, Malaysia, 25-29 July 2007. Kota Kinabalu: AASP, 2007. Pp. 126–129.
- Ward C. The ABCs of acculturation // *The handbook of culture and psychology* / Ed. by D. Matsumoto. New York: Oxford University Press, 2001. Pp. 411–445.
- Ward C., Kennedy A. Psychological and socio-cultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home // *International Journal of Psychology*. 1993. Vol. 28. No 2. Pp. 129–147. <https://doi.org/10.1080/00207599308247181>

История статьи:

Поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.

Принята к печати 20 марта 2024 г.

Для цитирования:

Галаяпина В.Н., Умуркулова М.М., Тучина О.Р. Воспринимаемая культурная дистанция и психологическое благополучие русских в разных контекстах постсоветских стран: медиативная роль аккультурационных стратегий // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 360–384. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384>

Вклад авторов:

В.Н. Галаяпина – концепция, дизайн исследования, анализ результатов, написание текста статьи. М.М. Умуркулова – сбор данных, описание социокультурных контекстов. О.Р. Тучина – написание и редактирование текста, обсуждение результатов.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Галаяпина Виктория Николаевна, доктор психологических наук, доцент, профессор департамента психологии, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0003-4122-6455, SPIN-код: 2391-7845. E-mail: vgalyapina@hse.ru

Умуркулова Мадина Максимовна, PhD in Psychology, доцент департамента психологии, директор научно-исследовательской социально-психологической лаборатории Некоммерческого акционерного общества «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова» (100024, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28). ORCID: 0000-0001-8469-6989, ResearcherID: ABW-2551-2022. E-mail: madinaumurkulova@mail.ru

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет (350072, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, 2). ORCID: 0000-0001-5525-7645, SPIN-код: 6989-5374. E-mail: tuchena@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384

EDN: IGQQSR

UDC 316.6

Research article

Perceived Cultural Distance and Psychological Well-Being of Russians in Different Contexts of Post-Soviet Countries: The Mediating Role of Acculturation Strategies

Victoria N. Galyapina¹, Madina M. Umurkulova²,
Oksana R. Tuchina³

¹HSE University,

Moscow, Russian Federation

²Karaganda State University named after E.A. Buketov,

Karaganda, Republic of Kazakhstan

³Kuban State Technological University,

Krasnodar, Russian Federation

 vgalyapina@hse.ru

Abstract. The paper is devoted to the search for universal and culture-specific relationships between perceived cultural distance, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in three post-Soviet countries: Kazakhstan, Armenia and Estonia. In the study, the authors relied on perceived cultural distance theory and acculturation theory. The sample included 660 Russians (179 – in Kazakhstan, 358 – in Estonia, 123 – in Armenia). The study used structural equation modeling, multigroup analysis, and mediation analysis. The results have shown that perceived cultural distance is a negative predictor of the psychological well-being of Russians in post-Soviet countries where they are quite numerous (Kazakhstan and Estonia). Moreover, high perceived cultural distance reduces the orientation towards integration in all the countries studied, increases the attitude towards separation in favorable contexts (Kazakhstan and Armenia) and decreases it in unfavorable contexts (Estonia). As the mediation analysis has shown, in countries where the number of Russians is fairly high, perceived cultural closeness is an important factor: it increases the importance of the integration strategy (in Estonia) and reduces the importance of the separation strategy (in Kazakhstan), thereby contributing to the psychological well-being of Russians. In Armenia, where there are very few Russians, they have developed an adaptation mechanism both in situations of high and low perceived cultural distance: in the first case, high cultural distance increases separation attitudes, which lead to psychological well-being; in the second case, the main role is played by the integration strategy, which mediates the positive relationship between perceived cultural closeness and psychological well-being of the local Russians. This study aims to show that the actualization of information about cultural closeness, common history, traditions, etc. in the discourse of countries can be an incentive to reduce the perceived cultural distance among representatives of ethnic minorities and contribute to their psychological well-being.

Key words: perceived cultural distance, acculturation strategies, psychological well-being, Russian ethnic minority, Kazakhstan, Estonia, Armenia

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Azar, G., & Drogendijk, R. (2016). Cultural distance, innovation and export performance: An examination of perceived and objective cultural distance. *European Business Review*, 28(2), 176–207. <https://doi.org/10.1108/ebbr-06-2015-0065>
- Babiker, I.E., Cox, J.L., & Miller, P.M. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultations, symptomatology and examination performance of overseas students at Edinburgh University. *Social Psychiatry*, 15(3), 109–116. <https://doi.org/10.1007/bf00578141>
- Benet-Martínez, V., & Haritatos, J. (2005). Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents. *Journal of Personality*, 73(4), 1015–1050. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x>
- Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry, J.W. (Ed.). (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry, J.W., Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry, J.W., Phinney, J.S., Sam, D.L., & Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology*, 55(3), 303–332. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>
- Bourhis, R.Y., Montaruli, E., El-Geledi, S., Harvey, S.-P., & Barrette, G. (2010). Acculturation in multiple host community settings. *Journal of Social Issues*, 66(4), 780–802. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2010.01675.x>
- Charoensukmongkol, P., & Pandey, A. (2021). Trait mindfulness and cross-cultural sales performance: The role of perceived cultural distance. *Canadian Journal of Administrative Sciences / Revue Canadienne Des Sciences de l'Administration*, 38(4), 339–353. <https://doi.org/10.1002/cjas.1638>
- Cheng, C.-Y., & Leung, A.K.-y. (2013). Revisiting the multicultural experience–creativity link: The effects of perceived cultural distance and comparison mind-set. *Social Psychological and Personality Science*, 4(4), 475–482. <https://doi.org/10.1177/1948550612462413>
- Croucher, S.M. (2013). Integrated threat theory and acceptance of immigrant assimilation: An analysis of Muslim immigration in Western Europe. *Communication Monographs*, 80(1), 46–62. <https://doi.org/10.1080/03637751.2012.739704>
- DeQuero-Navarro, B., Barakat, K.A., Shultz, C.J., Araque-Padilla, R.A., & Montero-Simó, M.J. (2022). Consumer animosity and perceived cultural distance: Toward mutual well-being for refugees and host countries. *Journal of Consumer Affairs*, 56(4), 1496–1524. <https://doi.org/10.1111/joca.12473>
- Kaldur, K., Vetik, R., Kirss, L., Kivistik, K., Seppel, K., Kallas, K., Masso, M., & Anniste, K. (2017). *Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017*. Tartu: Balti Uuringute Instituut.
- English, A., & Chi, R. (2020). A longitudinal study on international students' stress, problem focused coping and cross-cultural adaptation in China. *Journal of International Students*, 10(S(1)), 73–86. [https://doi.org/10.32674/jis.v10is\(3\).1774](https://doi.org/10.32674/jis.v10is(3).1774)
- Fan, D.X.F., Zhang, H.Q., Jenkins, C.L., & Lin, P.M.C. (2017). Does tourist–host social contact reduce perceived cultural distance? *Journal of Travel Research*, 56(8), 998–1010. <https://doi.org/10.1177/0047287517696979>
- Hovhannisyan, V. (2012). On some aspects of Armenian-Russian cultural cooperation. *21-i VEK*, (3), 83–90. (In Russ.)
- Galchenko, I., & Van de Vijver, F.J.R. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>

- Galyapina, V., Lepshokova, Z., & Molodikova, I. (2021). Intercultural relations in Dagestan: the role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and The Caucasus*, 22(1), 75–90. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
- Galyapina, V.N., Tuchina, O.R., & Apollonov, I.A. (2023). Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 197–210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>
- Jasinskaja-Lahti, I., Horenczyk, G., & Kinunen, T. (2011). Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 37(9), 1423–1440. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.623617>
- Kibria, N. (2000). Race, ethnic options, and ethnic binds: identity negotiations of second-generation Chinese and Korean Americans. *Sociological Perspectives*, 43(1), 77–95. <https://doi.org/10.2307/1389783>
- Kodja, E.A., Lebedeva, N.M., Galyapina, V.N., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Russian Crimea: empirical testing of three hypotheses. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 250–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-250-268>
- Kus-Harbord, L., & Ward, C. (2015). Ethnic Russians in Post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology*, 4(1), 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- LaFromboise, T., Coleman, H.L.K., & Gerton, J. (1993). Psychological impact of biculturalism: Evidence and theory. *Psychological Bulletin*, 114(3), 395–412. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.114.3.395>
- Lebedeva, N.M., & Ryabichenko, T.A. (2016). Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 98–111. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0107>
- Lebedeva, N., Galyapina, V., Lepshokova, Z., & Ryabichenko, T. (2017). Intercultural relations in Russia. In J.W. Berry (Ed.). *Mutual Intercultural Relations* (pp. 1–33). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.002>
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
- Lebedeva, N., Tatarko, A., & Galyapina, V. (2017). Intercultural relations in Latvia and Azerbaijan. In J.W. Berry (Ed.). *Mutual Intercultural Relations* (pp. 34–58). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.003>
- Liu, H., Li, X. (Robert), Cárdenas, D.A., & Yang, Y. (2018). Perceived cultural distance and international destination choice: The role of destination familiarity, geographic distance, and cultural motivation. *Journal of Destination Marketing & Management*, 9, 300–309. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2018.03.002>
- Melkonian, M., Areepattamannil, S., Menano, L., & Fildago, P. (2019). Examining acculturation orientations and perceived cultural distance among immigrant adolescents in Portugal: Links to performance in reading, mathematics, and science. *Social Psychology of Education*, 22(4), 969–989. <https://doi.org/10.1007/s11218-019-09506-5>
- Mumford, D.B. (1998). The measurement of culture shock. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 33(4), 149–154. <https://doi.org/10.1007/s001270050037>
- Nazarov, R.R. (2017). Interethnic relations and model of the ethnic policy of Kazakhstan. *World of Greater Altai*, 3(3), 320–328. (In Russ.)
- Ogbu, J.U. (1992). Adaptation to minority status and impact on school success. *Theory into Practice*, 31(4), 287–295. <https://doi.org/10.1080/00405849209543555>

- Pesch, R., & Bouncken, R.B. (2017). The double-edged sword of cultural distance in international alliances: How perceived cultural distance influences trust and task discourse to drive new product development performance. *Cross Cultural & Strategic Management*, 24(1), 33–54. <https://doi.org/10.1108/ccsm-03-2016-0065>
- Rienties, B., & Tempelaar, D. (2013). The role of cultural dimensions of international and Dutch students on academic and social integration and academic performance in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(2), 188–201. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2012.11.004>
- Rudnev, M.G. (2009). Impact of ethnic differences within countries on life values of Estonia population. In M.K. Gorshkov, T.N. Korotkova, L.A. Okol'skaya, L.V. Yaikova (Eds.). *Sociological studies: A collection of articles by graduate students* (iss. 2, pp. 113–123). Moscow: Institute of Sociology RAS Publ. (In Russ.)
- Schachner, M.K., Van de Vijver, F.J.R., & Noack, P. (2014). Family-related antecedents of early adolescent immigrants' psychological and sociocultural school adjustment in Germany. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(10), 1606–1625. <https://doi.org/10.1177/0022022114543831>
- Schmitz, P.G., & Berry, J.W. (2011). Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A study with immigrant and national samples in Germany. In F. Deutsch, M. Boehnke, U. Kühnen, & K. Boehnke (Eds.). *Rendering borders obsolete: Cross-cultural and cultural psychology as an interdisciplinary, multi-method endeavor*. Proceedings from the 19th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology (pp. 52–70). Bremen, Germany: International Association for Cross-Cultural Psychology. <https://doi.org/10.4087/ygkd3122>
- Searle, W., & Ward, C. (1990). The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations*, 14(4), 449–464. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(90\)90030-Z](https://doi.org/10.1016/0147-1767(90)90030-Z)
- Shalginbaeva, S.Kh. (2002). *Family traditions and sociocultural image of Kazakhs in the cities of Almaty and Taraz (ethnosociological study)*. PhD in History Thesis Abstract. Almaty: al-Farabi Kazakh National University Publ. (In Russ.)
- Starchenko, R.A., & Karapetyan, R.S. (Eds.). (2020). *Modern youth of Armenia and Russia: socio-demographic and ethnocultural orientations: Collective monograph*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS Publ. (In Russ.)
- Suanet, I., & Van de Vijver, F.J.R. (2009). Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 19(3), 182–197. <https://doi.org/10.1002/casp.989>
- Tsutsiev, A.A. (2001). Russians and Caucasians essay of habitual perceptions. Part II. *Scientific thought of Caucasus*, (3), 46–65. (In Russ.)
- Ward, C. (2001). The ABCs of acculturation. In D. Matsumoto (Ed.). *The handbook of culture and psychology* (pp. 411–445). New York: Oxford University Press.
- Ward, C. (2007). Ethno-cultural identity conflict in Korean youth in New Zealand. *Seventh Biennial Conference of the Asian Association of Social Psychology*. Conference Proceedings (ch. 8, pp. 126–129). Kota Kinabalu, Sabah: AASP.
- Ward, C., & Kennedy, A. (1993). Psychological and socio-cultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home. *International Journal of Psychology*, 28(2), 129–147. <https://doi.org/10.1080/00207599308247181>
- Zhamakochyan, A., & Hakobyan, L. (2013). Armenia's value orientations in the context of intercultural researches. *"Globus" analytical journal*, (7). Retrieved December 10, 2023, from http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12288 (In Russ.)

Article history:

Received 28 February 2024

Revised 19 March 2024

Accepted 20 March 2024

For citation:

Galyapina, V.N., Umurkulova, M.M., & Tuchina, O.R. (2024). Perceived cultural distance and psychological well-being of Russians in different contexts of post-soviet countries: The mediating role of acculturation strategies. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 360–384. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-360-384>

Author's contribution:

Victoria N. Galyapina – concept and design of the study, analysis of the results, writing of the text. *Madina M. Umurkulova* – description of sociocultural contexts, collection and processing of materials. *Oksana R. Tuchina* – writing and editing of the text, discussion of the results.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Victoria N. Galyapina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Chief Researcher of the Center for Sociocultural Research of the Faculty of Social Sciences, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0003-4122-6455, SPIN-code: 2391-7845. E-mail: vgalyapina@hse.ru

Madina M. Umurkulova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Director of Laboratory of Social and Psychological Research of Karaganda University named after Academician E.A. Buketov (28 Universitetskaya St, 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan). ORCID: 0000-0001-8469-6989, ResearcherID: ABW-2551-202. E-mail: madinaumurkulova@mail.ru

Oksana R. Tuchina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University (2 Moskovskaya St, 350072 Krasnodar, Russia). ORCID: 0000-0001-5525-7645, SPIN-code: 6989-5374. E-mail: tuchena@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407

EDN: JAEIPV

UDC 316.6

Research article

Ideal and Real Multiculturalism in Post-Soviet Countries: Relationship with Mutual Acculturation and Psychological Well-Being among Ethnic Majorities and Minorities

Zarina Kh. Lepshokova¹, Jelena Djukic², Anna V. Chernaya³¹HSE University,

Moscow, Russian Federation

²Academy for Human Development,

Belgrade, Serbia

³Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russian Federation

 taimiris@yandex.ru

Abstract. The article presents a socio-psychological view of multiculturalism as a subjective reflection of the sociocultural context at the level of attitudes and perceptions. The concepts of ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism are distinguished and studied in relationship with acculturation preferences and psychological well-being among members of ethnic minority and majority groups. The study was conducted on members of the Russian ethnic minority ($N = 746$) and the ethnic majorities ($N = 754$) of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia. The total sample size was 1,500 respondents. The methodological tools included prescriptive and descriptive versions of *The Multicultural Ideology Scale (MIS)*, *The Acculturation Strategies Scale for Ethnic Minorities*, *The Acculturation Expectations Scale for Ethnic Majorities*, *The Satisfaction with Life Scale (SWLS)*, and *The Rosenberg Self-Esteem Scale (RSES)*. The analysis revealed that the universal basis for life satisfaction among members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities in all the post-Soviet countries studied was real (perceived) multiculturalism but not abstract attitudes towards the adoption of multicultural ideology. Moreover, real multiculturalism, as perceived by the Russian minority, also serves as a universal basis for their choice of the integration strategy in intercultural interactions with members of the ethnic majority. But for the members of the ethnic majority, real multiculturalism in their perception manifests itself as a basis for the integration or assimilation of the Russians, depending on the context: thus, the Kazakhs and Kyrgyz tend toward the former, while the Estonians tend toward the latter. These and other findings are discussed within the sociocultural contexts of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia, as well as within the core differences between ideal and real multiculturalism. The article concludes with an exploration of the practical value of the tested model for diagnosing intercultural relations in multicultural societies.

© Lepshokova Z.Kh., Djukic E., Chernaya A.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Key words: multicultural ideology, multiculturalism, ideal (expected) multiculturalism, real (perceived) multiculturalism, acculturation strategies, acculturation expectations, psychological well-being, life satisfaction, self-esteem, Post-Soviet countries, ethnic majority, ethnic minority, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Estonia.

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Introduction

Today it is hardly possible to find a country that does not support the idea of creating a peaceful social climate where people of different nationalities and religions could live in harmony, mutual understanding and respect. Awareness of this is very important, but not sufficient, as there arise questions that have no clear-cut answers. How can this harmony be achieved? What principles should define policies that are open to the diversity of cultures and religions? Should the focus be on common features or should important differences between groups be acknowledged? What policies and ideologies will help overcome bias, discrimination and conflict between groups? But the most challenging question is how to ensure that the proclaimed principles of recognizing cultural diversity do not diverge from real actions and contribute to the psychological well-being of all ethnocultural groups in society?

For years, social psychologists, sociologists, ethnologists, political scientists, and specialists from many other related fields of knowledge have been struggling with these questions, trying to find answers to them to give humanity a ‘recipe’ for peaceful and harmonious coexistence. The most prominent living cross-cultural psychologist, John Berry, believes that this recipe lies in the adoption of ‘multicultural ideology’ (Berry, 2013), which in its purest form represents a civil society that takes into account the interests of all ethnic and cultural groups. State institutions involve these groups in the life of society, ensuring equal rights for all of them, regardless of their size, influence, and power, and thus preventing their assimilation. Today, multicultural ideology, commonly referred to as ‘multiculturalism’, is officially recognized by a number of countries, such as Canada, Australia, Singapore, Azerbaijan, and some others.

But despite the commitment of the above-mentioned countries to this ideology, it has repeatedly been and continues to be seriously criticized in other countries for its failure as an official national intergroup ideology (Ward et al., 2023). In this regard, in some societies (especially European ones), multiculturalism is seen as the cause of the ‘disease’ of intercultural relations (Ward et al., 2020). However, there are societies that consider multiculturalism to be a ‘cure’ for a disease. Apparently, the time has come to understand this problem, which, in our opinion, lies in the discrepancy between the principles of recognition and acceptance of cultural diversity declared in society or by society with the actually implemented multicultural ideology and its perception by the population. We be-

lieve that this problem can be tackled from a socio-psychological point of view and with an understanding of the foundations of the nation-building history in multicultural states. This is exactly what we set out to do using the example of intercultural relations in the newly independent states of the post-Soviet space in order to find an answer to the question: what is the role of the ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism in the mutual acculturation and psychological well-being of members of the ethnic majorities and the Russian ethnic minority in post-Soviet countries, such as Kazakhstan, Kyrgyzstan and Estonia? To answer this question, we should first of all clearly understand what ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism is.

*Ideal (Expected) and Real (Perceived) Multiculturalism:
A Socio-Psychological Approach*

Using the theoretical apparatus of social psychology, we can consider multicultural ideology (multiculturalism) as a certain system of intercultural relations through the prism of social attitudes, ideas, expectations and social perception. The social-psychological view of multiculturalism as a subjective reflection of the socio-cultural context at the level of attitudes and perception allows us to distinguish clearly between how, in people's opinion, intercultural interaction should be built (attitudes) and how it is actually built from their point of view (perception). Based on this, we define two views on the problem of intercultural relations: (1) prescriptive and (2) descriptive.

From the prescriptive point of view, multiculturalism in social psychology can be studied through the prism of social attitudes and personal representations, or, to be more precise, social expectations of how people want relations between different ethnocultural groups in society to be built, that is, how they should live together. We define such multiculturalism as expected or 'ideal', since it expresses people's ideal representations about how relationships between ethnocultural groups in a multicultural society should be arranged. Such personal representations can be formed partly under the influence of a general system of beliefs about how society should function (Badea, 2017).

From the descriptive point of view, multiculturalism in social psychology can be studied through the prism of social perception, that is, how people perceive the emerging intercultural relations between ethnocultural groups in their society. We define such multiculturalism as perceived or 'real', since it is a real (in people's understanding) state of intercultural interaction, that is, people's subjective evaluation of how different ethnocultural groups actually live in their society. In other words, it is a kind of 'everyday multiculturalism' observed by people. Our study of multiculturalism from the perspective of social perception is based on the idea that perception has a more powerful and direct influence on key social and psychological outcomes (Guimond et al., 2013; Koopmans & Schaeffer, 2016;

Van Assche et al., 2016) than objective data. This is due to the fact that it is subjective interpretations that construct our reality and determine our reactions (Zagefka, Brown, 2002). In addition, research has already accumulated data showing that perceived multiculturalism is an integral part of the perceived inclusiveness (openness) of the sociocultural context, which in turn plays a significant role in social identification, acculturation and psychological adaptation (Lepshokova, 2020; 2021).

In this study, we attempt to understand which acculturation preferences and indicators of psychological well-being are associated with ideal and real multiculturalism and in what way.

Multiculturalism and Acculturation

Many acculturation studies have traced a relationship between attitudes toward accepting multicultural ideology and acculturation orientations among members of both ethnic majorities and minorities. For example, according to the results of a study of migrants from the North Caucasus in Moscow, multiculturalism perceived by the migrants is part of the perceived inclusive social context, which in turn contributes to the choice of an integration strategy but does not contribute to the choice of a separation strategy (Lepshokova, 2020). A study of the relationship between the acculturation orientations of Germans, as the ethnic majority of Germany, has found that the positive correlation between the acculturation orientation towards preserving their own culture and the acculturation orientation towards accepting the culture of the migrants is strengthened by the expression of the attitude towards accepting multicultural ideology (Kunst et al., 2023), that is, multicultural ideology strengthens the orientation toward integration, if we are based on D. Berry's definition of integration (Berry, 2013).

When speaking of multiculturalism and acculturation, it is also worth raising the question of the potential relationship between multiculturalism and the acculturation preference for assimilation. In this regard, it is important to recall that multicultural ideology encourages the recognition and appreciation of group differences, whereas the preference for assimilation by members of an ethnic minority focuses on interaction with the majority while renouncing their cultural identity. As for the ethnic majority, its desire to assimilate other groups also contradicts multicultural ideology, which is based on the need to preserve the cultural identity of all ethnocultural groups. In view of the above, we put forward the first research hypothesis:

H1. Ideal (expected) multiculturalism and real (perceived) multiculturalism are positively associated with acculturation preferences for integration and negatively associated with acculturation preferences for separation/segregation and assimilation among members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia.

Multiculturalism and Psychological Well-Being

Many researchers conclude that multicultural policies implemented at the national level affect subjective psychological well-being (Guimond et al., 2013; Jackson, Doershler, 2016; Ward et al., 2018). Thus, based on data from the European Social Survey (ESS) and the Multicultural Policy Index (MPI) project, it was found that the adoption of multiculturalism at the state level has a positive impact on life satisfaction of both the ethnic minority and the ethnic majority (Jackson, Doershler, 2016). A study of UK residents found that normative multiculturalism, which refers to the perception of a normative multicultural climate, is positively associated with psychological well-being (Ward et al., 2016). According to the social-ecological model of health, based on Bronfenbrenner's ecological systems theory (1992), contextual factors have a significant impact on well-being. In our case, by contextual factor we mean real (perceived) multiculturalism. With that in mind, we put forward the second research hypothesis:

H2. Ideal (expected) multiculturalism and real (perceived) multiculturalism are positively associated with such indicators of psychological well-being as life satisfaction and self-esteem among members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia.

Acculturation and Psychological Well-Being

One of the main results of acculturation is psychological adaptation, as the most important indicator of the successful/unsuccessful implementation of acculturation strategies. Typically, the psychological adaptation of members of an ethnic minority and majority is operationalized through psychological well-being (Scottham, Dias, 2010), in particular through such indicators as life satisfaction (Berry et al., 2019), self-esteem (Berry, Sabatier, 2010), self-satisfaction (Lepshokova, 2012), etc. According to the results of numerous studies, the acculturation strategy of integration, which implies maintaining one's cultural identity and interaction with the dominant society, is the most adaptive strategy of intercultural interaction (Berry, 2005; Nguyen, Benet-Martinez, 2013; Stogianni et al., 2021; Berry et al., 2022). In samples of the ethnic majority, it has been shown that acculturation expectations of integration are also positively associated with psychological well-being (Berry et al., 2022). At the same time, there is no definite consensus in research regarding the relationship of separation and assimilation with psychological well-being, since, depending on the context, these strategies can be either completely adaptive or not (Birman et al., 2002; Rudmin, 2006; Lepshokova, Tatarko, 2016). Taking this into account, we put forward the third research hypothesis and a research question:

H3. Acculturation preferences for integration are positively associated with indicators of psychological well-being such as life satisfaction and self-esteem among members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia.

How does acculturation preferences for separation/segregation and assimilation relate to such indicators of psychological well-being as life satisfaction and self-esteem among members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities in the studied countries?

*Modern Sociocultural Context and Position of Russians
in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Estonia*

Kazakhstan. After the collapse of the USSR, Kazakhstan took the vector of building a national Kazakh state. Kazakhs today are the absolute ethnic majority in Kazakhstan, while Russians are the largest ethnic and religious minority and make up just over 15% of the country's total population. Russians in Kazakhstan are an influential socio-political group, quite active in the social, military, cultural and economic life of Kazakhstan. And, despite the fact that the Kazakh language is the state language, the Russian language is officially used on an equal basis in government institutions of Kazakhstan. Nevertheless, Russians and other minorities in Kazakhstan sometimes feel elements of bias against them (Jumageldinov, 2014), which is partly associated with the active policy of introducing the Kazakh language (Dihn Lam, 2013) and the approved program for the transition from Cyrillic to Latin by 2031 (Moldabaeva, Zeynelgabdin, 2024).

The attitude towards the Soviet past in Kazakhstan is contradictory: not only positive but also negative aspects are noted. This is especially evident in the evaluation of the development of virgin and fallow lands, as well as in consideration of the Semipalatinsk nuclear test site (Galiev, 2016). In economic terms, modern Kazakhstan is a self-sufficient country and one of the most successful post-Soviet countries (Kuvulin et al., 2022).

Kyrgyzstan. After the collapse of the USSR, the political course of Kyrgyzstan was aimed at building a democratic state governed by the rule of law to protect the interests and dignity of all citizens of a multinational society, regardless of their ethnicity (Nemeshina et al., 2008). Despite the fact that Russians in Kyrgyzstan are a religious minority, the second ethnic minority after the Uzbeks, and make up slightly less than 6% of the population, the Russian language has official status and is mandatory for study (Commercio, 2004). At the same time, some authors note that in reality in Kyrgyzstan the signs of an ethnocratic state with a developed clan system (Commercio, 2004) are becoming increasingly clear (Nemeshina et al., 2008). Moreover, it is noted that Russians are largely removed from power and resources (Shulga, 2013).

Regarding attitudes towards the Soviet past, it can be said that in Kyrgyzstan there are elements of nostalgia for Soviet greatness, which are expressed in the prominence of Soviet identity, which remains an important part of everyday life (Florin, 2011). In terms of economic development, Kyrgyzstan is classified as

an underdeveloped country (Dzhamankulov, 2019) with high migration activity of the population.

Estonia. After the collapse of the USSR, Estonia went through a rapid wave of de-Russification (Pavlenko, 2008) and set a course for rapprochement with European countries, which was marked by joining the European Union in 2004 (Furman, Zadorozhnyuk, 2004). Estonia has an ethnically charged model of the nation state, which equates integration with forced acculturation (Kruusvall et al., 2009). Russians are the largest ethnic minority in Estonia and make up about 25% of the country's total population. Russian has the status of a foreign language in Estonia, which is why its study and use is limited. Despite their significant number, the Russian-speaking minority in Estonia is socio-politically and economically relatively disadvantaged compared to native Estonians (Leping, Toomet, 2008; Lindemann, Vöörmann, 2010). Moreover, the majority of "individuals with undefined citizenship" in Estonia are ethnic Russians (Croft, 2016).

It is important to note that in Estonia there are diametrically contrasting attitudes between Russians and Estonians towards the Soviet period: the Russians share the opinion that Soviet troops liberated Estonia from the fascists, whereas the Estonians perceive the establishment of Soviet power in Estonia as aggression, occupation and illegal annexation (Vetik, 1993). Moreover, the Russians are often defined as the "former colonial elite" (Kus-Harbord, Ward, 2015). As for the economic situation, Estonia is one of the most economically developed countries in the post-Soviet space (Furman, Zadorozhnyuk, 2004).

Taking into account the differences in the socio-cultural contexts of the countries studied and the position of Russians in them, we put forward the following research question:

Are there universal and country-specific patterns of associations between ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism with acculturation preferences and indicators of psychological well-being among members of the Russian ethnic minority and ethnic majorities of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia?

Methods

Participants. The study sample included 754 representatives of the ethnic majorities and 746 representatives of the Russian ethnic minority of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Estonia, with a total sample size of 1,500 respondents. Table 1 presents the demographic characteristics of the sample, including gender and age distribution. It is noteworthy that there is a bias against women in the samples of Kazakhstan and Kyrgyzstan, which is partly reflected in the gender asymmetry of the population of these countries (e.g., Dobrokhleb, Kondakova, 2022). The socio-psychological survey was conducted in collaboration with colleagues from partner universities in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia. In Kazakhstan and Kyrgyz-

stan, the survey was conducted in person, whereas in Estonia via the online platform 1ka. The study design was cross-sectional.

Gender and Age Distribution of the Sample

Table 1

Countries	Groups	N	Age		Gender	
			M	Min.-Max.	Male	Female
Kazakhstan	Kazakhs	226	30	17–70	60	161
	Russians	116	36	17–69	26	90
Kyrgyzstan	Kyrgyz	299	36	18–64	95	204
	Russians	300	36	17–65	104	196
Estonia	Estonians	229	33	18–70	116	113
	Russians	330	37	18–80	151	179

Measures. The study used scales aimed at measuring the level of expression of acculturation strategies, acculturation expectations, self-esteem and life satisfaction from the MIRIPS questionnaire (Berry, 2017), adapted to the Russian sample (Lebedeva, Tatarko, 2009).

Ideal (expected) multiculturalism was assessed using the prescriptive version of *The Multicultural Ideology Scale* (Berry, Kalin, 1995). The scale included 6 statements, for example: “It would be nice if all ethnic groups in [Kazakhstan/Kyrgyzstan/Estonia] maintained their cultures.”

Real (perceived) multiculturalism was assessed using the descriptive version of *The Multicultural Ideology Scale* (Lepshokova, 2021). The scale included 6 statements, for example: “In [Kazakhstan/Kyrgyzstan/Estonia] it is customary to help ethnic groups to maintain their cultural heritage.”

Acculturation strategies of members of the ethnic minority were assessed with *The Acculturation Strategy Scale*. Four items were used to measure the following strategies: *Integration*, for example: “I believe that Russians living in [Kazakhstan/Kyrgyzstan/Estonia] should have friends of both their own nationality and [Kazakhs/Kyrgyz/Estonians]”; *Separation*, for example: “I prefer to have only Russians as friends”; and *Assimilation*, for example: “I prefer to have only [Kazakhs/Kyrgyz/Estonians] friends.”

Acculturation expectations of members of the ethnic majority were assessed with *The Acculturation Expectation Scale*. Four items were also used to measure the following strategies: *Integration*, for example: “Russians living in [Kazakhstan/Kyrgyzstan/Estonia] should have friends of both their own nationality and [Kazakhs/Kyrgyz/Estonians]”; *Segregation*, for example: “I believe that Russians living in [Kazakhstan/Kyrgyzstan/Estonia] should have only Russians as friends”; *Assimilation*, for example: “I believe that Russians living in [Kazakhstan/Kyrgyzstan/Estonia] should have only [Kazakhs/Kyrgyz/Estonians] as friends.”

Life satisfaction was measured using 4 questions, for example: “If I could live my life over again, I would change almost nothing in it.”

Self-esteem was measured using 4 questions, for example: “I believe that I have a number of good qualities.”

The responses to the statements in all the scales were given in the form of a 5-point Likert scale: from 1 (completely disagree) to 5 (completely agree).

Statistical analysis. The statistical package SPSS 22.0 with the AMOS 22.0 application was used for data processing. The following methods were used: descriptive statistics, structural equation modeling (SEM) (multigroup analysis).

Results

Descriptive statistics for the target study variables are presented in Table 2.

Table 2

Descriptive Statistics for the Target Variables

Variables	Kazakhstan		Kyrgyzstan		Estonia	
	Kazakhs	Russians	Kyrgyz	Russians	Estonians	Russians
	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>
Ideal (expected) multiculturalism	3.83 (0.76)	4.02 (0.67)	4.13 (0.58)	4.14 (0.54)	3.79 (0.71)	3.92 (0.73)
Real (perceived) multiculturalism	3.96 (0.72)	3.63 (0.76)	4.10 (0.65)	3.36 (0.57)	3.29 (0.55)	3.25 (0.61)
Integration*	3.98 (0.67)	3.91 (0.64)	4.21 (0.85)	4.01 (0.66)	4.50 (0.57)	4.48 (0.55)
Assimilation*	2.58 (0.81)	2.01 (0.83)	1.49 (0.62)	1.56 (0.52)	2.14 (0.76)	1.66 (0.63)
Segregation/ Separation*	2.23 (0.80)	2.45 (0.76)	2.80 (0.85)	2.77 (0.81)	2.09 (0.60)	2.35 (0.88)
Life satisfaction	3.84 (0.68)	3.22 (0.72)	3.37 (0.77)	3.25 (0.75)	3.33 (0.74)	3.34 (0.74)
Self-esteem	4.28 (0.62)	4.00 (0.67)	4.32 (0.55)	4.29 (0.56)	3.89 (0.69)	4.12 (0.59)

Note. * – acculturation expectations of members of the ethnic majority and acculturation strategies of members of the Russian ethnic minority.

The data presented in Table 2 indicate that ideal (expected) multiculturalism (IEM) and real (perceived) multiculturalism (RPM) are quite pronounced in all the samples studied, as they are higher than the median of the scale. At the same time, among the Russian ethnic minority, the mean values of real multiculturalism are somewhat lower than those of ideal multiculturalism, i.e., some discrepancy between ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism is observed among the Russians. Judging by the mean values, integration seems to be the most preferred acculturation expectation among the majority and the acculturation strategy among the minority. The mean values for life satisfaction are higher than the median of the scale, while the mean values for self-esteem in all the samples appear higher.

Structural equation modeling (SEM) was used to analyze the relationship between the two types of multiculturalism, IEM and RPM, with acculturation preferences and indicators of psychological well-being of members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia (Fig. 1–3). Initially, a multigroup path analysis was conducted among the groups of the Russian ethnic minority of the three countries, the results showed the presence of partial invariance ($\Delta CFI = 0.03$; $\Delta RMSEA = 0.003$). The results of a multigroup analysis among the groups of the ethnic majority of the three countries

showed the absence of invariance ($\Delta CFI = 0.06$; $\Delta RMSEA = 0.07$). Based on this, further analysis was carried out separately for each group.

Figure 1 presents the results of the path analysis of the relationship between ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism with acculturation preferences and indicators of psychological well-being of members of the Russian ethnic minority and the ethnic majority of Kazakhstan.

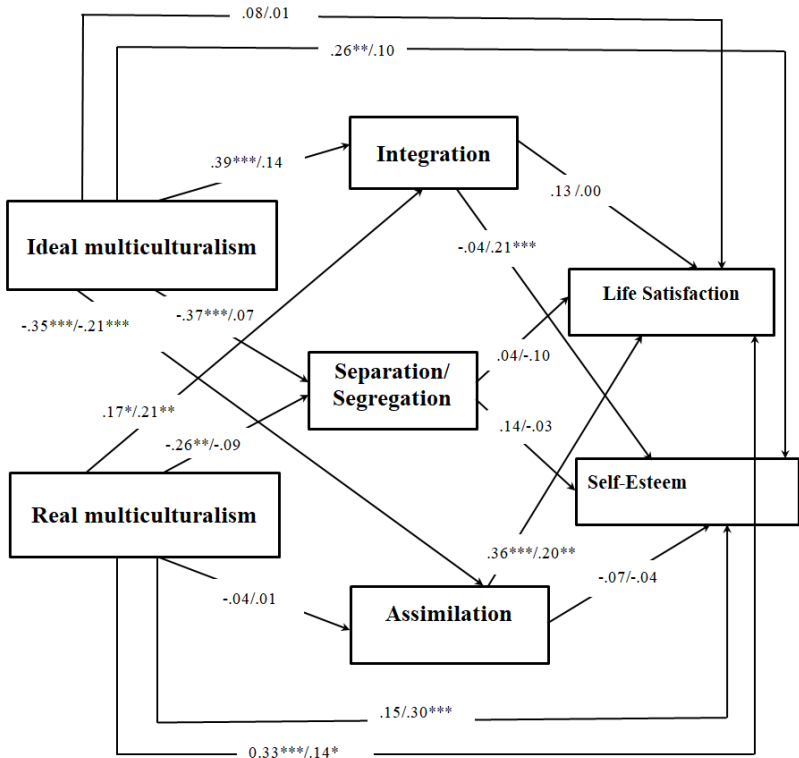

Figure 1. Path model of the relationship between IEM and RPM with acculturation preferences and indicators of psychological well-being among the Russians and Kazakhs in Kazakhstan

Note: The first coefficients refer to the Russians, the second ones after the slash refer to the Kazakhs; the model fit indices are satisfactory: $\chi^2/df = 1.115$, CFI = 0.998, RMSEA = .030, PCLOSE = 0.800 (the Russians) / $\chi^2/df = 2.090$, CFI = 0.977, RMSEA = .052, PCLOSE = 0.435 (the Kazakhs)
*** $p < .001$; ** $p < .01$; * $p < .05$

The data presented in Figure 1 indicate that IEM of the Russians in Kazakhstan is associated positively with the integration strategy and negatively with the separation and assimilation strategy, while RPM of the Russians is also associated positively with the integration strategy and negatively with the separation strategy, but is not associated with the assimilation strategy. IEM is positively associated with self-esteem, while RPM is positively associated with life satisfaction. The assimilation strategy of the Russians is positively associated with life satisfaction. Among the Kazakhs, IEM is associated positively with the integration expectation of the Russians and negatively with the assimilation expectation, while RPM among the Kazakhs is positively associated with the integration expectation. IEM among the Kazakhs is not associated with indicators of psychological well-being, while RPM is positively associated with both life satisfaction and self-esteem. The

integration expectation among the Kazakhs is positively associated with self-esteem, while the assimilation expectation is positively associated with life satisfaction.

Figure 2 presents the results of the path analysis of the relationship between ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism with acculturation preferences and indicators of psychological well-being of members of the Russian ethnic minority and the ethnic majority of Kyrgyzstan.

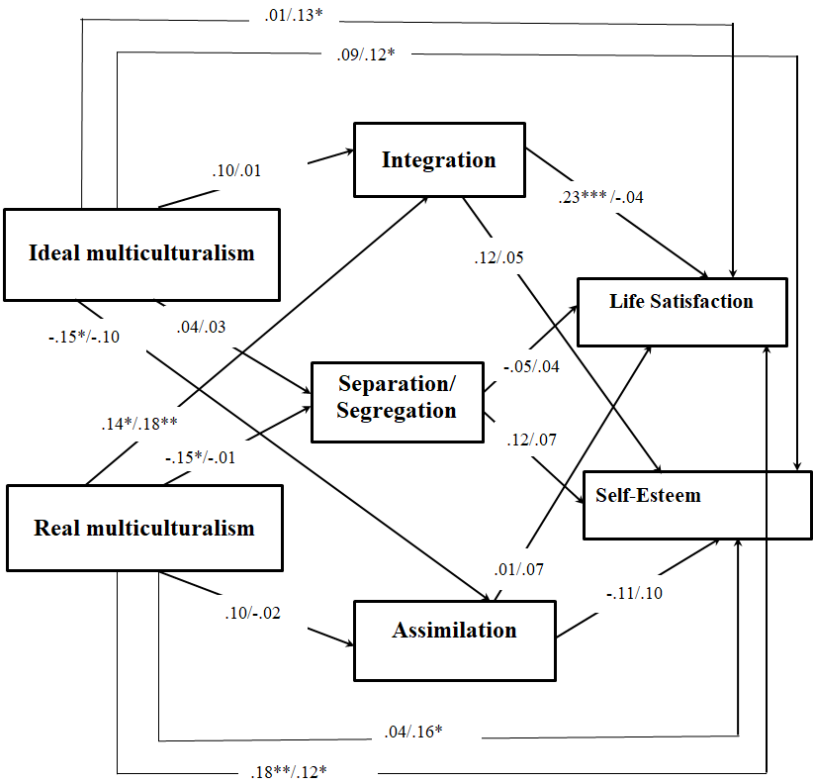

Figure 2. Path model of the relationship between IEM and RPM with acculturation preferences and indicators of psychological well-being among the Russians and Kyrgyz in Kyrgyzstan

Note. The first coefficients refer to the Russians, the second ones after the slash refer to the Kyrgyz; the model fit indices are satisfactory: $\chi^2/df = 1.105$, CFI = 0.997, RMSEA = .019, PCLOSE = 0.736 (the Russians) / $\chi^2/df = 2.132$, CFI = 0.955, RMSEA = .062, PCLOSE = 0.235 (the Kyrgyz)
*** $p < .001$; ** $p < .01$; * $p < .05$;

The data presented in Figure 2 indicate that IEM of the Russians in Kyrgyzstan is negatively associated with the assimilation strategy, while RPM is associated positively with the integration strategy and negatively with the separation strategy. RPM among the Russians in Kyrgyzstan is positively associated with life satisfaction. The integration strategy of the Russians in Kyrgyzstan is positively associated with life satisfaction. Among the Kyrgyz, RPM is positively associated with the integration expectation of the Russians. Moreover, RPM and IEM among the Kyrgyz are positively associated with both life satisfaction and self-esteem.

Figure 3 presents the results of the path analysis of the relationship between ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism with acculturation prefer-

ences and indicators of psychological well-being among members of the Russian ethnic minority and the ethnic majority of Estonia.

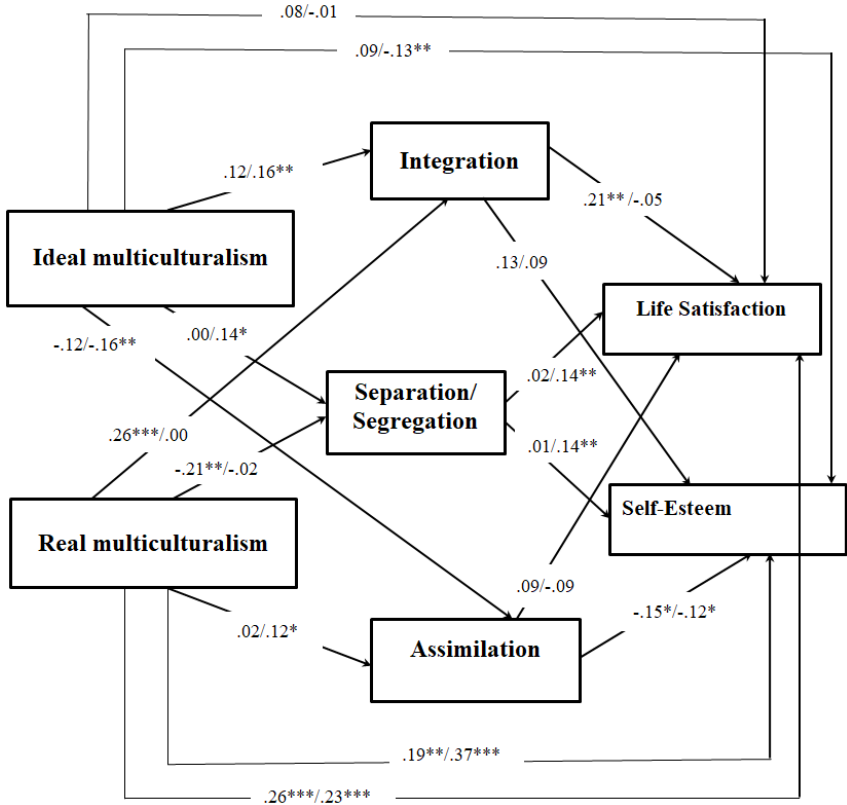

Figure 3. Path model of the relationship between IEM and RPM with acculturation preferences and indicators of psychological well-being among the Russians and Estonians in Estonia

Note. The first coefficients refer to the Russians, the second ones after the slash refer to the Estonians; model fits are satisfactory: $\chi^2/df = 1.765$, CFI = 0.977, RMSEA = .060, PCLOSE = 0.327 (the Russians) / $\chi^2/df = 2.300$, CFI = 0.978, RMSEA = .064, PCLOSE = 0.256 (the Estonians)
*** $p < .001$; ** $p < .01$; * $p < .05$

The data presented in Figure 3 indicate that RPM among the Russians in Estonia is associated positively with the integration strategy and negatively with the separation strategy. Moreover, RPM among the Russians in Estonia is positively associated with both life satisfaction and self-esteem. The integration strategy among the Russians in Estonia is positively associated with life satisfaction, while the assimilation strategy is negatively associated with self-esteem. Among the Estonians, IEM is associated positively with the integration and separation expectations of the Russians and negatively with the assimilation expectations the Russians. At the same time, RPM among the Estonians is positively associated with the assimilation expectation of the Russians. Among the Estonians, IEM is negatively associated with self-esteem, whereas RPM is positively associated with both life satisfaction and self-esteem. The segregation expectation of the Russian among the Estonians is positively associated with life satisfaction and self-esteem, while their assimilation expectation is negatively associated with self-esteem.

Discussion

The main goal of this study was to find an answer to the question about the role of ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism in the mutual acculturation and psychological well-being of members of the Russian ethnic minority and the ethnic majorities of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Estonia. The answer was found as a result of verification of the research hypotheses through the prism of intra- and inter-country analysis.

The first hypothesis that IEM and RPM were associated positively with acculturation preferences for integration and negatively with acculturation preferences for separation and assimilation among members of the ethnic minority and the ethnic majority was partially confirmed in all the studied samples and countries.

Thus, in Kazakhstan, the Russians with high levels of ideal (expected) multiculturalism and real (perceived) multiculturalism prefer integration in intercultural interaction with the Kazakhs but do not prefer separation. The Kazakhs, in turn, with a high level of ideal (expected) multiculturalism, demonstrate readiness to integrate the Russians but do not accept their assimilation. In addition, the Kazakhs with a high level of real (perceived) multiculturalism expect Russians to integrate into Kazakh society, that is, they expect Russians not to renounce their cultural identity when interacting with the Kazakhs. It turns out that the attitudes towards the adoption of multicultural ideology in this country, and the vision of its full implementation, consistently lead to a preference for the integration of the Russians, both from the point of view of the Russians themselves and the Kazakhs. The results obtained can be considered as a sign of a favorable background for intercultural interaction in Kazakhstan. This once again proves that integration can only be achieved in a society where cultural diversity is encouraged (Berry *et al.*, 2022).

In Kyrgyzstan, the Russians with a pronounced attitude towards the adoption of multicultural ideology do not accept assimilation as a strategy of intercultural interaction with the Kyrgyz. Moreover, those of them, who feel the implementation of multicultural ideology in the country, demonstrate a commitment to the integration strategy in intercultural interaction with the Kyrgyz, but are not at all inclined to separation. The Kyrgyz with a high level of real (perceived) multiculturalism demonstrate a commitment to the integration of the Russians. In summary, it can be said that the perception by the Russians and Kyrgyz in Kyrgyzstan that multicultural ideology is being implemented in their country leads to a preference for integration on both sides, which in turn is a clear indication of the favorable background of intercultural relations in this country.

The situation in Estonia is different from what we observe in Kazakhstan and Kyrgyzstan. Thus, among the Russians in Estonia, only real (perceived) multiculturalism leads to integration in intercultural interaction with Estonians and does not lead to separation, while expectations regarding the need to adopt a mul-

multicultural ideology are not associated with the choice of any acculturation strategy. For the Estonians, on the contrary, the expectation of the need to adopt a multicultural ideology in the country is associated positively with both the preference for the integration of the Russians and the preference for their segregation from Estonian society, but negatively with the preference for the assimilation of the Russians. It turns out that among the Estonians, the personal attitude towards the adoption of a multicultural ideology is associated with the fact that the Russians should certainly preserve their cultural heritage (this is what unites the expectations of integration and segregation), but the question of whether the Russians should interact and be fully “let in” into Estonian society remains open and controversial (since the expectation of integration implies interaction with Estonians, while that of segregation does not). Moreover, the implementation of multicultural ideology in this country as perceived by the Estonians leads to a preference for assimilation of the Russians. This suggests that the Estonians, seeing support for preserving the cultural identity of ethnic minorities in Estonia, expect assimilation from the Russians. Most likely, this is due to the threat that the Estonians perceive from the Russians, which takes the form of fear of increasing Russian influence through the Russian ethnic group (Skuratovskaya, 2016). The results obtained in Estonia indicate the presence of a certain level of tension in the intercultural interaction between the Estonians and Russians.

Thus, the results of verification of the first hypothesis of this study clearly indicate that the universal basis for the integration of Russians in the post-Soviet space, regardless of their country of residence, is real (perceived) multiculturalism, that is, the perception of a real sociocultural context, but not abstract personal attitudes towards multicultural ideology. With regard to the ethnic majority of the studied post-Soviet countries, it should be said that no universal basis for the preference for the integration of Russians has been revealed in the three countries. Among the Kazakhs and Kyrgyz, the basis for the Russians’ integration expectation was real (perceived) multiculturalism, that is, the feeling that the multicultural ideology is fully implemented in the country. Whereas among the Estonians, the basis for the Russians’ integration was ideal (expected) multiculturalism, while perceived multiculturalism became the basis for the preference for their assimilation. The obtained results indicate that in different sociocultural contexts, the implementation of multicultural ideology perceived by the ethnic majority in their country can be the basis for the preference for integration and the assimilation of minorities. From our point of view, this depends on whether members of the ethnic majority consider themselves as something external to the implementation of the multicultural ideology or as part of it. And, moreover, whether they feel a threat to their way of life from ethnic minorities.

The second hypothesis that IEM and RPM were positively associated with such indicators of psychological well-being as life satisfaction and self-esteem among members of the ethnic majorities and ethnic minority was also partially confirmed in all the studied samples and countries.

Thus, among the Russians in Kazakhstan, ideal (expected) multiculturalism is positively associated with self-esteem, whereas their real (perceived) multiculturalism is positively associated with life satisfaction. Among the Kazakhs, however, their real (perceived) multiculturalism is positively associated with both self-esteem and life satisfaction. It is noteworthy that the universal basis for life satisfaction among the Kazakhs and Russians is real (perceived) multiculturalism. Overall, this indicates that the implementation of multicultural ideology in their country, perceived by both the Russians and Kazakhs, has a beneficial effect on their psychological well-being.

In Kyrgyzstan, among the Russians, only real (perceived) multiculturalism is associated with life satisfaction, while among the Kyrgyz, both real (perceived) multiculturalism and ideal (expected) multiculturalism are positively associated with both life satisfaction and self-esteem.

In Estonia, among the Russians and Estonians, real (perceived) multiculturalism is positively associated with both life satisfaction and self-esteem. At the same time, ideal (expected) multiculturalism among the Estonians is negatively associated with their self-esteem. Probably, as we have already noted above, the attitude towards the adoption of multicultural ideology is viewed by them as something external, intended to preserve the cultural identity of minorities, but not of the Estonians themselves, which ultimately does not contribute to their self-esteem.

Summarizing the results obtained during the verification of the second hypothesis, we can say that members of the Russian ethnic minority and the ethnic majority of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Estonia, who see the implementation of multicultural ideology in their countries, demonstrate a high level of life satisfaction. It turns out that the perceived context in which all the ethnocultural groups are valued is associated with life satisfaction among people regardless of their ethnicity and their ethnic group status. These findings are consistent with the idea that perception has a more powerful and direct influence on key social and psychological outcomes (Guimond et al., 2013; Koopmans & Schaeffer, 2016; Van Assche et al., 2016).

The third hypothesis, that acculturation preference for integration was positively associated with life satisfaction and self-esteem, was partially confirmed, but not in all the studied samples.

In Kazakhstan, the Kazakhs who expect the Russians' integration demonstrate a high level of self-esteem. In Kyrgyzstan and Estonia, the Russians who prefer integration in intercultural interaction with the ethnic majority demonstrate

a high level of life satisfaction. The relationships between the acculturation preference for integration and indicators of psychological well-being in all the studied samples are weaker than expected or absent altogether, probably due to the fact that in the model we have tested, real (perceived) multiculturalism turns out to be a more powerful factor of psychological well-being than acculturation preferences for integration.

As expected, there are different answers to the research question about how the acculturation preferences of separation/segregation and assimilation are associated with psychological well-being of members of the Russian ethnic minority and the ethnic majority in the sociocultural contexts under study. For example, in Kazakhstan, the Kazakhs and Russians who prefer assimilation of the Russians demonstrate a high level of life satisfaction. The relationship between the assimilation strategy and life satisfaction usually indicates that this strategy has a certain adaptive potential in a complex sociocultural context (Lepshokova, Tatarko, 2016) with a bias towards assimilation (Lepshokova et al., 2018). In Kyrgyzstan, the preferences of separation and assimilation among the Russians and Kyrgyz are not associated to their psychological well-being, and therefore do not carry any adaptive potential.

Of particular interest is the positive relationship between segregation expectation and life satisfaction and self-esteem among the Estonians.

It appears that the Estonians with a strong attitude that Russians should preserve their cultural heritage in Estonia, but without interacting with the ethnic majority, demonstrate a high level of psychological well-being. At the same time, the Estonians and Russians who are not inclined to assimilate the Russians demonstrate a high level of self-esteem. Previous studies have already noted that the Estonians with a high level of ethnic self-esteem tend to oppose cultural pluralism and prefer the separation strategy (Raudsepp, 2009). In our study, we see that the Estonians with high levels of personal self-esteem also demonstrate a tendency towards segregation, which is most likely due to the awareness of protecting their cultural identity and originality.

Conclusion

The study is the first of its kind in providing a comprehensive picture of intercultural interaction between an ethnic minority and majority within the model of the relationship between the ideal (expected) and real (perceived) context with mutual acculturation and psychological well-being. The tested model can be used to diagnose intercultural relations in multicultural regions, as it makes it possible to detect points of tension and rapprochement in intercultural relations between members of ethnocultural groups with different statuses in multicultural contexts. For example, no serious tension points have been identified in Kyrgyzstan; in Ka-

zakhstan, the positive relationship between the preference for assimilation and life satisfaction among both the Russians and Kazakhs raises concerns; and in Estonia, the negative relationship between ideal (expected) multiculturalism and self-esteem, as well as the positive relationship between the Russian's segregation expectation and indicators of psychological well-being among the Estonians, is alarming. At the same time, an important resource for psychological well-being in all contexts studied was real (perceived) multiculturalism, that is, people's feeling that multicultural ideology is fully implemented in their country.

In this regard, it seems critically important to create a social environment in which cultural diversity is encouraged in a way that is visible to people, which, as our research has shown, is an invaluable resource for the life satisfaction of members of all ethnocultural groups, regardless of their country of residence and the social status. Multiculturalism can be made visible through mass communications, social media and everyday positive experiences of intercultural interaction.

This study, being a continuation of a series of studies in line with the context-oriented approach in psychology of acculturation (Lepshokova, 2020; 2021), aimed at studying ideal (expected) and real (perceived) multiculturalism, makes a significant contribution to understanding the essence, significance and resourcefulness of perceived inclusiveness of the context for psychological well-being and harmonization of intercultural relations.

References

- Badea, C. (2017). Group ideologies. In F.M. Moghaddam (Ed.). *The SAGE Encyclopedia of Political Behavior* (vol. 2, pp. 345–345). Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc. <https://doi.org/10.4135/9781483391144.n159>
- Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry, J.W. (2013). Research on multiculturalism in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(6), 663–675. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.09.005>
- Berry, J.W. (Ed.). (2017). *Mutual Intercultural Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry, J.W., & Kalin, R. (1995). Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne Des Sciences Du Comportement*, 27(3), 301–320. <https://doi.org/10.1037/0008-400x.27.3.301>
- Berry, J.W., & Sabatier, C. (2010). Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, 34(3), 191–207. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.11.007>
- Berry, J.W., Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 16(2), 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Berry, J.W., Lepshokova, Z., MIRIPS Collaboration, & Grigoryev, D. (2022). How shall we all live together?: Meta-analytical review of the mutual intercultural relations in plural societies project. *Applied Psychology*, 71(3), 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>

- Birman, D., Trickett, E.J., & Vinokurov, A. (2002). Acculturation and adaptation of Soviet Jewish refugee adolescents: Predictors of adjustment across life domains. *American Journal of Community Psychology*, 30(5), 585–607. <https://doi.org/10.1023/a:1016323213871>
- Bronfenbrenner, U. (1992). Ecological systems theory. In R. Vasta (Ed.). *Six theories of child development: Revised formulations and current issues* (pp. 187–249). London: Jessica Kingsley Publishers.
- Commercio, M.E. (2004). Exit in the near abroad: The Russian minorities in Latvia and Kyrgyzstan. *Problems of post-Communism*, 51(6), 23–32. <https://doi.org/10.1080/10758216.2004.11052185>
- Croft, J. (2016). Non-citizens in Estonia and Latvia: Time for change in changing times? In IFSH (Ed.). *OSCE Yearbook 2015* (pp. 181–195). Baden-Baden: Nomos. <https://doi.org/10.5771/9783845273655-177>
- Dobrokhleb, V.G., & Kondakova, N.A. (2022). Gender component of the demographic security of the EAEU countries. *Woman in Russian Society*, (S1), 4–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.1>
- Dzhamankulov, B.S. (2019). Structural changes in the economy of Kyrgyzstan. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 9(2), 819–832. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/eo.9.2.40644>
- Florin, M. (2011). Elites, Russian language and Soviet identity in post-Soviet Kyrgyzstan. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, (6), 225–233. (In Russ.)
- Furman, D.E., & Zadorozhnyuk, E.G. (2004). Attraction of the Baltic countries (Baltic Russians and Baltic cultures). *Universe of Russia*, 13(3), 98–130. (In Russ.)
- Galiyev, A.A. (2016). Reflection of Soviet history in the memory policy of modern Kazakhstan. *World of Great Altai*, 2(3-1), 430–440. (In Russ.)
- Guimond, S., Crisp, R.J., De Oliveira, P., Kamiejski, R., Kteily, N., Kuepper, B., Lalonde, R.N., Levin, S., Pratto, F., Tougas, F., Sidanius, J., & Zick, A. (2013). Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104(6), 941–958. <https://doi.org/10.1037/a0032069>
- Jackson, P.I., & Doerschler, P. (2016). How safe do majority group members, ethnic minorities, and Muslims feel in multicultural European societies? *Democracy and Security*, 12(4), 247–277. <https://doi.org/10.1080/17419166.2016.1213165>
- Jumageldinov, A. (2014). Ethnic identification, social discrimination and interethnic relations in Kazakhstan. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 114, 410–414. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.721>
- Koopmans, R., & Schaeffer, M. (2016). Statistical and perceived diversity and their impacts on neighborhood social cohesion in Germany, France and the Netherlands. *Social Indicators Research*, 125(3), 853–883. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0863-3>
- Kruusvall, J., Vetik, R., & Berry, J.W. (2009). The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 3–24.
- Kunst, J.R., Coenen, A.-C., Gundersen, A., & Obaidi, M. (2023). How are acculturation orientations associated among majority-group members? The moderating role of ideology and levels of identity. *International Journal of Intercultural Relations*, 96, 101857. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2023.101857>
- Kus-Harbord, L., & Ward, C. (2015). Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology*, 4(1), 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- Kuvalin, D.B., Borisov, V.N., Zinchenko, Yu.V., & Lavrinenko, P.A. (2022). The economy of Kazakhstan: the results of a difficult thirty years. *Territory Development*, (1), 22–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2022-1-22-32>

- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Leping, K.-O., & Toomet, O. (2008). Emerging ethnic wage gap: Estonia during political and economic transition. *Journal of Comparative Economics*, 36(4), 599–619. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2008.08.002>
- Lepshokova, Z., Lebedeva, N., & van de Vijver, F.J.R. (2018). The mediating role of identity incompatibility in the relationship between perceived discrimination and acculturation preferences in two generations of the ethnic Russian minority in the North Caucasus. *European Journal of Developmental Psychology*, 15(1), 99–114. <https://doi.org/10.1080/17405629.2017.1336433>
- Lepshokova, Z.Kh. (2012). *Adaptation strategies of migrants and their psychological well-being (using the example of Moscow and the North Caucasus)*. Moscow: Grifon. (In Russ.)
- Lepshokova, Z.Kh. (2020). Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the north Caucasus in Moscow. *Social Sciences and Contemporary World*, (3), 124–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086904990010074-3>
- Lepshokova, Z.Kh. (2021). Perceived inclusiveness of the context, identities and acculturation of Russians in Kyrgyzstan and Estonia. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 25–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2021170403>
- Lepshokova, Z.Kh., & Tatarko, A.N. (2016). Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 57–73. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0104>
- Lindemann, K., & Vöörmann, R. (2010). Second generation Russians in the Estonian labour market. In R. Vöörmann (Ed.). *Estonian Human Development Report 2009* (Pp. 99–102). Tallinn: Estonian Cooperation Assembly.
- Moldabayeva, A.K., & Zeynelgabdin, A.B. (2024). Analysis of the mechanisms of regulation of the language policy of the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Karaganda University*, 29(1), 159–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.31489/2024ec1/159-170>
- Nemeshina, L.Yu., Omarov, H.M., & Panarin, S.A. (2008). Russians of Kyrgyzstan in the 1990-2000s: population dynamics, qualitative shifts, adaptation assessment. *Acta Eurasica*, (3), 47–75. (In Russ.)
- Nguyen, A.-M.D., & Benet-Martínez, V. (2013). Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44(1), 122–159. <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
- Pavlenko, A. (2008). Multilingualism in post-Soviet countries: Language revival, language removal, and sociolinguistic theory. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 11(3–4), 275–314. <https://doi.org/10.1080/13670050802271517>
- Raudsepp, M. (2009). Ethnic self-esteem and intergroup attitudes among the Estonian majority and the non-Estonian minority. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 36–51.
- Rudmin, F.W. (2006). Debate in science: The case of acculturation. *AnthroGlobe Journal*, 1–98. Retrieved 04.01.2023 from <https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/1996/article.pdf?sequence=1>
- Scottham, K.M., & Dias, R.H. (2010). Acculturative strategies and the psychological adaptation of Brazilian migrants to Japan. *Identity*, 10(4), 284–303. <https://doi.org/10.1080/15283488.2010.523587>

- Shulga, Ye.P. (2013). Potential migration of the Russian speakers from central Asia to Russia (in terms of Kyrgyzstan). *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, (3), 97-103. (In Russ.)
- Skuratovskaya, K.G. (2016). The current situation of the Russian ethnic group in Estonia: political analysis. *Vestnik of Saint Petersburg State University. Political science. International relations*, (1), 85-96. (In Russ.)
- Stogianni, M., Bender, M., Slegers, W., Benet-Martinez, V., & Nguyen, A.-M. (2021). Sample characteristics and country level indicators influencing the relationship between biculturalism and adjustment: an updated meta-analysis. *PsyArXiv*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/8qymv>
- Tran, D.L. (2013). Multilingual Education – Important Strategy of Kazakhstan. *Advances in Current Natural Sciences*, (7), 130–132. (In Russ.)
- Van Assche, J., Roets, A., Dhont, K., & Van Hiel, A. (2016). The association between actual and perceived ethnic diversity: The moderating role of authoritarianism and implications for outgroup threat, anxiety, and mistrust. *European Journal of Social Psychology*, 46(7), 807–817. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2211>
- Vetik, R. (1993). Ethnic conflict and accommodation in post-communist Estonia. *Journal of Peace Research*, 30(3), 271–280. <https://doi.org/10.1177/0022343393030003003>
- Ward, C., Stuart, J., & Watters, S.M. (2016). Multiculturalism: The cause of social problems or the cure for social ills? *Papers presented at the SPSSI-SASP Small Group Meeting on Immigration to Major Immigrant-receiving Countries*. Ottawa, Canada.
- Ward, C., Gale, J., Staerklé, C., & Stuart, J. (2018). Immigration and multiculturalism in context: A framework for psychological research. *Journal of Social Issues*, 74(4), 833–855. <https://doi.org/10.1111/josi.12301>
- Ward, C., Kim, I., Karl, J.A., Epstein, S., & Park, H.-J. (2020). How normative multiculturalism relates to immigrant well-being. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Ward, C., Stuart, J., & Karl, J.A. (2023). A socio-ecological perspective on psychological well-being in a culturally diverse context: The role of perceived national multicultural norms. *International Journal of Intercultural Relations*, 96, 101870. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2023.101870>
- Zagefka, H., & Brown, R. (2002). The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, 32(2), 171–188. <https://doi.org/10.1002/ejsp.73>

Article history:

Received 4 April 2024

Revised 5 May 2024

Accepted 8 May 2024

For citation:

Lepshokova, Z.Kh., Djukic, J., & Chernaya, A.V. (2024). Ideal and real multiculturalism in post-soviet countries: Relationship with mutual acculturation and psychological well-being among of ethnic majorities and minorities. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 385–407. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407>

Author's contribution: *Zarina Kh. Lepshokova* – project administration, conceptualization, methodology, text writing and editing. *Jelena Djukic* – text writing and editing. *Anna V. Chernaya* – text writing and editing.

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Bio notes:

Zarina Kh. Lepshokova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, HSE University; Chief Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University, 20 Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3387-8242, SPIN-code: 7011-5082. E-mail: taimiris@yandex.ru

Jelena Djukic, PhD in Psychology, Associate Professor, Academy for Human Development, 34 Terazije Str., 11000 Belgrade, Serbia. ORCID: 0009-0001-7123-2058. E-mail: jele-nagent@gmail.com

Anna V. Chernaya, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Developmental Psychology, Southern Federal University, 105/42 B. Sadovaya Str., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5985-2126. E-mail: avchernaya@sfedu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407

EDN: JAEIPV

УДК 316.6

Исследовательская статья

Идеальный и реальный мультикультурализм в постсоветских странах: связь со взаимной аккультурацией и психологическим благополучием этнического большинства и меньшинства

З.Х. Лепшокова¹ , Е. Джукич² , А.В. Черная³

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

²Академия человеческого развития,
Белград, Сербия

³Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
 taimiris@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается социально-психологический взгляд на мультикультурализм как субъективное отражение социокультурного контекста на уровне установок и восприятия. Разграничиваются понятия идеального (ожидаемого) и реального (воспринимаемого) мультикультурализма и исследуется их связь с аккультурационными предпочтениями и психологическим благополучием представителей этнического меньшинства и большинства. Исследование проведено на представителях русского этнического меньшинства ($N = 746$) и этнического большинства ($N = 754$) Казахстана, Кыргызстана и Эстонии. Общий объем выборки составил 1500 респондентов. Мето-

дологию исследования составили прескриптивная и дескриптивная версии шкалы мультикультурной идеологии, шкалы для измерения аккультурационных стратегий этнического меньшинства и аккультурационных ожиданий этнического большинства, а также шкалы для измерения уровня удовлетворенности жизнью и самоуважения. В результате анализа выяснилось, что универсальной основой удовлетворенности жизнью представителей русского этнического меньшинства и этнического большинства всех исследуемых постсоветских стран является реальный (воспринимаемый) мультикультурализм, а не абстрактные установки в отношении принятия мультикультурной идеологии. Более того, реальный, воспринимаемый русскими, мультикультурализм проявил себя и как универсальная основа выбора ими стратегии интеграции. У представителей этнического большинства реальный, воспринимаемый ими, мультикультурализм проявил себя основой интеграции или ассимиляции русских в зависимости от контекста. У казахов и киргизов он лег в основу интеграции русских, тогда как у эстонцев – в основу ассимиляции русских. Эти и другие результаты исследования обсуждаются через призму социокультурных контекстов Казахстана, Кыргызстана и Эстонии, а также через призму принципиальных различий между идеальным и реальным мультикультурализмом. Завершается статья объяснением практической ценности тестируемой модели для диагностики межкультурных отношений в поликультурных обществах.

Ключевые слова: мультикультурная идеология, идеальный (ожидаемый) мультикультурализм, реальный (воспринимаемый) мультикультурализм, аккультурационные стратегии, аккультурационные ожидания, психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, самоуважение, постсоветские страны, этническое большинство, этническое меньшинство, Казахстан, Кыргызстан, Эстония.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

История статьи:

Поступила в редакцию 4 апреля 2024 г.

Принята к печати 8 мая 2024 г.

Для цитирования:

Лепшокова З.Х., Джукич Е., Черная А.В. Идеальный и реальный мультикультурализм в постсоветских странах: связь со взаимной аккультурацией и психологическим благополучием этнического большинства и меньшинства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 385–407. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-385-407>

Вклад авторов:

З.Х. Лепшокова – администрирование проекта, концептуализация, методология, написание текста, редактирование. Е. Джукич – написание текста, редактирование. А.В. Черная – написание текста, редактирование.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Лепиокова Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии Факультета социальных наук, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0003-3387-8242, SPIN-code: 7011-5082. E-mail: taimiris@yandex.ru

Елена Джукич, кандидат психологических наук, доцент Академии человеческого развития, Сербия, 11000, Белград, Теразие, д. 34. ORCID: 0009-0001-7123-2058. E-mail: jelenagent@gmail.com

Анна Викторовна Черная, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития, Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42. ORCID: 0000-0001-5985-2126. E-mail: avchernaya@sfedu.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426

EDN: JFYOWB

UDC 316.61

Research article

The Permeability of Social Boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The Role of Social Identities and Perceived Security

Maria A. Bultseva¹, Asya S. Berberyan², Sonia A. Berrios Callejas¹¹HSE University,*Moscow, Russian Federation*²Russian-Armenian (Slavonic) University,*Yerevan, Republic of Armenia* mbultseva@hse.ru

Abstract. Russians are one of the largest ethnocultural minorities in the post-Soviet and the issue of their inclusion in the societies of host countries remains relevant. Therefore, this study was focused on the relationship between perceived security and social identities (civic, ethnic or European) and the perceived permeability of social boundaries for Russians in Armenia, Kazakhstan, Estonia, and Kyrgyzstan. The study had a cross-sectional design. The data were collected online in 2020–2022, from samples of Russian minorities in these countries (total $N = 765$, including: 145 Russians in Armenia, 133 Russians in Kazakhstan, 186 Russians in Estonia, and 300 Russians in Kyrgyzstan) using the scales of ethnic identity, civic identity and perceived security from the questionnaire of the international MIRIPS project, the scale of European identity developed by K. Velkova, and the scale of permeability of social boundaries by M. Ramos et al. Path models were built to test the hypothesis and find an answer to the research question. The analysis of regression coefficients, as well as direct and indirect effects in the path models, demonstrated a universal positive relationship between perceived security and the perceived permeability of social boundaries for the Russians. The inclusiveness or exclusiveness of a particular identity was found to be culture-specific. Civic identity contributes to the perceived permeability of social boundaries in Armenia, Kazakhstan, and Kyrgyzstan. European identity impedes perceived it in Kazakhstan. Ethnic identity promotes it in Kazakhstan but hinders it in Estonia (at tendency level). In a number of countries, significant mediation effects of ethnic (Estonia), civic (Kazakhstan and Armenia), and European (Kazakhstan) identities were found. The results were discussed in relation to the structural characteristics of the socio-cultural contexts of the studied countries. It was concluded that perceived security would affect the inclusiveness of the context in combination with social identities, depending on the characteristics of the sociocultural context.

Keywords: permeability of social boundaries, ethnic identity, civic identity, European identity, perceived security, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Estonia, Armenia, Russians, post-Soviet space

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

© Bultseva M.A., Berberyan A.S., Berrios Callejas S.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

Cultural diversity in a society raises the issue of its inclusiveness for migrants and ethnic minorities. This is related not only to issues of social cohesion and the favorability of intercultural relations, but also to whether cultural differences will be perceived as a benefit and resource, or will serve as a source of discord and polarization in society. The positive aspects of cultural diversity are most realized in inclusive societies, while its threats are most realized in exclusionary societies (MM, 2019).

After the collapse of the Soviet Union, the newly independent republics actively formed their own social policies, which make it possible to classify this region primarily as a “nationalizing state”. It is believed that in societies of this type, the regulation of intercultural relations is based on the principles of assimilation, which means the rejection of minorities from their cultural traditions in favor of the culture of the majority (Letnyakov, 2019).

The issue of inclusiveness of society in the post-Soviet countries is of particular relevance for the Russian ethnic minority, as it is one of the most represented in the region. The problem of this study is the insufficient number of research of socio-psychological factors that promote or hinder inclusiveness of Russians in the post-Soviet space. To fill this gap in scientific knowledge, we consider the inclusiveness of society through the perceived permeability of social boundaries for Russians in four post-Soviet countries (Armenia, Kazakhstan, Estonia and Kyrgyzstan). We suppose that the perceived security, that may affect social identities, determine this permeability. Therefore, the goal of the study is to identify the role of social identities in the relationship between the perceived security and perceived permeability of social boundaries in various socio-cultural contexts.

Perceived permeability of social boundaries as an indicator of the inclusiveness of society

The permeability of social boundaries in psychology usually means the fundamental ability of people or groups to overcome, soften, or eliminate boundaries between social groups (Tajfel, Turner, 2004), including ethnocultural ones. From the perspective of the host society, the permeability of social boundaries describes the desirability of inclusion of members of another group, whereas from the perspective of a minority, it describes the fundamental (perceived) possibility of inclusion in society (Johnson et al., 2005; Verkuyten & Reijerse, 2008).

In general, when social boundaries are perceived as permeable, group members interact more actively (Piontkowski et al., 2000), which leads to improved intergroup relations (Loh et al., 2010), reducing perceived discrimination and increasing psychological well-being (Bourguignon et al., 2015). In contrast, impermeable social boundaries reflect the exclusionary orientation of the sociocultural context and are associated with a negative image of members of the external group (Echabe & Castro, 1996), i.e., ethnocultural minorities.

The perceived permeability of social boundaries as an indicator of social inclusiveness is based on the idea of the consequences of social categorization. The process of social categorization, i.e., assigning oneself and other people to certain categories, is inevitable. However, by making certain categories more inclusive, it

is possible to redefine perceived group boundaries (Gaertner & Dovidio, 2005). This raises the issue of the relationship between social identities and the permeability of social boundaries.

Social identities and the permeability of social boundaries

Social identities, reflecting the fact of perceived membership in a social group, as well as its emotional and value assessment (Tajfel, Turner, 2004), can play an inclusionary or exclusionary role in a certain context (Lepshokova, Leb-edeveva, 2022). Indeed, homogeneity and similarity between groups, allowing them to be considered within the same or similar categories, contribute to the permeability of social boundaries and the reduction of prejudice (Zhang, 2014).

It has been found that salient ethnic identity can act as a divisive factor and lead to exclusionary attitudes towards migrants (Morrison et al., 2010). Civic identity promotes trust in the host society in all aspects and, thus, cohesion and inclusiveness (Breidahl, Gustavsson, 2022). And supra-ethnic/supranational identification with Europe is positively related to more inclusionary attitudes towards migrants (Curtis, 2014) and negatively related to prejudice (Stone, Crisp, 2007).

Therefore, for ethnic minorities, the permeability of social boundaries in a society may depend on how open and inclusive the society's approach to different forms of identity is. Increasing the permeability can occur through respect for ethnic differences, strengthening civic and supranational identities, as well as creating conditions for interaction and integration of different groups in society. Moreover, according to integral threat theory, people are willing to accept others when they have a basic sense of security in intergroup relations. Conversely, feeling oneself threatened will lead to prejudice and discrimination (Stephan et al., 2005).

*Perceived security and the permeability of social boundaries:
The role of social identities*

In the context of intercultural relations hypotheses, perceived security and its antipode, perceived threat, refer to the feeling of individuals or groups of their own safe space in interactions with members of other cultures or ethnic groups. Perceived threat comes in several forms and is reflected in fears associated with the loss of cultural heritage, worsening economic conditions, and a reduced sense of physical security (personal security). According to the multiculturalism hypothesis, perceived security is associated with more positive intercultural relationships (Berry, 2013); in particular, it leads to tolerance and support for multicultural ideology and an orientation towards the integration of ethnocultural minorities. Many studies have empirically confirmed this hypothesis in samples of ethnocultural minorities and the majority (Kodja et al., 2019; Kruusvall et al., 2009; Leb-edeveva et al., 2016).

A number of studies have examined the relationship between perceived security and social identities. However, the results are heterogeneous. In some studies, perceived security promotes a pronounced ethnic identity (Zinchenko et al., 2019); while in others, perceived threat promotes civic identity and European identity (Baydhowi et al., 2023; Matonyte, Morkevičius, 2013). Thus, both the

feeling of security and the feeling of threat can stimulate social identities. However, since there is a critical lack of research on this issue, it is impossible to extrapolate these findings to ethnic minorities and different sociocultural contexts.

Post-Soviet space: sociocultural context of the countries studied

Armenia is practically a mono-ethnic state, with ethnocultural minorities accounting for less than two percent of the population, and Russians being the second largest ethnocultural minority (less than 1%). Despite such a small representation of Russians, interethnic relations in the country remain positive (Kurkchian, Herzig, 2004). This can be partially explained by the common Soviet past, which had a positive impact on the development of Armenian identity and the desire to preserve and pass on to descendants the collective memory of Armenian culture, so that “Soviet” and “Armenian” were often inseparable from each other in the past (Bayadyan, 2007). At the same time, the favorable position of Soviet-Slavic ethnocultural minorities, and in particular Russians, reflects their status as the “successors” of the Soviet Union (Schulze, 2017). The Russian language has a special status and performs a cultural-civilizational function and the function of intercultural communication, since more than half of the country’s population speaks Russian.

The Russians in **Kazakhstan** represent the largest ethnocultural minority making up about 15% of the total population. As in the other countries in the post-Soviet space, their number in the republic decreased significantly after the collapse of the Soviet Union (Karabec, Kotenko, 2015). At the same time, researchers note that for the Russians in Kazakhstan it is also very important to “remain Russian” and “live Russian culture”; in particular to profess Orthodoxy and speak Russian (Svinchukova, 2012). The majority of the country’s population speaks Russian, and even a number of government organizations actively use the Russian language (Melich, Adibayeva, 2013). Thus, the issue of language does not become a divisive factor. And, although Russians themselves rate the favorability of interethnic relations in the country lower than Kazakhs, and in general Russians are rather excluded from the political life of the country (Peyrouse, 2007), government policy is principally aimed at interethnic harmony and integration (Mukhitdenova, Akbolat, 2015).

The post-Soviet period in **Estonia** has been characterized by a growing rift between Estonian society and Russian-speaking groups. The Russians constitute about a quarter of the population and are the most represented ethnic minority in Estonia. Due to the fact that the Russians face problems related to the status of the Russian language and discrimination (Włodarska-Frykowska, 2016), interethnic relations in the country remain complicated. There is a strong assimilation pressure, which also affects Russians’ sense of belonging to Estonia (Vetik, Helemäe, 2011). In Estonia, the ethnic Russians transitioned from political power and economic advantage to a relatively deprived minority. Moreover, Estonian “integration” policy was limited to the minorities’ linguistic, political and socioeconomic participation; however, the problem of cultural preservation has not been resolved.

All these factors lead the Russian minority to fear group-based injustices and the devaluation of their identity (Kus, Liu & Ward, 2013; Ward, 2024). Nevertheless, according to researchers, in recent decades (before the start of the special military operation), there has been some progress in intercultural relations (Shlapentokh, 2018).

Finally, in *Kyrgyzstan*, the Russians make up 5% of the country's population, although they are the third largest ethnic group. At the same time, intercultural relations in the country are rather ambiguous. On the one hand, the Russian language retains the status of the state language, and almost a third of the population uses it as the language of communication (Galyapina, 2021; Khairutdinova *et al.*, 2023). On the other hand, more than half of the Russians report high inter-ethnic tension (Chotayeva Ch., 2013). The negative background of intercultural relations and the separation of ethnic majorities and minorities is associated, among other things, with emphasizing the differences between ethnic groups and measures to strengthen the ethnic identity of the Kyrgyz majority (Agadjanian, 2020).

It can be concluded that the sociocultural contexts of the countries under consideration differ in a number of ways. Firstly, this is the representation of the Russians, which is low in Kyrgyzstan and Armenia but quite high in Estonia and Kazakhstan. Secondly, this is the favorability of state policy in relation to the Russian ethnocultural minority, the Russian language and culture, as well as the degree of tension in intercultural relations in the country. Thus, Estonia and Kyrgyzstan are more likely to be characterized by tense intercultural relations with the Russians and more assimilationist policies, while Armenia and Kazakhstan are more likely to gravitate towards more positive relations with the Russians and a desire for integration. In addition, of course, the cultural distance and general "similarity" between the groups are important. For example, in Kazakhstan and Kyrgyzstan, where the civilizational identity is Turkic, the supranational European identity of the Russians is more likely to increase cultural distance and differences between the groups. Because of these differences, various social identities may play an inclusionary or exclusionary role for the Russians in these countries.

Thus, based on the given theoretical framework and consideration of the sociocultural context, the following hypothesis and research questions can be put forward.

Hypothesis: Perceived security is positively related to the permeability of social boundaries for the Russians in Estonia, Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan.

Research question 1: Which social identities (ethnic, civic, European) are inclusionary, and which are exclusionary for the Russians in Estonia, Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan?

Research question 2: What is the role of social identities in the relationship between the perceived security and perceived permeability of social boundaries for Russians in in Estonia, Kyrgyzstan, Armenia and Kazakhstan?

Methods

The sample for this study consisted of 765 respondents, representatives of the Russian ethnic minority in Armenia (145 respondents, including 85 women; mean age = 37.91, standard deviation = 13.98), in Kazakhstan (133 respondents,

including 90 women; mean age = 36.45, standard deviation 13.92), in Estonia (186 respondents, including 131 women; mean age 32.37, standard deviation = 15.95), and in Kyrgyzstan (300 respondents, including 196 women; mean age = 35.56, standard deviation = 17.4). Thus, the sample was predominantly composed of women, with over 70% of the respondents being employed in each country and over 50% adhering to the Russian Orthodox faith.

The study was conducted using a *cross-sectional, non-experimental design*. The sample was formed using a method of non-probability sampling of consenting individuals. The data were collected through an online survey, conducted on the Ika platform, in the format of a socio-psychological study. The potential participants were invited to fill out the questionnaire through personal invitations via email; significant support in distributing invitations was provided by foreign partner universities. Each participant was required to read and sign the informed consent form before starting the questionnaire.

The research instrument included five scales (based on the Likert scale) as well as several questions about the socio-demographic characteristics of the respondents. Information on the reliability of the instrument is provided in Table.

The level of perceived security among the Russian ethnic minority was assessed using the relevant scale from the questionnaire of the international MIRIPS project “Mutual Intercultural Relations in Multicultural Societies” (MIRIPS questionnaire), adapted for use in Russian and shortened as part of the work on a scientific project “Empirical Verification of the Applicability of Multiculturalism Policy in Russia in the Context of World Experience”. Here is an example statement from this scale: “There is room for a variety of languages and cultures in [country]”, with response options ranging from 1 (Totally Disagree) to 5 (Totally Agree). The original scale in Russian contained 6 statements (three positive and three negative ones) regarding security or the presence of threats, including physical, economic, and cultural aspects. In this study, three positive and one negative statement (items 1, 4, 5, and 6 of the scale) were used, as this combination yielded the highest reliability of the instrument across all countries. Due to the small number of items in the version of the scale used, the indicator was calculated for the entire scale (as the arithmetic mean of the respondent’s answers) without identifying the subscales.

To assess the extent of *civic and ethnic identity*, the scales from the MIRIPS questionnaire, translated and adapted for use in Russian, were also applied (Lebedeva, Tatarko, 2009). The extent of *European identity* was evaluated using a supra-ethnic identity scale, developed based on the scales from the MIRIPS questionnaire (Velkova, 2020). Each scale contained four statement-items assessing cognitive and affective aspects of self-identification with a particular group. Examples of questions included as follows “I think of myself as [group]” and “I feel that I am part of [group] culture”; instead of gaps, the Russian group was indicated (for ethnic identity), the majority group in a specific country (for civic identity), the supra-ethnic group (European for European identity). The response options ranged from 1 (Totally disagree) to 5 (Absolutely agree). The indicator for each

scale was calculated as the arithmetic mean of the respondent's answers without distinguishing the subscales.

The perceived permeability of social boundaries in society for the Russians was assessed using the social boundary permeability scale (Ramos et al., 2016). The scale was adapted for use in the study of intercultural relationship in previous studies (Bultseva et al., 2021). The respondents were asked to rate how difficult it would be for a Russian person to integrate into the society of a particular host country using a scale ranging from 1 (Very Difficult) to 5 (Very Easy). Here is an example statement: "To become a full-fledged member of various... groups (friendly, professional, etc.) for a Russian person in...". Instead of a gap, the majority groups and the name of the country were indicated. The scale indicator was calculated as the arithmetic mean of the respondent's answers.

The mathematical and statistical **data processing** was performed using the SPSS software and its extension, AMOS (version 22). Preliminary data filtering was conducted to remove incorrectly completed questionnaires. The consistency of the scales was established (according to the Cronbach's alpha criterion). Then descriptive statistics, including comparisons of means were calculated: ANOVA and Tukey's *post-hoc* tests for cross-cultural comparisons; Student's *T*-test for related samples, and pairwise comparisons for intra-county comparisons. To test the hypothesis and find answers to the research questions, a regression analysis was conducted using SPSS, and structural equations were built using bootstrap procedures and evaluation of mediation effects in AMOS.

Results

Analysis of the level of the phenomena studied

Table presents descriptive statistics from a cross-cultural perspective. Cross-cultural comparisons (ANOVA, Tukey's *post hoc* tests) show that there are significant differences between the countries. First, the level of permeability of perceived social boundaries of the host society for the Russians differs significantly ($F = 15.72, p < 0.01$). In particular, in Kyrgyzstan and Estonia, the permeability of social boundaries is approximately the same, but significantly lower than in all the other countries under consideration. Second, differences are also found in the levels of perceived security ($F = 36.79, p < 0.01$): in Kyrgyzstan it is significantly lower than in the other countries. Third, social identities are pronounced to a different degree, specifically: civic identity ($F = 51.95, p < 0.01$) and European identity ($F = 54.46, p < 0.01$). The Russians in Armenia have the lowest level of civic identity, while it is significantly higher among the Russians in Kyrgyzstan and even higher among the Russians in the other countries. At the same time, the Russians in Armenia, Kyrgyzstan, and Kazakhstan have approximately the same level of European identity, which is significantly lower than that of the Russians in Estonia. Thus, the peculiarities of the countries really affect the self-identification of the Russians living there and their perception of the sociocultural context.

Next, intra-country comparisons of social identities (Student’s *T*-test for related samples, pairwise comparisons) show that in those countries where there are few Russians, ethnic identity is more pronounced than civic identity; e.g., in Armenia ($T = 9.96, p < 0.01$), in Kyrgyzstan ($T = 12.09, p < 0.01$). In all the countries under consideration, ethnic identity is more pronounced than European identity: in Armenia ($T = 13.06, p < 0.01$), in Kazakhstan ($T = 13.13, p < 0.01$), in Estonia ($T = 2.52, p < 0.05$), in Moldova ($T = 4.11, p < 0.01$), and in Kyrgyzstan ($T = 19.26, p < 0.01$). At the same time, in some countries, civic identity is also more pronounced than European identity: in Kazakhstan ($T = 11.18, p < 0.01$) and in Kyrgyzstan ($T = 7.98, p < 0.01$). Thus, in general, European identity is less pronounced than the other two, and the significance of ethnic and civic identities depends on the context of a particular country

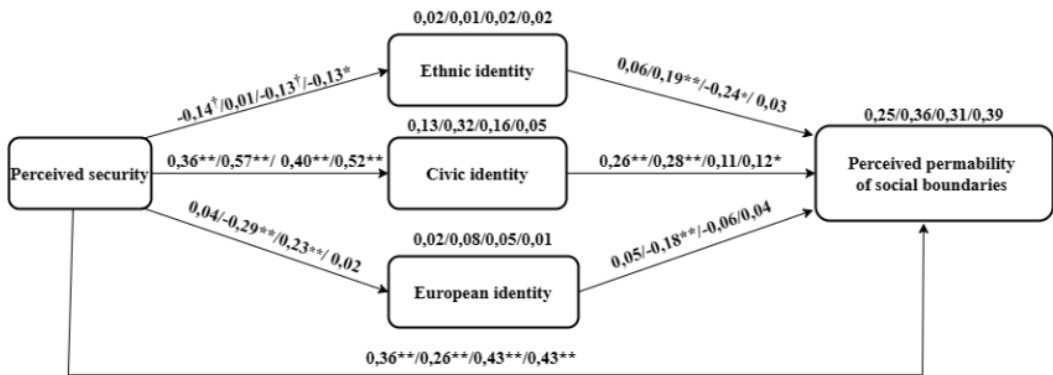
Descriptive Statistics and Reliability of Instruments Used in the Studied Countries

Constructs	Country								
	Kazakhstan		Estonia		Armenia		Kyrgyzstan		ANOVA
	M (σ)	α	M (σ)	α	M (σ)	α	M (σ)	α	
Boundaries permeability	3.33 (0.78)	0.89	2.85 (0.79)	0.86	3.22 (0.95)	0.90	2.84 (0.84)	0.86	15.72 ($p < 0.01$)
Perceived security*	3.54 (0.76)	0.67	3.55 (0.73)	0.64	3.44 (0.77)	0.52	2.93 (0.78)	0.54	36.79 ($p < 0.01$)
Ethnic identity	4.07 (0.81)	0.84	4.02 (0.95)	0.89	4.19 (1.01)	0.88	4.30 (0.78)	0.86	2.58 ($p > 0.05$)
Civic identity	4.04 (0.81)	0.85	3.78 (0.93)	0.85	2.67 (1.23)	0.92	3.48 (0.93)	0.85	51.95 ($p < 0.01$)
European Identity	2.61 (1.06)	0.96	3.89 (0.91)	0.89	3.22 (0.95)	0.96	2.82 (1.26)	0.95	54.46 ($p < 0.01$)

Note. * – Since the scale of perceived security has low consistency indicators according to the Cronbach’s Alpha criterion (due to the small number of items in the questionnaire), then according to the recommendations (Pallant, 2020) the correlation coefficients between the items of the scale were calculated (in Estonia: from 0.23 to 0.44; in Kazakhstan: from 0.19 to 0.57; in Armenia: from 0.17 to 0.31; in Kyrgyzstan: 0.16 to 0.39; all the correlations are significant)

The results of regression and path analysis

The results of the path analysis are presented in summary form in Figure.

Model of the relationship between perceived security, social identities and perceived permeability of social boundaries for Russians in Armenia / Kazakhstan / Estonia / Kyrgyzstan

Note: † $p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Armenia. The results of the regression analysis demonstrate that perceived security contributes to the perception of social boundaries of Armenian society as more permeable ($F = 34.33$, $R^2 = 0.19$, $\beta = 0.44$, $p < 0.01$). This confirms the first hypothesis for the Russians in Armenia. According to the results of the analysis of the constructed path model ($CMIN/df = 0.49$, $CFI = 0.99$, $RMSEA = 0.01$, $PClose = 0.73$; $^\dagger p < 0.1$; $*p < 0.05$; $**p < 0.01$), perceived security contributes to a higher perceived permeability of social boundaries of Armenian society for the Russians, a more pronounced civic identity, but also hinders (at the tendency level) the ethnic identity of the Russians (Figure). At the same time, the civic identity contributes to the perception of social boundaries of Armenian society as more permeable. A significant indirect mediation effect of perceived security through the civic identity was also found ($\beta = 0.09$, $p = 0.02$). Thus, it is the civic identity of the Russians in Armenia that plays an inclusionary role.

Kazakhstan. The results of regression analysis demonstrate that perceived security contributes to the perception of social boundaries of Kazakh society as more permeable ($F = 36.91$, $R^2 = 0.22$, $\beta = 0.47$, $p < 0.01$). This confirms the first hypothesis for the Russians in Kazakhstan. According to the results of the analysis of the constructed path model ($CMIN/df = 0.72$, $CFI = 0.99$, $RMSEA = 0.01$, $PClose = 0.59$; $*p < 0.05$; $**p < 0.01$), perceived security contributes to a higher perceived permeability of social boundaries of Kazakh society for the Russians, a more pronounced civic identity, but also impedes the European identity of Russians (Figure). At the same time, the ethnic and civic identities contribute to, while the European identity prevents the perception of social boundaries of Kazakh society as more permeable. Significant indirect mediation effects of perceived security through the civic identity ($\beta = 0.16$, $p = 0.01$) and European identity ($\beta = 0.59$, $p = 0.04$) were also found. Thus, the civic identity of the Russians in Kazakhstan plays an inclusionary role, while the European identity separates them from the host society. Interestingly, the ethnic identity, although independent of perceived security, also has a positive effect on the perception of social boundaries as more permeable.

Estonia. The results of the regression analysis demonstrate that perceived security contributes to the perception of social boundaries of Estonian society as more permeable ($F = 59.31$, $R^2 = 0.24$, $\beta = 0.49$, $p < 0.01$). This confirms the first hypothesis for the Russians in Estonia. According to the results of the analysis of the constructed path model ($CMIN/df = 1.62$, $CFI = 0.99$, $RMSEA = 0.06$, $PClose = 0.34$; $^\dagger p < 0.1$; $*p < 0.05$; $**p < 0.01$), perceived security contributes to higher perceived permeability of social boundaries of Estonian society for the Russians, more pronounced civic identity, and European identity, and also hinders the ethnic identity of Russians (at the tendency level) (Figure). At the same time, it is the ethnic identity that prevents the perception of social boundaries of Estonian society as more permeable. A significant indirect mediation effect of perceived security through the ethnic identity was also found ($\beta = 0.05$, $p = 0.04$). Thus,

the social identities in Estonia do not play an inclusionary role, and the ethnic identity separates Russians from the host society.

Kyrgyzstan. The results of the regression analysis demonstrate that perceived security contributes to the perception of social boundaries of Kyrgyz society as more permeable ($F = 78.12$, $R^2 = 0.21$, $\beta = 0.46$, $p < 0.01$). This confirms the first hypothesis for the Russians in Kyrgyzstan. According to the results of the analysis of the constructed path model ($CMIN/df = 2.74$, $CFI = 0.98$, $RMSEA = 0.07$, $PClose = 0.22$; $*p < 0.05$; $**p < 0.01$), perceived security contributes to a higher perceived permeability of social boundaries of Kyrgyz society for the Russians, a more pronounced civic identity, but also hinders the ethnic identity of the Russians (Figure). At the same time, the civic identity contributes to the perception of social boundaries of Kyrgyz society as more permeable. A significant indirect mediation effect of perceived security through the civic identity was also found ($\beta = 0.03$, $p = 0.03$). Thus, it is the civic identity of the Russians in Kyrgyzstan that plays an inclusionary role.

Discussion

This study aimed to determine the relationships between perceived security, social identities, and perceived permeability of social boundaries for the Russians in four post-Soviet countries. By analyzing the results of previous studies and the characteristics of sociocultural contexts, a hypothesis and two research questions were formulated. The hypothesis that perceived security contributes to the perceived permeability of social boundaries for the Russians was confirmed in each of the countries considered: Armenia, Kazakhstan, Estonia, and Kyrgyzstan. The research questions posed in this study concerned the inclusiveness or exclusiveness of social identities and their role in the relationship between perceived security and the permeability of social boundaries for the Russians. Let us now review the results obtained.

When members of the Russian ethnic minority in these countries feel that they are in a safe and supportive environment, they may be more willing to interact with members of the majority and overcome the boundaries between them. This result echoes the fact that perceived security contributed to the preference for the integration strategy among the Russian ethnocultural minorities in Dagestan, Georgia, and Tajikistan (Berry et al., 2019; Galyapina et al., 2021). In fact, countries with more multicultural policies and with greater levels of immigrant acceptance have better sociocultural integration rates (Ward, 2024). It is interesting to note that, for example, in a study of the Russian ethnic minority in Latvia, perceived security is negatively associated with the intensity of contacts with members of the ethnic majority (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016). This indicates the need for further research on the permeability of social boundaries and its associated variables in each specific sociocultural context. In addition, it is important to consider that intercultural relations are a dynamic process, and not only can perceived security affect the permeability of social boundaries, but also, conversely,

the permeability of social boundaries can contribute to the formation of more tolerant and safe social structures. When the boundaries between groups become more permeable, this can create opportunities for interaction, understanding, and cooperation between different social groups, which can ultimately contribute to a stronger overall sense of security and belonging.

The results of the study provided an answer to the research question of which social identities (ethnic, civic, European) are inclusionary and which are exclusionary for the Russians in the countries under consideration. Thus, it turns out that civic identity plays an inclusionary role in three of the four countries examined (with the exception of Estonia). European identity contributes to the permeability of social boundaries in Armenia but hinders it in Kazakhstan. Ethnic identity has a consolidating significance in Kazakhstan but hinders the permeability of social boundaries in Estonia. Thus, the inclusionary role of civic identity was found in most contexts, while the role of ethnic and European identity depends on the favorableness of intercultural relations in the country and the cultural proximity between the Russians, titular nations, and Europeans. It is of interest to note that in the theory of social identity (Tajfel, Turner, 2004), the opposite direction of the relationship between the constructs under consideration is assumed. The degree of permeability of social boundaries affects the formation of social identities and related behaviors: individual mobility (attempts to gain membership in a new group), social competition (attempts to protect the interests of one's own group), social creativity (recategorization, decategorization, revision of attitudes, *etc.*). In future studies, it would be interesting to look specifically at identities in dynamics and at Russians' strategies for responding to the permeability of social boundaries for them.

Applying path modelling, we found an answer to the research question about the role of social identities in the relationship between perceived safety and the perceived permeability of social boundaries for the Russians in the countries under consideration was found. The discussion of these results should be considered in two directions: firstly, to emphasize the connection between perceived security and identities, and secondly, to pay attention to the identified mediational (indirect) effects.

In contrast to previous studies that did not consider ethnocultural minorities (Baydhowi et al., 2023; Matonyte, Morkevičius, 2013), perceived security was found to contribute to civic identity in all the countries, and European identity in Estonia, where it may be the basis for recategorization. Some authors even note that a new hybrid model of integration is being formed in Estonia, consisting in the fact that the Russians are included in Estonian society, and Estonian society is gradually integrated into the European community (Laitin, 2003). The relationship between perceived security and ethnic identity turned out to be negative in the countries with tense intercultural relations (Kyrgyzstan, Estonia) and in Armenia, where a few Russians reside. This may indicate that ethnic identity is not so much a response to the possibility of preserving one's culture, but rather a way of cop-

ing with assimilationist pressure and preserving oneself in the absence of inclusion in the Russian community in the country due to its lack of representation. The negative relationship between perceived security and ethnic identity of the Russians living in Estonia, Armenia and Kyrgyzstan can also be explained by the way the Russians and attitudes towards them are represented in media and public discourse; especially in the broader context of international relations. Previous studies have noted that in Estonia, contemporary Russia is perceived to still be associated with the memories of the Soviet Union, resulting in a negative perception of Russian identity among the host population and consequently affecting the Russian population within the country (Kus, Liu & Ward, 2013). This logic can conditionally be extended to the other two countries as well, although their histories of relations with Russia are somewhat different. Overall, this is consistent with the researchers' finding that the identity salience, as a function of perceived security, can increase or decrease depending on the context and personality characteristics (Albert, Schneeweis, Knobbe, 2005).

In terms of the mediation effects identified, perceived security was found to contribute to the perception of social boundaries as more permeable, in part because it was associated with greater salience of inclusive identities (civic in Armenia, Kazakhstan and Kyrgyzstan, European in Armenia) and less salience of exclusive identities (ethnic in Estonia and European in Kazakhstan). Thus, perceptions of contextual safety, self-identity processes, and appraisals of the permeability of social boundaries interact to shape a social environment that may be more conducive to the development of positive intergroup relations and an enhanced overall sense of safety and belonging.

The practical significance of our findings can be seen in three broad directions. First, our findings point to the need to promote civic identity among Russian minorities to enhance their social integration. This could include civic education programs, encouraging Russians to participate in national holidays dedicated to their shared history. Such programs that encourage Russian minorities to participate in national events may contribute to a stronger sense of belonging, improving perceived social integration. For example, a study conducted in Denmark found that participation in public events, including national holidays, influenced social trust and a sense of civic identity among ethnic minorities (Dinesen & Sonderskov, 2015).

Second, our findings show the importance of tailoring ethnic and civic identity initiatives to national contexts. We found that ethnic identity has opposite effects across countries, i.e., promoting border permeability in Kazakhstan and hindering it in Estonia. This suggests that policies promoting ethnic identity should be carefully tailored to the specific context. In Estonia, it would be more useful to emphasize a common civic identity rather than ethnic identity to promote social integration. In contrast, in Kazakhstan, initiatives that respect and emphasize ethnic identity may contribute to better integration of the Russian minorities.

Third, the findings can be used to justify the need to strengthen social security and develop policies aimed at reducing barriers between ethnic groups. This can be done through educational campaigns or public forums that emphasize measures to ensure security of all citizens, including minorities, as well as by combating discrimination and ensuring fair treatment. Such measures to improve the perception of security among Russian-speaking minorities can lead to a decrease in social isolation and a stronger connection with the majority population, increasing overall societal cohesion.

The limitations of the study are related to the cross-sectional, non-experimental design and unbalanced sample, as well as the period of the study. In addition, the instrument used to assess perceived security showed insufficiently high indicators of internal consistency, which may be due to a small number of items in the scale. In further work, it would be useful to apply not a shortened, but a full version of the scale of perceived security, as well as consider security and insecurity issues in the context of the presence of different types of threats with their differentiation according to the subscales of the instrument. In the current circumstances associated with a special military operation, the influx of Russian migrants into the countries of the post-Soviet space, and the ambiguity of reactions from the new republics, it is important to track the dynamics of the permeability of social boundaries for Russians, the degree of inclusiveness of the context for Russian ethnocultural minorities and new Russian migrants, as well as factors contributing to the sociocultural and psychological adaptation of Russians in modern conditions. Further study is needed to consider gender and generational differences, as they lacked a thorough analysis. A separate interesting area of research is the impact of state policies and support from Russia on the situation of Russians in the post-Soviet countries. Understanding the political and social conditions in the host country is crucial for integration among minorities and immigrants (Ward, 2024). Thus, using the example of Estonia, studies show that Russian state policy aimed at developing and maintaining the “Russian world” abroad contributes to some strengthening of the ethnic identity of the Russians and demonstrates consolidation around the Russian language and the historical and cultural heritage of Russia (Kallas, 2016). It seems promising to study the understanding of the concept and consequences of the “Russian World” in other countries in this region.

Conclusion

The conducted research allowed us to make a number of conclusions regarding the determinants of the permeability of social borders for Russians in the post-Soviet space. It turned out that the perceived security of the sociocultural context contributes to the permeability of social boundaries for the Russians in all the studied countries.

However, there is some cultural specificity in how this connection is realized through the formation of certain social identities. This connection is mainly realized through the formation of inclusionary identity, which underlines a com-

monality between the Russians and the ethnic majority in a particular country, or a decrease in exclusionary identity. In the countries with positive intercultural relations, such inclusionary identity is civic identity, as demonstrated in the examples of Kazakhstan and Armenia. On the contrary, in the countries that are culturally distant and have a different civilizational identity, European identity can separate the Russians from the host society and impede the permeability of social boundaries, as, for example, in Kazakhstan.

Of particular interest are the results on the role of ethnic identity. It was found that the feeling of insecurity stimulates ethnic identity in the countries where there are few Russians (Armenia, Kyrgyzstan) or where intercultural relations remain rather tense (Kyrgyzstan, Estonia). At the same time, in Kazakhstan, where the Russian population is larger and intercultural relations are more positive, ethnic identity contributes to the permeability of social boundaries for the Russians, whereas in Estonia, where the Russian population is larger as well but intercultural relations are tenser, it hinders it.

These findings may prove useful in assessing the overall inclusiveness of the sociocultural context of the countries examined and in developing government policies that help Russians integrate into host societies. The focus should be on creating conditions that generate a sense of security and form a common unifying identity with representatives of the host society. In this case, it is important to take into account the characteristics of a particular country, since the effects of social identities have their own specifics in each of them.

References

- Agadjanian, V. (2020). Exclusion, violence, and optimism: Ethnic divides in Kyrgyzstan. *Ethnicities*, 20(3), 457–480. <https://doi.org/10.1177/1468796819835657>
- Albert, R., Schneeweis, A., & Knobbe, I. (2005). Strengthening, hiding or relinquishing ethnic identity in response to threat: Implications for intercultural relations. *Intercultural Communication Studies*, 14(1), 107–118.
- Bayadyan, H. (2007). Soviet Armenian identity and cultural representation. In D. Tsypylma & W. Kaschuba (Eds.). *Representations on the Margins of Europe: Politics and Identities in the Baltic and South Caucasian States* (pp. 198–212). Frankfurt, New York: Campus Verlag.
- Baydhowi, B., Purwono, U., Prathama Siswadi, A.G., Ali, M.M., Syahputra, W., & Iskandar, T.Z. (2023). Perception of threat and national identity: Investigation of the mediating role of collective self esteem. *Heliyon*, 9(6), e17207. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e17207>
- Berry, J.W. (2013). Intercultural relations in plural societies: Research derived from multiculturalism policy. *Acta de Investigación Psicológica*, 3(2), 1122–1135. [https://doi.org/10.1016/s2007-4719\(13\)70956-6](https://doi.org/10.1016/s2007-4719(13)70956-6)
- Berry, J.W. (Ed.). (2017). MIRIPS Questionnaire. In *Mutual Intercultural Relations* (pp. 375–387). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.019>
- Berry, J.W., Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>

- Bourguignon, D., Yzerbyt, V.Y., Teixeira, C.P., & Herman, G. (2015). When does it hurt? Intergroup permeability moderates the link between discrimination and self-esteem. *European Journal of Social Psychology*, 45(1), 3–9. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2083>
- Breidahl, K.N., & Gustavsson, G. (2022). Can we trust the natives? Exploring the relationship between national identity and trust among immigrants and their descendants in Denmark. *Nations and Nationalism*, 28(2), 592–611. <https://doi.org/10.1111/nana.12834>
- Bultseva, M.A., Bushina, E.V., Berberyan, A.S., Kodja, E.A. (2021). The role of Soviet identity in the relationship of multiculturalism and boundaries permeability for Russians in Armenia. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4) 56–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>
- Curtis, K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15(4), 521–546. <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>
- Chotayeva Ch. (2013). Ethnic tension in Kyrgyzstan in the post-conflict period: Ethnosociological survey results. *Central Asia and the Caucasus*, 16(1), 17–39.
- Dinesen, P.T., & Sønderskov, K.M. (2015). Ethnic diversity and social trust: Evidence from the micro-context. *American Sociological Review*, 80(3), 550–573. <https://doi.org/10.1177/0003122415577989>
- Echabe, A.E., & Gonzales Castro, J.L. (1996). Images of immigrants: a study on the xenophobia and permeability of intergroup boundaries. *European Journal of Social Psychology*, 26(3), 341–352. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0992\(199605\)26:3<341::aid-ejsp753>3.0.co;2-4](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0992(199605)26:3<341::aid-ejsp753>3.0.co;2-4)
- Gaertner, S.L., & Dovidio, J.F. (2005). Understanding and addressing contemporary racism: From aversive racism to the common ingroup identity model. *Journal of Social Issues*, 61(3), 615–639. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00424.x>
- Galyapina, V., Lepshokova, Z., & Molodikova, I. (2021). Intercultural relations in Dagestan: The role of perceived security, intercultural contacts, and mutual acculturation. *Central Asia and The Caucasus*, 22(1), 75–90. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.1.07>
- Galyapina, V.N. (2021). Acculturation attitudes and psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan and Tajikistan: The moderating role of perceived security. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 34–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404>
- Johnson, D., Terry, D.J., & Louis, W.R. (2005). Perceptions of the intergroup structure and anti-Asian prejudice among white Australians. *Group Processes & Intergroup Relations*, 8(1), 53–71. <https://doi.org/10.1177/1368430205048616>
- Kallas, K. (2016). Claiming the diaspora: Russia's compatriot policy and its reception by Estonian-Russian population. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 15(3), 1–25.
- Karabec, D., & Kotenko, I. (2015). Russians and the role of the Russian language in Kazakhstan. *Scientific readings name of professor N.E. Zhukovsky*. Collection of scientific articles of the V International scientific and practical conference (pp. 71–76). Krasnodar: Publishing house – South. (In Russ.)
- Kodja, E.A., Lebedeva, N.M., Galyapina, V.N., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Russian Crimea: empirical testing of three hypotheses. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 250–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-250-268>
- Kruusvall, J., Vetik, R., & Berry, J.W. (2009). The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 3–24.
- Kurkchian, M., & Herzig, E. (2004). Introduction: Armenia and the Armenians. In Herzig, E., & Kurkchian, M. (Eds.). *The Armenians: Past and Present in the Making of National Identity* (pp. 1–22). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203004937>

- Kus, L., Liu, J., & Ward, C. (2013). Relative deprivation versus system justification: Polemical social representations and identity positioning in a post-Soviet society. *European Journal of Social Psychology*, 43(5), 423–437. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1958>
- Laitin, D.D. (2003). Three models of integration and the Estonian/Russian reality. *Journal of Baltic Studies*, 34(2), 197–222. <https://doi.org/10.1080/016297703000000041>
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for the intercultural interaction of migrants and the population of Russia*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N., & Berry, J. (2016). Intercultural relations in Russia and Latvia: The relationship between contact and cultural security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 41–56. <https://doi.org/10.11621/pir.2016.0103>
- Lepshokova, Z.Kh., & Lebedeva, N.M. (2022). Inclusive and exclusive identities of representatives of different peoples of Russia: the role of basic values. In V.K. Levashov, N.G. Khairullina (Eds.). *All-Russian civil identity: results of the survey of Tyumen youth* (pp. 90-105). Tyumen: Industrial University of Tyumen. (In Russ.) <https://doi.org/10.46320/9785-9961-2950-8-2022-6-1-17>
- Letnyakov, D.E. (2019). Cultural diversity management in the post-soviet countries: “Nationalizing states” 30 years later. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(2), 16–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-16-33>
- Loh, J.(M).I., Lloyd D. Restubog, S., & Gallois, C. (2010). Attitudinal outcomes of boundary permeability: A comparison of Australian and Singaporean employees. *Cross Cultural Management: An International Journal*, 17(2), 118–134. <https://doi.org/10.1108/13527601021038697>
- Matonytė, I., & Morkevičius, V. (2009). Threat perception and European identity building: The case of elites in Belgium, Germany, Lithuania and Poland. *Europe-Asia Studies*, 61(6), 967–985. <https://doi.org/10.1080/09668130903063492>
- Melich, J., & Adibayeva, A. (2013). National building and cultural policy in Kazakhstan. *European Scientific Journal*, 2, 265–279.
- MM, D. (2019). Managing cultural diversity: Inclusive and exclusive approaches. *World Affairs: The Journal of International Issues*, 23(4), 26–35.
- Morrison, K.R., Plaut, V.C., & Ybarra, O. (2010). Predicting whether multiculturalism positively or negatively influences White Americans’ intergroup attitudes: The role of ethnic identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36(12), 1648–1661. <https://doi.org/10.1177/0146167210386118>
- Muhitdenova, A.T., & Akbolat, D.E. (2015). Inter-ethnic relations in the Republic of Kazakhstan. *Journal of Philosophy, Culture and Political Science*, 50(1), 158–167. (In Kazakh)
- Pallant, J. (2020). *SPSS Survival Manual: A step by step guide to data analysis using IBM SPSS* (7th ed.). Maidenhead: Open University Press/McGraw-Hill. <https://doi.org/10.4324/9781003117452>
- Peyrouse, S. (2007). Nationhood and the minority question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 59(3), 481–501. <https://doi.org/10.1080/09668130701239930>
- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., & Obdržálek, P. (2000). Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 24(1), 1–26. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(99)00020-6)
- Ramos, M.R., Cassidy, C., Reicher, S., & Haslam, S.A. (2016). A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47(3), 401–420. <https://doi.org/10.1177/0022022116628672>
- Schulze, I. (2017). A typology of ethnic minorities in Armenia. *Iran and the Caucasus*, 21(4), 362–375. <https://doi.org/10.1163/1573384x-20170403>
- Shlapentokh, D. (2018). Estonian Russians: The success story of integration. *Trames. Journal of the Humanities and Social Sciences*, 22(3), 231–238. <https://doi.org/10.3176/tr.2018.3.01>

- Stephan, W.G., Lausanne Renfro, C., Esses, V.M., White Stephan, C., & Martin, T. (2005). The effects of feeling threatened on attitudes toward immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(1), 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.04.011>
- Stone, C.H., & Crisp, R.J. (2007). Superordinate and subgroup identification as predictors of intergroup evaluation in common ingroup contexts. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(4), 493–513. <https://doi.org/10.1177/1368430207081537>
- Svinchukova, E.G. (2012). Russians in Kazakhstan: the influence of Kazakh culture on language consciousness of Russian diaspora. *Journal of psycholinguistics*, (15), 146–155. (In Russ.)
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (2004). The social identity theory of intergroup behavior. In Jost, J.T., & Sidanius, J. (Eds.). *Political Psychology: Key Readings* (pp. 276–293). New York: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>
- Velkova, K. (2020). Multiple identities of Russians and Bulgarians: Intercultural comparison. *Psychological Studies*, 13(73), 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i73.174>
- Verkuyten, M., & Reijerse, A. (2008). Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, 38(1), 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp.395>
- Vetik, R., & Helemäe, J. (Eds.). (2011). *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia*. Amsterdam: Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642509>
- Ward, C. (2024). Down the rabbit hole: Acculturation, integration and adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 100, 101978. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.101978>
- Włodarska-Frykowska, A. (2016). Ethnic Russian minority in Estonia. *International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal*, 18(2), 153–164. <https://doi.org/10.1515/ipcj-2016-0015>
- Zhang, X., Zheng, J., Liu, L., Zhao, X., & Sun, X. (2014). The effect of group boundary permeability on intergroup prejudice: The case of Rural-to-Urban migrants in China. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 8(2), 53–61. <https://doi.org/10.1017/prp.2014.7>
- Zinchenko, Yu.P., Zotova, O.Yu., & Tarasova, L.V. (2019). The status of ethnic identity and psychological security of personality. *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development*. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, vol. 64 (pp. 799–808). London: Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.104>

Article history:

Received 3 April 2024

Revised 29 April 2024

Accepted 30 April 2024

For citation:

Bultseva, M.A., Berberyan, A.S., & Berrios Callejas, S.A. (2024). The permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The role of social identities and perceived security. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 408–426. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426>

Author's contribution:

Maria A. Bultseva – data processing and analysis, text writing. Asya S. Berberyan – concept and design of the research, data collection. Sonia A. Berrios-Callejas – text writing (editing), translation.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Maria A. Bultseva, PhD in Psychology, Research Fellow, Centre of Sociocultural Research, Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5899-9916, SPIN-code: 5293-2730. E-mail: mbultseva@hse.ru

Asya S. Berberyan, Doctor of Psychology, Professor, Russian-Armenian (Slavonic) University, 123 Hovsep Emin St, 0051, Yerevan, Armenia. ORCID: 0000-0003-0321-0161, SPIN-code: 4171-8178. E-mail: aspsy@inbox.ru

Sonia A. Berrios Callejas, PhD student, Research Intern, Centre of Sociocultural Research, Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9572-2289. E-mail: soniaberrios@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426

EDN: JFYOWB

УДК 316.61

Исследовательская статья

Проницаемость социальных границ для русских на постсоветском пространстве: роль социальных идентичностей и воспринимаемой безопасности

М.А. Бульцева¹, А.С. Берберян², С.А. Берриос Кальехас¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

²Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения

 mbultseva@hse.ru

Аннотация. Русские являются одним из самых многочисленных этнокультурных меньшинств на постсоветском пространстве, вопрос их инклюзии в общество принимающих стран не теряет свой актуальности. Поэтому в фокусе данного исследования находится взаимосвязь воспринимаемой безопасности и социальных идентичностей (гражданской, этнической и европейской) с воспринимаемой проницаемостью социальных границ для русских в Армении, Казахстане, Эстонии и Кыргызстане. Исследование имеет кросс-секционный дизайн. Сбор данных был проведен онлайн на выборках русских данных стран (общее количество $N = 765$: 145 русских в Армении, 133 русских в Казахстане, 186 русских в Эстонии, 300 русских в Кыргызстане) при помощи шкал этнической идентичности, гражданской идентичности и воспринимаемой безопасности из опросника международного проекта MIRIPS, шкалы европейской идентичности, разработанной К. Велковой, и шкалы проницаемости социальных границ М. Рамоса и соавторов. Чтобы проверить гипотезу и найти ответ на исследовательский вопрос были построены путевые модели. Анализ регрессионных коэффициентов, а также прямых и непрямых эффектов в путевых моделях продемонстрировал универсальную позитивную взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью и воспринимаемой проницаемостью социальных границ для русских. Инклюзивность или эксклюзивность конкретной идентичности является культурно-специфической. Гражданская идентичность способ-

ствуется воспринимаемой проницаемостью границ в Армении, Казахстане и Кыргызстане. Европейская идентичность препятствует воспринимаемой проницаемости границ в Казахстане. Этническая идентичность способствует воспринимаемой проницаемости границ в Казахстане и препятствует в Эстонии (на уровне тенденции). В ряде стран были обнаружены значимые медиационные эффекты этнической (Эстония), гражданской (Казахстан и Армения) и европейской (Казахстан) идентичностей. Результаты обсуждаются в связи со структурными характеристиками социокультурных контекстов изучаемых стран. Делается вывод о том, что воспринимаемая безопасность сказывается на инклюзивности контекста в комплексе с социальными идентичностями, в зависимости от особенностей социокультурного контекста.

Ключевые слова: проницаемость социальных границ, этническая идентичность, гражданская идентичность, европейская идентичность, воспринимаемая безопасность, Кыргызстан, Казахстан, Эстония, Армения, русские, постсоветское пространство

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

История статьи:

Поступила в редакцию 3 апреля 2024 г.

Принята к печати 30 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Бульцева М.А., Берберян А.С., Берриос Кальехас С.А. Проницаемость социальных границ для русских на постсоветском пространстве: роль социальных идентичностей и воспринимаемой безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 408–426. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-408-426>

Вклад авторов:

М.А. Бульцева – написание текста, обработка и анализ данных. А.С. Берберян – концепция и дизайн исследования, сбор данных. С.А. Берриос Кальехас – написание, доработка, редактирование текста, перевод.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Бульцева Мария Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-5899-9916, SPIN-код: 5293-2730. E-mail: mbultseva@hse.ru

Берберян Ася Суменовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения. ORCID: 0000-0003-0321-0161, SPIN-код: 4171-8178. E-mail: aspsy@inbox.ru

Соня Алехандра Берриос Кальехас, аспирант, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-9572-2289. E-mail: soniaberrios@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-427-444

EDN: KDPORX

UDC 316.613

Research article

The Relationship between Multicultural Ideology, Social Identities and Perceived Permeability of Social Boundaries for Russians in the Post-Soviet Space: The Case of Estonia

Ekaterina V. Bushina¹, Olga A. Kornilova², Natalia V. Kovaleva³¹HSE University,*Moscow, Russian Federation*²Samara branch of the Moscow State Pedagogical University,*Samara, Russian Federation*³Adyghe State University,*Maikop, Russian Federation* evbushina@hse.ru

Abstract. Intercultural interaction in the post-Soviet space is determined by several factors, including: the number of Russians in a given country; the country's internal policy regarding the Russian culture and language (which determines the nature of intercultural contacts), as well as cultural distance and the degree of similarity between groups. The authors of this article conducted a study to examine the relationship between multicultural ideology, social identity and the permeability of social boundaries for the Russians in Estonia. The sample consisted of representatives of the Estonian majority (233 persons, aged 18–70 years, mean age = 33 years) and the Russian minority (186 persons, aged 18–75 years, mean age = 32 years). Paper versions of the questionnaire were distributed to Russian and Estonian respondents. The procedure used the PROCESS Macro moderation analysis method. The results showed that, among both the Estonians and Russians, support for multicultural ideology had no significant impact on the permeability of social boundaries for the Russians. However, place identity would contribute to the permeability of social boundaries for the Russians in both groups. The strong ethnic identity of the Russians in the Estonian context would hinder the Russians' perception of the permeability of social boundaries.

Keywords: ethnic identity, civic identity, Soviet identity, European identity, place identity, permeability of social boundaries, perceived security, Russians, Estonia

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Introduction

The post-Soviet space is a vast cultural and economic region that unites countries with similar pasts and presents. The economic systems of the post-Soviet countries remain closely interconnected, and many people in the republics of the former Soviet Union and the Russian Federation have family ties.

© Bushina E.V., Kornilova O.A., Kovaleva N.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Thirty years after the collapse of the USSR, modern Russia and other independent republics continue to develop and improve intercultural relations. The population of the republics in the post-Soviet space, having changed their ethnic status, is adapting to new political and cultural conditions, while the ethnic majority of the post-Soviet republics faces the problem of regulating relations with ethnic minorities of Russians. The demographic landscape of ethnic Russians in the post-Soviet republics has changed significantly since 1991. Initially, there had been about 25 million ethnic Russians living in these republics. However, by the early 2010s, this number had declined to approximately 14.5 million¹. This decline reflects broader trends in migration and demographic shifts following the Soviet Union's collapse.

Thus, the study of intercultural relations is relevant and important for understanding the mechanisms of interaction between the ethnic majority and the Russian-speaking community.

The role of perceived permeability in the context inclusiveness

A multicultural state, in which representatives of various cultural groups live, faces difficulties associated with regulating relations between these ethnic groups. Firstly, there is the issue of attitudes towards cultural diversity and the implications of how open the boundaries are between ethnic majority and minority groups. Secondly, there is the issue of the context inclusiveness. As noted by Grigoriev and Berry (2021), these issues are addressed through the following aspects: (1) analysis of attitudes towards representatives of different ethnic groups, in particular, the degree of tolerance in society towards other groups; (2) determination of the status of groups in society, *i.e.*, the existence of privileged, dominant groups and the potential for providing equal rights to members of various cultural communities and groups; (3) assessment of the possibilities for social interaction within the community, *i.e.*, the level of existing conditions for creating a favorable or conflictual intercultural environment; and (4) development of a strategy for intercultural cohesion in society, in particular, determination of state policy regarding cultural diversity.

In states pursuing a policy of nationalization, including the post-Soviet countries, the management of ethnocultural diversity is often based on ethnocentrism and a wary attitude towards cultural diversity, which leads to assimilationist beliefs (Letnyakov, 2019). This approach raises questions about the inclusiveness and exclusiveness of the sociocultural context for ethnocultural minorities in these countries, especially for the Russian ethnic minority, which is one of the most represented. In countries with an inclusive sociocultural context, cultural diversity is seen as a value and is effectively used to solve pressing problems faced by society, with the active participation of members of ethnocultural minorities or migrant groups in the life of the majority and society as a whole. On the contrary, in countries with a predominantly exclusionary sociocultural environment, diversity can lead to interethnic conflicts, fragmentation and

¹ Ryazanov, S. (2015, December 20). Figures of the Russian World. On the Situation of Russians on the Ruins of the Empire. *Svobodnaya pressa*. (In Russ.) Retrieved from <https://svpressa.ru/politic/article/138693/> 21 January 2024

a decrease in trust in society, which in turn can lead to various social, political and economic problems. Members of ethnocultural minorities or migrant groups may find themselves marginalized from the majority and society at large (Mm, 2019). When discussing inclusionary and exclusionary contexts, it is essential to consider not only the objective factors related to social policies, practices and legislation on migrant integration, but also the subjectively perceived elements of inclusiveness and exclusiveness in this context (Antonio, Monteiro, 2019). The perceived permeability of social boundaries is one of the indicators of the context inclusiveness (Lepshokova, 2020). It reflects a person's perception of the possibility of overcoming the boundaries separating his/her group and another group and being accepted into that other group. In the context of intercultural relations, the permeability of social boundaries means the possibility of being integrated into the majority group and society as a whole. The permeability of social boundaries is important for inclusiveness because if the boundaries are perceived as permeable, this may stimulate the desire to join another group (Ellemers et al., 1990), which in turn increases the desire to be included in these groups. When the social boundaries are perceived as more permeable, members of both groups (majority and minority) are more willing to interact. This leads to more frequent and positive interactions, reduced stresses and stereotypes, improved intercultural relationships, and the integration of immigrants and minority groups into society (Loh et al., 2010). Conversely, when the social boundaries are viewed as less flexible, this results in the development of negative perceptions of the other group based on preconceived notions and biases. This, in turn, leads to avoidance of interactions and exclusion of immigrant and minority groups from public spheres (Echabe, Castro, 1996).

For the social boundaries to appear permeable, it is important that there be a certain degree of commonality and similarity between members of different groups. Perceived similarity underlies the formation of social relationships (McPherson et al., 2001). If group categorization is based on specific social characteristics, groups may be perceived as more homogeneous, in which case the permeability of social boundaries becomes desirable and leads to positive consequences (Zhang et al., 2014). The intra-subjective social basis for categorization may be social identities, which reflect both the fact of perceived membership in a social group and the value and emotional evaluation of such membership (Tajfel, 1978).

The formation of social identity is based on the process of self-categorization, i.e., attributing oneself to a group with certain characteristics. A person can simultaneously belong to several different social groups, thereby forming a complex social identity. There are also higher-order identities, namely supra-ethnic/national identities. They allow people from different ethnic, cultural and national groups to consolidate around some common higher-order attribute, e.g., 'European' or, which is also relevant for Russians abroad, 'Soviet person'. After the collapse of the Soviet Union, many nations faced the need to rethink their identity, which led to various processes and trends. Understanding this phenomenon is important for analyzing modern changes and the dynamics of identification processes in the countries of the former USSR.

Research shows that the expression of identities is crucial in interethnic relations. In a study of the host population's perceptions of migrants in Moscow, it was found that the positivity of national (civic) identity favors the integration attitudes of migrants, while the positivity of ethnic identity of Russians favors the preference for separation of migrants and is negatively associated with the expectation of assimilation on the part of the majority (Lebedeva, Tatarko, 2009). It is important to note that, if the host majority has low life satisfaction, a pronounced civic identity hinders the expectation of integration and favors expectations of assimilation and separation (Lepshokova, Tatarko, 2019).

The presence of a supra-ethnic identity has a beneficial effect on promoting peaceful relationships between different ethnic groups. In particular, among the EU population, identifying as European is associated with a favorable attitude towards immigration, whether from other EU countries or non-European countries (Curtis, 2014).

The perceived permeability of social boundaries is associated with the subjective assessment of the benefits or harms of cultural diversity and specific ethnocultural groups. In this context, multicultural ideology, which recognizes and positively values cultural differences and boundaries between groups to achieve equality, diversity and egalitarian inclusion of all groups in society, is considered an influential factor. Support for multicultural ideology reduces the perceived threat, helps overcome ethnocultural stereotypes and more positively evaluates members of other racial groups (Rosenthal, Levy, 2010; Ward, Masgoret, 2006; Todd, Galinsky, 2012). Research shows that supporters of multiculturalism evaluate representatives of other races more positively than supporters of colorblindness (Richeson, Nussbaum, 2004).

The combination of social identities and support for multicultural ideology can influence the flexibility of social boundaries. For instance, according to Morrison et al. (2010), in a multicultural society, a strong ethnic identity may contribute to disengagement and result in discriminatory attitudes and bias against immigrants. At the same time, the combination of Soviet identity and belief in multiculturalism may potentially lead to the blurring of social barriers for the Russians living in Armenia (Bultseva et al., 2021). However, more research is needed to understand how various social identities and support for multiculturalism play out in diverse environments.

On the socio-cultural context and intercultural relations in Estonia

Intercultural interaction is determined by several factors, including: the number of Russians in a given country; the country's internal policy regarding the Russian culture and language (which determines the nature of intercultural contacts), as well as cultural distance and the degree of similarity between groups. This study investigated the complex interaction between multicultural ideology, social identity and the permeability of social boundaries among the Russian population in Estonia.

The Russian diaspora in Estonia is a heterogeneous group. The population of Estonia is diverse, encompassing both indigenous inhabitants whose ancestry spans generations within the region and individuals who migrated during the

Soviet era (Trifonova, 2021). It also includes more recent arrivals. The migration policies of the Soviet era contributed significantly to the presence of a large Russian population in Estonia, according to Fein (2005).

Between 1918 and 1940, Estonia's population was largely homogeneous: Estonians made up 88% of the total. Ethnic Russians made up 8%, and other nationalities made up the remaining 4%. However, between 1945 and 1989, significant demographic shifts occurred. The total Estonian population declined from 100,000 to 965,000 during this period. At the same time, the non-Estonian population increased from 23,000 to 602,000 by 1989 (Vihalemm, Seppel, & Leppik, 2020). These changes can be explained by a combination of factors that arose as early as the 1940s. World War II resulted in losses among Estonians and emigration to Western countries. In addition, the deportation of Estonians in March 1949 further affected the demographic landscape. Concurrently, Soviet migration policy contributed to an increase in the number of Russian-speaking residents in Estonia. During the Soviet period, various social institutions also developed within the country.

After the collapse of the Soviet Union, Estonia's state policy underwent significant changes. Before independence, the policy priority was the Russian-speaking population. However, after gaining sovereignty, Estonia refocused its attention on promoting the growth and development of the Estonian nation.

The profound societal transformations that took place in the early 1990s led to a number of social, psychological, economic, and cultural challenges for the Russian diaspora in Estonia. This prompted the Estonian government to initiate and implement an integration policy in 1998, which continues to this day (Vetik, 2011).

These two distinct periods have given rise to numerous difficulties both within these communities and in broader intercultural relations. Issues such as language conflicts, disparities in acquisition of citizenship or access to education, and opportunities in the labor market remain unresolved.

Estonia's independence in 1991 brought about significant social and political changes. This period was marked by growing disunity between the Russian-speaking and Estonian communities, as well as new difficulties in creating a common civic identity. Citizenship was automatically granted only to the indigenous population, who had previously been considered citizens of the first Estonian Republic, and their descendants (Vetik R., 2019, Gruber D., 2012). The rest of the country's inhabitants, who constituted about one third of the total population, were treated as foreigners: they were guaranteed permanent residence permits, but in order to obtain Estonian citizenship they had to live in the country for a certain period of time and speak Estonian. As a result of this law, the Russian-speaking population, which had previously constituted a majority, began to be regarded as a minority and then as immigrants in Estonia. The Russian language in Estonia has no official status, although it is widely used in everyday communication (about 30% of the population consider it their mother tongue) and is the main language of teaching. This situation contributed to the formation of reactive and resistant identities among members of the Russian minority, which indicates diffi-

culties in adapting to the social and cultural environment. Reactive identity, or 'identity of differences', is formed as a result of an individual's perception of differences from the surrounding society, which does not contribute to a favorable perception of interethnic relations with the majority.

Research from the early 2000s showed that the Russian community in Estonia lacked a strong identity and was becoming increasingly heterogeneous, losing its Russian roots (Vihalemm, Masso, 2003). A recent study by Nimmerfeldt (2013) revealed that a significant proportion (55%) of second-generation Russian immigrants in Estonia identify themselves as Estonian citizens. This study, conducted between 2010 and 2011, examined the factors influencing the sense of belonging among this demographic group. These factors included citizenship status, experiences of discrimination, perceived threats to cultural identity, interethnic relationships, attachment to their country of origin, ethnic self-identification, parental views and attitudes, and socio-demographic characteristics such as age (18–25 and 26–35). It was found that the perceived threat to cultural identity had the greatest negative impact on the sense of belonging to Estonia (people who experienced this fear were 8.83 times less likely to have a feeling of belonging to Estonia). Those who planned to leave the country in the future were 2.23 times less likely to have a feeling of belonging to Estonia than those who did not plan to leave. People who did not think of Russia as their home were 3.33 times more likely to feel a sense of belonging to Estonia. Many felt forced assimilation by Estonia, *e.g.*, through educational reforms that included the Estonian language. According to Vetik (2011), a significant majority of Russian citizens living in Estonia considered Estonia their homeland. In particular, 66% of respondents expressed this opinion. In contrast, 14% did not consider Estonia their home. Another 20% adhered to dual loyalty, identifying themselves with both Russia and Estonia.

As the largest ethnic minority in Estonia, comprising 24% of the total population, the Russians foster a sense of solidarity and mutual support in their community. Despite the complex interethnic relations, the overall situation in the country is quite stable, which prevents a mass exodus of Russians from the country (Simonyan, Kochegarova, 2015).

It is important to note that very little research has been conducted on the permeability of social boundaries and its determinants in the post-Soviet countries. This study is focused on the relationship between social identities and support for multicultural ideology and the permeability of social boundaries for the Russians. A special feature of this study is that it examines this topic from the perspective of both the ethnic majority and the Russians as an ethnic minority. The perceived permeability of social boundaries for the Russians will reflect personal experience rather than abstract perceptions and attitudes. The results of the study can be used to improve interethnic relations in Estonia and other post-Soviet countries.

This study examines the permeability of social boundaries in the context of post-Soviet societies, in particular Estonia. The authors seek to understand how

social identities influence the perception of these boundaries and what role multicultural ideology plays in these relations. **The main research question** examines the impact of multicultural ideology on the relationship between social identities and their perception of the permeability of social borders among the Russians living in post-Soviet states, with a focus on Estonia.

Methods

Participants. To examine the quantitative relationship between support for multicultural ideology, social identities and border permeability among the Russians, the data for both the ethnic majority and the Russian minority were cleared of any missing values. The ethnic majority sample in Estonia consisted of 233 persons aged 18–70 (mean age = 33 years), including men (51%) and women (49%). Among them, 51% had secondary education and 31% had higher education. The Russian minority sample consisted of 186 persons (who identified themselves as Russians) aged 18–75 (mean age = 32 years), including men (30%) and women (70%). Among them, 47% had secondary education and 37% had higher education.

Procedure. The data for this research project entitled *The New Russian Diaspora 30 Years Later: Identity, Social Capital, Intercultural Relations* were gathered between 2020 and 2022 as part of the RNF Project No. 20-18-00268.

The data collection process used a traditional questionnaire format developed in collaboration with researchers from Tallinn University. The participants were asked to complete the survey electronically via their personal email addresses. To ensure accessibility, the questionnaire was translated into Estonian by native speakers and language instructors affiliated with Tallinn University. We obtained informed consent from all the participants, and the participants completed the questionnaire only if they agreed to the terms. In this study, some of the respondents' answers were used for a more extensive comprehensive questionnaire. In particular, their answers to the questions about the permeability of social boundaries support for multicultural ideology and social identities were taken into account. The answers to the block of questions on social and demographic characteristics were also used to describe the sample.

Instruments. All the scales of this study were developed in accordance with Likert scales. These scales (except for the permeability of social boundaries) range in agreement from 1 (strongly disagree) to 5 (strongly agree). The consistency-reliability index (Cronbach's alpha) of each of the scales was within acceptable limits ($\alpha > 0.70$).

The scales measuring social identities consisted of 4 items each and were based on the following instruments: *the ethnic identity scale* (example statement: "I consider myself Russian/Estonian") from J.W. Berry's *MIRIPS Questionnaire*; *the national (civic) identity scale* (example statement: "I consider myself a citizen of Estonia"); *the religious identity scale* (example statement: "My religious affiliation is an important part of who I am"); *the ethnic identity scale* (Verkuyten,

Yildiz, 2007); *the place identity scale* (example statement: “I feel at home here”) (Droseltis and Vignoles 2010); *and the Soviet identity scale* (example statement: “I consider myself a Soviet person”) (Velkova, 2020).

Support for multicultural ideology was assessed using a shortened version of *The Revised Multicultural Ideology Scale*. This scale, jointly developed by the research team and J.W. Berry during the work on the RNF project No. 15-18-00029, measures attitudes towards cultural diversity and inclusiveness. Here is an example statement used in the scale: “In Estonia, the attitude towards people does not depend on their ethnicity”. The respondents were asked to rate how much they agreed with the statements about the life of different ethnic groups in Estonia.

The study investigated the perceived ease with which the Russians, as a minority group, can integrate into Estonian society. This was assessed using *The Social Boundary Permeability Scale* developed by Ramos et al. (2016). The participants were asked to rate the level of difficulty of four statements regarding the integration of a Russian person into Estonian society on a scale from 1 (extremely difficult) to 5 (extremely easy).

The scale consistency was analyzed using Cronbach’s α in the ethnic majority and minority groups. All the scales were consistent with scores meeting the requirements ($\alpha > 0.7$).

Mathematical and statistical data processing. The data were processed using SPSS version 22 software. The questionnaires were cleared of unreliable answers, and then a regression analysis followed. The analysis was carried out using the PROCESS Macro multiple linear regression and moderation analysis methods. The characteristics of the models including Fisher’s test, model significance and coefficient of determination were identified. The size and statistical significance of standardized regression coefficients and moderating effects were also assessed. Multicultural ideology, social identities (ethnic, civic, religious, Soviet, European and place identity) and their interaction were used as independent variables. The study successfully identified unique relationships between multicultural ideology, social identity and the permeability of social boundaries among the Russians living in both Estonian and Russian communities in Estonia.

Results and discussion

Tables 1–6 present the results on how support for multicultural ideology influences the relationship between social identities and perceptions of the permeability of social boundaries among the Russians living in Estonia. These tables also analyze both direct and indirect moderating effects in this relationship. The results for the Estonian ethnic majority/Russian ethnic minority are given with a slash. Model 1 shows the effect of multicultural ideology in each table. Model 2 shows the effects of multicultural ideology and social identity, and Model 3 shows the effects of multicultural ideology, social identity and their interaction.

Table 1

Moderation analysis of the relationship between multicultural ideology, ethnic identity and the permeability of social boundaries for the Russians in the Estonian / Russian groups

Variability / Model	Model 1	Model 2	Model 3
Multicultural ideology (β)	-0.11 / -0.09	0.11 / -0.02	-0.11 / -0.01
Ethnic identity (β)	–	0.10 / -0.28**	0.13 / -0.23**
Interaction of multicultural ideology and ethnic identity (β)	–	–	-0.37** / 0.08
R2	0.01 / 0.01	0.02 / 0.08	0.07 / 0.09
F	2.96 / 1.52	2.77 / 8.35**	5.86** / 5.95**

Note. ** $p < 0.01$; data for the Estonians/Russians are presented with a slash.

As we can see in Table 1, for the Estonian group, the analysis of moderating effects showed that, when the respondents expressed their ethnic identity at a low level, there was a weak positive correlation between their support for multicultural ideology and the degree to which the social structures of Estonian society were open and inclusionary towards the Russians. ($\beta = 0.11$, $p = 0.22$). When the respondents expressed a moderate level of ethnic identity, their support for multiculturalism showed a weak, although statistically insignificant, negative correlation with the perceived openness of Estonian society towards the Russians ($\beta = -0.12$, $p = 0.08$).

However, when the respondents strongly identified with Soviet ideology, their support for multiculturalism showed a clear and statistically significant negative relationship with the perceived inclusivity of Estonian society for the Russians ($\beta = -0.27$, $p < 0.01$). No significant moderating effects were found in the Russian group.

Table 2

Moderation analysis of the relationship between multicultural ideology, civic identity and the permeability of social boundaries for the Russians in the Estonian / Russian groups

Variability / Model	Model 1	Model 2	Model 3
Multicultural ideology (β)	-0.11 / -0.09	-0.10 / -0.11	-0.13 / -0.14
Civic identity (β)	–	0.11 / 0.25**	0.09 / 0.21**
Interaction of multicultural ideology (β) and civic identity	–	–	-0.24* / 0.05
R2	0.01 / 0.01	0.03 / 0.07	0.05 / 0.07
F	2.96 / 1.52	3.02 / 6.98**	4.08** / 4.72**

Note. ** $p < 0.01$; data for the Estonians/Russians are presented with a slash.

According to the data in Table 2, in the Estonian group, the analysis of moderating effects showed that, when the respondents from the ethnic majority exhibited a low sense of civic identity, their support for multicultural ideology showed a weak positive correlation with the openness of Estonian society towards the Russians ($\beta = 0.01, p = 0.89$). However, as civic identity strengthened, this relationship changed to the opposite. Those with a moderate sense of civic identity showed a negligible negative correlation, which suggested that their support for multiculturalism had little impact on the integration of the Russians ($\beta = -0.13, p = 0.05$). Notably, the Estonians with a strong sense of civic identity showed a clear and statistically significant negative correlation. This most likely meant that their support for multicultural ideology was associated with greater social barriers faced by the Russians in Estonian society ($\beta = -0.24, p < 0.01$). No significant moderating effects were found in the Russian group.

Table 3

Moderation analysis of the relationship between multicultural ideology, religious identity and the permeability of social boundaries for the Russians in the Estonian / Russian groups

Variability / Model	Model 1	Model 2	Model 3
Multicultural ideology (β)	-0.11 / -0.09	-0.12 / -0.08	-0.11 / -0.09
Religious identity (β)	–	-0.04 / -0.16*	-0.02 / -0.09
Interaction of multicultural ideology (β) and religious identity(β)	–	–	-0.08 / -0.06
R2	0.01 / 0.01	0.01 / 0.03	0.02 / 0.04
F	2.96 / 1.52	1.66 / 3.18*	1.84 / 2.47

Note. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; data for the Estonians/Russians are presented with a slash.

Table 3 shows that no significant moderating effects were found in the groups of the Estonians and Russian respondents.

Table 4

Moderation analysis of the relationship between multicultural ideology, European identity and the permeability of social boundaries for the Russians in the Estonian / Russian groups

Variability / Model	Model 1	Model 2	Model 3
Multicultural ideology (β)	-0.11 / -0.09	-0.09 / -0.12	-0.13 / -0.15
European identity (β)	–	-0.06 / 0.11	-0.07 / 0.09
Interaction of multicultural ideology (β) and European identity (β)	–	–	0.14* / -0.01
R2	0.01 / 0.01	0.02 / 0.02	0.03 / 0.02
F	2.96 / 1.52	1.82 / 1.86	2.57 / 1.24

Note. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; data for the Estonians/Russians are presented with a slash.

According to the data in Table 4, in the Estonian group, the analysis of moderating effects showed that, when European identity was relatively low, there was no statistically significant correlation overall ($\beta = -0.02$, $p = 0.83$), but the relationship became significant when the levels of European identity were considered. The Estonians with moderate or high expressions of European identity, who also supported multicultural ideology, tended to be less welcoming of the Russian integration into Estonian society ($\beta = -0.16$, $p = 0.04$ for moderate expression of European identity, $\beta = -0.23$, $p = 0.02$ for high expression of European identity among the Estonians). This suggested that, for this demographic group, multiculturalism might not necessarily mean greater openness towards certain cultural groups, such as Russians. No significant moderating effects were found in the Russian group.

Table 5

Moderation analysis of the relationship between multicultural ideology, Soviet identity and the permeability of social boundaries for the Russians in the Estonian / Russian groups

Variability / Model	Model 1	Model 2	Model 3
Multicultural ideology (β)	-0.11 / -0.09	-0.12 / -0.08	-0.13 / -0.09
Soviet identity (β)	–	-0.14* / -0.12	-0.08 / -0.07
Interaction of multicultural ideology (β) and Soviet identity (β)	–	–	0.23** / 0.05
R2	0.01 / 0.01	0.03 / 0.02	0.06 / 0.02
F	2,96 / 1,52	1,52* / 2,02	5,21** / 1,49

Note. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; data for the Estonians/Russians are presented with a slash.

As can be seen from Table 5, the study found a correlation between the level of the respondents' identification with Soviet identity and their support for multiculturalism in Estonia, especially in relation to the integration of Russians into Estonian society.

In the Estonian group, the analysis of moderating effects showed that, when the respondents expressed low levels of Soviet identity, there was a statistically significant negative relationship between their support for multicultural ideology and the degree to which Estonian society was open to the Russian integration ($\beta = -0.22$, $p < 0.01$). In other words, those who identified less with Soviet ideology were more likely to oppose the Russian integration if they supported multiculturalism. However, this relationship weakened as Soviet identification increased. At medium levels of Soviet identification, the correlation remained negative but became statistically insignificant ($\beta = -0.12$, $p = 0.06$). Finally, at high levels of Soviet identification, a weak positive correlation emerged, suggesting that those who strongly identified with Soviet ideology might be more likely to support the Russian integration if they also supported multiculturalism

($\beta = 0.06$, $p = 0.51$). However, this finding was not statistically significant. No significant moderating effects were found in the Russian group.

Table 6

Moderation analysis of the relationship between multicultural ideology, place identity and the permeability of social boundaries for the Russians in the Estonian / Russian groups

Variability / Model	Model 1	Model 2	Model 3
Multicultural ideology (β)	–0.11 / –0.09	–0.06 / –0.12	–0.07 / –0.16
Place identity (β)	–	0.29** / 0.21**	0.22** / 0.19*
Interaction of multicultural ideology (β) and place identity (β)	–	–	–0.09 / 0.01
R2	0.01 / 0.01	0.10 / 0.05	0.10 / 0.06
F	2.96 / 1.52	12.10** / 4.91**	8.48** / 3.62**

Note. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; data for Estonians/Russians are presented with a slash.

As shown in Table 6, no significant moderating effects were found in the groups of Estonians and Russian respondents.

The study focused on the factors influencing the permeability of social borders for the Russians in Estonia as an indicator of the inclusiveness of the country’s social and cultural context.

Summarizing the results, we can conclude that among both the Estonians and Russians, support for multicultural ideology does not have a significant impact on the permeability of social boundaries for the Russians. However, place identity contributes to the permeability of social boundaries for the Russians in both groups. This is partly supported by previous results of the search for Russians in the post-Soviet space (Trifinova, 2021, Tatarko, Chuykina, 2021, Fein, 2005). Also, some results were different for each group. For example, among the Estonians, Soviet identity hindered the permeability of social boundaries for the Russians. It was also found that, when Estonians had high levels of ethnic, civic and European identities, there is a negative correlation between support for multicultural ideology and the permeability of social boundaries for the Russians. A similar situation was observed when the level of expression of Soviet identity was low among the Estonians. Among the Russians, civic identity was positively associated with the permeability of social boundaries, while ethnic and religious identities had a negative relationship with this indicator.

Thus, multicultural ideology alone does not have a significant impact on the permeability of social boundaries in both groups. Nevertheless, its interaction with social identities shows that under certain conditions it can become an obstacle to the perception of boundaries as permeable from the point of view of Estonians. It is interesting to note that place identity is a common inclusionary identity for both groups, but the set of exclusionary identities differs between the Estonians and Russians in Estonia.

Conclusion

The perceived permeability of social boundaries for the Russians in Estonia is a complex issue shaped by the confluence of social, cultural and psychological factors that affect majority and minority groups differently. Estonia possesses diverse multicultural attitudes, strong ethnic and civic identities. The impact of these factors on the permeability of social boundaries varies between the majority and minority groups in the country.

It has been found that, for the ethnic majority of Estonia, multicultural ideology *per se* does not affect the permeability of social boundaries for the Russians. However, common identities, such as place identity, contribute to it. It is worth noting that the Russian diaspora in Estonia is extensive and that the historical relationships between Estonians and Russians have been complex. The shared Soviet heritage of the Estonians, which points to a collective past, limits the permeability of boundaries for the Russians in this setting. In addition, the presence of other social identities that are meant to unite the majority and minority, such as civic, Soviet, and European ones, may actually hinder the connection between multicultural ideology and the permeability of social borders for the Russians. This may indicate an intention to separate Russians and prevent them from being part of a common identity in Estonia.

As for the Russian ethnic minority in Estonia, multicultural ideology is not associated with the perceived permeability of social boundaries. A common social identity (civic and local) unites both the majority and minority groups, leading to a sense of openness among the Russians in Estonia. However, the presence of a strong ethnic identity among them creates perceived barriers and limits their perception of soft social borders.

The promotion of multicultural ideology (normative multiculturalism) obstructs the permeability of social boundaries from the side of Estonians with strong European, Soviet, and civic identities to cross social boundaries with Russians.

Among the Russian ethnic minority, there is no connection between support for multicultural ideology (normative multiculturalism) and the perceived permeability of social boundaries for the Russians in this country. In the Estonian context, the expression of ethnic identity among the Russians instead has a more exclusionary function and leads to a feeling of unfair treatment towards the Russians.

After the collapse of the Soviet Union, many nations faced the need to rethink their identity, which led to various processes and trends. Understanding this phenomenon was partially explored in this project. Some limitations that can be taken into account in future studies include the unevenness of the sample in terms of socio-demographic indicators (gender, age, level of education). The results could form the basis for recommendations for developing policies towards ethnic minorities in the countries of the former USSR.

References

- António, J.H.C., & Monteiro, M.B. (2015). Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes. *International Journal of Psychology*, 50(6), 422–430. <https://doi.org/10.1002/ijop.12214>
- Berry, J.W. (Ed.). (2017). MIRIPS Questionnaire. In *Mutual Intercultural Relations* (pp. 375–387). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032.019>
- Brubaker, R. (2000). National minorities, nationalizing states, and external national homelands in the New Europe. In A.A. Prazauskas (Ed.). *Ethnos and politics* (pp. 173–177). Moscow: Chelyabinsk branch of the University of the Russian Academy of Education. (In Russ.)
- Bultseva, M.A., Bushina, E.V., Berberyan, A.S., & Kodja, E.A. (2021). The role of Soviet identity in the relationship of multiculturalism and boundaries permeability for Russians in Armenia. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 56–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2021170406>
- Curtis, K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15(4), 521–546. <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>
- Droseltis, O., & Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Echabe, A.E., & Castro, J.L.G. (1996). Images of immigrants: a study on the xenophobia and permeability of intergroup boundaries. *European Journal of Social Psychology*, 26(3), 341–352. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0992\(199605\)26:3<341::aid-ejsp753>3.3.co;2-w](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0992(199605)26:3<341::aid-ejsp753>3.3.co;2-w)
- Ellemers, N., Van Knippenberg, A., & Wilke, H. (1990). The influence of permeability of group boundaries and stability of group status on strategies of individual mobility and social change. *British Journal of Social Psychology*, 29(3), 233–246. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1990.tb00902.x>
- Grigoryev, D.S., & Berry, J.W. (2021). A taxonomy of intergroup ideologies. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 7–15. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170401>
- Gruber, D. (2012). The status of an alien - the creeping disappearance of stateless persons in Estonia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 15(1), 157–184. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (2009). Comparative analysis of the strategies of interaction between migrants and the Russian population in Moscow and Stavropol Krai. In Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia* (pp. 331–371). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Lepshokova, Z.H. (2020). Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the North Caucasus in Moscow. *Social Sciences and Contemporary World*, (3), 124–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/s086904990010074-3>
- Lepshokova, Z.H., & Tatarko, A.N. (2019). Life satisfaction, civic identity and acculturation expectations of the host population of Moscow. *Social Sciences and Contemporary World*, (4), 147–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/s086904990005822-6>
- Letnyakov, D.E. (2019). Cultural diversity management in the post-soviet countries: “Nationalizing states” 30 years later. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(2), 16–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-16-33>
- Loh, J.(M).I., Lloyd D. Restubog, S., & Gallois, C. (2010). Attitudinal outcomes of boundary permeability: A comparison of Australian and Singaporean employees. *Cross Cultural Management: An International Journal*, 17(2), 118–134. <https://doi.org/10.1108/13527601021038697>

- McPherson, M., Smith-Lovin, L., & Cook, J.M. (2001). Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 27(1), 415–444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>
- MM, D. (2019). Managing Cultural Diversity: Inclusive and exclusive approaches. *World Affairs: The Journal of International Issues*, 23(4), 26–35.
- Morrison, K.R., Plaut, V.C., & Ybarra, O. (2010). Predicting whether multiculturalism positively or negatively influences White Americans' intergroup attitudes: The role of ethnic identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36(12), 1648–1661. <https://doi.org/10.1177/0146167210386118>
- Nimmerfeldt, G. (2013). Identificational integration of second generation Russians in Estonia. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 25–35. <https://doi.org/10.58036/stss.v1i1.47>
- Ramos, M.R., Cassidy, C., Reicher, S., & Haslam, S.A. (2016). A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47(3), 401–420. <https://doi.org/10.1177/0022022116628672>
- Richeson, J.A., & Nussbaum, R.J. (2004). The impact of multiculturalism versus color-blindness on racial bias. *Journal of Experimental Social Psychology*, 40(3), 417–423. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2003.09.002>
- Rosenthal, L., & Levy, S.R. (2010). The colorblind, multicultural, and polycultural ideological approaches to improving intergroup attitudes and relations. *Social Issues and Policy Review*, 4(1), 215–246. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2010.01022.x>
- Simonyan, R.H., & Kochegarova, T.M. (2015). Russians among the peoples of the Baltic States: The origins of mutual perceptions and relations. *MGIMO Review of International Relations*, 6(45), 124–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-124-134>
- Tajfel, H. (Ed.). (1978). *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. London: Academic Press.
- Tatarko, A.N., & Tsuikina, N.V. (2021). The relationship between multiple identities and social capital in the Post-Soviet space: An intergenerational analysis. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 65–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2021170407>
- Todd, A.R., & Galinsky, A.D. (2012). The reciprocal link between multiculturalism and perspective-taking: How ideological and self-regulatory approaches to managing diversity reinforce each other. *Journal of Experimental Social Psychology*, 48(6), 1394–1398. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2012.07.007>
- Trifonova, A.V. (2021). Role of local identity and perceived context in psychological well-being of Russians in Estonia. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 83–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409>
- Velkova, K. (2020). Multiple identities of Russians and Bulgarians: Intercultural comparison. *Psychological Studies*, 13(73), 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i73.174>
- Verkuyten, M., & Yildiz, A.A. (2007). National (dis)identification and ethnic and religious identity: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33(10), 1448–1462. <https://doi.org/10.1177/0146167207304276>
- Vetik, R. (2019). National identity as interethnic (de)mobilization: A relational approach. *Ethnopolitics*, 18(4), 406–422. <https://doi.org/10.1080/17449057.2019.1613065>
- Vetik, R., & Helemäe, J. (Eds.). (2011). *The Russian second generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES study in Estonia*. Amsterdam: Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642509>
- Vihalemm, T., & Masso, A. (2003). Identity dynamics of Russian-speakers of Estonia in the transition period. *Journal of Baltic Studies*, 34(1), 92–116. <https://doi.org/10.1080/01629770200000271>

- Vihalemm, T., Seppel, K., & Leppik, M. (2020). Russians in Estonia: Integration and translocalism. In Kalmus, V., Lauristin, M., Opermann, S., & Vihalemm, T. (Eds.). *Researching Estonian Transformation Morphogenetic Reflections* (pp. 251-292). Tartu: University of Tartu Press.
- Ward, C., & Masgoret, A.-M. (2006). An integrative model of attitudes toward immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 671–682. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.06.002>
- Zhang, X., Zheng, J., Liu, L., Zhao, X., & Sun, X. (2014). The effect of group boundary permeability on intergroup prejudice: The case of Rural-to-Urban migrants in China. *Journal of Pacific Rim Psychology*, 8(2), 53–61. <https://doi.org/10.1017/prp.2014.7>

Article history:

Received 4 April 2024

Revised 2 May 2024

Accepted 5 May 2024

For citation:

Bushina, E.V., Kornilova, O.A., & Kovaleva, N.V. (2024). The relationship between multi-cultural ideology, social identities and perceived permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet space: The case of Estonia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 427–444. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-427-444>

Author's contribution:

Ekaterina V. Bushina – data processing and analysis, text writing and editing. *Olga A. Kornilova* – concept and design of the research, data collection, text editing. *Natalia V. Kovaleva* – discussing the results, text writing and editing.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflict of interest.

Bio notes:

Ekaterina V. Bushina, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Center of Sociocultural Research, HSE University, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9560-9609, SPIN-code: 6526-9176. E-mail: evbushina@hse.ru

Olga A. Kornilova, PhD in Psychology, First Deputy Director of the Samara branch of the Moscow State Pedagogical University, 76 Stara Zagora St, 443081 Samara, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8647-9985, SPIN-code: 2216-9192. E-mail: kornilovaoa@mgpu.ru

Natalya V. Kovaleva, PhD in Psychology, Scientific Director of the Center for Social and Psychological Problems, Adyghe State University, 208 Pervomaiskaya St, 385000 Maikop, Republic of Adyghea, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2723-6334, SPIN-code: 3881-3670. E-mail: natkov2007@rambler.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-427-444

EDN: KDPORX

УДК 316.613

Исследовательская статья

Взаимосвязь между мультикультурной идеологией, социальной идентичностью и воспринимаемой проницаемостью социальных границ для россиян на постсоветском пространстве: на примере Эстонии

Е.В. Бушина¹, О.А. Корнилова², Н.В. Ковалева³

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

²Самарский филиал Московского государственного педагогического университета,
Самара, Российская Федерация

³Адыгейский государственный университет,
Майкоп, Российская Федерация

 evbushina@hse.ru

Аннотация. Межкультурное взаимодействие на постсоветском пространстве обусловлено несколькими факторами. Прежде всего, это количество русских в той или иной стране; внутренняя политика страны в отношении русской культуры и языка, которая определяет характер межкультурных контактов. Также важна культурная дистанция и степень сходства между группами. В данном исследовании представлена взаимосвязь между мультикультурной идеологией, социальной идентичностью и проницаемостью социальных границ для русских в Эстонии. Для проведения социально-психологического исследования бумажные версии опросника были распространены среди русских и эстонцев. В выборку этнического большинства в Эстонии вошли 233 эстонца в возрасте от 18 до 70 лет, средний возраст – 33 года. В выборку русского меньшинства вошли 186 респондентов, идентифицирующих себя как русские, в возрасте от 18 до 75 лет. Анализ проводился с помощью метода модерационного анализа с использованием Macro Process. Мы пришли к выводу, что среди как эстонцев, так и русских поддержка мультикультурной идеологии не оказывает существенного влияния на проницаемость социальных границ для русских. Однако идентичность места способствует проницаемости социальных границ для русских в обеих группах. Ярко выраженная этническая идентичность русских в эстонском контексте препятствует восприятию русскими проницаемости социальных границ.

Ключевые слова: проницаемость социальных границ, этническая идентичность, гражданская идентичность, европейская идентичность, советская идентичность, идентичность места, воспринимаемая безопасность, русские, Эстония

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

История статьи:

Поступила в редакцию 4 апреля 2024 г.

Принята к печати 5 мая 2024 г.

Для цитирования:

Bushina E.V., Kornilova O.A., Kovaleva N.V. The relationship between multicultural ideology, social identities and perceived permeability of social boundaries for Russians in the Post-Soviet space: The case of Estonia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 427–444. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-427-444>

Вклад авторов:

Е.В. Бушина – обработка и анализ данных, написание и редактирование текста. *О.А. Корнилова* – концепция и дизайн исследования, сбор данных, редактирование текста. *Н.В. Ковалева* – обсуждение результатов, редактирование текста.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Бушина Екатерина Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-9560-9609, SPIN-код: 6526-9176. E-mail: evbushina@hse.ru

Корнилова Ольга Алексеевна – кандидат психологических наук, Первый заместитель директора Самарского филиала Московского государственного педагогического университета, Российская Федерация, 443081, Самара, ул. Стара-Загора, д. 76. ORCID: 0000-0002-8647-9985, SPIN-код: 2216-9192. E-mail: kornilovaaoa@mgpu.ru

Ковалева Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, научный руководитель Центра социально-психологических проблем, Адыгейский государственный университет, Российская Федерация, 385000, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Перво-майская, д. 208. ORCID: 0000-0002-2723-6334, SPIN-код: 3881-3670. E-mail: natkov2007@rambler.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-445-465

EDN: KMECDI

УДК 316.6

Исследовательская статья

Роль самоэффективности, воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации как факторов адаптации русских в Эстонии и Казахстане

Г.Я. Родионов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

 grodionov@hse.ru

Аннотация. Данное исследование имеет целью анализ самоэффективности, воспринимаемой угрозы и дискриминации как факторов, влияющих на адаптацию русско-го этнического меньшинства в Эстонии и Казахстане. В соответствии с теорией Стефана рассматриваются три вида воспринимаемой угрозы: экономическая, культурная и физическая. Выборка включает 272 русских, проживающих в Эстонии, и 200 русских из Казахстана. Для исследования данных использовался множественный регрессионный анализ при помощи программы SPSS v.27. Результаты показали, что культурная угроза у русских в Эстонии имеет негативную связь с удовлетворенностью жизнью и самооценкой. Также была выявлена отрицательная взаимосвязь между культурной угрозой и интеграцией, ассимиляцией, а положительная — с сепарацией среди русских в Эстонии. Экономическая угроза положительно связана со стратегией сепарации и отрицательно — со стратегией интеграции среди русских в Казахстане. Самоэффективность, в свою очередь, положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью и самооценкой, а также является фактором, способствующим выбору стратегии интеграции и адаптации среди русских в Казахстане. Результаты данного исследования показывают важность такого личностного фактора, как самоэффективность наряду с воспринимаемыми угрозами в контексте адаптации этнического меньшинства в принимающем обществе.

Ключевые слова: воспринимаемая угроза, воспринимаемая дискриминация, самоэффективность, русское меньшинство, аккультурационные стратегии, Казахстан, Эстония

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

Этнические миграции как внутри государств, так и между ними происходят в силу различных политических и экономических процессов. Межкультурное взаимодействие, связанное со взаимной аккультурацией, являет-

ся постоянной частью жизни многих людей. Аккультурация может включать в себя изменения в различных «культурных образцах», таких как традиции, внутренние культурные образцы, ценности, изменения в области психологической адаптации, определяющей, насколько комфортно человек чувствует себя в предлагаемой межкультурной среде, а также, что особенно важно, успешность социального функционирования в данном обществе, то есть то, насколько человек адаптировался к повседневной жизни в данном обществе, и насколько эффективно он справляется с различными трудностями, сопровождающими разные виды повседневной деятельности. В то же время существуют факторы, которые могут способствовать процессу адаптации, усложняя, упрощая или иным образом сопровождая его.

Аккультурация – это изменения, которые происходят с людьми (например, в языке, идентичности, когнитивном стиле, личностных качествах, установках) во время культурного перехода, когда они сталкиваются с другой культурой (Berry, How, 2017). Живя в новой культурной среде, люди осваивают новые навыки, знания и нормы, чтобы установить функциональные отношения с новой культурной средой; этот процесс также называется культурной адаптацией (Kim, 2017). Успешная адаптация к новой культурной среде многогранна и включает в себя социальную адаптацию, рабочую адаптацию (или академическую адаптацию для студентов) и психологическую адаптацию (Ward, Kennedy, 1994; Wilson et al., 2017). Социальная адаптация относится к тому, насколько хорошо мигранты развивают и поддерживают межличностные отношения в новой социальной среде. Исследования показали, что социальная адаптация связана с уровнем психологической адаптации. Более того, для студентов академическая адаптация может способствовать их академическим успехам в обучении (Anderson et al., 2016). Таким образом в процессе аккультурации адаптация может быть связана с различными факторами.

Цель исследования – определение роли самооффективности, воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации в выборе стратегий аккультурации и процесса адаптации русского этнического меньшинства в двух постсоветских странах – Эстонии и Казахстане.

Ввиду крайне слабой изученности роли самооффективности в межгрупповых процессах, будет особенно интересно рассмотреть, в каких именно ситуациях самооффективность будет определять выбор стратегий аккультурации.

Роль воспринимаемой дискриминации, воспринимаемой угрозы и самооффективности как факторов адаптации этнических меньшинств

Воспринимаемая дискриминация является довольно существенным стрессовым фактором, сопровождающим иммигрантов при переселении в новое сообщество (Montgomery et al., 2007). Немалое количество исследований указывает на то, что опыт дискриминации у молодежи среди имми-

грантов может иметь взаимосвязь с отрицательными поведенческими, психологическими и медицинскими последствиями (Родионов, 2023; Ferdinand et al., 2015). Это также было обнаружено у молодежи из числа беженцев. Например, Корреа-Велес, Гиффорд и Барнетт (Correa-Velez et al., 2010) провели лонгитюдное исследование 97 молодых людей–беженцев из 11 разных стран в Австралии и обнаружили, что воспринимаемая дискриминация была ключевым предиктором их благополучия. Однако можно предположить, что адаптация может быть более проблематичной для иммигрантов, сталкивающихся с более высоким уровнем дискриминации в принимающем обществе.

Несправедливое отношение, такое как воспринимаемая дискриминация, тесно связано с депрессией, и такая связь более значима среди социально неблагополучных людей в США (Mosso-Stefanidi et al., 2018). Восприятие несправедливого обращения может нанести ущерб самооценке и самоэффективности человека или помешать его способности быть социально и экономически активным, что может повысить риск возникновения проблем с психическим здоровьем (Beiser, 2009). Аналогичным образом исследования беженцев показали, что воспринимаемая дискриминация в принимающей стране связана с повышенным риском психических заболеваний. Также было установлено, что среди различных постмиграционных стрессовых факторов, таких как дискриминация, социальная изоляция и безработица, дискриминация является наиболее важным фактором, связанным с повышенным уровнем депрессии среди беженцев из Юго-Восточной Азии в Новой Зеландии (Mosso-Stefanidi et al., 2018). Аналогичным образом в литературе о беженцах из Северной Кореи часто обсуждается серьезность дискриминации со стороны основных южнокорейцев в отношении беженцев из Северной Кореи и ее негативное влияние на их психосоциальное благополучие (Park et al., 2009).

Кроме того, в некоторых исследованиях было установлено, что адаптация снижает влияние воспринимаемой дискриминации на плохое психическое здоровье иммигрантов (Torres et al., 2012). Восприятие того, как к беженцу относятся члены принимающего общества, играет важную роль в процессе адаптации человека, который влияет на психическое здоровье. Иммигранты в целом и беженцы в частности могут быть менее готовы и способны адаптироваться к обществу, которое не желает их принимать (Родионов, 2023; Torres et al., 2012). Стресс, возникающий в процессе адаптации, может быть относительно контролируемым со стороны адаптирующегося индивида, в то время как дискриминация является неконтролируемым событием, обусловленным этническим или социальным положением человека. Исследование Ума (Um et al., 2015) показало, что уровень воспринимаемой дискриминации оказался модератором между социокультурной адаптацией и наличием депрессивных симптомов у представителей этнических меньшинств. В этом исследовании в целом связь между социокультурной адаптацией и депрессивными симптомами была отрицательной. Но при

высоком уровне воспринимаемой дискриминации связь между социокультурной адаптацией и депрессивными симптомами была более негативной.

Шмитт с соавт. (Schmitt et al., 2014) подчеркнули, что важно изучить связь между воспринимаемой дискриминацией и благополучием, таким как удовлетворенность жизнью, в разных межгрупповых контекстах, чтобы исследовать различия между этими группами для дальнейшего теоретического развития. В мета-анализе Шмитт и др. подтвердили, что воспринимаемая дискриминация негативно связана с психологическим благополучием по широкому спектру показателей благополучия. Признание факта дискриминации может помочь людям избежать ситуаций, в которых они могут подвергнуться плохому обращению, и укрепить свои навыки и способности, чтобы нивелировать его. Уилсон, Уорд и Фишер (Wilson et al., 2017) изучили ситуационные переменные и показали, что воспринимаемая дискриминация оказывает наибольшее влияние на адаптацию и остается серьезной проблемой для некоторых людей. В исследовании этнической молодежи из 13 стран Берри, Финни, Сэм и Веддер (Immigrant youth..., 2006) показали, что воспринимаемая дискриминация предсказывает более плохую интеграцию. Воспринимаемая дискриминация может привести к тому, что стигматизированные группы будут испытывать институциональные и межличностные барьеры в принимающем обществе (Te Lindert, Korzilius, 2008).

Восприятие угрозы играет ключевую роль в межгрупповом конфликте (Schmid et al., 2015). Существует также мнение, подкрепленное исследованием Шмида, Тауша, Хьюстона, Хьюза и Кэрнса (Schmid et al., 2008), которое показало, что подверженность конфликтам связана не с воспринимаемой угрозой, а с более реалистичным восприятием угрозы, обусловленным физической безопасностью.

Воспринимаемая угроза со стороны других групп определяется как убеждение в том, что определенная аутгруппа каким-то образом наносит вред ингруппе. Межгрупповые угрозы могут проявляться в разных формах, включая угрозы, связанные с положительными отличиями или статусом (Родионов, 2023; Stephan, Stephan, 2000), символические угрозы, а также угрозы, касающиеся мировоззрения, ценностей и убеждений. Важно отметить, что в ситуациях неразрешимого межгруппового конфликта межгрупповые угрозы могут касаться реальных или осязаемых проблем, возникающих из-за опасений по поводу физической или материальной безопасности, или из-за конкуренции за власть, ресурсы или территорию, что классифицируется как реалистическая угроза (Stephan et al., 2009).

Было проведено исследование, в котором изучалась связь между воспринимаемой угрозой и психологическим благополучием (Schmid et al., 2015). Воспринимаемая угроза была напрямую связана с более низким уровнем благополучия, но также оказывала положительное косвенное влияние на благополучие через повышение социальной идентичности. Однако эти взаимосвязи зависели от предшествующей подверженности конфликту: поло-

жительная косвенная связь между воспринимаемой угрозой и психологическим благополучием проявлялась у людей, которых прямо или косвенно коснулся опыт межгруппового конфликта, а также у людей, подвергшихся конфликтному взаимодействию (Schmid et al., 2015).

Воспринимаемая угроза более подробно описана в интегральной теории угроз Стивенса (Stephan, Stephan, 2000). Согласно теории межгрупповой угрозы, представители принимающего общества часто рассматривают иммигрантов как опасность. Как утверждают Стефан и его коллеги (Stefan et al., 2009), угроза возникает, когда одна группа считает, что другая может причинить ей вред. Выделяют два основных типа воспринимаемой угрозы: реалистичная угроза, связанная с конкуренцией за ограниченные ресурсы, и символическая угроза, возникающая из-за воспринимаемой несовместимости мировоззрений.

Реальная угроза заключается в восприятии иммигрантов как опасности для существования местного населения, их физического и материального благополучия, а также политической и экономической власти. Местные жители зачастую считают, что им приходится конкурировать с иммигрантами за ограниченные ресурсы, такие как рабочие места, жилье и земля. Гонсалес и его коллеги (Gonzalez et al., 2008) отмечают, что стремление защитить свои ресурсы является одной из основных причин предвзятости и неприязни к иммигрантам. Реалистичная угроза также может проявляться в восприятии иммигрантов как угрозы для здоровья или безопасности местных жителей.

Например, в ряде европейских стран иммигранты воспринимаются как конкуренты за рабочие места, которые должны занимать местные жители. Кроме того, они часто рассматриваются как бремя для государственных служб и систем социального обеспечения. Иммигранты-мусульмане иногда воспринимаются как угроза безопасности, поскольку их связывают с насилием и терроризмом. Исследования в Финляндии, особенно среди подростков, показывают, что иммигранты воспринимаются как реальная угроза (Nshom, Croucher, 2017). Аналогичные исследования указывают на то, что российские иммигранты также считаются угрозой экономическому благополучию (Nshom, Croucher, 2018).

Символическая угроза, согласно теориям символического и современного расизма (Nshom et al., 2022), возникает из страха, что иммигранты отличаются от местных жителей по своим ценностям, культуре, языку, религии и образу жизни (Stephan et al., 2009). Этот страх основан на предположении, что присутствие аутгруппы может негативно повлиять на систему смыслов ингруппы. В Европе иммигранты часто воспринимаются как символическая угроза из-за различий в культурных и ценностных системах. Если говорить о роли самооффективности не только в контексте адаптации, но и в межгрупповых процессах в целом, то исследования в литературе довольно редки, но они все же существуют.

Некоторые исследования выявили положительное влияние убеждений в самооффективности среди мигрантов. Исследование группы мигрантов

показало, что люди, обладающие высоким уровнем самооценки, могут расценивать изменения в жизни не как угрозы, а как определенные трудности, с которыми просто надо справиться. У них, как было выяснено, уровень здоровья, в среднем, выше, чем у мигрантов с низкой самооценкой. Американские экспатрианты в Европе с высоким уровнем самооценки показывают более высокую степень культурной адаптации в сравнении с теми, у кого уровень низкий (Harrison, 2006). Также было выявлено (Wang, Sangalang, 2009), что у филиппинских рабочих-иммигрантов в Канаде уровень самоэффективности позитивно связан с успешностью адаптации к работе. Исследование, проведенное среди афганских и курдских беженцев в Новой Зеландии и Австралии, свидетельствует, что личностная самоэффективность имеет стойкую положительную связь с субъективным благополучием и отрицательную – с психологическим дистрессом (Sulaiman-Hill, 2013). Кроме того, самоэффективность оказалась предиктором психического здоровья среди возвращающихся беженцев из Малави (Gillespie et al., 2000). Также стоит упомянуть исследования среди сомалийских подростков, переселившихся в США, где было показана положительная взаимосвязь самоэффективности с чувством принадлежности к школе и отрицательная – с уровнем депрессии (Kia-Keating, Ellis, 2007).

Психологической адаптации мигрантов могут способствовать такие личностные ресурсы, как убеждения в самоэффективности (Jerusalem, Mittag, 1995). Было показано, что самоэффективность является одним из важных факторов, помогающих человеку справиться со стрессовыми жизненными переходами и адаптироваться к новой ситуации. Было установлено, что самоэффективность опосредует связь между зависимыми стрессовыми жизненными событиями и симптомами депрессии среди американцев с предшествующей историей депрессии (Maciejewski et al., 2000). Переезд на новое место жительства (внутренняя миграция) был наиболее часто упоминаемым жизненным событием в вышеупомянутом исследовании ($n = 314$) наряду с серьезными финансовыми проблемами ($n = 216$) и угрожающей жизни болезнью или травмой ($n = 101$). Иерусалим и Миттаг (1995) предположили, что «в этот стрессовый переходный период адаптации к новой социальной среде самоэффективность может выступать в качестве личностного ресурса, защищающего от вредных переживаний, негативных эмоций и ухудшения здоровья».

Социальная поддержка, исходящая от близкого круга общения, к которым относятся семья и друзья, очень существенно в дополнение к уверенности в собственных силах позитивно влияет на психологическую адаптацию мигрантов (Yusoff, 2012). Это говорит о том, что крайне полезным является создание сети социальных взаимодействий для мигрантов. И одним из наилучших способов для создания и улучшения социальных связей является такой компонент, как социальная самоэффективность. Исследования описывают, что при высоких показателях внутренней убежденности в такой самоэффективности адаптация происходит успешнее (Salanova et al., 2002).

Эти результаты исследований показывают, что социальная самоэффективность имеет отрицательную взаимосвязь с тревожностью привязанности,

депрессией и одиночеством среди внутренних мигрантов в США, многими из которых являются первокурсники колледжей (Wei et al., 2005). Также стоит отметить, что социальная самоэффективность является посредником между тревожностью привязанности и одиночеством (Wei et al., 2005). Кроме того, она отрицательно связана с аккультурационным стрессом, депрессией и низкой уверенностью в себе в группах иностранных студентов в колледжах США. Приезжие в Канаду из других стран студенты показывают существенно более низкий уровень социальной самоэффективности в сравнении с местными студентами и мигрантами второго поколения. Также следует сказать, социальная самоэффективность позитивно взаимосвязана с удовлетворенностью учебным процессом и негативно — с психологическим дистрессом (Leung, 2001).

Основной *исследовательский вопрос* данной работы: являются ли самоэффективность, воспринимаемая угроза и воспринимаемая дискриминация факторами, которые в совокупности определяют выбор стратегий аккультурации и адаптацию русского этнического меньшинства в Казахстане и Эстонии?

Процедура и методы исследования

Участники. В исследовании приняли участие представители русского этнического меньшинства в двух странах — Казахстане и Эстонии. Выборка русских в Эстонии составила 272 человека, из них 131 мужчина и 141 женщина (средний возраст — 37,42, стандартное отклонение — 16,33). Уровень доходов варьировался следующим образом: 30,4 % не испытывают финансовых трудностей, 54,3 % ответили, что их доход в целом достаточен, 13,4 % сообщили, что им довольно трудно жить на такой доход, и, наконец, 1,9 % сказали, что им очень трудно жить на их уровень дохода. Все россияне родились в Эстонии или приехали туда до 1991 года.

Выборка россиян в Казахстане состояла из 200 человек, 142 мужчин и 58 женщин (средний возраст — 37,22, стандартное отклонение — 10,37). Уровень доходов варьировался следующим образом: 7,4 % не испытывают материальных трудностей, 48,7 % ответили, что дохода в целом достаточно, 34,9 % сообщили, что жить на такой доход довольно трудно, и, наконец, 9 % сказали, что жить на данный уровень дохода очень трудно. Респонденты родились в Казахстане или приехали в Казахстан до 1991 года.

Методы и методики. Настоящее исследование было проведено с помощью платформы anketolog.ru методом социально-психологического опроса. Все респонденты добровольно приняли участие в данном исследовании, заполнив анкету в онлайн-формате.

Инструменты исследования включают ряд шкал, в которых респонденты должны были выразить свое согласие или несогласие с представленными утверждениями по шкале Ликерта от 1 до 5, где «1» означает абсолютное несогласие, а «5» — абсолютное согласие.

Воспринимаемая межгрупповая угроза была представлена тремя типами угроз: культурной, экономической и физической. Культурная угроза

подразумевает угрозу ценностям и традициям группы, экономическая угроза – сфере материального благополучия, а физическая угроза – физическому здоровью. За основу вопросов была взята шкала MIRIPS, адаптированная для русскоязычной выборки (Лебедева, Татарко, 2009). Она состоит из 6 вопросов (по 2 вопроса на каждый тип угрозы). Пример вопроса: «Высокий уровень безработицы отчасти связан с отсутствием работы для представителей моей национальности».

Шкала стратегий аккультурации также была основана на адаптированной на русский язык шкале MIRIPS (Лебедева, Татарко, 2009). Среди стратегий аккультурации по Берри были выделены следующие: интеграция, ассимиляция и сепарация. Интеграция подразумевает стремление к сохранению собственной культуры в противовес принятию культуры принимающего общества, а также стремление жить в мультикультурном обществе. Ассимиляция предполагает отказ от своей культуры в пользу культуры большинства. Сепарация предполагает отказ от культуры большинства в пользу своей собственной культуры и отделение от группы большинства. Шкала состоит из 12 вопросов (по 4 вопроса на каждый тип стратегии). Примеры вопросов: «Я считаю, что русские, живущие в Казахстане/Эстонии, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать казахские/эстонские», «Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и казахским/эстонским языками», «Я предпочитаю иметь друзей как среди русских, так и среди казахов/эстонцев».

Шкала воспринимаемой дискриминации основана на адаптированном на русский язык опроснике MIRIPS (Лебедева, Татарко, 2009) и состоит из 5 вопросов. Вопросы предназначены для изучения степени, в которой этническое меньшинство чувствует себя дискриминируемым. Пример вопроса: «Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности».

Шкала самоэффективности (Schwarzer Self-Efficacy Scale, Schwartz et al., 2012) измеряет уровень самоэффективности. Вопросы направлены на изучение того, насколько человек способен справляться с повседневными трудностями. Она состоит из 5 вопросов. Пример вопроса: «Я готов к любым трудностям, поскольку полагаюсь на собственные способности».

Психологическая адаптация измеряется с помощью двух типов шкал. *Шкала удовлетворенности жизнью* была представлена вопросами из шкалы Динера (Diener et al., 1985). Вопросы направлены на изучение того, насколько человек удовлетворен своей жизнью. Она состоит из 4 вопросов. Пример вопроса: «Я удовлетворен(а) своей жизнью». *Шкала самооценки* состоит из вопросов шкалы Розенберга (Rosenberg, 1965) и изучает, насколько позитивно или негативно респондент воспринимает себя. Она состоит из 4 вопросов. Пример вопроса: «Мне кажется, у меня есть ряд хороших качеств».

Статистический анализ. Для исследования результатов проведен множественный регрессионный анализ с использованием статистического пакета IBM SPSS 27, результаты которого будут представлены ниже.

Результаты исследования

В табл. 1 представлены средние значения по каждой переменной у русских в Эстонии и Казахстане.

Таблица 1 / Table 1

Средние значения изучаемых переменных у русских в Эстонии и Казахстане /
Mean values of variables used among the Russians in Estonia and Kazakhstan

Переменная/ Variable	Русские в Казахстане / Russians in Kazakhstan		Русские в Эстонии / Russians in Estonia	
	M	SD	M	SD
Воспринимаемая дискриминация/ Perceived discrimination	1,82	0,77	1,8	0,75
Воспринимаемая культурная угроза / Perceived cultural threat	2,27	1,01	2,33	0,74
Воспринимаемая экономическая угроза / Perceived economic threat	3,17	1,15	2,47	0,89
Воспринимаемая физическая угроза / Perceived physical threat	2,38	1,14	2,26	0,87
Самозффективность / Self-efficacy	3,85	0,64	3,98	0,48
Интеграция / Integration	4,39	0,65	4,1	0,55
Ассимиляция / Assimilation	1,96	0,79	1,87	0,55
Сепарация / Separation	2,30	0,80	2,11	0,67
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	3,33	0,75	3,42	0,63
Самооценка / Self-esteem	3,97	0,65	4,13	0,52

Из табл. 1 видно, что уровень воспринимаемой дискриминации в обеих странах находится на достаточно низком уровне. Уровень культурной и физической угрозы в обеих странах находится на уровне ниже среднего. Можно предположить, что эти показатели не являются особенно ощущаемыми для русских в обеих странах. Однако уровень экономической угрозы оказался более выраженным среди русских в Эстонии. Можно предположить, что для русских в Эстонии финансовая стабильность в большей степени сопряжена с принимающим населением, чем у русских в Казахстане.

Также на довольно схожем в обеих странах высоком уровне находятся показатели стратегии интеграции, на довольно схожем низком уровне – приверженность стратегии ассимиляции. На чуть более высоком уровне находится стратегия сепарации. Это отражает тот факт, что в обоих случаях русские в большей степени готовы к жизни в мультикультурном обществе, не желая подстраиваться под местную культуру. Промежуточным звеном в обоих случаях является сепарация. Таким образом, можно предположить, что стратегии аккультурации в принимающем обществе являются примерно схожими в обеих странах.

Наконец, уровень самооценки в обеих странах находится на довольно высоком уровне, уровень самозффективности также оказывается достаточно высоким. Уровень же удовлетворенности жизнью находится ближе к среднему значению. Это может говорить о том, что в целом русские оценивают себя достаточно высоко и позитивно, чувствуют свою зффективность в решении сложных вопросов и, в среднем удовлетворены жизнью.

Таким образом, можно видеть, что по всем переменным настроения у русских в Казахстане и Эстонии схожие. Далее будут рассмотрены соот-

ношения между изучаемыми переменными и то, как они различаются в зависимости от контекста.

В табл. 2–5 представлены результаты регрессионного анализа, полученные для русских в Эстонии и для русских в Казахстане. Во всех таблицах выделен ряд независимых переменных (воспринимаемая угроза, воспринимаемая дискриминация, самооффективность), которые связаны с зависимыми переменными (интеграция, ассимиляция, сепарация, удовлетворенность жизнью и самооценка).

Таблица 2 / Table 2

Результаты множественного регрессионного анализа среди русских в Эстонии (стратегии аккультурации как зависимые переменные) / Results of multiple regression analysis among the Russians in Estonia (acculturation strategies as dependent variables)

Независимые переменные / Independent variables	Интеграция / Integration		Ассимиляция / Assimilation		Сепарация / Separation	
	β	t	β	t	β	t
Контрольные переменные / Control variables						
Возраст / Age	-0,143	-2,330*	0,044	0,655	0,036	0,558
Пол / Gender	0,309	5,813***	-0,027	-0,467	-0,200	-3,569***
Образование / Education	0,071	1,187	-0,097	-1,477	-0,082	-1,307
Уровень дохода / Income	-0,075	-1,417	0,016	0,271	0,091	1,637
Предикторы / Predictors						
Воспринимаемая дискриминация / Perceived discrimination	-0,028	-0,514	0,051	0,855	0,149	2,605*
Воспринимаемая культурная угроза / Perceived cultural threat	-0,220	-4,083***	-0,180	-3,034**	0,147	2,596*
Воспринимаемая экономическая угроза / Perceived economic threat	0,030	0,586	-0,072	-1,253	-0,016	-0,301
Воспринимаемая физическая угроза / Perceived physical threat	0,017	0,339	-0,018	-0,326	-0,056	-1,045
Самооффективность / Self-efficacy	0,087	1,662	-0,052	-0,899	-0,053	-0,969
R ²	0,215		0,049		0,132	
F	9,338***		1,762		5,206***	

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – стандартизированный регрессионный коэффициент; t – критерий Стьюдента; R² – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.

Notes. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – standardized regression coefficient; t – Student's t-test; R² – coefficient of determination; F – Fisher's criterion.

Из табл. 2 видно, что из социально-демографических характеристик русских в Эстонии пол положительно связан с выбором стратегии интеграции. Также из данных следует, что культурная угроза имеет отрицательную связь с интеграцией, в то время как другие типы угроз не имеют статистически значимой связи со стратегиями аккультурации. Самооффективность и воспринимаемая дискриминация также не показали статистически значимых связей с выбором стратегии интеграции в этническом меньшинстве.

В случае ассимиляции не было обнаружено значимых связей с воспринимаемой дискриминацией и самооффективностью как предикторами. Однако отрицательные связи были обнаружены между культурной угрозой и ассимиляцией. Экономическая и физическая угроза не показали статистически значимого вклада в выбор стратегии ассимиляции.

В случае, когда зависимой переменной выступала сепарация, пол оказался отрицательно связан с выбором стратегии сепарации. Также видно, что воспринимаемая культурная угроза и воспринимаемая дискриминация имеют прямую положительную значимую связь с выбором сепарации. Два других типа воспринимаемой угрозы и самооффективность не оказывают значимого влияния на выбор стратегии сепарации.

Данные табл. 3 показывают, что несколько социально-демографических характеристик имеют значимую связь с удовлетворенностью жизнью как одним из двух показателей психологической адаптации русских в Эстонии. Возраст и пол связаны с ней положительно, уровень дохода – отрицательно. Роль образования не была выявлена. Это может говорить о том, что у людей более старшего возраста удовлетворенность жизнью может быть более выражена. Также можно предположить, что удовлетворенность жизнью и самооценка сильнее выражены у женщин, нежели у мужчин.

Таблица 3 / Table 3

Результаты множественного регрессионного анализа среди русских в Эстонии (удовлетворенность жизнью и самооценка как зависимые переменные) / Results of multiple regression analysis among the Russians in Estonia (life satisfaction and self-esteem as dependent variables)

Независимые переменные / Independent variables	Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction		Самооценка / Self-esteem	
	β	t	β	t
Контрольные переменные / Control variables				
Возраст / Age	0,201	3,500***	0,070	1,259
Пол / Gender	0,116	2,327*	0,138	2,863**
Образование / Education	-0,070	-1,262	-0,016	-0,303
Уровень дохода / Income	-0,204	-4,095***	-0,017	-0,365
Предикторы / Predictors				
Воспринимаемая дискриминация / Perceived discrimination	-0,108	-2,106*	-0,049	-0,998
Воспринимаемая культурная угроза / Perceived cultural threat	-0,201	-3,976***	-0,170	-3,484***
Воспринимаемая экономическая угроза / Perceived economic threat	0,031	0,627	0,087	1,852
Воспринимаемая физическая угроза / Perceived physical threat	-0,021	-0,437	-0,056	-1,209
Самооффективность / Self-efficacy	0,347	7,062***	0,502	10,612***
R ²	0,308		0,361	
F	15,162***		19,180***	

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – стандартизированный регрессионный коэффициент; t – критерий Стьюдента; R² – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.
Notes. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – standardized regression coefficient; t – Student's t-test; R² – coefficient of determination; F – Fisher's criterion.

Среди предикторов самооффективность показала положительную значимую связь с удовлетворенностью жизнью и самооценкой, а воспринимаемая культурная угроза и воспринимаемая дискриминация – отрицательную. Такие показатели, как воспринимаемая экономическая и физическая угроза, не показали значимой связи с удовлетворенностью жизнью и самооценкой. В ситуации, когда предиктором выступает самооффективность, видно, что пол положительно связан с самооценкой, в то время как другие социально-демографические характеристики не имеют такой связи.

Также стоит отметить, что вновь была обнаружена положительная связь между самооффективностью и показателем психологической адаптации – самооценкой. Отрицательная связь была обнаружена для культурной угрозы с самооценкой. Воспринимаемая дискриминация, воспринимаемая экономическая и физическая угроза не сыграли статистически значимой роли как предикторы удовлетворенности жизнью и самооценки.

В табл. 4, 5 представлены результаты регрессионного анализа по выборке русских в Казахстане.

Таблица 4 / Table 4

Результаты множественного регрессионного анализа среди русских в Казахстане (стратегии аккультурации как зависимые переменные) / Results of multiple regression analysis among the Russians in Kazakhstan (acculturation strategies as dependent variables)

Независимые переменные / Independent variables	Интеграция / Integration		Ассимиляция / Assimilation		Сепарация / Separation	
	β	t	β	t	β	t
Контрольные переменные / Control variables						
Возраст / Age	0,010	0,161	−0,129	−1,721	−0,027	−0,542
Пол / Gender	0,048	0,758	0,131	1,778	0,057	1,146
Образование / Education	0,047	0,758	0,051	0,710	0,013	0,266
Уровень дохода / Income	0,045	0,678	−0,147	−1,905	−0,082	−1,574
Предикторы / Predictors						
Воспринимаемая дискриминация / Perceived discrimination	−0,061	−0,721	0,152	1,540	−0,027	−0,411
Воспринимаемая культурная угроза / Perceived cultural threat	−0,055	−0,676	0,136	1,421	0,429	6,655***
Воспринимаемая экономическая угроза / Perceived economic threat	−0,291	−2,641**	−0,113	−0,874	0,438	5,030***
Воспринимаемая физическая угроза / Perceived physical threat	−0,063	−0,708	0,079	0,757	−0,027	−0,380
Самооффективность / Self-efficacy	0,306	4,610***	−0,083	−1,065	−0,089	−1,698
R ²	0,345		0,099		0,592	
F	10,465***		2,188*		28,888***	

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – стандартизированный регрессионный коэффициент; t – критерий Стьюдента; R² – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.
Notes. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – standardized regression coefficient; t – Student's t-test; R² – coefficient of determination; F – Fisher's criterion.

Из табл. 4 следует, что социально-демографические характеристики не показали никакой корреляции с интеграцией русских в Казахстане. Также не было обнаружено связи между воспринимаемой культурной, физической угрозой и воспринимаемой дискриминацией и стратегией интеграции. Однако была обнаружена положительная связь между самооффективностью и интеграцией и отрицательная связь между экономической угрозой и интеграцией.

В модели, где зависимой переменной выступает ассимиляция, ни самооффективность, ни воспринимаемая дискриминация, ни воспринимаемая угроза не показали значимой роли как предикторы.

В случае, когда зависимой переменной была сепарация, не обнаружено значимой связи между воспринимаемой физической угрозой, воспринимаемой дискриминацией и самооффективностью с выбором стратегии сепарации среди русских в Казахстане. Однако существует очень сильная положительная связь между культурной и экономической угрозой, с одной стороны, и стратегией сепарации (разделения) – с другой.

Таблица 5 / Table 5

Результаты множественного регрессионного анализа среди русских в Казахстане (удовлетворенность жизнью и самооценка как зависимые переменные) / Results of multiple regression analysis among the Russians in Kazakhstan (life satisfaction and self-esteem as dependent variables)

Независимые переменные / Independent variables	Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction		Самооценка / Self-esteem	
	β	t	β	t
Контрольные переменные / Control variables				
Возраст / Age	–0,013	–0,175	–0,081	–1,191
Пол / Gender	–0,004	–0,061	–0,030	–0,453
Образование / Education	–0,079	–1,099	0,018	0,270
Уровень дохода / Income	0,120	1,562	0,019	0,273
Предикторы / Predictors				
Воспринимаемая дискриминация / Perceived discrimination	0,027	0,273	0,056	0,628
Воспринимаемая культурная угроза / Perceived cultural threat	0,047	0,500	–0,099	–1,143
Воспринимаемая экономическая угроза / Perceived economic threat	0,087	0,679	–0,051	–0,432
Воспринимаемая физическая угроза / Perceived physical threat	–0,226	–2,193*	0,033	0,346
Самооффективность / Self-efficacy	0,278	3,600***	0,485	6,880***
R ²	0,117		0,261	
F	2,644**		7,036***	

Примечания. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – стандартизированный регрессионный коэффициент; t – критерий Стьюдента; R² – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера.
Notes. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. β – standardized regression coefficient; t – Student's t-test; R² – coefficient of determination; F – Fisher's criterion.

Из табл. 5 видно, что социально-демографические характеристики не имеют статистически значимой роли ни для одной из стратегий аккультурации русских в Казахстане. Положительная связь была обнаружена между самооффективностью и удовлетворенностью жизнью, а отрицательная – между воспринимаемой физической угрозой и удовлетворенностью жизнью. Воспринимаемая дискриминация также не была значимо связана с удовлетворенностью жизнью.

В то же время воспринимаемая угроза и воспринимаемая дискриминация также не имели значимых связей в модели, где зависимой переменной выступает самооценка. При этом положительная связь была обнаружена между самооффективностью и самооценкой.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что разные факторы неодинаково проявили себя в моделях. Самооффективность достаточно сильно проявила себя в моделях связи с удовлетворенностью жизнью и самооценкой. Эта

связь кажется очень логичной, поскольку эти переменные связаны с личностными факторами. И в целом высокий уровень самооффективности может свидетельствовать о высоком уровне психологического благополучия, в частности, о высоком уровне удовлетворенности жизнью и высоком уровне самооценки, что подтверждается многочисленными исследованиями (Yin et al., 2023; Tapager et al., 2022; Andretta, McKay, 2020). Можно предположить, что сама по себе жизнь русскоязычного меньшинства в таких постсоветских странах, как Казахстан и Эстония, свойственна людям с высокой самооффективностью, когда как обратной стороной этой самооффективности могло быть возвращение в Россию еще в 90-х годах XX века.

Уровень самооценки положительно связан с интеграционными стратегиями у русских в Казахстане. Можно предположить, что интеграция – это именно та стратегия, которую сложно реализовать, которая может восприниматься как вызов, что подтверждают исследования в Восточной Германии среди мигрантов, где было обнаружено, что трудные ситуации легче преодолеваются теми мигрантами, которые имеют более высокий уровень самооффективности (Rogala, 2020). Кроме того, положительная связь между интеграцией и самооффективностью частично подтверждается исследованиями Шварцера и Шольца (Schwarzer, Scholz, 2000), а также исследованиями, проведенными в Северной Ирландии, где было установлено, что низкий уровень самооффективности связан с низким предпочтением интеграции (Magnet de Saissy, 2009).

Уровень воспринимаемой дискриминации был положительно связан с сепарацией русских в Эстонии и отрицательно – с уровнем удовлетворенности жизнью среди русских в Эстонии. Можно предположить, что настроения, которые проявляются в Эстонии, например, связанные с демонтажем памятника бронзового солдата в 2007 году или нежеланием отказываться от русского языка в пользу эстонского, могут определяться недостаточным уровнем удовлетворенности жизнью от этих новых изменений, вследствие чего может проявляться желание сепарироваться от принимающего общества. В целом данная отрицательная связь среди русских в Эстонии выглядит вполне логичной, поскольку наличие дискриминационного поведения может, по сути, снижать такой показатель психологической адаптации, как удовлетворенность жизнью. Можно предположить, что наличие воспринимаемой дискриминации может быть связано с русской этнической идентичностью. В этом случае стремление к сегрегации может быть неким выходом, поскольку тогда человек может стать более отдаленным от объектов, выражающих дискриминационное поведение.

Воспринимаемые угрозы следует рассмотреть более подробно. В исследовании взаимосвязи между угрозами и интеграцией среди русских в Эстонии воспринимаемая экономическая угроза положительно связана с интеграцией. Можно предположить, что экономическая угроза не является препятствием для взаимодействия русских с эстонцами, так как эта угроза

может присутствовать и по отношению к собственной группе. В то же время в Казахстане экономическая угроза отрицательно связана с интеграцией. Вероятно, здесь угроза экономическому благополучию идет вразрез с желанием интегрироваться.

Говоря об ассимиляции, следует отметить, что воспринимаемая культурная угроза отрицательно связана с желанием ассимилироваться среди русских в Эстонии. В то же время в Казахстане угроза не была связана с ассимиляцией. Такая ситуация, вероятно, связана с тем, что в Казахстане русские не чувствуют, что политически русских пытаются ассимилировать. В то же время, например, некоторые русские в Эстонии считают, что проводимая политика интеграции — это именно ассимиляция (The Russian Second Generation..., 2011). Кроме того, они могут предполагать, что ассимиляция может представлять угрозу идентичности (Velasco González et al., 2008), и поэтому нежелание ассимилироваться может быть связано с угрозой воздействия культуры другой группы, что подразумевает отказ от собственной культуры в пользу культуры этнического большинства Эстонии.

Для русских в Эстонии стратегия сепарации положительно связана с воспринимаемой культурной угрозой. У русских в Казахстане наблюдается еще более сильная положительная связь сепарации с экономической и культурной угрозой. Можно предположить, что в Эстонии культурная угроза действительно является самой сильной причиной для сепарации, поскольку сепарация закрывает возможности для взаимодействия с эстонцами, включая культурный обмен и поиск работы. В то же время в Казахстане не только культурная, но и экономическая угроза может быть фактором, который будет связан с проявлением склонности к сепарации.

Наконец, для русских в Эстонии воспринимаемая культурная угроза отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью и самооценкой. Для русских в Казахстане физическая угроза отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью. Можно предположить, что культурная угроза является переменной, определяющей степень психологической адаптации для русских в Эстонии. В Казахстане физическая безопасность оказалась более всего связана с самооценкой.

Заключение

Такие факторы, как воспринимаемая угроза, воспринимаемая дискриминация и самоэффективность, играют серьезную роль в адаптации этнических меньшинств. Интересен вывод о том, насколько важна культурная безопасность для русских в Эстонии. Чем меньше русские чувствуют воспринимаемую культурную угрозу, тем лучше они адаптируются в культурном (отдавая предпочтение интеграции и ассимиляции в противовес сепарации) и психологическом плане (положительная связь с удовлетворенностью жизнью и самоэффективностью). В Казахстане культурная угроза оказалась менее значимой, чем экономическая. Чем выше экономическая (и культурная)

угроза, тем больше вероятность того, что россияне выберут стратегию сепарации. Чем ниже уровень экономической угрозы, тем больше россияне готовы к интеграции.

Таким образом, можно ответить на основной исследовательский вопрос, что самоэффективность наряду с воспринимаемыми угрозами определяют аккультурационные стратегии русского меньшинства в Эстонии и Казахстане, однако несколько по-разному в зависимости от контекста.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке и адаптации существующих интеграционных стратегий со стороны местного населения для более грамотной и эффективной аккультурации этнических меньшинств.

Одним из основных **ограничений** данного исследования является то, что в нем не учитывается текущая политическая ситуация в мире. В связи с этим в будущем планируется учесть политическую ситуацию в мире, а также распространить исследование на другие постсоветские страны.

Список литературы

Ссылки на источники см. в разделе References после англоязычного блока.

История статьи:

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Принята к печати 10 мая 2024 г.

Для цитирования:

Родионов Г.Я. Роль самоэффективности, воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации как факторов адаптации русских в Эстонии и Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 445–465. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-445-465>

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе:

Родионов Гермоген Ярославович, кандидат психологических наук, старший преподаватель департамента психологии, младший научный сотрудник Центра социокультурных исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 10100, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-1113-1810, SPIN-код: 4034-0458. E-mail: germogen93@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-445-465

EDN: KMECDI

UDC 316.6

Research article

The Role of Self-Efficacy, Perceived Threat and Perceived Discrimination as Adaptation Factors for Russians in Estonia and Kazakhstan

Germogen Ya. Rodionov

HSE University,
Moscow, Russian Federation

 grodionov@hse.ru

Abstract. The aim of this study was to analyze self-efficacy, perceived threat and perceived discrimination as factors influencing the adaptation of the Russian ethnic minority in Estonia and Kazakhstan. According to Stephan's theory, three types of perceived threat were considered: economic, cultural and physical. The sample included 272 Russians living in Estonia and 200 Russians from Kazakhstan. The data were processed using multiple regression analysis based on the SPSS v.27 program. The results showed that cultural threat had a negative relationship with life satisfaction and self-esteem. It was also found that cultural threat was negatively related to integration and assimilation but positively related to separation among the Russians in Estonia. Economic threat was positively related to the separation strategy but negatively related to the integration strategy among the Russians in Kazakhstan. Self-efficacy, in turn, was positively correlated with life satisfaction and self-esteem, and was also a factor contributing to the choice of integration and adaptation strategies among the Russians in Kazakhstan. The results of this study show the importance of self-efficacy as a personal factor, along with perceived threats, in the context of an ethnic minority being adapted in the host society.

Key words: perceived threat, perceived discrimination, self-efficacy, Russian minority, acculturation strategies, Kazakhstan, Estonia.

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Anderson, J.R., Guan, Y., & Koc, Y. (2016). The academic adjustment scale: Measuring the adjustment of permanent resident or sojourner students. *International Journal of Inter-cultural Relations*, 54, 68–76. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.07.006>
- Andretta, J.R., & McKay, M.T. (2020). Self-efficacy and well-being in adolescents: A comparative study using variable and person-centered analyses. *Children and Youth Services Review*, 118, 105374. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105374>
- Beiser, M. (2009). Resettling refugees and safeguarding their mental health: Lessons learned from the Canadian refugee resettlement project. *Transcultural Psychiatry*, 46(4), 539–583. <https://doi.org/10.1177/1363461509351373>

- Berry, J.W., & Hou, F. (2017). Acculturation, discrimination and wellbeing among second generation of immigrants in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*, 61, 29–39. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.08.003>
- Berry, J.W., Phinney, J.S., Sam, D.L., & Vedder, P. (Eds.). (2006). Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts. New York: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780415963619>
- Correa-Velez, I., Gifford, S.M., & Barnett, A.G. (2010). Longing to belong: Social inclusion and wellbeing among youth with refugee backgrounds in the first three years in Melbourne, Australia. *Social Science & Medicine*, 71(8), 1399–1408. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.07.018>
- Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Ferdinand, A.S., Paradies, Y., & Kelaher, M. (2015). Mental health impacts of racial discrimination in Australian culturally and linguistically diverse communities: A cross-sectional survey. *BMC Public Health*, 15(1), 401. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-1661-1>
- Gillespie, A., Peltzer, K., MacLachlan, M. (2000). Returning refugees: Psychosocial problems and mediators of mental health among Malawian returnees. *Journal of Mental Health*, 9(2), 165–178. <https://doi.org/10.1080/09638230050009168>
- Harrison, J.K., Chadwick, M., & Scales, M. (1996). The relationship between cross-cultural adjustment and the personality variables of self-efficacy and self-monitoring. *International Journal of Intercultural Relations*, 20(2), 167–188. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(95\)00039-9](https://doi.org/10.1016/0147-1767(95)00039-9)
- Jerusalem, M., & Mittag, W. (1995). Self-efficacy in stressful life transitions. In A. Bandura (Ed.). *Self-efficacy in changing societies* (pp. 177–201). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511527692.008>
- Kia-Keating, M., & Ellis, B.H. (2007). Belonging and connection to school in resettlement: Young refugees, school belonging, and psychosocial adjustment. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 12(1), 29–43. <https://doi.org/10.1177/1359104507071052>
- Kim, Y.Y. (2017). Cross-cultural adaptation. In *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.21>
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (2009). Comparative analysis of the strategies between migrants and the population of Russia in Moscow and The Stavropol. In Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). *Strategies of intercultural relationships between migrants and the population of Russia* (pp. 331–371). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
 Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Отв. ред.: Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. Под общ. ред.: Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. М.: Российский университет дружбы народов, 2009. С. 336–375.
- Leung, C. (2001). The psychological adaptation of overseas and migrant students in Australia. *International Journal of Psychology*, 36(4), 251–259. <https://doi.org/10.1080/00207590143000018>
- Maciejewski, P.K., Prigerson, H.G., & Mazure, C.M. (2000). Self-efficacy as a mediator between stressful life events and depressive symptoms: Differences based on history of prior depression. *British Journal of Psychiatry*, 176(4), 373–378. <https://doi.org/10.1192/bjp.176.4.373>
- Magnet de Saissy, C.K. (2009). Acculturation, self-efficacy and social support among Chinese immigrants in Northern Ireland. *International Journal of Intercultural Relations*, 33(4), 291–300. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.04.002>

- Montgomery, E., & Foldspang, A. (2007). Discrimination, mental problems and social adaptation in young refugees. *European Journal of Public Health*, 18(2), 156–161. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm073>
- Motti-Stefanidi, F., Pavlopoulos, V., & Asendorpf, J.B. (2018). Immigrant youth acculturation and perceived discrimination: Longitudinal mediation by immigrant peers' acceptance/rejection. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 59, 36–45. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2018.03.001>
- Nshom, E., & Croucher, S. (2017). Perceived threat and prejudice towards immigrants in Finland: A study among early, middle, and late Finnish adolescents. *Journal of International and Intercultural Communication*, 10(4), 309–323. <https://doi.org/10.1080/17513057.2017.1312489>
- Nshom, E., & Croucher, S.M. (2018). Acculturation preferences towards immigrants: Age and gender differences among Finnish adolescents. *International Journal of Intercultural Relations*, 65, 51–60. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.04.005>
- Nshom, E., Khalimzoda, I., Sadaf, S., & Shaymardanov, M. (2022). Perceived threat or perceived benefit? Immigrants' perception of how Finns tend to perceive them. *International Journal of Intercultural Relations*, 86, 46–55. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.11.001>
- Park, K., Cho, Y., & Yoon, I.-J. (2009). Social inclusion and length of stay as determinants of health among North Korean refugees in South Korea. *International Journal of Public Health*, 54(3), 175–182. <https://doi.org/10.1007/s00038-009-8048-y>
- Rodionov, G.Ya. (2023). *The relationship of social identity and acculturation attitudes of Russians and Estonians: the role of perceived threat, self-efficacy, and social capital*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: HSE University. (In Russ.)
Родионов Г. Я. Взаимосвязь социальной идентичности и аккультурационных установок русских и эстонцев: роль воспринимаемой угрозы, самоэффективности и социального капитала: диссертация ... кандидата психологических наук. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. 143 с.
- Rogala, A., Szczepaniak, M., Michalak, N., & Andersson, G. (2020). Internet-based self-help intervention aimed at increasing social self-efficacy among internal migrants in Poland: Study protocol for a randomized controlled trial. *Internet Interventions*, 21, 100322. <https://doi.org/10.1016/j.invent.2020.100322>
- Rosenberg, M. (1965). *Society and the Adolescent Self-Image*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400876136>
- Salanova, M., Peiró, J.M., & Schaufeli, W.B. (2002). Self-efficacy specificity and burnout among information technology workers: An extension of the job demand-control model. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 11(1), 1–25. <https://doi.org/10.1080/13594320143000735>
- Schmid, K., & Muldoon, O.T. (2015). Perceived threat, social identification, and psychological well-being: The effects of political conflict exposure. *Political Psychology*, 36(1), 75–92. <https://doi.org/10.1111/pops.12073>
- Schmitt, M.T., Branscombe, N.R., Postmes, T., & Garcia, A. (2014). The consequences of perceived discrimination for psychological well-being: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 140(4), 921–948. <https://doi.org/10.1037/a0035754>
- Schwartz, S., Butenko, T.P., Sedova, D.S., & Lipatova, A.S. (2012). A refined theory of basic personal values: Validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(2), 43–70. (In Russ.)
- Schwarzer, R., & Scholz, U. (2000, August 28–29). Cross-cultural assessment of coping resources: The general perceived self-efficacy scale. Paper presented at the First Asian Congress of Health Psychology: Health Psychology and Culture, Tokyo, Japan.

- Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (2000). An integrated threat theory of prejudice. In S. Oskamp (Ed.), *Reducing prejudice and discrimination* (pp. 23-45). Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Stephan, W.G., Ybarra, O., & Morrison, K.R. (2009). Intergroup threat theory. In T.D. Nelson (Ed.), *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* (pp. 43–59). New York: Psychology Press.
- Sulaiman-Hill, C.M.R., & Thompson, S.C. (2013). Learning to fit in: An exploratory study of general perceived self efficacy in selected refugee groups. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 15(1), 125–131. <https://doi.org/10.1007/s10903-011-9547-5>
- Tapager, I., Joensen, L.E., & Vrangbæk, K. (2022). The role of self-efficacy, well-being capability and diabetes care assessment for emotional and diabetes management challenges during the COVID-19 pandemic: Findings from a follow-up study. *Social Science & Medicine*, 310, 115276. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.115276>
- Te Lindert, A., & Korzilius, H. (2008). Exploring acculturation experiences and cultural dialogues among Iranian refugees in the Netherlands by means of the self-confrontation method. *Studia Psychologica: Theoria Et Praxis*, (8), 129–148.
- Torres, L., Driscoll, M.W., & Voell, M. (2012). Discrimination, acculturation, acculturative stress, and Latino psychological distress: A moderated mediational model. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 18(1), 17–25. <https://doi.org/10.1037/a0026710>
- Um, M.Y., Chi, I., Kim, H.J., Palinkas, L.A., & Kim, J.Y. (2015). Correlates of depressive symptoms among North Korean refugees adapting to South Korean society: The moderating role of perceived discrimination. *Social Science & Medicine*, 131, 107–113. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.02.039>
- Velasco González, K., Verkuyten, M., Weesie, J., & Poppe, E. (2008). Prejudice towards Muslims in the Netherlands: Testing integrated threat theory. *British Journal of Social Psychology*, 47(4), 667–685. <https://doi.org/10.1348/014466608x284443>
- Vetik, R., & Helemäe, J. (Eds.). (2011). *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia*. Amsterdam: Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642509>
- Wang, X., & Sangalang, P.J. (2009). Work adjustment and job satisfaction of Filipino immigrant employees in Canada. *Canadian Journal of Administrative Sciences / Revue Canadienne Des Sciences de l'Administration*, 22(3), 243–254. <https://doi.org/10.1111/j.1936-4490.2005.tb00369.x>
- Ward, C., & Kennedy, A. (1994). Acculturation strategies, psychological adjustment, and sociocultural competence during cross-cultural transitions. *International Journal of Intercultural Relations*, 18(3), 329–343. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(94\)90036-1](https://doi.org/10.1016/0147-1767(94)90036-1)
- Wei, M., Russell, D.W., & Zakalik, R.A. (2005). Adult attachment, social self-efficacy, self-disclosure, loneliness, and subsequent depression for freshman college students: A longitudinal study. *Journal of Counseling Psychology*, 52(4), 602–614. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.52.4.602>
- Wilson, J., Ward, C., & Fischer, R. (2013). Beyond culture learning theory: What can personality tell us about cultural competence? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44(6), 900–927. <https://doi.org/10.1177/0022022113492889>
- Wilson, J., Ward, C., Fetvadjeiev, V.H., & Bethel, A. (2017). Measuring cultural competencies: The development and validation of a revised measure of sociocultural adaptation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 48(10), 1475–1506. <https://doi.org/10.1177/0022022117732721>

- Yin, H., Tam, W.W.Y., & Lau, E. (2023). Happy teachers are efficacious and committed, but not vice versa: Unraveling the longitudinal relationships between Hong Kong kindergarten teachers' psychological well-being, self-efficacy, and commitment. *Teaching and Teacher Education*, 123, 103997. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103997>
- Yusoff, Y.M. (2012). Self-efficacy, perceived social support, and psychological adjustment in international undergraduate students in a public higher education institution in Malaysia. *Journal of Studies in International Education*, 16(4), 353–371. <https://doi.org/10.1177/1028315311408914>

Article history:

Received 1 March 2024

Revised 8 May 2024

Accepted 10 May 2024

For citation:

Rodionov, G.Ya. (2024). The role of self-efficacy, perceived threat and perceived discrimination as adaptation factors for Russians in Estonia and Kazakhstan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 445–465. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-445-465>

Conflicts of interest:

The author declares that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Germogen Ya. Rodionov, PhD in Psychology, Associate Researcher, Center for Sociocultural Research, Senior Lecturer, Faculty of Social Sciences, Department of Psychology, HSE University, 20 Myasnitckaya St, 101000 Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-1113-1810, SPIN-code: 4034-0458. E-mail: germogen93@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489

EDN: KMTXKG

УДК 159.9:316.6

Исследовательская статья

Контекстуальные и индивидуально-личностные факторы психологической адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане

А.В. Трифонова^{ID}, Н.М. Лебедева^{ID}

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

 avtrifonova@hse.ru

Аннотация. Индивидуально-личностные и контекстуальные факторы в процессе аккультурации действуют не независимо друг от друга, а совокупно, демонстрируя тесные взаимосвязи. В связи с этим важное значение приобретает изучение личностных и контекстуальных факторов адаптации в рамках единого комплексного подхода. Настоящее поисковое эмпирическое исследование направлено на изучение комплексных личностно-контекстуальных факторов психологической адаптации представителей этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане. В социально-психологическом опросе приняли участие 300 эстонцев ($M_{\text{возраст}} = 37,09$, $SD = 17,34$; 46,4% – женщины) и 300 кыргызов ($M_{\text{возраст}} = 35,83$, $SD = 16,47$; 68,0% – женщины). Для диагностики применялись шкалы из опросника MIRIPS, шкала локальной идентичности О. Дроселтис и В.Л. Вигнолес, а также методики для измерения идентичностей и межкультурных установок, разработанные в ЦСКИ НИУ ВШЭ. В качестве индикаторов психологической адаптации выступали показатели психологического благополучия – удовлетворенность жизнью (шкала Э. Динера) и самоуважение (шкала М. Розенберга). С помощью поискового моделирования структурными уравнениями в обеих странах были выделены три комплексных фактора адаптации: этнокультурная самобытность, ориентация на мультикультурализм и воспринимаемая инклюзивность контекста. И в Эстонии, и в Кыргызстане этнокультурная самобытность положительно связана с эксклюзивными аккультурационными ожиданиями, ориентация на мультикультурализм положительно связана с ожиданием интеграции и отрицательно — с ожиданием ассимиляции, воспринимаемая инклюзивность контекста отрицательно связана с ожиданием сепарации русских. Культурно-универсальными являются также положительные взаимосвязи воспринимаемой инклюзивности контекста с показателями психологического благополучия.

Ключевые слова: аккультурация, аккультурационные ожидания, этническое большинство, психологическое благополучие, Эстония, Кыргызстан

Благодарности и финансирование. Н.М. Лебедева: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

© Трифонова А.В., Лебедева Н.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Аккультурация – это двусторонний процесс, затрагивающий как этническое большинство, так и меньшинства. Для понимания специфики аккультурационных процессов, протекающих в том или ином обществе, необходимо учитывать перспективы обеих групп. Однако среди социально-психологических исследований, посвященных проблемам аккультурации, доминируют работы, фокусирующиеся прежде всего на мигрантах и этнических меньшинствах. При этом особенностям протекания процессов аккультурации среди представителей принимающего общества, как правило, уделяется меньше внимания (Lefringhausen et al., 2023). Между тем этническое большинство точно так же, как и меньшинства, вынуждено адаптироваться к тем изменениям, которые происходят в результате длительного контакта с представителями другой культуры. Более того, представители большинства в силу своей доминирующей позиции в принимающем обществе могут играть ключевую роль в процессах взаимной аккультурации, определяя «правила игры» (Bourhis et al., 1997). В связи с этим важным представляется изучение факторов, способствующих успешной адаптации представителей принимающего общества к тем изменениям, которые происходят в процессе аккультурации.

Как и в исследованиях, посвященных проблемам аккультурации мигрантов и меньшинств, в работах, фокусирующихся на принимающем населении, чаще всего выделяют социокультурную и психологическую адаптацию. Под социокультурной адаптацией понимают способность индивида справляться с вызовами поликультурной среды, то есть успешно функционировать в обществе, отличающемся культурным разнообразием. Индикаторами психологической адаптации традиционно выступают показатели психологического благополучия, например, удовлетворенность жизнью и самоуважение (Haugen, Kunst, 2017; Kunst et al., 2021a). В настоящей статье мы фокусируемся на психологической адаптации. Результаты исследований показывают, что психологическая адаптация может быть связана с межгрупповыми установками представителей принимающего общества. Так, например, ожидание интеграции мигрантов и меньшинств демонстрирует позитивную взаимосвязь с психологическим благополучием (Берри и др., 2019; Inguglia et al., 2020).

Среди факторов, оказывающих влияние на процесс аккультурации и его результаты, выделяют как индивидуально-личностные характеристики участников аккультурационного процесса – например, ценности (Lefringhausen et al., 2020), социальные аксиомы (Safdar et al., 2008), стили привязанности (Van Oudenhoven, Hofstra, 2006), черты личности (Kunst et al., 2021b), социальные идентичности (Piontkowski et al., 2000), межкультурные установки (Hui et al., 2015); так и характеристики контекста аккультурации – например, идеологии поликультурности и особенности государственной политики по

отношению к мигрантам и меньшинствам (Bourhis et al., 1997), культурная дистанция между группами (Piontkowski et al., 2000), воспринимаемая дискриминация и угроза (Haugen, Kunst, 2017). Исследования показывают, что индивидуально-личностные и контекстуальные факторы действуют не независимо друг от друга, а демонстрируют тесные взаимосвязи. Так, например, восприятие контекста аккультурации и межгрупповых отношений во многом определяется социальными идентичностями (Eccleston, Major, 2006). Контекстуально-обусловленные факторы в свою очередь могут оказывать влияние на идентичности и межкультурные установки (Verkuyten, Thijs, 2002). Исходя из этого мы можем предположить, что индивидуально-личностные характеристики участников межкультурного взаимодействия и особенности социокультурного контекста могут взаимодействовать друг с другом, обуславливая аккультурационные предпочтения и влияя тем самым на психологическое благополучие.

Настоящее поисковое эмпирическое исследование направлено на выявление взаимного вклада социальных идентичностей, прескриптивных межкультурных установок и воспринимаемого контекста в успешность адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане. Социокультурные контексты и постсоветские траектории развития этих двух республик значительно отличаются, что, с одной стороны, позволяет проследить роль контекста для объяснения межстрановых различий в паттернах взаимосвязей факторов аккультурации и психологической адаптации представителей принимающего общества, а с другой стороны, попытаться выявить культурные универсалии.

Ниже представлен краткий обзор индивидуально-личностных и контекстуальных факторов адаптации, рассматриваемых в настоящем исследовании.

Индивидуально-личностные факторы

Идентичности. Ощущение собственной принадлежности к той или иной социальной группе может способствовать формированию определенной картины мира, обуславливая аккультурационные предпочтения и психологическое благополучие (Eccleston, Major, 2006). Например, ярко выраженная идентификация с этнической группой зачастую способствует восприятию мигрантов и меньшинств в качестве угрозы, что ведет к негативным межгрупповым установкам и эксклюзивным аккультурационным ожиданиям (Leong, 2008). В последнее время в фокусе внимания исследователей все чаще оказываются множественные социальные идентичности (Martinovic, Verkuyten, 2012). Это связано с тем, что процесс аккультурации может актуализировать чувство принадлежности сразу к нескольким социальным группам. Таким образом, важное значение для аккультурации и ее результатов могут иметь не только отдельные виды идентичностей сами по себе, но и взаимоотношения между ними (Badea et al., 2011). В настоящем исследовании в качестве индивидуально-обусловленных факторов адаптации мы

рассматриваем этническую, гражданскую, советскую, цивилизационную (европейскую для эстонцев и тюркскую для кыргызов) и религиозную идентичности, а также идентификацию с местом.

Прескриптивные межкультурные установки отражают представления индивида об идеальном устройстве поликультурного общества (Wolsko et al., 2006). Установка на мультикультурализм предполагает позитивную оценку культурного многообразия и принятие идеи равенства этнических групп. Исследования показывают, что поддержка мультикультурной идеологии у представителей большинства связана с более позитивным восприятием представителей аут-групп (Verkuyten, 2005), что способствует психологическому благополучию (Breugelmans, van de Vijver, 2004).

Контекстуально-обусловленные факторы

Под *дескриптивными межкультурными установками* мы понимаем субъективную оценку степени ориентированности общества на культурное разнообразие и межгрупповое равенство. Ключевую роль здесь играет повседневный опыт индивида, связанный с проживанием в поликультурной среде, и его субъективная интерпретация. Исследования показывают, что субъективно воспринимаемый (нормативный) мультикультурализм положительно связан с гражданской идентичностью и чувством близости к своей стране. С другой стороны, практики мультикультурализма, существующие в обществе, могут восприниматься представителями большинства как угроза, формируя негативные межгрупповые установки (Stuart, Ward, 2019).

Воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ – это субъективно оцениваемая возможность перехода из одной социальной группы в другую. По мнению экспертов, существует взаимосвязь между воспринимаемой проницаемостью межгрупповых границ и аккультурационными предпочтениями (Piontkowski et al., 2000). Так, эссенциализм, то есть убежденность в непроницаемости межгрупповых границ, может использоваться как для оправдания сегрегации и исключения аут-групп, так и для подвергания сомнению возможности ассимиляции мигрантов и меньшинств (Verkuyten, 2003). Согласно исследованиям, у этнического большинства эссенциализм положительно связан с негативными стереотипами, предубеждением по отношению к представителям аут-группы и неприятием идеологии мультикультурализма (Verkuyten, Brug, 2004). В то же время проницаемые границы могут восприниматься представителями доминантных групп как угроза: членство в группе с высоким статусом способствует позитивной социальной идентичности, а проницаемость межгрупповых границ может нарушать статус-кво (Verkuyten, Reijerse, 2008).

Воспринимаемая безопасность/угроза играет важную роль в процессе аккультурации. Ощущение безопасности способствует принятию представителей другой культуры, в то время как отсутствие безопасности существенно усложняет взаимную адаптацию мигрантов и принимающего населения (Berry, 2017). Результаты мета-анализа, проведенного Рик с коллегами (Riek

et al., 2006), показывают, что воспринимаемая угроза предсказывает негативные установки по отношению к аут-группам. Причем негативные реакции могут возникать даже в том случае, если воспринимаемая угроза направлена на группу в целом и не затрагивает интересов индивида напрямую. Исследования показывают, что воспринимаемая безопасность/угроза может выступать важным предиктором аккультурационных ожиданий (Badea et al., 2018). Так, например, воспринимаемая угроза может быть положительно связана с ожиданием принятия культуры большинства и отрицательно — с ожиданием сохранения культуры меньшинства (López-Rodríguez et al., 2014).

Цель, задачи и исследовательские вопросы

Целью настоящего поискового эмпирического исследования является изучение комплексных личностно-контекстуальных факторов психологической адаптации представителей этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане. Мы ставим перед собой следующие задачи:

- выявление комплексных личностно-контекстуальных факторов адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане;
- выявление взаимосвязей этих комплексных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием представителей этнического большинства в данных республиках.

Исследовательские вопросы:

ИБ1: образуют ли индивидуально-личностные и контекстуальные факторы адаптации единый и универсальный комплекс личностно-контекстуальных факторов аккультурации и психологической адаптации этнического большинства в двух странах?

ИБ2: выступают ли комплексные личностно-контекстуальные факторы предикторами аккультурационных ожиданий, толерантности и психологического благополучия этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане?

Процедура и методы исследования

Участники

В исследовании приняли участие 300 эстонцев в возрасте от 18 до 86 лет ($M = 37,09$, $SD = 17,34$; 46,4 % – женщины) и 300 кыргызов в возрасте от 18 до 64 лет ($M = 35,83$, $SD = 16,47$; 68,0 % – женщины). Респонденты с высшим образованием среди эстонцев составляют 39,7 %, среди кыргызов – 68,7 %; со средним специальным образованием – 12,7 % и 14,3 % соответственно; со средним образованием – 46,0 % и 16,7 % соответственно; с неполным средним образованием – 1,7 % и 0,3 % соответственно.

Процедура

Сбор данных (2020 год) проходил с использованием удобной выборки и метода снежного кома. Содействие в распространении опросника оказывали коллеги из Кыргызско-Российского славянского университета (Кыргыз-

стан) и Таллинского университета (Эстония). Респондентам гарантировалась анонимность.

Инструменты

Кыргызы заполняли опросник на русском, эстонцы – на эстонском языке. Все методики, которые ранее не переводились на эстонский язык, были переведены и адаптированы к эстонскому контексту, а также прошли дополнительную экспертную проверку носителями эстонского языка. Структурная валидность шкал проверялась с помощью конфирматорного факторного анализа методом диагонально взвешенного наименьшего квадрата. Для ответов на вопросы (кроме случаев, отмеченных ниже) респонденты использовали 5-балльную шкалу Ликерта, в которой «1» – «абсолютно не согласен», а «5» – «полностью согласен».

Личностные (индивидуальные) факторы адаптации

Для измерения *этнической и гражданской идентичностей* использовались шкалы из опросника MIRIPS (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). Обе шкалы включали в себя по 4 утверждения, примеры пунктов: «Я считаю себя эстонцем/кыргызом» (этническая идентичность, все $\alpha > 0,85$), «Я считаю себя гражданином Эстонии/Кыргызстана» (гражданская идентичность, все $\alpha > 0,83$).

Религиозная, советская и цивилизационная идентичности (Велкова, 2020) измерялись с помощью модифицированных вопросов из опросника MIRIPS (Berry, 2017) и шкалы М. Веркайтена (Verkuyten, 2007). Каждая шкала включала в себя 4 утверждения, примеры пунктов: «Моя религиозная принадлежность – важная часть меня» (религиозная идентичность, все $\alpha > 0,93$), «Я считаю себя советским человеком» (советская идентичность, все $\alpha > 0,93$), «Я считаю себя европейцем / частью тюркского мира» (цивилизационная идентичность, $\alpha > 0,90$).

Для измерения *идентификации с местом* мы использовали 4 утверждения из шкалы идентичности с местом (Droseltis, Vignoles, 2010), например: «Здесь я чувствую себя дома», $\alpha > 0,76$.

Для измерения *прескриптивных межкультурных установок* (идеального мультикультурализма) мы использовали две шкалы, построенные по итогам конфирматорного факторного анализа сокращенного варианта пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии (rMCI) (Berry, 2020). В первую шкалу вошли 2 переменные, измеряющие *отношение к культурному разнообразию*, пример пункта: «Это правильно – помогать этническим группам сохранять их культуры», все $\alpha > 0,53$; во вторую шкалу – вошли 3 переменные, измеряющие отношение к равноправию между представителями разных культурных групп (*ориентацию на межгрупповое равенство*), пример пункта: «Наше отношение к людям не должно зависеть от их этнической принадлежности», все $\alpha > 0,71$.

Контекстуальные факторы адаптации

Воспринимаемая угроза измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017; Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009),

включающей в себя 5 пунктов, например: «Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности», $\alpha > 0,83$.

Дескриптивные межкультурные установки измерялись с помощью 5 модифицированных вопросов из краткого варианта пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии (rMCI) (Berry, 2020), пример пункта: «В Эстонии/Кыргызстане отношение к людям не зависит от их этнической принадлежности», $\alpha > 0,82$.

Воспринимаемая безопасность измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017; Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009), пример пункта: «Я считаю, что Эстония/Кыргызстан сегодня безопасное место для жизни». Изначально шкала включала в себя 3 утверждения, однако по результатам конфирматорного анализа из шкалы, использовавшейся на кыргызской выборке, был удален один пункт, продемонстрировавший слабую связь с латентным фактором («В Кыргызстане есть место разнообразию языков и культур»). Таким образом, в Кыргызстане использовалась шкала, состоящая из двух пунктов, а в Эстонии – шкала, состоящая из трех пунктов, все $\alpha > 0,56$.

Воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ измерялась с помощью шкалы, состоящей из 4 вопросов, например: «Независимо от того, какие усилия предпринимает русский человек, стать «своим» среди эстонцев/кыргызов ему...». Для ответов респондентам предлагалось использовать 5-балльную шкалу Ликерта, в которой «1» – «очень трудно», а «5» – «очень легко», все $\alpha > 0,75$.

Межгрупповые установки

Аккультурационные ожидания и толерантность измерялись с помощью шкал из опросника MIRIPS (Berry, 2017; Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). По результатам конфирматорного факторного анализа мы удалили из шкал пункты, продемонстрировавшие слабую связь с латентными конструктами.

Шкала ожидания ассимиляции включала 3 пункта, например, «Я считаю, что русские, живущие в Эстонии/Кыргызстане, должны усваивать эстонские / кыргызские культурные традиции и не поддерживать собственные», все $\alpha > 0,64$. *Ожидание интеграции* измерялось с помощью шкалы, включающей в себя 3 утверждения, например: «Я считаю, что русские, живущие в Эстонии/Кыргызстане, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать эстонские/кыргызские», все $\alpha > 0,60$. *Ожидание сепарации* у кыргызов измерялось с помощью шкалы, включавшей в себя 3 пункта, у эстонцев – с помощью шкалы, включавшей 2 пункта, например: «Я считаю, что русские, живущие в Эстонии/Кыргызстане, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать эстонские/кыргызские», все $\alpha > 0,44$.

Шкала толерантности включала в себя три пункта, например: «Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности – это их дело» (обратный вопрос), все $\alpha > 0,63$.

Психологическая адаптация

В качестве индикаторов психологической адаптации использовались показатели психологического благополучия – самоуважение и удовлетворенность жизнью.

Для измерения *самоуважения* мы использовали 4 утверждения из шкалы М. Розенберга, адаптированные для использования в России (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009) и в Эстонии (Pullmann, Allik, 2000), например: «В целом я удовлетворен собой», $\alpha > 0,86$.

Удовлетворенность жизнью измерялась с помощью 4 утверждений из шкалы Э. Динера, переведенных на русский (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009) и эстонский языки, например: «Во многом, моя жизнь близка к идеалу», все $\alpha > 0,75$.

Анализ данных

Для выявления оптимального количества комплексных личностно-контекстуальных факторов и оценки устойчивости факторной модели использовался поисковый анализ графов с бутстреппингом (Golino, Epskamp, 2017). Построение латентных личностно-контекстуальных факторов и выявление их взаимосвязей с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев и кыргызов проводилось с помощью поискового моделирования структурными уравнениями (Marsh et al., 2014).

Результаты

Результаты поискового анализа графов, осуществленного на *эстонской выборке*, указывают на оптимальность 3-факторного решения. Однако анализ стабильности факторной модели, проведенный с помощью бутстреппинга (1000 итераций), показывает, что 3-факторное решение воспроизводится лишь в 71 % случаев, что может свидетельствовать о проблемах с устойчивостью. С целью повышения стабильности 3-факторной модели мы удалили из нашего набора переменных религиозную идентичность, продемонстрировавшую слабую взаимосвязь с латентными конструктами и в 20 % случаев формировавшую отдельный, 4-й фактор. Трехфакторная модель, построенная на усеченном наборе переменных (без религиозной идентичности), показывает высокий уровень устойчивости – она воспроизводится на 92 % выборок.

Основываясь на результатах поискового анализа графов, мы построили 3 комплексных личностно-контекстуальных фактора с помощью поискового моделирования структурными уравнениями (косое вращение геомин, робастный метод максимального правдоподобия). Трехфакторная модель (таблица) показала приемлемые индексы пригодности: $\chi^2/df = 2,36$, $p = 0,00$, $CFI = 0,95$, $SRMR = 0,04$, $RMSEA = 0,07$.

**Результаты поискового моделирования структурными уравнениями /
Results of ESEM**

Факторы адаптации / Adaptation factors	Факторные нагрузки / Loadings					
	1		2		3	
	Эстония / Estonia	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Эстония / Estonia	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Эстония / Estonia	Кыргызстан / Kyrgyzstan
Этническая идентичность / Ethnic identity	0,81	0,89	–0,01	0,01	–0,02	–0,03
Гражданская идентичность / National identity	0,93	0,99	0,06	0,01	0,08	–0,05
Идентификация с местом / Place identity	0,46	0,41	–0,05	0,14	0,35	0,30
Религиозная идентичность / Religious identity	–	0,49	–	–0,06	–	0,33
Советская идентичность / Soviet identity	–0,12	0,15	–0,24	0,31	0,02	0,03
Цивилизационная идентичность / Civilizational identity	0,31	–	0,49	–	0,02	–
Воспринимаемая безопасность / Perceived security	0,25	0,04	0,01	–0,13	0,52	0,48
Воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ / Perceived permeability of intergroup borders	–0,04	0,01	0,09	0,01	0,68	0,36
Дескриптивные межкультурные установки / Descriptive intercultural attitudes	0,02	–0,002	–0,01	–0,07	0,56	0,71
Воспринимаемая угроза / Perceived threat	–0,007	–0,04	–0,56	–0,47	–0,20	0,07
Ориентация на культурное разнообразие / Focus on cultural diversity	–0,07	0,10	0,45	0,73	–0,02	–0,31
Ориентация на межгрупповое равенство / Focus on intergroup equality	–0,07	–0,07	0,84	0,62	–0,05	0,06

В *эстонской выборке* в первый фактор с наибольшими нагрузками вошли *гражданская и этническая идентичности*, а также *идентификация с местом*. Их подкрепляют *цивилизационная (европейская) идентичность* и *воспринимаемая безопасность*. Поскольку наиболее высокие нагрузки по данному фактору демонстрируют переменные, связанные с близостью к Эстонии и эстонской культуре, мы назвали этот фактор «*Этнокультурная самобытность*».

Во второй фактор с наибольшими нагрузками вошли *ориентация на межгрупповое равенство и культурное разнообразие, цивилизационная (европейская) идентичность*, а также *воспринимаемая угроза* (с отрицательным знаком). Слабую отрицательную нагрузку по этому фактору демонстрирует также *советская идентичность*. Второй фактор получил условное название «*Ориентация на мультикультурализм*», поскольку высокие нагрузки по этому фактору показывают переменные, связанные с поддержкой мультикультурной идеологии.

Наибольшие нагрузки по третьему фактору имеют переменные, связанные с воспринимаемой инклюзивностью контекста: *воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ, дескриптивные межкультурные установки*

и воспринимаемая безопасность. Их подкрепляет идентификация с местом. Третий фактор получил название «Воспринимаемая инклюзивность контекста».

Далее мы проанализировали взаимосвязи комплексных личностно-контекстуальных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев. Модель (рис. 1) показала приемлемые индексы пригодности: $\chi^2/df = 2,04$, $p = 0,00$, $CFI = 0,92$, $SRMR = 0,06$, $RMSEA = 0,06$. Согласно результатам анализа, *этнокультурная самобытность* положительно связана с ожиданием ассимиляции и сепарации русских (связь с сепарацией фиксируется лишь на уровне тенденции, $p = 0,08$). *Ориентация на мультикультурализм* отрицательно связана с ожиданием ассимиляции и сепарации русских и положительно — с ожиданием интеграции и толерантностью. *Воспринимаемая инклюзивность контекста* отрицательно связана с ожиданием ассимиляции и сепарации.

Что касается психологического благополучия, то *этнокультурная самобытность* положительно связана с самоуважением, *ориентация на мультикультурализм* положительно связана с удовлетворенностью жизнью (связь фиксируется на уровне статистической тенденции, $p = 0,07$), а *воспринимаемая инклюзивность контекста* положительно связана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью.

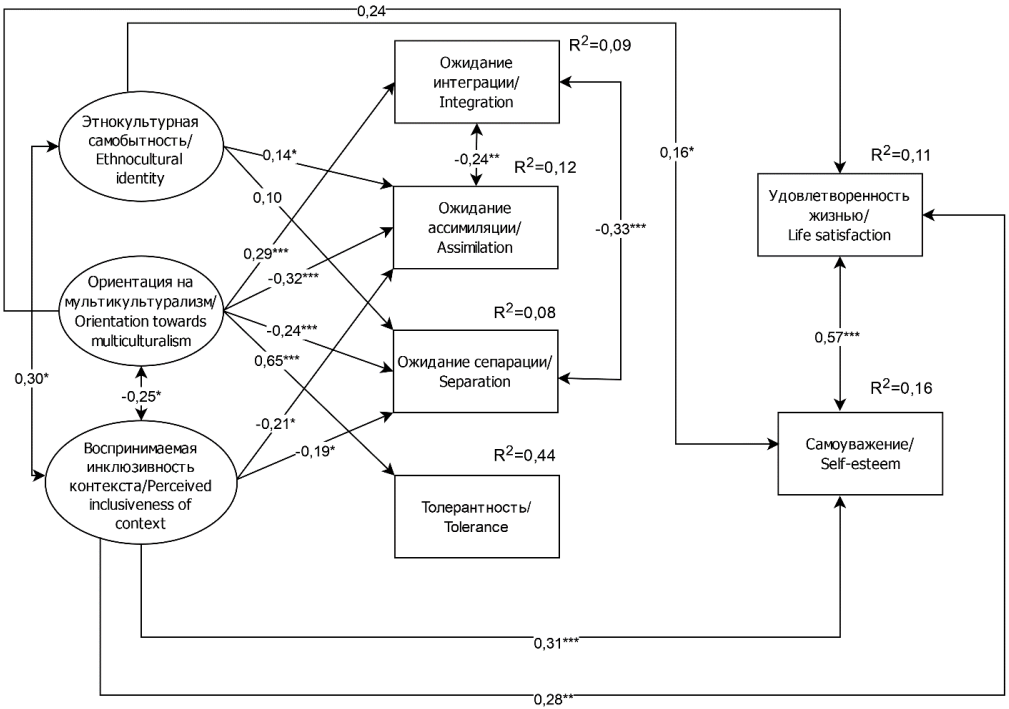

Рис. 1. Взаимосвязь между комплексными личностно-контекстуальными факторами адаптации, аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев (показаны только значимые связи)

Fig. 1. Relationship between complex individual-contextual factors of adaptation, acculturation expectations, tolerance and psychological well-being of Estonians (only significant paths are shown)

Примечание./Note. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Результаты поискового анализа графов, проведенного в *кыргызской выборке*, указывают на наличие трех факторов. Однако анализ стабильности факторной структуры, выполненный с помощью бутстреппинга (1000 ите-

раций), показывает, что 3-факторное решение воспроизводится лишь в 65 % случаев, что может свидетельствовать о неустойчивости 3-факторной модели. Для повышения стабильности факторного решения мы удалили из дальнейшего анализа цивилизационную (тюркскую) идентичность, продемонстрировавшую слабые взаимосвязи с латентными факторами. Результаты поискового анализа графов, проведенного на усеченном наборе переменных (без цивилизационной идентичности), также свидетельствуют в пользу 3-факторного решения. Анализ с бутстреппингом (в 1000 итераций) указывает на приемлемую устойчивость 3-факторной модели: она воспроизводится в 84 % случаев.

На следующем этапе с помощью поискового моделирования структурными уравнениями (косое вращение геомин, робастный метод максимального правдоподобия) мы построили 3 комплексных личностно-контекстуальных фактора. Модель (см. таблицу) показала приемлемые индексы пригодности: $\chi^2/df = 3,19$, $p = 0,00$, $CFI = 0,95$, $SRMR = 0,04$, $RMSEA = 0,08$.

В *кыргызской выборке* в первый фактор с наибольшими нагрузками вошли *этническая, гражданская, религиозная идентичности и идентификация с местом*. Мы дали первому фактору условное название *этнокультурная самобытность*.

Наибольшие нагрузки по второму фактору демонстрируют прескриптивные межкультурные установки (*ориентация на культурное многообразие и межгрупповое равенство*), а также *воспринимаемая угроза* (с отрицательным знаком). Также слабый положительный вклад во второй фактор вносит *советская идентичность*. Мы проинтерпретировали второй фактор как *ориентацию на мультикультурализм*.

В третий фактор с наибольшими нагрузками вошли *дескриптивные межкультурные установки, воспринимаемая безопасность и воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ*. Их подкрепляет религиозная идентичность. Мы назвали третий фактор *воспринимаемая инклюзивность контекста*.

Далее мы проанализировали взаимосвязи комплексных личностно-контекстуальных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием кыргызов. Модель (рис. 2) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df = 1,37$, $p = 0,02$, $CFI = 0,98$, $SRMR = 0,06$, $RMSEA = 0,04$. Результаты анализа показали, что *этнокультурная самобытность* у кыргызов положительно связана с ожиданием сепарации и отрицательно — с толерантностью. *Ориентация на мультикультурализм* положительно связана с ожиданиями сепарации и интеграции русских и отрицательно — с ожиданием ассимиляции. *Воспринимаемая инклюзивность контекста* отрицательно связана с ожиданием сепарации русских и положительно — с толерантностью.

Что касается психологического благополучия, то *ориентация на мультикультурализм* у кыргызов положительно связана с самоуважением, а *воспринимаемая инклюзивность контекста* — с удовлетворенностью жизнью. Статистически значимые взаимосвязи *этнокультурной самобытности* с показателями психологического благополучия не обнаружены.

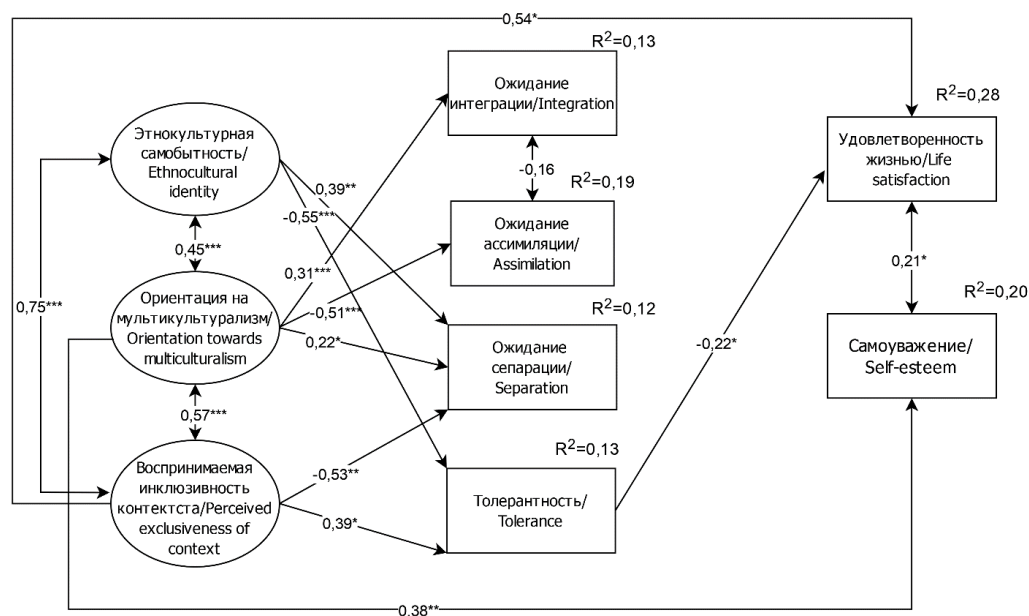

Рис. 2. Взаимосвязь между комплексными личностно-контекстуальными факторами адаптации, аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием кыргызов (показаны только значимые связи)

Fig. 2. Relationship between complex individual-contextual factors of adaptation, acculturation expectations, tolerance and psychological well-being of Kyrgyzs (only significant paths are shown)
Примечание/Note. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Настоящее исследование было направлено на выявление комплексных личностно-контекстуальных факторов адаптации среди представителей этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане, а также на обнаружение взаимосвязей этих комплексных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием.

Проведенный анализ позволил выделить три комплексных личностно-контекстуальных фактора в каждой стране.

В первый фактор, получивший название *этнокультурная самобытность*, с высокими нагрузками в обеих странах вошли этническая и гражданская идентичности, а также идентификация с местом. В Эстонии их подкрепляют цивилизационная (европейская) идентичность и воспринимаемая безопасность. В Кыргызстане – религиозная идентичность. Мы исключили религиозную идентичность из эстонского набора переменных, однако результаты поискового анализа графов позволяют предположить, что религиозная идентичность не входит в число ключевых компонентов этнокультурной самобытности эстонцев. Отсутствие взаимосвязи между религиозной идентичностью и этнокультурной самобытностью может быть обусловлено низкой религиозностью эстонцев. Согласно результатам переписи населения 2021 года, доля тех, кто не причисляет себя к той или иной религии, среди эстонцев составила 71 %¹. Для сравнения, в Кыргызстане более 80 % насе-

¹ *Statistics Estonia*. Population census. The proportion of people with a religious affiliation remains stable, Orthodox Christianity is still the most widespread. 2022. URL:

ления относит себя к мусульманам (Абдылдаева, 2018). Отсюда, вероятно, тесная взаимосвязь между религиозной идентичностью и этнокультурной самобытностью кыргызов. Что касается цивилизационной идентичности, то на важность европейской компоненты для самосознания эстонцев указывали и результаты предыдущих исследований (Valk, 2018). Мы исключили цивилизационную (тюркскую) идентичность из кыргызского набора переменных, однако результаты поискового анализа графов указывают на слабую взаимосвязь тюркской идентичности с этнокультурной самобытностью кыргызов.

Анализируя взаимосвязи первого фактора с межгрупповыми установками эстонцев и кыргызов, мы обнаружили, что в обеих странах *этнокультурная самобытность* положительно связана с эксклюзивными аккультурационными предпочтениями (Leong, 2008) – с ожиданиями сепарации (в обеих странах, но в Эстонии эта взаимосвязь выражена слабее и фиксируется на уровне тенденции) и ассимиляции (в Эстонии) русских. Кроме того, в Кыргызстане нами была выявлена отрицательная взаимосвязь первого фактора и толерантности, что также свидетельствует об эксклюзивной роли этнокультурной самобытности. Эксперты подчеркивают, что выраженность социальной идентичности положительно связана со стремлением к сохранению «своей» культуры, что может вести к отвержению и исключению представителей других групп (Verkuyten, Thijs, 2002). В отличие от ожиданий ассимиляции и сепарации, ожидание интеграции предполагает готовность к принятию элементов чужой культуры в своем обществе (Lefringhausen et al., 2023), что может представлять сложность для человека с ярко выраженной этнокультурной самобытностью. Отсюда, вероятно, аккультурационные ожидания сепарации или ассимиляции. Примечательно, что и в Эстонии, и в Кыргызстане гражданская идентичность входит в фактор этнокультурной самобытности, связанный с эксклюзивными аккультурационными предпочтениями. По мнению экспертов, эксклюзивная роль гражданской идентичности характерна для не-иммигрантских, изначально однородных по своему этническому составу стран (в отличие от стран, основанных иммигрантами-поселенцами и отличающихся большим культурным разнообразием) (Verkuyten, 2021). В таких не-иммигрантских странах гражданство, как правило, рассматривается с позиций эссенциализма: статус гражданина предполагает наличие у индивида определенных этнокультурных характеристик. Как следствие – гражданская идентичность зачастую выполняет эксклюзивную, а не объединяющую функцию.

Второй комплексный фактор получил название «*Ориентация на мультикультурализм*». В обеих странах в него вошли прескриптивные межкультурные установки (ориентация на культурное разнообразие и межгрупповое равенство), а также воспринимаемая угроза (с отрицательным знаком). Отрицательная взаимосвязь между уровнем поддержки мультикультурной идеологии и воспринимаемой угрозой у представителей доминантных групп фиксировалась и в предыдущих исследованиях (Badea et al., 2018). В целом исследования указывают на положительную взаимосвязь воспринимаемой

<https://www.stat.ee/en/news/population-census-proportion-people-religious-affiliation-remains-stable-orthodox-christianity-still-most-widespread> (дата обращения: 09.02.2024).

угрозы и негативных установок по отношению к аут-группам (Riek et al., 2006). Это согласуется с гипотезой мультикультурализма Дж. Берри, согласно которой отсутствие уверенности в безопасности своей культуры и идентичности ведет к враждебности по отношению к представителям других культур (Berry, 2017). В обеих странах положительный вклад в ориентацию на мультикультурализм вносят наднациональные идентичности: европейская – в Эстонии и советская – в Кыргызстане. На позитивную роль наднациональных и наднациональных идентичностей в межгрупповых отношениях указывают и результаты предыдущих исследований: так, например, выраженность европейской идентичности демонстрирует положительную взаимосвязь с позитивными установками по отношению к мигрантам (Curtis, 2014). Мы можем предположить, что и в Эстонии, и в Кыргызстане наднациональные идентичности выполняют инклюзивную функцию, способствуя сближению меньшинств и принимающего населения. Примечательно, однако, что у эстонцев советская идентичность входит в фактор ориентации на мультикультурализм с отрицательным знаком. Это может быть связано с эксклюзивным, разъединяющим характером советской идентичности в эстонском контексте.

Ориентация на мультикультурализм в обеих странах положительно связана с ожиданием интеграции русских и отрицательно — с ожиданием ассимиляции. Таким образом, в обеих странах данный фактор способствует преодолению «страха» перед чужой культурой у представителей доминирующих групп: чем выше уровень ориентации на мультикультурализм, тем меньше представители этнического большинства ожидают от русских отказа от своего языка и культуры. У эстонцев позитивная роль прескриптивного мультикультурализма проявляется также в положительной взаимосвязи с толерантностью. Интересными представляются взаимосвязи второго фактора с ожиданием сепарации: в Эстонии ориентация на мультикультурализм отрицательно связана с ожиданием сепарации русских, в то время как в Кыргызстане наблюдается положительная взаимосвязь между этими конструктами. Мы можем предположить, что негативная взаимосвязь между ориентацией на мультикультурализм и ожиданием сепарации русских в Эстонии связана с негативным наследием советского периода, когда в эстонском обществе существовала сегментация по этническому признаку, способствовавшая возникновению в республике двух различных, почти не пересекающихся миров – русскоязычного и эстонского. Их представители жили в разных районах, работали в разных отраслях экономики и на разных предприятиях, ходили в разные школы. Обособленное существование русскоязычной общины в Эстонии затрудняло интеграцию русскоязычных мигрантов в эстонское общество и оказывало негативное влияние на межэтнические отношения в республике (Pettai, Hallik, 2002). Отсюда, возможно, неприятие стратегии сепарации ориентированными на мультикультурализм эстонцами. В целом исследователи подчеркивают, что сегментация по этническому принципу, то есть раздельное существование в обществе непересекающихся культурных и этнических групп, противоречит самой идее мультикультурализма, поскольку в его основе лежит идея межкультурного взаи-

модействия (Ward et al., 2020). В Кыргызстане относительная численность русского населения невелика (всего 5 %² против 24 %³ в Эстонии), в связи с чем стратегия сепарации, выбираемая русскими, вероятно, воспринимается менее негативно: в силу своей небольшой численности русские Кыргызстана, даже если они выбирают стратегию сепарации, вынуждены контактировать с принимающим населением и так или иначе участвовать в жизни «большого» общества.

Наконец, в третий комплексный фактор с наибольшими нагрузками в обеих странах вошли индикаторы *воспринимаемой инклюзивности контекста* – воспринимаемые проницаемость границ и безопасность, а также дескриптивные межкультурные установки, то есть субъективная оценка того, насколько в эстонском/кыргызском обществе распространены мультикультурные идеологии и практики. И в Эстонии, и в Кыргызстане третий фактор отрицательно связан с ожиданием сепарации русских: чем более инклюзивным представляется членам доминантных групп контекст межкультурного взаимодействия, тем менее они ожидают от представителей меньшинств дистанцирования от принимающего общества. Кроме того, в Эстонии наблюдается отрицательная взаимосвязь третьего фактора с ожиданием ассимиляции русских, а в Кыргызстане положительная взаимосвязь третьего фактора с толерантностью. Таким образом, воспринимаемая инклюзивность контекста, связанная с чувством безопасности, дружелюбности и открытости контекста аккультурации, способствует большему принятию представителей другой культуры.

Что касается взаимосвязей комплексных факторов с показателями психологического благополучия, то в Кыргызстане нами обнаружена положительная взаимосвязь *ориентации на мультикультурализм* с самоуважением, а в Эстонии – с удовлетворенностью жизнью (на уровне тенденции); *воспринимаемая инклюзивность контекста* в обеих странах положительно связана с удовлетворенностью жизнью, а в Эстонии – с самоуважением; в Эстонии *этнокультурная самобытность* положительно связана с самоуважением. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют об адаптивном потенциале выделенных нами комплексных факторов.

Заключение

В настоящем исследовании изучался взаимный вклад индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик в успешность адаптации этнического большинства к тем изменениям, которые происходят в процессе аккультурации. Индивидуально-личностные характеристики участников аккультурационного процесса и особенности контекста представляют собой часть сложной динамической системы, компоненты которой находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, а потому изучение совместного

² Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Численность постоянного населения Кыргызстана. URL: <https://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 17.11.2023).

³ *Statistics Estonia*. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January. 2020. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (дата обращения: 09.02.2024).

вклада этих факторов в успешность адаптации может способствовать более глубокому пониманию процесса аккультурации и его результатов.

Отвечая на первый исследовательский вопрос, мы выделили три универсальных комплексных фактора адаптации в каждой из исследуемых стран: этнокультурная самобытность, ориентация на мультикультурализм и воспринимаемая инклюзивность контекста. Несмотря на их универсальность, наполнение этих комплексных факторов и характер взаимосвязей между их компонентами различаются и отражают культурную специфику исследуемых стран.

Отвечая на второй исследовательский вопрос, мы выявили культурно-универсальные и культурно-специфические взаимосвязи комплексных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев и кыргызов. И в Эстонии, и в Кыргызстане этнокультурная самобытность демонстрирует положительную связь с эксклюзивными межгрупповыми установками. Ориентация на мультикультурализм в обеих странах положительно связана с ожиданием интеграции и отрицательно — с ожиданием ассимиляции. Наконец, воспринимаемая инклюзивность контекста в обоих социокультурных контекстах отрицательно связана с ожиданием сепарации русских. Культурно-специфической является связь между ориентацией на мультикультурализм и ожиданием сепарации: у эстонцев она отрицательная, у кыргызов — положительная.

Все три комплексных фактора демонстрируют позитивные взаимосвязи с показателями психологической адаптации этнического большинства: в обеих странах воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с удовлетворенностью жизнью (а в Эстонии и с самоуважением), ориентация на мультикультурализм положительно связана с самоуважением (в Кыргызстане) и удовлетворенностью жизнью (в Эстонии), этнокультурная самобытность положительно — с самоуважением (в Эстонии).

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения взаимной адаптации мигрантов/этнических меньшинств и принимающего населения. С учетом того, что позитивные межгрупповые установки и психологическое благополучие представителей этнического большинства являются важным условием для формирования гармоничных межэтнических взаимоотношений, «взгляд» на аккультурацию со стороны большинства может быть полезен при разработке программ и рекомендаций, связанных с поддержкой мигрантов и этнических меньшинств.

Существенным *ограничением* настоящего исследования является узкий набор изучаемых переменных. Включение в анализ дополнительных индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик поможет расширить наполнение комплексных факторов, что будет способствовать обогащению теоретических представлений о взаимной роли воспринимаемого контекста и особенностей личности в процессе аккультурации.

Список литературы

- Абдылдаева Т.Ч. Этнорелигиозная ситуация в современном Кыргызстане // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 2-1. С. 178–190. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-2-178-190>
- Берри Д.У., Галяпина В.Н., Лебедева Н.М., Ленишкова З.Х., Рябиченко Т.А. Межкультурные отношения в Грузии и Таджикистане: постконфликтная модель // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Велкова К. Множественные идентичности русских и болгар: кросс-культурный анализ // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 73. С. 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i73.174>
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Badea C., Iyer A., Aebischer V. National identification, endorsement of acculturation ideologies and prejudice: The impact of the perceived threat of immigration // *International Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 31. No 1. Article 14. <https://doi.org/10.5334/irsp.147>
- Badea C., Jetten J., Iyer A., Er-Rafiy A. Negotiating dual identities: The impact of group-based rejection on identification and acculturation // *European Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 41. No 5. Pp. 586–595. <https://doi.org/10.1002/ejsp.786>
- Berry J.W. *Multicultural Ideology Scale* revision. Unpublished document in progress. 2020.
- Berry J.W. *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 452 p. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Bourhis R.Y., Moïse L.C., Perreault S., Senécal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // *International Journal of Psychology*. 1997. Vol. 32. No 6. Pp. 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>
- Breugelmans S.M., Van De Vijver F.J.R. Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism in the Netherlands // *Applied Psychology*. 2004. Vol. 53. No 3. Pp. 400–422. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2004.00177.x>
- Curtis K.A. Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity // *European Union Politics*. 2014. Vol. 15. No 4. Pp. 521–546. <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>
- Droseltis O., Vignoles V.L. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. No 1. Pp. 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Eccleston C.P., Major B.N. Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2006. Vol. 9. No 2. Pp. 147–162. <https://doi.org/10.1177/1368430206062074>
- Golino H.F., Epskamp S. Exploratory graph analysis: A new approach for estimating the number of dimensions in psychological research // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. No 6. P. e0174035. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174035>
- Haugen I., Kunst J.R. A two-way process? A qualitative and quantitative investigation of majority members' acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2017. Vol. 60. Pp. 67–82. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.07.004>
- Hui B.P.H., Chen S.X., Leung C.M., Berry J.W. Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 45. Pp. 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>

- Inguglia C., Musso P., Albiero P., Cassibba R., Iannello N.M., Lo Cricchio M.G., Liga F., Berry W.J., Lo Coco A. Mutual intercultural relations among immigrant and autochthonous youth in Italy. Testing the integration, multiculturalism, and contact hypotheses // *Ricerche Di Psicologia*. 2020. Vol. 43. No 1. Pp. 45–79. <https://doi.org/10.3280/rip2020-001004>
- Kunst J.R., Lefringhausen K., Sam D.L., Berry J.W., Dovidio J.F. The missing side of acculturation: How majority-group members relate to immigrant and minority-group cultures // *Current Directions in Psychological Science*. 2021a. Vol. 30. No 6. Pp. 485–494. <https://doi.org/10.1177/096372142111040771>
- Kunst J.R., Lefringhausen K., Skaar S.W., Obaidi M. Who adopts the culture of ethnic minority groups? A personality perspective on majority-group members' acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021b. Vol. 81. Pp. 20–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.001>
- Lefringhausen K., Ferenczi N., Marshall T.C. Self-protection and growth as the motivational force behind majority group members' cultural adaptation and discrimination: A parallel mediation model via intergroup contact and threat // *International Journal of Psychology*. 2020. Vol. 55. No 4. Pp. 532–542. <https://doi.org/10.1002/ijop.12620>
- Lefringhausen K., Marshall T.C., Ferenczi N., Zagefka H., Kunst J. R. Majority members' acculturation: How proximal-acculturation relates to expectations of immigrants and intergroup ideologies over time // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. Vol. 26. No 5. Pp. 953–984. <https://doi.org/10.1177/13684302221096324>
- Leong C.-H. A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32. No 2. Pp. 115–129. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2007.10.002>
- López-Rodríguez L., Zagefka H., Navas M., Cuadrado I. Explaining majority members' acculturation preferences for minority members: A mediation model // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 38. Pp. 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.07.001>
- Marsh H.W., Morin A.J.S., Parker P.D., Kaur G. Exploratory structural equation modeling: An integration of the best features of exploratory and confirmatory factor analysis // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2014. Vol. 10. No 1. Pp. 85–110. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-032813-153700>
- Martinovic B., Verkuyten M. Host national and religious identification among Turkish Muslims in Western Europe: The role of ingroup norms, perceived discrimination and value incompatibility // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42. No 7. Pp. 893–903. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1900>
- Pettai V., Hallik K. Understanding processes of ethnic control: Segmentation, dependency and co-optation in post-communist Estonia // *Nations and Nationalism*. 2002. Vol. 8. No 4. Pp. 505–529. <https://doi.org/10.1111/1469-8219.00063>
- Piontkowski U., Florack A., Hoelker P., Obdržálek P. Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. Vol. 24. No 1. Pp. 1–26. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(99)00020-6)
- Pullmann H., Allik J. The Rosenberg Self-Esteem Scale: Its dimensionality, stability and personality correlates in Estonian // *Personality and Individual Differences*. 2000. Vol. 28. No 4. Pp. 701–715. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(99\)00132-4](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(99)00132-4)
- Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. No 4. Pp. 336–353. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4

- Safdar S., Dupuis D.R., Lewis R.J., El-Geledi S., Bourhis R.Y.* Social axioms and acculturation orientations of English Canadians toward British and Arab Muslim immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32. No 5. Pp. 415–426. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2008.03.002>
- Stuart J., Ward C.* Exploring everyday experiences of cultural diversity: The construction, validation, and application of the normative multiculturalism scale // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. No 2. Pp. 313–332. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2542>
- Valk A.* Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? // *Mitmekeelne Haridus*. 2018. No 2. Pp. 5–9.
- Van Oudenhoven J.P., Hofstra J.* Personal reactions to “strange” situations: Attachment styles and acculturation attitudes of immigrants and majority members // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30. No. 6. Pp. 783–798. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.05.005>
- Verkuyten M.* Discourses about ethnic group (de-)essentialism: Oppressive and progressive aspects // *British Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 42. No 3. Pp. 371–391. <https://doi.org/10.1348/014466603322438215>
- Verkuyten M.* Ethnic group identification and group evaluation among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. No 1. Pp. 121–138. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.121>
- Verkuyten M.* Public attitudes towards migrants: understanding cross-national and individual differences // *World Psychiatry*. 2021. Vol. 20. No 1. Pp. 132–133. <https://doi.org/10.1002/wps.20819>
- Verkuyten M.* Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. No 3. Pp. 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten M., Brug P.* Multiculturalism and group status: The role of ethnic identification, group essentialism and protestant ethic // *European Journal of Social Psychology*. 2004. Vol. 34. No 6. Pp. 647–661. <https://doi.org/10.1002/ejsp.222>
- Verkuyten M., Reijerse A.* Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38. No 1. Pp. 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp.395>
- Verkuyten M., Thijs J.* Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*. 2002. Vol. 26. No 1. Pp. 91–108. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(01)00039-6)
- Ward C., Kim I., Karl J.A., Epstein S., Park H.-J.* How normative multiculturalism relates to immigrant well-being // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2020. Vol. 26. No 4. Pp. 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Wolsko C., Park B., Judd C.M.* Considering the tower of babel: Correlates of assimilation and multiculturalism among ethnic minority and majority groups in the United States // *Social Justice Research*. 2006. Vol. 19. No 3. Pp. 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>

История статьи:

Поступила в редакцию 9 февраля 2024 г.

Принята к печати 15 марта 2024 г.

Для цитирования:

Трифонов А.В., Лебедева Н.М. Контекстуальные и индивидуально-личностные факторы психологической адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 466–489. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489>

Вклад авторов:

А.В. Трифонов – концепция и дизайн исследования, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста. Н.М. Лебедева – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Трифонов Анастасия Валентиновна, выпускница аспирантской школы по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, ScopusID: 35095719100, SPIN-код: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-код: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489

EDN: KMTXKG

UDC 159.9:316.6

Research article

Contextual and Individual-Personal Factors of the Psychological Adaptation of the Ethnic Majority in Estonia and Kyrgyzstan

Anastasiia V. Trifonova , Nadezhda M. Lebedeva

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

 avtrifonova@hse.ru

Abstract. In the process of acculturation individual-personal and contextual factors do not operate independently of each other but demonstrate close relationships. In this regard, it is important to consider personal and contextual factors of adaptation together, within the framework of a single integrated approach. This exploratory study was aimed at investigating complex personal-contextual factors of the psychological adaptation of the ethnic majority in Estonia and Kyrgyzstan. The sample consisted of 300 Estonians ($M_{\text{age}} = 37.09$, $SD = 17.34$; females = 46.4 %) and 300 Kyrgyz ($M_{\text{age}} = 35.83$, $SD = 16.47$; females = 68.0 %). The au-

thors used scales from *The MIRIPS Questionnaire*, *The Place Identity Scale* (O. Droseltis and V.L. Vignoles) and methods for measuring identities and intercultural attitudes developed at CSCR of HSE. Psychological adaptation was measured using *The Satisfaction with Life Scale* — *SWLS* by E. Diener and *The Self-Esteem Scale* — *RSES* by M. Rosenberg. Exploratory structural equation modeling (ESEM) was used to identify three complex factors in both countries: ethnocultural identity, multicultural orientation, and perceived inclusiveness of context. According to the results, in both Estonia and Kyrgyzstan, ethnocultural identity was positively related to exclusive acculturation expectations; multicultural orientation was positively related to the expectation of integration and negatively related to the expectation of assimilation; and perceived inclusiveness of context was negatively related to the expectation of separation. Positive relationships between perceived inclusiveness of context and indicators of psychological well-being were also culturally universal.

Keywords: acculturation, acculturation expectations, ethnic majority, psychological well-being, Estonia, Kyrgyzstan

Acknowledgements and Funding. N.M. Lebedeva: the study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Abdyldaeva, T.Ch. (2018). Ethno-religious situation in modern Kyrgyzstan. *Modern Studies of Social Issues*, 10(2-1), 178–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-2-178-190>
- Badea, C., Iyer, A., & Aebischer, V. (2018). National identification, endorsement of acculturation ideologies and prejudice: The impact of the perceived threat of immigration. *International Review of Social Psychology*, 31(1), 14. <https://doi.org/10.5334/irsp.147>
- Badea, C., Jetten, J., Iyer, A., & Er-rafiy, A. (2011). Negotiating dual identities: The impact of group-based rejection on identification and acculturation. *European Journal of Social Psychology*, 41(5), 586–595. <https://doi.org/10.1002/ejsp.786>
- Berry, J.W. (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry, J.W. (2020). *Multicultural ideology scale revision*. Unpublished document in progress.
- Berry, J.W., Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Bourhis, R.Y., Moïse, L.C., Perreault, S., & Senécal, S. (1997). Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*, 32(6), 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>
- Breugelmans, S.M., & Van De Vijver, F.J.R. (2004). Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism in the Netherlands. *Applied Psychology*, 53(3), 400–422. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2004.00177.x>
- Curtis, K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15(4), 521–546. <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>
- Droseltis, O., & Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>

- Eccleston, C.P., & Major, B.N. (2006). Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals. *Group Processes & Intergroup Relations*, 9(2), 147–162. <https://doi.org/10.1177/1368430206062074>
- Golino, H.F., & Epskamp, S. (2017). Exploratory graph analysis: A new approach for estimating the number of dimensions in psychological research. *PLoS ONE*, 12(6), e0174035. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174035>
- Haugen, I., & Kunst, J.R. (2017). A two-way process? A qualitative and quantitative investigation of majority members' acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 60, 67–82. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.07.004>
- Hui, B.P.H., Chen, S.X., Leung, C.M., & Berry, J.W. (2015). Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 45, 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>
- Inguglia, C., Musso, P., Albiero, P., Cassibba, R., Iannello, N.M., Lo Cricchio, M.G., Liga, F., Berry, W.J., & Lo Coco, A. (2020). Mutual intercultural relations among immigrant and autochthonous youth in Italy. Testing the integration, multiculturalism, and contact hypotheses. *Ricerche Di Psicologia*, 43(1), 45–79. <https://doi.org/10.3280/rip2020-001004>
- Kunst, J.R., Lefringhausen, K., Sam, D.L., Berry, J.W., & Dovidio, J.F. (2021a). The missing side of acculturation: How majority-group members relate to immigrant and minority-group cultures. *Current Directions in Psychological Science*, 30(6), 485–494. <https://doi.org/10.1177/09637214211040771>
- Kunst, J.R., Lefringhausen, K., Skaar, S.W., & Obaidi, M. (2021b). Who adopts the culture of ethnic minority groups? A personality perspective on majority-group members' acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 81, 20–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.001>
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Lefringhausen, K., Ferenczi, N., & Marshall, T.C. (2020). Self-protection and growth as the motivational force behind majority group members' cultural adaptation and discrimination: A parallel mediation model via intergroup contact and threat. *International Journal of Psychology*, 55(4), 532–542. <https://doi.org/10.1002/ijop.12620>
- Lefringhausen, K., Marshall, T.C., Ferenczi, N., Zagefka, H., & Kunst, J.R. (2023). Majority members' acculturation: How proximal-acculturation relates to expectations of immigrants and intergroup ideologies over time. *Group Processes & Intergroup Relations*, 26(5), 953–984. <https://doi.org/10.1177/13684302221096324>
- Leong, C.-H. (2008). A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 32(2), 115–129. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2007.10.002>
- López-Rodríguez, L., Zagefka, H., Navas, M., & Cuadrado, I. (2014). Explaining majority members' acculturation preferences for minority members: A mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 38, 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.07.001>
- Marsh, H.W., Morin, A.J.S., Parker, P.D., & Kaur, G. (2014). Exploratory structural equation modeling: An integration of the best features of exploratory and confirmatory factor analysis. *Annual Review of Clinical Psychology*, 10(1), 85–110. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-032813-153700>
- Martinovic, B., & Verkuyten, M. (2012). Host national and religious identification among Turkish Muslims in Western Europe: The role of ingroup norms, perceived discrimination and value incompatibility. *European Journal of Social Psychology*, 42(7), 893–903. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1900>
- Pettai, V., & Hallik, K. (2002). Understanding processes of ethnic control: segmentation, dependency and co-optation in post-communist Estonia. *Nations and Nationalism*, 8(4), 505–529. <https://doi.org/10.1111/1469-8219.00063>

- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., & Obdržálek, P. (2000). Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 24(1), 1–26. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(99)00020-6)
- Pullmann, H., & Allik, J. (2000). The Rosenberg Self-Esteem Scale: Its dimensionality, stability and personality correlates in Estonian. *Personality and Individual Differences*, 28(4), 701–715. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(99\)00132-4](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(99)00132-4)
- Riek, B.M., Mania, E.W., & Gaertner, S.L. (2006). Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4), 336–353. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4
- Safdar, S., Dupuis, D.R., Lewis, R.J., El-Geledi, S., & Bourhis, R.Y. (2008). Social axioms and acculturation orientations of English Canadians toward British and Arab Muslim immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 32(5), 415–426. <https://doi.org/10.1016/j.jintrel.2008.03.002>
- Stuart, J., & Ward, C. (2019). Exploring everyday experiences of cultural diversity: The construction, validation, and application of the normative multiculturalism scale. *European Journal of Social Psychology*, 49(2), 313–332. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2542>
- Valk, A. (2018). Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? *Mitmekeelne Haridus*, (2), 5–9.
- Van Oudenhoven, J.P., & Hofstra, J. (2006). Personal reactions to ‘strange’ situations: Attachment styles and acculturation attitudes of immigrants and majority members. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 783–798. <https://doi.org/10.1016/j.jintrel.2006.05.005>
- Velkova, K. (2020). Multiple identities of Russians and Bulgarians: Intercultural comparison. *Psychological studies*, 13(73), 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i73.174>
- Verkuyten, M. (2003). Discourses about ethnic group (de-)essentialism: Oppressive and progressive aspects. *British Journal of Social Psychology*, 42(3), 371–391. <https://doi.org/10.1348/014466603322438215>
- Verkuyten, M. (2005). Ethnic group identification and group evaluation among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(1), 121–138. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.121>
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten, M. (2021). Public attitudes towards migrants: understanding cross-national and individual differences. *World Psychiatry*, 20(1), 132–133. <https://doi.org/10.1002/wps.20819>
- Verkuyten, M., & Brug, P. (2004). Multiculturalism and group status: The role of ethnic identification, group essentialism and protestant ethic. *European Journal of Social Psychology*, 34(6), 647–661. <https://doi.org/10.1002/ejsp.222>
- Verkuyten, M., & Reijerse, A. (2008). Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: the interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, 38(1), 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp.395>
- Verkuyten, M., & Thijs, J. (2002). Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(1), 91–108. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(01)00039-6)
- Ward, C., Kim, I., Karl, J.A., Epstein, S., & Park, H.-J. (2020). How normative multiculturalism relates to immigrant well-being. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Wolsko, C., Park, B., & Judd, C.M. (2006). Considering the tower of babel: Correlates of assimilation and multiculturalism among ethnic minority and majority groups in the United States. *Social Justice Research*, 19(3), 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>

Article history:

Received 9 February 2024

Revised 14 March 2024

Accepted 15 March 2024

For citation:

Trifonova, A.V., & Lebedeva, N.M. (2024). Contextual and individual-personal factors of the psychological adaptation of the ethnic majority in Estonia and Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 466–489. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489>

Author's contribution:

Anastasiia V. Trifonova – concept and design of the study, data processing and analysis, text writing, text editing.

Nadezhda M. Lebedeva – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text writing, text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes

Anastasiia V. Trifonova, Graduate, Doctoral school of psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, SPIN-code: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Psychology, Academic Supervisor of the Centre for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Science, School of Psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-code: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510

EDN: KNCNOQ

UDC 316.647.5

Research article

Navigating National Acceptance: Key Antecedents of Social Markers of Acceptance of Immigrants in Russia

Dmitry Grigoryev^{}, Albina Gallyamova^{}, Elizaveta Komyaginskaya^{}

HSE University,
Moscow, Russian Federation
 dgrigoryev@hse.ru

Abstract. The article explores the links between four principal antecedents – deprovincialization, perceived diversity norms, autochthony belief, and relative deprivation – and social markers of acceptance of immigrants in Russia. In an epoch increasingly influenced by immigration, it is imperative to meticulously examine how these antecedents are correlated with social markers of acceptance, which hold significant implications for immigrants' adaptation. This study aims to ascertain the extent to which these variables are correlated with social markers of immigrant acceptance within the Russian context. Survey data from 1,009 participants, predominantly self-identifying as ethnic Russians, were analyzed. The questionnaire was developed using new and original measures. The findings demonstrate that deprovincialization and perceived diversity norms within an individual's immediate surroundings showed effects on the social acceptance of immigrants, both directly and indirectly. Furthermore, autochthony belief and relative deprivation were identified as having mediating effects in these dynamics, highlighting their significance across all social markers of acceptance. These insights deepen our understanding of the complex process of immigrant social acceptance, accentuating the importance of individual differences and social influences. The study further reveals that immigrant social acceptance extends beyond mere openness and positive attitude towards cultural diversity, involving an inclusion of ethnocultural groups into the larger society that addresses group hierarchy and inequality in a manner deemed acceptable by the host society. By exploring these associations in detail, the research offers valuable information that could inform initiatives aimed at enhancing social inclusion and promoting intercultural and interethnic relations and harmony in Russia.

Keywords: acculturation expectations, social markers of acceptance, deprovincialization, autochthony belief, perceived diversity norms, relative deprivation, intercultural relations, interethnic relations and conflicts

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

© Grigoryev D., Gallyamova A., Komyaginskaya E., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

In today's globalized world, migration is an integral element of social dynamics. However, mass migration does not always lead to positive consequences. This is especially true when it becomes uncontrollable. In this regard, societies independently determine the best approaches for interacting with immigrants. The concept of *social markers of acceptance* proposed by Leong (2014) allows us not only to identify the acculturation expectations preferred by the host population, but also to define the specific criteria needed for immigrants to fully participate in the larger society. Social markers of acceptance are a set of criteria formed on the basis of compliance with social norms, language skills, professional competencies, and demographic characteristics important to a particular society. These markers go beyond the formal definition of citizenship, defining the psychological distinction between 'insiders' and 'outsiders.' They allow us to assess the inclusiveness of the host society—the fewer and less significant the number of such criteria, the easier it is for newcomers to become part of it (Leong et al., 2020).

In a previous study, we examined in detail the content of social markers of acceptance in the Russian context (see Grigoryev et al., 2023). Our results indicated that Russians distinguish four types of marker content: ethnic, civic, socioeconomic, and sociocultural. Ethnic and civic markers align with the concepts of ethnic/ascribed and civic/achieved types of citizenship/national identity, respectively (Komisarof & Leong, 2020). An ethnic marker, similar to ethnic identity, emphasizes the importance of sharing common ancestors, culture, and language that unite individuals into ethnic groups. Conversely, a civic marker focuses on the rights, responsibilities, and values shared by country residents, regardless of their ethnicity. The socioeconomic marker reflects the level of economic adaptation and success in the new social environment, encompassing education, professional status, and income. The sociocultural marker indicates the degree of adaptation of immigrants to the cultural norms and customs of the host society (Grigoryev et al., 2023). These results largely overlap with those obtained by another team of researchers who explored extensive data from 100 interviews and 40 focus groups across five regions in Russia (see Ivanova et al., 2024). In this work, we intend to delve even further into this topic by focusing on analyzing the predictors of the markers we have identified.

This approach is relatively new, and the factors that form social markers of acceptance remain insufficiently studied. Most research suggests that these markers largely depend on the dynamics of perceived threats, as discussed in *inter-group threat theory* (Komisarof et al., 2020). According to this theory, individuals

tend to be more prejudiced against an outgroup when they perceive its members as posing *tangible* (e.g., over resources) or *symbolic* (e.g., conflicting values) threats (Piontkowski et al., 2002). However, we believe that the prevalent use of intergroup threat theory to explain intergroup relations in general, and social markers of acceptance in particular, perpetuates a fixation on this approach within prejudice research (Grigoryev, 2020). This theory offers a very incomplete picture of the reasons behind the formation of attitudes towards immigrants (Walsh & Tartakovsky, 2021). Furthermore, the perception of threat is itself a derivative of the process of social comparison, suggesting that the basis of intergroup threats is relative deprivation.

Relative deprivation refers to the perception that one's own group is worse off compared to others (Smith et al., 2012). This sense of *comparative* disadvantage distinguishes relative deprivation from other theories that focus on social justice or discrimination, which do not emphasize an explicit comparison. Relative deprivation encompasses both cognitive manifestations, such as judgments of injustice and feelings of self-worth, and affective manifestations, including frustration, dissatisfaction, and disappointment (Meuleman et al., 2020). The feeling of relative deprivation can intensify due to a worsening economic climate, falling income levels, and rising unemployment. In interactions between host populations and immigrants, group relative deprivation often leads to increased prejudice against outgroups and fosters political activism based on such sentiments (Smith et al., 2018). Therefore, perceived threat can only be considered a derivative of the experience of relative deprivation. This arises from comparing the social and economic positions of one's own group with those of other groups, which can incite feelings of injustice and resentment. Consequently, this leads to the belief within the host society that immigrants are the source of its problems and pose a threat to the position of its members.

In addition, ownership threat, which involves the fear of losing control and decision-making rights over property, is often overlooked in the context of immigration (Verkuyten & Martinovic, 2017). This fear and the associated sense of relative deprivation are closely aligned with the concept of territorial ownership. Ownership implies control and the right to exclude others from using or claiming property. Loss of control occurs when individuals lose their stewardship over their 'territory.' This type of threat is proposed to represent a category that is empirically and conceptually distinct from tangible and symbolic threats, which are commonly examined in intergroup relations (Mahfud et al., 2016). Collective ownership involves a sense of possession over certain objects, which may result in the denial of access to outgroups. Such exclusion or denial is not considered unfair or

discriminatory but is seen as a right confirming collective ownership (Zenker, 2011). The potential and actual actions of ‘outsiders’ who invade property without owner approval create a sense of lack of control, fear of loss, and deprivation. These sentiments foster rhetoric about loss of sovereignty and the erosion of the “master in one’s own home” status, which justifies the exclusion of outgroups. Negative attitudes toward outgroups are especially likely when there is gradual usurpation of property or unauthorized entry into territory (Bobo, 1999). Importantly, these types of threat can provoke feelings that occur independently of identification with the ingroup.

Directly related to the concept of territorial possession is the ***autochthony belief***. Adherents of this belief hold that pioneer settlers are the rightful owners of a land by virtue of being its first inhabitants. Additionally, the status of being first settlers confers specific rights not available to subsequent arrivals (Verkuyten & Martinovic, 2015). It is important to emphasize that, unlike the ethnic concept of national identity, which is based on a shared origin transcending geographical boundaries, the autochthony belief prioritizes territorial location and the ensuing rights, including protection against ‘aliens’ (Zenker, 2011). Although ethnic majority groups often claim autochthony, the basis for exclusion differs: ethnic exclusion stems from essentialist views of group identity, while autochthonous exclusion is centered on property rights (Hasbún López et al., 2019).

Thus, the autochthony belief is closely related to the concept of ownership, stemming from the feeling that historically based rights to land and resources may be threatened by the arrival of migrants, which causes fear of loss of control (Verkuyten & Martinovic, 2017). Autochthony not only emphasizes territorial location and the rights deriving from it but also provides a moral and legal rationale for protecting these rights. Autochthony beliefs may underpin perceptions of ownership threats when indigenous people view the arrival of migrants as a potential challenge to their historically established rights. Although this belief is often linked to high levels of prejudice against immigrant groups, and strategies of segregation and exclusion, this correlation is not always consistent (Zenker, 2011).

Another important question to consider is what leads to feelings of relative deprivation and beliefs in autochthony. These phenomena may be rooted in both individual differences and the social context. More specifically, factors such as *deprovincialization*—a personal disposition towards open-mindedness—and *perceived diversity norms*, which reflect social influence, play crucial roles in shaping the importance of particular acceptance markers.

Deprovincialization represents a person’s tendency toward a less ethnocentric and more inclusive worldview. This disposition reflects the ability to avoid

judging the norms and values of the outgroup through the lens of the superiority of one's culture (Pettigrew, 2011). People with high levels of deprovincialization are characterized by cognitive and emotional flexibility and greater openness to experience, which promotes a broader view of the world beyond their immediate cultural or social group (Kalin & Berry, 1980; Velthuis et al., 2004). However, deprovincialization should not be confused with a lack of national identity or a decreased sense of belonging to one's own cultural group. Rather, it represents an open-minded, more diverse and comprehensive understanding of one's own culture, going beyond narrow ethnocentric views (Lucarini et al., 2023).

At the same time, in contrast to cultural relativism, deprovincialization is grounded in deontological ethics, which advocates universally applicable moral standards. This alignment also corresponds with the ideology of cosmopolitanism (Velthuis et al., 2004). Although individuals high in deprovincialization tend to be more tolerant of cultural differences, they may not necessarily endorse practices that conflict with broadly accepted moral principles, such as gender inequality or questionable animal treatment (Verkuyten et al., 2022). In other words, deprovincialization encourages a critical evaluation of all cultural practices (Verkuyten et al., 2020). Given its direct relationship to intergroup dynamics, we hypothesize that deprovincialization may be a crucial individual-level factor in shaping the importance of different domains of social markers of acceptance.

However, despite individual characteristics, people generally act in accordance with the norms of their communities. These norms inevitably influence social behavior, serving as guidelines for what is considered normal, ethical, or fair. Strategies for intergroup interaction are also shaped by social norms and are no exception to this influence (Ward et al., 2020). Individual attitudes toward outgroups may differ from what the social norm dictates (Guimond et al., 2013). At the same time, most psychological research tends to underestimate the impact of the everyday environment on the individual, even though perceived norms, supported by one's immediate surroundings, can significantly influence behavior (Gallyamova & Grigoryev, 2022). Therefore, we propose to examine the role of *perceived diversity norms*, which reflect the degree to which individuals believe their environment supports a multicultural ideology and broader inclusion (Ng Tseung-Wong et al., 2022).

Indeed, according to the *justification-suppression model* of prejudice, outgroup bias is not expressed directly, but instead undergoes normative filtering that either prevents or facilitates its expression (Crandall et al., 2002). Under inclusive norms, an individual is motivated to eliminate prejudices through a well-known process of mental control—namely suppression, which is activated to prevent in-

appropriate thoughts from entering the mind (Kotova, 2024). Furthermore, when there is a constant conflict between perceived norms and personal attitudes, individuals tend to internalize group beliefs to satisfy relational motives. In other words, if a person's environment values diverse societies, they are more likely to support such values themselves (Echterhoff et al., 2013). Accordingly, it is important not only to consider deprovincialization, but also to evaluate the role of the immediate environment, as personal attitudes are largely shaped by interactions within an ingroup.

The *purpose* of this *study* was to examine factors that woven into the dynamics of change and formation of social markers of acceptance. On the one hand, deprovincialization reflects an individual's tolerant understanding of what is necessary to become a member of a particular society. On the other hand, perceived diversity norms can assess how the everyday environment influences demands placed on immigrants, as individual beliefs inevitably undergo normative filtering, which contributes to either more tolerant or more exclusionary attitudes towards outgroups (Crandall et al., 2002). However, even in an inclusive society, some groups or individuals facing life challenges may begin to view immigrants as the source of their troubles. In other words, the experience of relative deprivation, even within a generally tolerant community, may perpetuate more stringent demands on immigrants.

Furthermore, the autochthony belief, which reflects people's confidence in their privileged status in a certain territory, implies a more exclusionary attitude towards immigrants but does not necessarily contradict personal and group open-mindedness. This holds true as long as the dominant group perceives that minorities acknowledge their lesser status, allowing those with a strong autochthony belief to avoid harboring negative feelings towards them (Zenker, 2011). Consequently, we explore the role of both the autochthony belief and relative deprivation as mediators in the relationship between deprovincialization, perceived diversity norms, and social markers of acceptance. Through this, we aim to assess the more complex dynamics involved in the direct and indirect ways that demands are formed on immigrants.

Method

Participants. We used secondary data (see Grigoryev et al., 2023), including responses from 1009 people aged 18 to 78 years ($M = 37.2$; $SD = 11.6$; 42% male). 54% of respondents had obtained higher education; 71% resided in large cities (over 100,000 residents) and megalopolises (over 1 million residents). Most of the respondents came from the Central Federal District (35%).

Measures. Dependent Variables. Social markers of acceptance. In our study, we utilized already established values of the importance of various criteria used to consider someone a Russian. These criteria were assessed from 1 = *absolutely not important* to 7 = *absolutely important*, covering each type of social marker of acceptance (6 items per marker) as outlined by Grigoryev et al. (2023). These include *civic* (e.g., “Know and respect Russian laws and regulations”; $M = 3.21$; $SD = 1.49$; $\alpha = 0.87$), *ethnic* (e.g., “Gives up foreign cultural norms or behavior”; $M = 5.68$; $SD = 1.20$; $\alpha = 0.86$), *socioeconomic* (e.g., “Strive for self-development and learning new skills for a successful career”; $M = 4.84$; $SD = 1.38$; $\alpha = 0.86$), and *sociocultural* (e.g., “Participate in public life in Russia”; $M = 3.88$; $SD = 1.44$; $\alpha = 0.87$).

Independent Variables. We then calculated values for the new measures we developed for all independent variables. Details on the instructions and clause wording for these measures are provided in the Appendix.

We developed the items for the independent variables based on well-established conceptual definitions of the corresponding constructs in the literature (see Ng Tseung-Wong et al., 2022; Pettigrew, 2011; Smith et al., 2012; Zenker, 2011). In the initial phase, we focused on ensuring that the items aligned closely with these definitions. To enhance the relevance and clarity of the items, we were primarily guided by *face validity*, ensuring that the items appeared to accurately reflect the constructs as understood by both experts and potential respondents.

Deprovincialization. The measure used 9 items with a 7-point Likert scale ranging from 1 = *strongly disagree* to 7 = *strongly agree* ($M = 5.28$; $SD = 1.14$; $\alpha = 0.91$).

Perceived Diversity Norms. The measure used 9 items as participants evaluated how accurately the statements describe the people around them, and a 6-point Likert scale from 1 = *not at all accurate* to 6 = *absolutely accurate* ($M = 4.52$; $SD = 1.05$; $\alpha = 0.93$).

Autochthony belief. The measure used 5 items with a 7-point Likert scale ranging from 1 = *strongly disagree* to 7 = *strongly agree* ($M = 5.15$; $SD = 1.29$; $\alpha = 0.86$).

Relative Deprivation. The measure used 10 items with a 7-point Likert scale ranging from 1 = *strongly disagree* to 7 = *strongly agree* ($M = 3.59$; $SD = 1.53$; $\alpha = 0.95$).

Data Processing. As part of the preliminary analysis, confirmatory factor analysis was conducted to examine the factor structure of the new measures. All four measures were tested simultaneously within a single measurement model to ensure coherence. We employed a standard cutoff approach, as recommended by

Kline (2010), to assess the global fit of the measurement model. The Cronbach's α reliability coefficient, a measure of internal consistency, was utilized to test the reliability of these methods. Additionally, a general linear model was applied to analyze both direct and indirect effects on the social markers of acceptance.

Results

Preliminary Analysis. Factor loadings in the estimated model that included four factors (deprovincialization, perceived diversity norms, autochthony belief, relative deprivation) were statistically significant, ranging between 0.53 and 0.88 with a mean of 0.78. Moreover, only three loadings were less than 0.70. Global model fit values are consistent with the gold standard: $\chi^2(df) = 1402.95 (489)$, $p < 0.001$, CFI = 0.96, SRMR = 0.04, RMSEA [90% CI] = 0.04 [0.04–0.05]. At the same time, Cronbach's α coefficients for all scales were not lower than 0.86 and ranged from 0.86 to 0.95.

Main Analysis. A general linear model was constructed to test the direct relationships between the selected factors and various social markers of acceptance. This model also facilitated the examination of the indirect effects of deprovincialization and perceived diversity norms on markers of acceptance via autochthony belief and relative deprivation. Results showed that civic and sociocultural markers of acceptance were positively predicted by perceived diversity norms, autochthony belief, and relative deprivation (Figures 1, 4). Along with these, all variables, including deprovincialization, positively predicted the socioeconomic marker (Figure 3). However, only autochthony belief and relative deprivation were positive predictors of the ethnic marker of acceptance, and deprovincialization, in turn, negatively predicted this marker (Figure 2).

Furthermore, deprovincialization was positively correlated with perceived norms of diversity, and autochthony belief with relative deprivation. Also, autochthony belief was positively predicted by deprovincialization, while deprovincialization and perceived norms of diversity were negative predictors of relative deprivation.

Regarding indirect paths, negative associations were found between perceived diversity norms and four types of markers of acceptance via relative deprivation. A negative relationship was also found between deprovincialization and all markers of acceptance via relative deprivation. At the same time, autochthony belief also likely acted as a mediator for positive relationships between deprovincialization and all markers of acceptance (Figures 1–4).

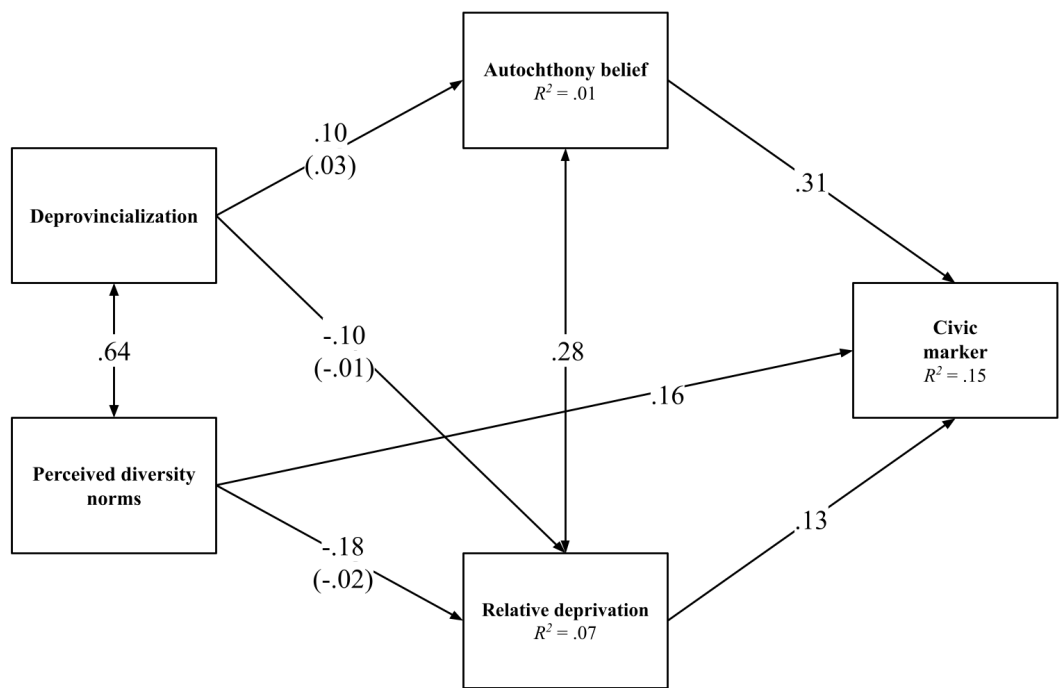

Figure 1. Direct and indirect effects for civic marker ($N=1009$)
Note. The figure shows only statistically significant relationships with $p < 0.05$

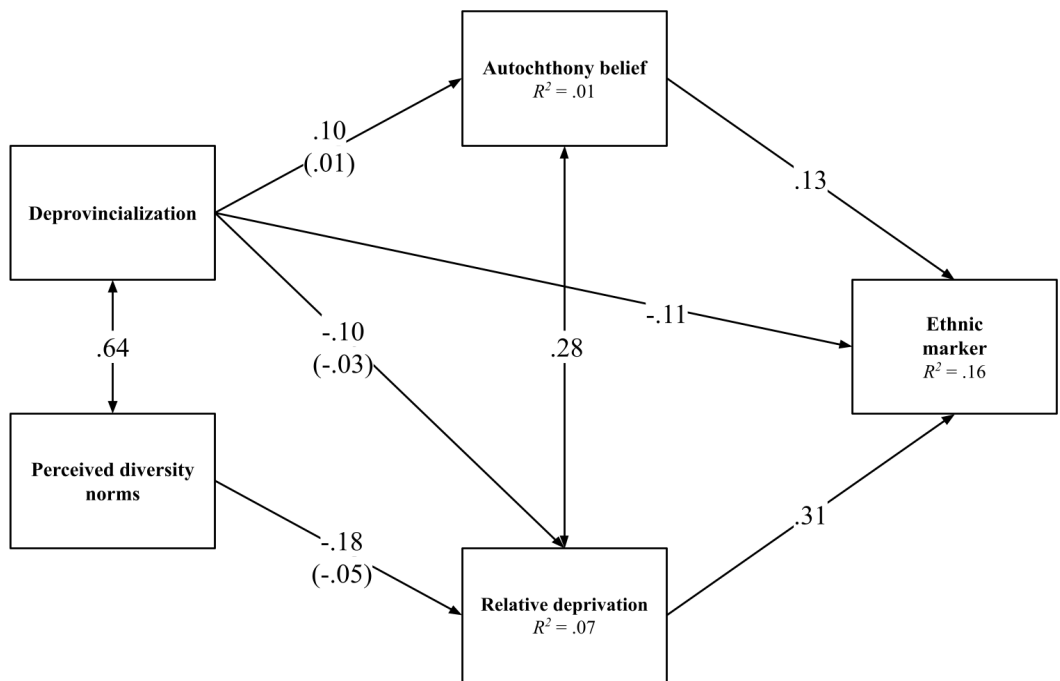

Figure 2. Direct and indirect effects for ethnic marker ($N=1009$)
Note. The figure shows only statistically significant relationships with $p < 0.05$

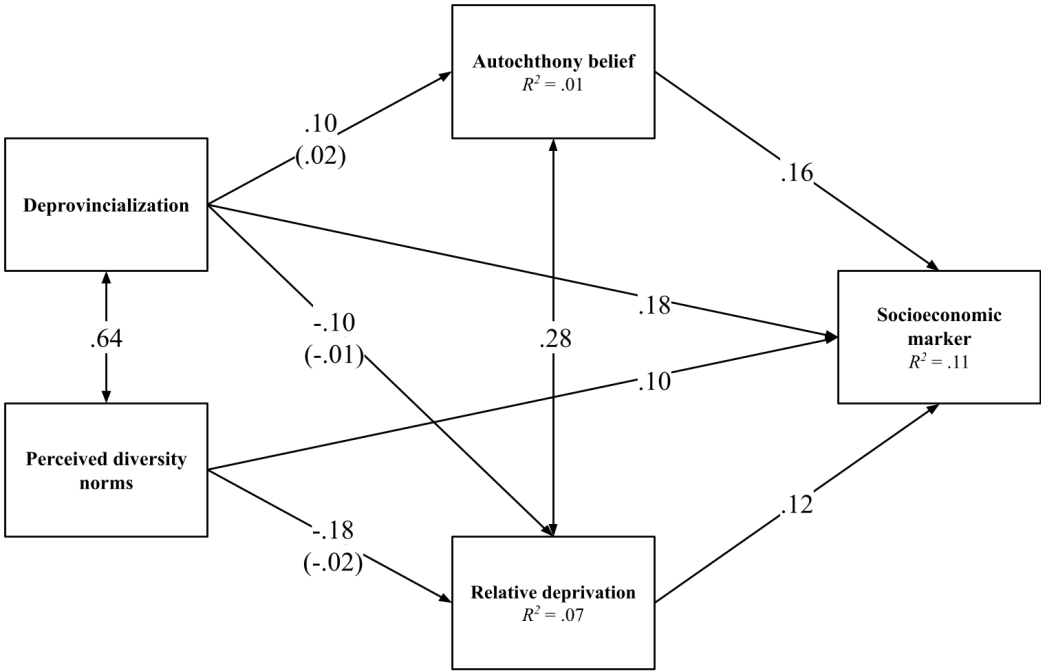

Figure 3. Direct and indirect effects for socioeconomic marker ($N = 1009$)
Note. The figure shows only statistically significant relationships with $p < 0.05$

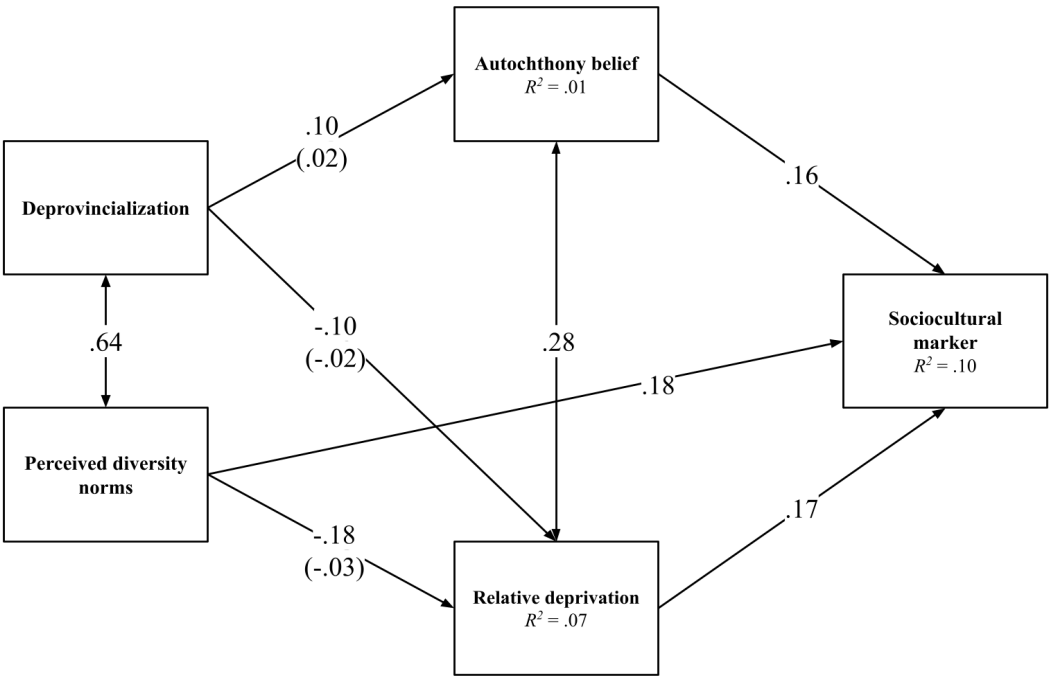

Figure 4. Direct and indirect effects for sociocultural marker ($N = 1009$)
Note. The figure shows only statistically significant relationships with $p < 0.05$

Discussion

In this work, we aimed to study the predictors of social markers of acceptance. Our findings enrich our understanding of how these markers are formed, providing new perspectives and in-depth analysis of this issue. Whereas most previous research has focused solely on social identity and perceived threat, our study highlights the significant roles of personality disposition and social influence. It is important to note that deprovincialization and perceived diversity norms are quite strongly and positively related to each other. This relationship aligns well with group norm theory, which posits that our personal attitudes are largely based on the social norms of the group we identify with (Crandall et al., 2002), and may also be influenced by an assortativity effect. However, despite their interdependence and some overlapping effects, these variables also exhibit distinct relationships. This complexity underscores the need for further studies on both individual factors and the role of social influence in various intergroup phenomena (Gallyamova & Grigoriev, 2022).

Social markers of acceptance that define the civic, socioeconomic, and sociocultural expectations of immigrants were positively predicted by perceived diversity norms. These norms reflect how much a person's local environment is perceived as inclusive. Such norms likely support an integration strategy for newcomers, which involves not only maintaining the native identity of immigrants, but also their active inclusion in the larger society (Grigoryev & Berry, 2021). Moreover, if a group supports diversity, it is likely to foster positive and more frequent intergroup contact, according to Pettigrew (2009). In environments that support such diversity, the importance of these markers is not merely a protective measure, but a necessary condition for maintaining positive intergroup contact. This is achieved through compliance with local norms, a certain level of education, and the intercultural competence of the immigrants themselves. Indeed, for example, second-generation immigrants whose parents originated from more tolerant cultures were much more integrated into society than those from less tolerant cultures (Berggren et al., 2023).

At the same time, deprovincialization negatively predicted the ethnic marker of acceptance and positively predicted the socioeconomic marker. This suggests that individuals who are less prejudiced, and therefore more open to outgroup members, are likely to oppose the stringent ethnic demands on immigrants that are based on shared ethnocultural origins (Lucarini et al., 2021). Furthermore, deprovincialization contributes to a more equitable perception of immigrants. The socioeconomic marker of acceptance, which reflects objective requirements related largely to the potential contributions of immigrants to society, aligns with this more inclusive outlook (Komisarof et al., 2020).

In the case of autochthony belief and relative deprivation, both showed positive associations with all social markers of acceptance and were also positively associated with each other. Negative predictors of relative deprivation included deprovincialization and perceived diversity norms. As mentioned earlier, support for inclusion and a more open-minded worldview are often linked to positive past experiences. In other words, personal contact with outgroup members generally increases tolerance towards their distinctive characteristics. Furthermore, this reduction in prejudice extends not only to the group with whom friendships are formed, but also towards all other dissimilar groups (Lucarini et al., 2023). Consequently, it is logical that both deprovincialization and perceived norms would mitigate negative social comparisons. Conversely, experiencing a worsening of their situation, such as a decrease in income levels and an increase in unemployment, is associated with exclusionary strategies (Smith et al., 2018). Relative deprivation was most strongly predicted by the ethnic marker of acceptance, likely because when their situation deteriorates, people tend to impose the most unattainable demands on the outgroup to avoid increasing competition for already scarce resources and benefits (Komisarof & Leong, 2020).

The strongest predictor of the civic marker, which requires compliance with the laws of the host society and respect for its institutions, was autochthony belief. This finding aligns logically with the nature of the civic marker. However, in contrast, a study in the Netherlands found that autochthony belief was strongly negatively associated with deprovincialization (Martinovic & Verkuyten, 2013). In our study, we observed a positive relationship between these two variables, which may be attributed to the Russian context. Russia, as a federal state with national republics such as Chechnya, Tatarstan, and Bashkortostan, each having its own distinct culture, presents a unique case. In this multi-ethnic and multicultural setting, the general norm is that the rules are established by those residing in the territory, regardless of their ethnic or religious affiliation. For instance, in the Caucasian republics, it is customary for tourists to avoid wearing revealing clothing.

Our research also revealed identical indirect paths between deprovincialization, perceived diversity norms, and all markers of acceptance, mediated by beliefs in autochthony and relative deprivation. Interestingly, perceived diversity norms were negatively associated with all markers via relative deprivation. Specifically, perceived norms are only related to the ethnic marker via relative deprivation. These results are understandable, as perceived diversity norms tend to reduce the sense of relative deprivation that largely determines the formation of boundaries with the outgroup, thereby decreasing the importance of acceptance markers (Meuleman et al., 2020). Furthermore, deprovincialization was also found to negatively relate to markers of acceptance via relative deprivation. This suggests that personal open-mindedness additionally reduces feelings of relative

deprivation (Lucarini et al., 2023), which in turn leads to reduced demands placed on the outgroup.

At the same time, deprovincialization was associated with the civic and sociocultural markers not directly, but only via relative deprivation and autochthony belief. It is important to note that the connections between deprovincialization and all social markers of acceptance, mediated by autochthony belief, were positive. This may suggest that genuine acceptance of immigrants extends beyond mere openness to diversity (*deprovincialization*) and necessitates addressing economic and social inequalities (*relative deprivation*) as well as respecting host cultures (*autochthony belief*). The critical role of relative deprivation underscores the importance of addressing economic and social disparities to prevent exclusion or perceived threats, regardless of societal openness. Additionally, the positive impact of deprovincialization, enhanced by a respect for autochthony, demonstrates how immigrants' respect for the traditions and history of the host country contributes to creating a more inclusive context for them (see Grigoryev et al., 2023).

Limitations. Our study provides a new perspective on the dynamics of the formation of social markers of acceptance. However, because our data are cross-sectional rather than experimental or longitudinal, we cannot establish causal effects, even though mediation models typically assume such relationships. Additionally, these relationships may be affected by unaccounted confounders. For example, intergroup contact is known to influence both personal open-mindedness and multicultural norms (Berry et al., 2022). Future research should test whether these relationships hold in experimental and longitudinal studies. Also, in Russia's various ethnic republics, different mechanisms might influence the requirements for immigrants. Therefore, future studies should conduct comparative analyses that consider the ethnic, religious, and regional specifics of Russians to further elucidate these aspects.

Conclusions

Deprovincialization and perceived diversity norms are significant predictors of social markers of acceptance via both direct and indirect pathways. These findings underscore the importance of individual factors and social influences in shaping social acceptance. Additionally, the autochthony belief and relative deprivation also significantly contribute to the importance of all markers, providing a more nuanced understanding of the dynamics at play. Generally, true social acceptance involves more than merely openness and a positive attitude towards cultural diversity by the host society; it requires forms of inclusion that address group hierarchy and inequality in ways that are acceptable to the host community (Grigoryev & Berry, 2021). Furthermore, this study introduced new measures to

assess the considered predictors, enhancing our tools for analyzing intercultural relations. Thus, our research not only offers a fresh perspective on the study of intercultural relations but also provides new measures for their assessment.

References

- Berry, J.W., Lepshokova, Z., MIRIPS Collaboration, & Grigoryev, D. (2022). How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. *Applied Psychology: An International Review*, 71(3), 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Berggren, N., Ljunge, M., & Nilsson, T. (2023). Immigrants from more tolerant cultures integrate deeper into destination countries. *Journal of Comparative Economics*, 51(4), 1095–1108. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2023.06.005>
- Bobo, L. D. (1999). Prejudice as group position: Microfoundations of a sociological approach to racism and race relations. *Journal of Social Issues*, 55(3), 445–472. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00127>
- Crandall, C. S., Eshleman, A., & O'brien, L. (2002). Social norms and the expression and suppression of prejudice: The struggle for internalization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(3), 359–378. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.3.359>
- Echterhoff, G., Kopietz, R., & Higgins, E. T. (2013). Adjusting shared reality: Communicators' memory changes as their connection with their audience changes. *Social Cognition*, 31(2), 162–186. <https://doi.org/10.1521/soco.2013.31.2.162>
- Gallyamova, A., & Grigoryev, D. (2022). Development of a measure for assessing perceived community culture based on Triandis's horizontal/vertical individualism-collectivism cultural orientation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(3), 429–447. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-429-447> (In Russ.).
- Grigoryev, D. (2020). Problems of conceptualisation and operationalisation of attitudes toward immigrants in cross-national comparative research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 3, 89–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-3-89-100>
- Grigoryev, D., & Berry, J. W. (2021). A taxonomy of intergroup ideologies. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 7–15. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170401>
- Grigoryev, D. Gallyamova, A. & Komyaginskaya, E. (2023). Becoming a member of the Russian nation: The content of national identity underlying the social markers of acceptance for immigrants in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(4), 675–696. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-4-675-696>
- Guimond, S., Crisp, R. J., De Oliveira, P., Kamiejski, R., Kteily, N., Kuepper, B., ... & Zick, A. (2013). Diversity policy, social dominance, and intergroup relations: Predicting prejudice in changing social and political contexts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104(6), 941–958. <https://doi.org/10.1037/a0032069>
- Hasbún López, P., Martinović, B., Bobowik, M., Chrysoschoou, X., Cichocka, A., Ernst-Vintila, A., Franc R., Fülöp, É., Ghilani, D., Kochar, A., Lamberty, P., Leone, G., & Žeželj, I. (2019). Support for collective action against refugees: The role of national, European, and global identifications, and autochthony beliefs. *European Journal of Social Psychology*, 49(7), 1439–1455. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2608>

- Ivanova N., Egorova T., Varshaver E., & Savin I. (2024). “To live just like we do”: Russian residents’ perceptions of migrant integration. *Current Problems of Europe*, 3, 245–265. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14> (In Russ.).
- Kalin, R., & Berry, J. W. (1980). Geographic mobility and ethnic tolerance. *The Journal of Social Psychology*, 112(1), 129–134. <https://doi.org/10.1080/00224545.1980.9924305>
- Kline R.B. (2010). *Principles and Practice of Structural Equation Modeling* (4th ed.). New York: Guilford Press.
- Komisarof, A., & Leong, C. H. (2020). Viewing intercultural adaptation and social inclusion through constructs of national identity: An introduction. *International Journal of Intercultural Relations*, 78, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.06.001>
- Komisarof, A., Leong, C. H., & Teng, E. (2020). Constructing who can be Japanese: A study of social markers of acceptance in Japan. *Asian Journal of Social Psychology*, 23(2), 238–250. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12396>
- Kotova, M. V. (2024). Prejudice transformation from overt to covert forms as an indicator of its functions in intergroup relations. *Social Psychology and Society*, 15(1), 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104> (In Russ.).
- Leong, C. H. (2014). Social markers of acculturation: A new research framework on intercultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, 38, 120–132. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.08.006>
- Leong, C. H., Komisarof, A., Dandy, J., Jasinskaja-Lahti, I., Safdar, S., Hanke, K., & Teng, E. (2020). What does it take to become “one of us?” Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood. *International Journal of Intercultural Relations*, 78, 10–19. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.04.006>
- Lucarini, A., Boin, J., Fuochi, G., Voci, A., Verkuyten, M., & Pettigrew, T. F. (2023). The nature of deprovincialism: Assessment, nomological network, and comparison of cultural and group deprovincialization. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 23(4), 861–881. <https://doi.org/10.1002/casp.2695>
- Martinovic, B., & Verkuyten, M. (2013). ‘We were here first, so we determine the rules of the game’: Autochthony and prejudice towards out-groups. *European Journal of Social Psychology*, 43(7), 637–647. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1980>
- Meuleman, B., Abts, K., Schmidt, P., Pettigrew, T. F., & Davidov, E. (2020). Economic conditions, group relative deprivation and ethnic threat perceptions: A cross-national perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 46(3), 593–611. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550157>
- Ng Tseung-Wong, C., Dandy, J., & Lane, M. (2022). Perceived diversity norms, cultural identity styles and bicultural identity consolidation in two bicultural groups in Australia. *International Journal of Psychology*, 57(3), 363–371. <https://doi.org/10.1002/ijop.12829>
- Pettigrew, T. F. (2009). Secondary transfer effect of contact: Do intergroup contact effects spread to noncontacted outgroups? *Social Psychology*, 40(2), 55–65. <https://doi.org/10.1027/1864-9335.40.2.55>
- Pettigrew, T. F. (2011). Deprovincialization. In D.J. Christie (Ed.). *The Encyclopedia of Peace Psychology*. Blackwell Publishing Ltd. <https://doi.org/10.1002/9780470672532.wbep081>
- Piontkowski, U., Rohmann, A., & Florack, A. (2002). Concordance of acculturation attitudes and perceived threat. *Group Processes & Intergroup Relations*, 5(3), 221–232. <https://doi.org/10.1177/1368430202005003003>

- Smith, H. J., Pettigrew, T. F., Pippin, G. M., & Bialosiewicz, S. (2012). Relative deprivation: A theoretical and meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 16(3), 203–232. <https://doi.org/10.1177/1088868311430825>
- Smith, H. J., Ryan, D. A., Jaurique, A., Pettigrew, T. F., Jetten, J., Ariyanto, A., ... & Wohl, M. (2018). Cultural values moderate the impact of relative deprivation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(8), 1183–1218. <https://doi.org/10.1177/002202211878421>
- Velthuis, E., Verkuyten, M., & Smeekes, A. (2020). Supporting immigrant cultural rights: The roles of deprovincialization and identity continuity. *Journal of Applied Social Psychology*, 50(12), 733–743. <https://doi.org/10.1111/jasp.12709>
- Verkuyten, M., & Martinovic, B. (2015). Majority member's recognition and protest against discrimination of immigrants: The role of power threat, deprovincialization and common national identity. *Social Justice Research*, 28, 257–273. <https://doi.org/10.1007/s11211-015-0248-4>
- Verkuyten, M., Yogeeswaran, K., Mepham, K., & Sprong, S. (2020). Interculturalism: A new diversity ideology with interrelated components of dialogue, unity, and identity flexibility. *European Journal of Social Psychology*, 50(3), 505–519. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2628>
- Verkuyten, M., Kollar, R., Gale, J., & Yogeeswaran, K. (2022). Right-wing political orientation, national identification and the acceptance of immigrants and minorities. *Personality and Individual Differences*, 184, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111217>
- Walsh, S. D., & Tartakovsky, E. (2021). Personal value preferences, threat-benefit appraisal of immigrants and levels of social contact: Looking through the lens of the Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 12, 1–19. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.609219>
- Ward, C., Kim, I., Karl, J. A., Epstein, S., & Park, H. J. (2020). How normative multiculturalism relates to immigrant well-being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Zenker, O. (2011). Autochthony, ethnicity, indigeneity and nationalism: Time-honouring and state-oriented modes of rooting individual-territory-group triads in a globalizing world. *Critique of Anthropology*, 31(1), 63–81. <https://doi.org/10.1177/0308275X10393438>

Article history:

Received 25 April 2024

Revised 4 May 2024

Accepted 6 May 2024

For citation:

Grigoryev, D., Gallyamova, A., & Komyaginskaya, E. (2024). Navigating National Acceptance: Key Antecedents of Social Markers of Acceptance of Immigrants in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 490–510. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510>

Authors' contributions. Dmitry Grigoryev — concept and design of the study, data collection and processing, statistical analysis, writing the original draft; Albina Gallyamova — project administration, writing the original draft; Elizaveta Komyaginskaya — checking results, writing and editing the text.

Bio notes:

Dmitry Grigoryev, PhD, Research Fellow, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ResearcherID: K-3338-2015, ScopusID: 57191706675, SPIN-code: 1807-9739. E-mail: dgri-goryev@hse.ru

Albina Gallyamova, Research Intern, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8775-7289, ResearcherID: GLV-6876-2022, ScopusID: 58182813400, SPIN-code: 6639-2529. E-mail: aagallyamova@hse.ru

Elizaveta Komyaginskaya, Research Intern, Center for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8841-1722, ResearcherID: HII-5216-2022, SPIN-code: 4854-0374. E-mail: ekomyaginskaya@hse.ru

APPENDIX

Deprovincialization

Please indicate the extent to which you agree with the statements below using a 7-point scale from 1 = *absolutely disagree* to 7 = *absolutely agree*, where:

- 1 = absolutely disagree;
- 2 = disagree;
- 3 = somewhat disagree;
- 4 = do not know, not sure;
- 5 = somewhat agree;
- 6 = agree;
- 7 = absolutely agree.

Items	Factor loadings
1. I actively develop my knowledge about the diversity of the world to avoid pro- vincialism and be open to new ideas.	0.70
2. I listen to and understand the opinions of people from different backgrounds and experiences.	0.79
3. I communicate effectively with people from different cultures, recognizing and appreciating our differences.	0.79
4. I recognize and overcome my narrow-mindedness, prejudices, and biases to achieve less provincial thinking.	0.64
5. I respect and accept differences in views and values between people, overcom- ing narrow-mindedness.	0.80
6. I show empathy for the feelings and needs of others, regardless of their cultural and social background.	0.62
7. I constantly develop my communication skills with various people through self-education and practice.	0.70
8. I find a common language with people who have different values, traditions, and customs.	0.79
9. I value the diversity around me and consider it enriching for my development and for avoiding narrow-mindedness.	0.76

Perceived Diversity Norms

Please indicate how accurately the statements below describe the people with whom you regularly communicate (for example, friends and acquaintances, work colleagues, neighbors, etc.), on a 6-point scale from 1 = *not at all accurate* to 6 = *absolutely accurate*.

In your opinion...

Items	Factor loadings
1. ...people in my community believe it is important to create an atmosphere of mutual understanding and acceptance for everyone, including diverse people and groups.	0.84
2. ...I am expected to treat people and groups with different worldviews and cultural backgrounds with respect and understanding.	0.85
3. ...most of my friends are of the opinion that support and help for all those who need it are valuable qualities.	0.71
4. ...my friends and family consider it necessary to take into account the opinions and experiences of people around me for mutual understanding and cooperation.	0.74
5. ...in my social circle, discrimination based on race, ethnicity, or culture is unacceptable.	0.76
6. ...in my social environment, everyone is expected to resist prejudice and discrimination against different people and groups.	0.73
7. ...people in my community believe it is important to appreciate the diversity around us and learn from each other.	0.83
8. ...most of my friends believe that openness and tolerance contribute to creating an atmosphere of mutual understanding.	0.80
9. ...people from my circle consider it important to treat people equally, regardless of their social status or origin.	0.78

Autochthony Belief

Please indicate the extent to which you agree with the statements below using a 7-point scale from 1 = *absolutely disagree* to 7 = *absolutely agree*, where:

- 1 = absolutely disagree;
- 2 = disagree;
- 3 = somewhat disagree;
- 4 = do not know, not sure;
- 5 = somewhat agree;
- 6 = agree;
- 7 = absolutely agree;

Items	Factor loadings
1. The fundamental rights to govern a given territory must belong to its original inhabitants.	0.77
2. People born and raised in a certain territory have a preferential right to access its resources.	0.67
3. When shaping the future of a certain territory, it is necessary to take into account the history and traditions of its original inhabitants.	0.70
4. Respect for the rights and privileges of people who have lived in a certain area for generations must take precedence.	0.76
5. The culture of a given area should be based on the values and beliefs of its original inhabitants.	0.80

Relative Deprivation

Please indicate the extent to which you agree with the statements below using a 7-point scale from 1 = *absolutely disagree* to 7 = *absolutely agree*, where:

- 1 = absolutely disagree;
- 2 = disagree;
- 3 = somewhat disagree;
- 4 = do not know, not sure;
- 5 = somewhat agree;
- 6 = agree;
- 7 = absolutely agree:

Items	Factor loadings
1. I see an emerging trend in our society where migrants are starting to receive more opportunities than the native population.	0.88
2. It seems that over time, our authorities are increasingly favoring immigrants over the native population.	0.85
3. I observe that migrants are increasingly viewed as more attractive romantic partners compared to the native population.	0.53
4. In our society, migrants seem to be gaining power and influence over the native population.	0.84
5. Recently, it seems that the media increasingly portrays migrants more favorably than the native population.	0.80
6. It appears that over time, social support and services are increasingly directed towards migrants rather than the native population.	0.86
7. I feel that over time, migrants face fewer barriers to success and social mobility compared to the native population.	0.79
8. In the workplace, there is a perception that migrants can earn more and have greater career opportunities than natives.	0.83
9. I have noticed that migrants are starting to receive more recognition and respect with less effort compared to the native population.	0.84
10. I feel a growing sense of injustice when I see the potential advantages of migrants over the native population in terms of social status and wealth.	0.80

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510
EDN: KNCNOQ
УДК 316.647.5

Исследовательская статья

Навигация по гражданской инклюзии:
ключевые antecedенты социальных маркеров
принятия иммигрантов в России

Д.С. Григорьев^{ID}, А.А. Галлямова^{ID}, Е.Ш. Комягинская^{ID}

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
✉ dgrigoryev@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются связи между четырьмя ключевыми antecedентами (депровинциализмом, воспринимаемыми нормами многообразия, верой в автохтонность, относительной депривацией) и социальными маркерами принятия

иммигрантов в России (этническим, гражданским, социоэкономическим, социокультурным). В условиях демографического ландшафта, который все чаще характеризуется иммиграцией, крайне важно тщательно изучить отношения между этими antecedentes и социальными маркерами принятия, которые имеют важные последствия для адаптации иммигрантов. Целью данного исследования является определение степени, в которой эти переменные связаны с социальными маркерами принятия иммигрантов в российском контексте. В опросе участвовали 1009 человек, большинство из которых идентифицировали себя как этнические русские. Онлайн-опросник был составлен из новых, авторских методик. Результаты исследования показывают, что депровинциализм и воспринимаемые нормы многообразия в непосредственном окружении человека играют важную роль в социальном принятии иммигрантов как прямо, так и косвенно. В частности, вера в автохтонность и относительная депривация, показывая также опосредствующие эффекты в этих связях, имеют значение для важности всех социальных маркеров принятия. Эти результаты углубляют наше понимание сложного процесса социального принятия иммигрантов, подчеркивая важность как индивидуальных различий, так и социального влияния. Они также свидетельствуют, что социальное принятие иммигрантов выходит за рамки простой открытости и позитивного отношения к культурному многообразию, а предполагают такую форму инклюзии этнокультурных групп в более широкое общество, которая решает проблему групповой иерархии и неравенства приемлемым для принимающего общества образом. Благодаря детальному изучению этих взаимоотношений результаты исследования могут стать основой для инициатив, направленных на повышение социальной инклюзии и содействие межкультурной гармонии в России.

Ключевые слова: аккультурационные ожидания, социальные маркеры принятия, воспринимаемые нормы многообразия, депровинциализм, вера в автохтонность, относительная депривация, межкультурные отношения, межэтнические отношения и конфликты

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

История статьи:

Поступила в редакцию 25 апреля 2024 г.

Принята к печати 6 мая 2024 г.

Для цитирования:

Григорьев Д.С., Галлямова А.А., Комягинская Е.Ш. Навигация по гражданской инклюзии: ключевые antecedents социальных маркеров принятия иммигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 490–510. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-490-510>

Конфликт интересов:

Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов.

Вклад авторов:

Д.С. Григорьев — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных, статистический анализ, написание начального текста; *А.А. Галлямова* — администрирование проекта, написание начального текста; *Е.Ш. Комягинская* — проверка результатов, написание и редактирование текста.

Сведения об авторах:

Григорьев Дмитрий Сергеевич, PhD, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-4511-7942, ResearcherID: K-3338-2015, ScopusID: 57191706675, SPIN-код: 1807-9739. E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Галлямова Альбина Аликовна, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-8775-7289, ResearcherID: GLV-6876-2022, ScopusID: 58182813400, SPIN-код: 6639-2529. E-mail: aagallyamova@hse.ru

Комягинская Елизавета Шамилевна, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-8841-1722, ResearcherID: HPI-5216-2022, SPIN-код: 4854-0374. E-mail: ekomyaginskaya@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-511-531

EDN: KPYIYZ

UDC 316.6

Research article

The Role of Interpersonal and Intergroup Attitudes in Interaction Strategies of Russian and Tajik Students in Tajikistan

Ekaterina V. Bushina^{ID}, Azkhariya M. Karimova^{ID}

HSE University,
Moscow, Russian Federation

 amuminova@hse.ru

Abstract. The aim of this paper is to examine the role of interpersonal (liking, disliking and interpersonal trust) and intergroup attitudes (trust towards both Russians and Tajiks, social distance to both Russians and Tajiks) in interaction strategies (cooperation and competition) of students of Tajikistan. To this end, the authors conducted a correlation study in a Russian-language school in Tajikistan with both Russian and Tajik students. Data were collected using self-report measures of trust, social distance and interaction strategies, as well as sociometric indexes of liking and disliking. The sample consisted of Russians ($N = 51$, males = 51%) and Tajiks ($N = 74$, males = 60%) from 9th to 11th grades. The mean age of the sample was 16.20 ($SD = 0.86$). For the Tajik students, as representatives of the ethnic majority, the intergroup attitudes were identified as important factors in choosing the interaction strategies. High perceived school status and lower cultural distance with Russians facilitated competition. For the Russian students, as representatives of an ethnic minority, the interpersonal attitudes turned out to be significant predictors of the interaction strategies. Thus, a high index of disliking and interpersonal trust, high perceived school status contributed to cooperation with classmates. The results of the study are discussed at the end of the article.

Key words: intergroup attitudes, interpersonal attitudes, liking and disliking, interaction strategies, cooperation, competition, school, Tajikistan, Russian students, Tajik students.

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Introduction

Adolescence is an important stage in the development of intergroup relationships, which, as a rule, continue into adulthood (Wölfer et al., 2016). The aim of our study is to examine the role of intergroup and interpersonal attitudes of Russian and Tajik students in adolescent interaction strategies in schools of Tajikistan. How relations between students of these different ethnic groups will develop in the future is largely determined by the school environment. Therefore, it is

relevant and important to study the factors that promote and/or hinder positive intergroup relations.

Diverse classrooms have become places where students of different ethnic groups display a multifaceted range of attitudes both towards themselves or other group members and on an interpersonal level. Adolescents who have more contacts with their peers from immigrant families may have more positive attitudes towards them and higher levels of trust (Pettigrew, Tropp, 2006; Van der Linden et al., 2017). However, in society, and particularly in schools, building interethnic relationships can be complicated because the ethnic majority usually has more power and opportunities (Rigby, 2004). This imbalance can lead to stereotyping and prejudice against children from immigrant families. In addition, adolescence is characterized not by the search for harmony, but by the formation of the ‘self’ through comparison with others, which sometimes triggers rivalry (Cairns et al., 1988).

Several studies have noted that children’s interaction strategies in diverse classrooms are culturally conditioned (Cooley et al., 2019). Thus, communication among adolescents in a diverse classroom becomes a challenging task for students. Although there is a large body of research on the influence of intergroup contacts and friendship on out-group attitudes and beliefs (Pettigrew, Tropp, 2006), less is known about the role of interpersonal preferences (one-sided likes and dislikes) towards in-group and out-group members in the choice of interaction strategies. In this study, we identify interpersonal and intergroup factors related to the choice of certain interaction strategies in diverse classrooms in Tajikistan.

Tajikistan is one of the CIS countries, where intercultural context has undergone major changes since the collapse of the USSR. According to the latest census, there are 34,838 Russians in Tajikistan, compared to 388,481 in 1989¹. The mass migration of the Russian-speaking population has triggered an identity crisis among the Russian population of Tajikistan. Galyapina’s (2021) study revealed the mediating role of perceived security in the relationship between acculturation strategies and life satisfaction. When the level of perceived security is low, the preference for assimilation strategies leads to low life satisfaction, and vice versa. Such attitudes of the Russian population in Tajikistan are accompanied by negative attitudes of the host population towards the Russian minority. According to the same survey, 62% of Tajiks have a negative attitude towards Russians in Tajikistan. This is largely due to the fact that, after gaining independence, the Republic of Tajikistan launched a new domestic policy associated with strengthening the national identity of the population. In this regard, the situation of the Russian population in Tajikistan remains difficult.

Despite this, interstate relations between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan are characterized as friendly. Currently, there are 39 Russian-language general education institutions in the republic with 27,000 students. There are also 160 general education institutions with 70,000 students studying in different languages. There are Tajik and Russian classes (in 144 schools), and Tajik,

¹ Agency on statistics under the president of the Republic of Tajikistan. (2010). *Population and Housing Census of the Republic of Tajikistan 2010. Volume III. National composition, language proficiency and citizenship of the population of the Republic of Tajikistan*. URL: <https://www.stat.tj/en/electronic-versions-of-publications-archive/> (Accessed 20.12.2023)

Russian, and Uzbek classes² (in 16 schools). There are two Russian schools in the capital: No. 6 under the Ministry of Defense of the Russian Federation and No. 14 under Russian Tajik Slavonic University (RTSU)². Since September 1, 2022, five schools with Russian-language education under Russian educational programs have opened in Tajikistan in the cities of Dushanbe, Khujand, Bokhtar, Kulob, and Tursunzoda.

Thus, Russian children are actively present in the educational environment of Tajikistan. As a result, building favorable intercultural relations in the classroom is a serious challenge that requires study. On the one hand, the Russians in Tajikistan experience difficulties in adaptation due to the predominantly negative attitude of the Tajik population and lack of rights. On the other hand, the Tajiks also view the Russians in Tajikistan as a higher status and more competent group (Nikolaeva, 2015). For this reason, the subject of this study includes the mutual interaction strategies of the Tajik and Russian students. The choice of this country is due to the potentially complex nature of intercultural relations and the little-studied intergroup relations in the Tajik context. The study of interpersonal and intergroup relations in the school environment seems to us an important resource for building a correct interethnic policy.

Interaction strategies

The interaction strategies are often studied within the framework of cooperative and competitive strategies in social psychology (Coleman et al., 2014). Interdependence theory suggests two types of interdependence: (1) positive, where the goals are linked in such a way that the amount or probability of goal attainment by an individual is positively correlated with the amount or probability of goal attainment by others; and (2) negative, where the goals are linked in such a way that the amount or probability of goal attainment by an individual is negatively correlated with the amount or probability of goal attainment by others.

When the social process approach is applied, cooperation and competition are considered as behavioral strategies of interaction in a conflict situation where an individual has to decide whether he or she wants to follow an integrating or a dominating strategy in a situation of common goals, resources and benefits (Coleman et al., 2014; Schellenberg, 1996; Rahim, Magner, 1994).

Although Smith notes that in real life, cooperation and competition are “often intertwined in behavior” (Smith, 1996), we concede that there may be a prevailing strategy in how people behave during social interaction. Cooperation — competition theory makes further predictions about different aspects of intrapersonal, interpersonal, intragroup, and intergroup processes. Cooperation is characterized by effective communication, friendliness and mutual assistance, coordination of joint efforts and focus on the goal, as well as evaluations of the ideas and personalities of others. Competition is characterized by deterioration of communication, lack of assistance, hostility, and escalation of conflict; it struggles to demonstrate one’s own power (Coleman et al., 2014).

² Rahimi, S. (2017, May 24). *The Great and Powerful Russian Language in Tajik Realities*. News of Tajikistan ASIA-Plus. Asiaplustj.info. <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20170524/velikii-i-moguchii-russkii-yazik-v-tadzhikskih-realiyah> (Accessed 12.12.2023)

The benefits of cooperative behavior have been found in a variety of social contexts, including education (Adams, Wu, 2002; Roseth et al., 2008). Research shows that students who prefer cooperation perform better academically, are more committed to school, and have more positive relationships with their classmates when cooperating with them rather than competing (Johnson et al., 1981; Roseth et al., 2008). Turning to the Programme for International Student Assessment (PISA) study, cooperation was more common among students than competition (Adams R., Wu M., 2002). In OECD countries, 62% of students reported that their classmates cooperated with another, while only 50% of students reported that their peers competed with another. Reading scores, as an indicator of academic achievement, were higher among the students who were cooperative, while the students who were in competitive environments performed better in non-academic areas, and this was more pronounced among boys and students with more favorable attitudes towards competition than among girls and students with less favorable attitudes.

Interaction strategies and intergroup attitudes

The school provides a space for students from different ethnic groups to interact, including school projects, joint homework preparation, sports competitions, shared activities, *etc.* At the same time, students take into account their own and their peers' perceived goals (Kelley, Thibaut, 1978). Thus, students both from ethnic majority and minority groups face the problem of how to interact with students of other cultures. We, in turn, are interested in what factors contribute to the choice of a particular interaction strategy.

People's objectives may be interrelated due to various factors. Positive interdependence can arise from liking another, having to collaborate to share a resource or overcome a shared obstacle, having a shared membership or identification with a group whose fate is very important to them, or being influenced by their personality traits and cultural orientation. Similarly, negative interdependence may arise from individuals disliking each other, or from receiving rewards in a biased manner (Coleman et al., 2014).

People tend to exhibit reduced social behavior when their decisions affect individuals who do not share the same identity. This particular behavior is commonly referred to as in-group bias and is observed even when identity is artificially induced (Tajfel et al., 1971). Additionally, it has been shown that when group membership is made salient, individuals are less likely to cooperate or coordinate with out-group members compared to in-group members in strategic environments (Chen, Chen, 2011).

In general, reductions in prejudice towards out-groups are often observed in cooperative contacts. According to Van Oudenhoven et al. (1996), Dutch participants' attitudes towards Turkish individuals become more favorable when the ethnic background of the Turkish participants is made salient, and they engage in cooperative tasks. Similarly, Adachi et al. (2016) show that the attitudes towards out-groups are improved when the participants engage in cooperative gameplay with the out-group players from another university in violent video games. Conversely, negative contacts tend to elicit more hostile attitudes towards out-groups. The experimental results obtained by Xu et al. (2020) show that cooperative interactions with out-group members reduce in-group bias when it comes to charity,

while competitive interactions have a limited effect on in-group bias. This indicates that having a common goal alone can effectively reduce prejudice against out-group individuals.

One of the factors that can affect intergroup interaction is social distance. Social distance in this paper is considered within the framework of Bogardus' theory, which he substantiated as an individual's willingness to interact with group members at different levels of closeness (Bogardus, 1958). The degree of social distance towards a group demonstrates the desired level of closeness in relationships with group members as an indicator of attitudes towards this group (Crandall, Warner, 2005). A greater social distance towards a group indicates stronger prejudices against the group and less positive attitudes towards it (Crandall, Warner, 2005). Social distance among adolescents from different ethnic groups (cultural distance) can have various consequences. Some of them include feelings of isolation and alienation, conflict and prejudice, as well as reduced and impaired intercultural communication (Galchenko, Van de Vijver, 2007).

Social distance measures the degree of closeness in strategic interactions and has a profound impact on individual choices (Akerlof, 1997). People's willingness to cooperate with others often differs substantially depending on social distances. Laboratory experimental evidence suggests that team members behave more altruistically when they perceive a closer social distance from other members of their team (Gee et al., 2020). This difference is due to the difficulty of maintaining long-term interactions between groups with different social distances and the possibility of obtaining long-term benefits from them (Van Lange et al., 2011). The relationships between individuals and their friends or strangers can be regarded as different levels of social distance. In laboratory studies and field experiments, Binzel & Fehr (2013) have found that individuals trust friends more than strangers. Engelmann's research has also found that individuals are more concerned with their in-group rather than out-group reputation (Engelmann et al., 2013). In other words, the lower the social distance, the higher the degree of reciprocity and the more cooperation.

Interaction strategies and interpersonal attitudes

Interpersonal likes and dislikes from peers, in other words, social acceptance or ostracization, play an important role in the social life of adolescents (Veenstra et al., 2010). Adolescence is characterized by the mainstreaming of the importance of social connections (Gieling et al., 2010), and peer acceptance is a significant factor in self-esteem. In one of the classic studies by Sherif et al. (1955), it was found that 11- to 12-year-old boys would exhibit more negative social behaviors in competitive settings, while these negative behaviors would decrease in cooperative settings. Thus, we can conclude that competition and cooperation affect the interpersonal relationships of adolescents.

There is evidence for the influence of sociometric status and children's social behavior. Gelb & Jacobson (1988) as well as Tryon & Keane (1991) conducted a study where they observed 9-year-old boys, both popular and unpopular, attempting to join ongoing competitive or cooperative game with two other children. Gelb & Jacobson (1988) found that the unpopular children were more inclined to break the rules during the competitive game, whereas such behavior was

less frequent in the cooperative game. In Tryon and Keane's study (1991), the popular children were more accepted than aggressive children during the competitive game. In addition, the popular children demonstrated greater use of socially oriented behavioral strategies (*e.g.*, expressing agreement with one group member) than the aggressive children when approaching the playing dyad.

Although friends are more cooperative and less competitive than enemies, some competitive children may have many friends. In a study by Steinkamp (1990), preschoolers who were rated as highly competent by their teachers were named friends by their classmates more often than were children rated as low in competence.

Tassi & Schneider (1997), likewise, assessed the competitive mindsets of 8-year-old children using sociometric methods. The popular children achieved significantly higher performance on task-oriented competition than the average-status children who, in turn, achieved significantly higher performance than the rejected children. Conversely, the unpopular rejected children achieved significantly higher performance on task-oriented competition than the average-status or popular children.

These results are confirmed by a sample of Russian students. For example, a study by Titkova et al. (2017) considered the factors of popularity and found that popularity or sociometric status is defined by the most students as inequality and/or superiority over others. Moreover, the popular students tended to demonstrate more prosocial behavior and help their peers.

Interaction strategies and interpersonal and intergroup trust

Trust is part of social capital, which is understood as a certain resource into which the relationships between participants in social interaction are converted, characterized by mutual responsibility, as well as trustworthiness and trust (Lebedeva, 2020; Putnam, 2009).

Research on collaborative behavior has revealed that trust among individuals plays a crucial role in developing cooperation (Acedo-Carmona, Gomila, 2019). Trust minimizes the costs associated with collaboration and serves as the foundation on which cooperative relationships are built. Interpersonal trust serves as a measure of the strength of individual connections. When trust among peers is high, relationships become closer and the inclination towards cooperation increases. Conversely, when trust among peers is low, relationships become more distant, resulting in diminished cooperative tendencies (Wang, Chen, 2011).

A study examining trust by analyzing ties in football teams showed that a trust-inhibiting structure was absent in the most successful team but present in the two less successful teams (Lusher et al., 2013). It was also found that accepted trust-generating mechanisms (*e.g.*, reciprocity) were highly present in the most successful team but less pronounced so in the less successful teams.

Therefore, at the individual level, interpersonal trust regulates people's everyday communication and actions towards one another, helping to overcome uncertainty and environmental risks. At the group level, it helps to reduce tensions, form group identities, contributes positively to cooperation, solidarity and tolerance, maintain resilience, and integrate society by supporting government institutions and their policies. By distributing additional rewards to members of more

effective groups, researchers have found that intergroup competition improves cooperation among group members (Burton-Chellew et al., 2010). In these studies, members of the same group have the same interests and suffer the same consequences of their actions. To win against other groups, the group members must cooperate with one another; therefore, intergroup competition improves cooperation among the members of the same group. According to group selection theory, groups with more altruistic intergroup behavior have a better chance of surviving the competition with other groups (Bowles, 2006); therefore, the group members exhibit more intragroup cooperative behavior than they usually do when facing intergroup competition. Research also suggests that there is some degree of in-group bias in the manifestation of trust. For example, people have been found to show bias towards members of their ethnic group in terms of both trust and cooperation. Moreover, the level of intergroup trust was higher in multicultural environments than in the homogeneous ones (Zhang et al., 2019).

The present study of the role of interpersonal and intergroup attitudes in interaction strategies of Russian and Tajik students in Tajikistan

Cooperative and competitive strategies, which are the focus of this paper, are studied within the framework of social interaction. These strategies are understood as a type of joint action or a way in which individuals or groups achieve a common goal and cooperate with one another (Coleman et al., 2014; Schellenberg, 1996). Peer relationships are interpersonal ones that are established and developed through social interaction between peers or individuals with similar levels of psychological development (La Greca, Harrison, 2005). Most studies point to the positive effects of cooperative behavior, which leads to better relationships within the group, effective communication and more harmonious relationships.

There is a large body of research in the field of cooperative and competitive behavior that examines these interaction strategies in relation to students' socio-metric status and peer acceptance and rejection. Generally, more popular and socially accepted students exhibit more cooperative behavior, while the opposite is true for unpopular students (Gelb, Jacobson, 1988; Tassi, Schneider, 1997; Titkova et al., 2017; Tryon, Keane, 1991). At the same time, peer relationships in a diverse school environment are fraught with some peculiarities. First of all, there is an in-group bias, which can lead to different types of behavior towards peers in the same group and those in another group. This is evidenced by numerous studies indicating more prosocial behavior towards peers from the same group (Chen, Chen, 2011; Tajfel et al., 1971; Van Oudenhoven et al., 1996). The available research results indicate that social distance with representatives of other cultures, as one of the indicators of intergroup attitudes, is significantly associated with cooperation and competition strategies. The smaller the distance, the greater the manifestation of cooperative behavior (Engelmann et al., 2013; Gee et al., 2020; Van Lange et al., 2011). The same is true for intergroup trust (Bowles, 2006; Burton-Chellew et al., 2010; Zhang et al., 2019).

These findings lead us to our hypotheses. First of all, we assume that positive intergroup attitudes are positively related to cooperation strategy, whereas

negative ones are related to competition. Thus, we put forward the following hypotheses:

H1a — Social distance towards an out-group member is positively related to competition among both the Tajik and Russian students;

H1b — Social distance towards an out-group member is negatively related to cooperation among both the Tajik and Russian students;

H2a — Intergroup trust towards out-group members is positively related to cooperation among both the Tajik and Russian students;

H2b — Intergroup trust towards out-group members is negatively related to competition among both the Tajik and Russian students.

We further hypothesize that positive interpersonal attitudes are positively related to cooperation, whereas negative ones are related to competition. Thus, we put forward the following hypotheses:

H3a — Sociometric likes are positively related to cooperation strategy among both the Tajik and Russian students;

H3b — Sociometric dislikes are positively related to competition strategy among both the Tajik and Russian students;

H4a — Interpersonal trust is positively related to cooperation strategy among both the Tajik and Russian students;

H4b — Interpersonal trust is negatively related to competition strategy among both the Tajik and Russian students.

Moreover, existing research suggests, on the one hand, a relationship between children's sociometric status and cooperation and competition strategies (Gelb, Jacobson, 1988; Tassi, Schneider, 1997; Titkova et al., 2017; Tryon, Keane, 1991). On the other hand, there is evidence that adolescents' sociometric likes and dislikes in diverse classrooms are associated with more positive intergroup attitudes (Bell et al., 2021). However, the role of these attitudes together has not been examined in the existing literature. Therefore, we state the question whether interpersonal or intergroup strategies are more predictive of cooperative and competitive interaction strategies and whether there are group differences.

It should be noted that the review of the existing literature allowed us to identify a number of confounding variables controlled for in our study, namely gender, age, socio-economic status (SES), and school status. Some studies have suggested that the negative aspects of competition decrease in high school, while the positive aspects increase (Johnson, Ahlgren, 1976). Boys in the higher forms gradually stop seeing competition as having the negative effects they had in the lower forms, whereas girls' tendency to compete continues into high school. In high school, competition among the girls contributes to positive self-esteem and intrinsic motivation, while there is virtually no relationship between cooperation and self-esteem among the boys.

Studies show that children from low-SES families learn school material more slowly than children from high-SES families (Morgan et al., 2008). Low

SES in childhood is associated with poor cognitive development, speech, memory, and social-emotional processing.

Finally, subjective school status is defined as a student's sense of place in the school hierarchy. Research shows that high school status is associated with higher academic achievement, popularity among peers, and less likelihood of engaging in aggressive behavior and school adjustment problems. Low school status may be associated with low self-esteem, behavioral problems, social isolation, and lower academic achievement (Evans, Eder, 1993). Thus, these variables were included and controlled in our study.

Methods

Sample. The study was conducted in Tajikistan in April 2023 at a Russian-language school with both Russian and Tajik students. The sample consisted of Russians ($N = 51$, males = 51%) and Tajiks ($N = 74$, males = 60%) from 9th to 11th grades. The mean age of the sample was 16.20 ($SD = 0.86$). Students who indicated another ethnicity were excluded from the study.

Procedure. The survey was conducted face-to-face at a Russian-language school situated on the territory of Tajikistan. An online link to participate in the survey was distributed to the classes by the class teachers who had previously provided class lists to fill out the sociometry. The students filled out the online questionnaire on the Anketolog platform for approximately 40 minutes. The class teacher monitored the progress of filling out and provided explanations. The students were familiarized with the instructions, which stipulated their voluntary participation. Participation in the survey was free of charge. The Ethics Committee of the National Research University Higher School of Economics issued a conclusion of the compliance of the study to all ethical standards. Parental consent for the students' participation in the survey was obtained before the study began.

Measures. *Interpersonal attitudes.* *Interpersonal trust towards classmates* (Cronbach's α for Tajik students = 0.84, Cronbach's α for Russian students = 0.84, Russian students = 0.84) was studied using the modified Yamagishi scale (Yamagishi et al., 1999) as translated by Tatarko, Lepshokova and Dubrov (Tatarko et al., 2019). The scale consists of 11 questions on a 6-point Likert scale with options from 1 (completely disagree) to 6 (completely agree). Here are some examples of the statements "Most of my classmates are mostly kind and good", "There are a lot of hypocritical people in our class".

Sympathy/antipathy was studied using the sociometric status of students and adolescents by J. Moreno (Moreno, 1951). Each student was asked to choose up to five classmates from the class list, with whom he or she would or would not like to attend the same class in case their class was disbanded, with whom he or she would or would not like to prepare a joint school project, with whom he or she would or would not like to spend free time and summer holidays. The sociometric index was calculated according to the formula: $SI = \text{Sum of the respondent's choices by others} / \text{Number of students in the class} - 1$.

Intergroup attitudes. Perceived cultural distance. We used the scale from the MIRIPS project (Lebedeva, Tatarko, 2009), which included eight items to assess the distance with representatives of one's own culture and another culture (Tajiks and Russians). A number of statements were adapted to the student sample. Examples of the statements included as follows: "I have nothing against Russians/Tajiks: Living in the same city with me/Walking in my favorite parks/Being my neighbors/Studying in the same class with me/Being my friends/Going to extra clubs/studies together with me/Being members of my family/Being my boyfriend/girlfriend". The answers were given on a 5-point Likert scale with the following answer options from 1 (completely disagree) to 5 (completely agree). All the respondents were asked to assess the cultural distance with both Tajiks and Russians.

Trust towards Tajiks/Russians was studied with the following questions: "I trust my Russian classmates more than my Tajik classmates", "I trust my Tajik classmates more than my Russian classmates". The questions were assessed on a 5-point scale, from 1 (completely disagree) to 5 (completely agree).

Control variables. *Socio-economic status* was assessed using the projective question: "Imagine a ladder with 10 steps. This ladder reflects how our Russian society is organized. At the top of the ladder are the people who are in the best position — they have the most money, are highly educated, and their work is most respected. At the bottom are the people who are in the worst position — they have the least money, little or no education, no job, or have a job that no one wants or respects. Now think about your family. Please indicate where you think your family would be on this ladder. Tick the step that corresponds to your family's position on this ladder (on a scale of 1 to 10)".

School status was assessed using another projective question: "Imagine a ladder with 10 steps. This ladder schematically represents your school. At the top of the ladder are the students who are most respected, having the highest grades and highest social status. At the bottom are the students who are not respected, who no one wants to communicate with, and who have the worst grades. Where would you place yourself on this ladder? Tick the step that would best match your position on this ladder (on a scale of 1 to 10)" (Marcinkovskaya, 1997).

The socio-demographic question concerned ethnic group, class, gender and age.

Statistical analyses. The data obtained from the results of this study were processed in the RStudio environment. The data were prepared for the analysis: missing values were identified and analyzed, the data were tested for normal distribution using the Shapiro-Wilk test, and the internal consistency of the scales was assessed using Cronbach's alpha. To assess the (direct) relationship between interaction strategies and interpersonal and intergroup attitudes, four hierarchical regression models were constructed, where the first block of regressors was represented by the respondents' socio-demographic characteristics and social status, and the second block of regressors was represented by intergroup and interpersonal attitudes.

Results

Results of the relationship between interpersonal, intergroup attitudes and interaction strategies

Descriptive statistics showing the division of the Russian and Tajik students into two groups are presented in Table 1. The table also shows Pearson’s preliminary correlations between interpersonal and intergroup attitudes and interaction strategies as well as control variables. For the Russian students, the cooperation strategy was positively correlated with interpersonal trust ($r = 0.29, p < 0.01$) and social distance towards the Tajiks ($r = 0.24, p < 0.05$); and the competition strategy was positively correlated with trust towards the Russians ($r = 0.21, p < 0.05$) and school status ($r = 0.26, p < 0.05$), and negatively correlated with social distance towards the Russians ($r = -0.26, p < 0.05$). For the Tajik students, the cooperation strategy was positively correlated with interpersonal trust ($r = 0.53, p < 0.001$), social distance towards Tajiks ($r = 0.28, p < 0.05$) and school status ($r = 0.38, p < 0.01$); the competition strategy was positively correlated with school status ($r = 0.46, p < 0.001$). In addition, universal correlations of trust towards the Russians and Tajiks as well as school status and SES were found. The remaining coefficients are presented in Table 1.

Table 1

Descriptive Statistics and Correlation Matrix of Interpersonal and Intergroup Attitudes and Interaction Strategies in the Russian and Tajik Students in Tajikistan

Variables	M (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Cooperation	3.98(1.12)/ 4.11(1.02)	—										
2. Competition	3.38(1.05)/ 3.78(1.04)	.173/ .558***	—									
3. Disliking	.55(0.59)/ .53(0.43)	-.180/ .000	.174/ -.090	—								
4. Liking	0.62(0.33)/ 0.71(0.40)	.062/ .142	-.146/ .134	-.288*/ -.280	—							
5. Interpersonal trust	3.50(0.53)/ 3.57(0.64)	.295**/ .534***	-.115/ .176	-.116/ -.220	-.174/ .261	—						
6. Trust towards the Russians	2.57(1.10)/ 2.30(1.02)	.147/ -.041	.210*/ .054	-.081/ .350*	.045/ -.037	.365***/ -.231	—					
7. Trust towards the Tajiks	2.30(0.92)/ .91(1.88)	.019/ .051	.192/ -.048	.146/ .023	.252/ .026	.018/ .111	.258*/ .338**	—				
8. Social distance towards the Russians	.28(1.01)/ 2.06(2.61)	.123/ .162	-.269*/ -.094	-.099/ -.005	.134/ .303*	.077/ -.041	-.212/ .209	-.431***/ .080	—			
9. Social distance towards the Tajiks	2.04(2.40)/ .91(1.88)	.244*/ .286*	.102/ .121	.042/ -.264	-.146/ .116	.025/ .440***	-.124/ -.401**	-.099/ .148	.034/ .093	—		
10. SES	6.97(1.89)/ 7.45(2.10)	.290**/ -.083	.173/ .001	.200/ -.147	-.165/ -.143	.217*/ -.029	.145/ -.169	.102/ -.147	-.064/ -.221	.207*/ .159	—	
11. School status	6.59(2.26)/ 7.50(2.20)	.207/ .389**	.262*/ .468***	.096/ -.380**	-.110/ .104	.210*/ .260*	.088/ -.267*	.099/ -.061	-.045/ -.156	-.035/ .314*	.552***/ .496***	—

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$; the correlation coefficients for the Russian and Tajik students are given through slash, respectively.

To test our hypotheses, we conducted a series of hierarchical regressions among the Tajik and Russian students for the cooperation and competition strategies. In these regression models, we controlled for the socio-demographic varia-

bles such as age, gender, SES, and school status. These variables were included in the regression in the first step. The second step included interpersonal attitudes (liking, disliking, and interpersonal trust) and intergroup variables (social distance towards the Russians and Tajiks and trust towards the Russians and Tajiks). Visual graphs showed no violation of homoscedasticity and normality of residuals, nor did the predictor variables show significant multicollinearity with VIFs ranging from 1.04 to 1.47 ($M = 1.17$).

Thus, no significant effects were found for the cooperation strategy among the Tajik students (Table 3). For the competition strategy, we found a positive significant effect of school status ($b = 0.34$, $p < 0.05$) in Model 1. This effect was also appeared in Model 2 and explained, together with social distance towards the Russians ($b = -0.24$, $p < 0.05$), 23% of the variance in the competition strategy. Consequently, we rejected the hypotheses **H1a-H2b**.

Table 2

**Regression Models Predicting Cooperation and Competition
in the Sample of Tajik Students**

Predictors	Cooperation		Competition	
	Model 1	Model 2	Model 1	Model 2
Gender: female	0.43	0.25	-0.31	-0.14
Age	-0.17	-0.23	0.16	0.13
SES	0.17	0.20	-0.02	-0.11
School Status	0.13	0.19	0.34*	0.35*
Liking	-	-0.01	-	-0.09
Disliking	-	-0.16	-	0.14
Interpersonal trust	-	0.01	-	-0.14
Social distance towards the Russians	-	0.12	-	-0.24*
Trust towards the Russians	-	0.14	-	0.17
Adjusted R2	0.09*	0.06	0.11*	0.23**
F	2,86	1.47	3.35	2.95

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

The cooperation strategy of the Russian students was positively related to school status in Model 1 ($b = 0.45$, $p < 0.01$), and school status ($b = 0.33$, $p < 0.01$), disliking ($b = 0.37$, $p < 0.01$), and interpersonal trust ($b = 0.59$, $p < 0.001$) in Model 2. These variables explained 43% of the variance in the cooperation strategy. These results reject **H3b** and support **H4a**. The competition strategies of the Russian students were related negatively to SES ($b = -0.31$, $p < 0.05$) and positively to school status ($b = 0.63$, $p < 0.001$). Both of these social-demographic variables explained 24% of the variance in the competition strategy Model 1. Similar effects were also found in Model 2, thus explaining 27% of the variance in the competition strategy. It showed neither significant results nor support for our hypotheses.

Table 3

Regression Models Predicting Cooperation and Competition in the Sample of Russian Students

Predictors	Cooperation		Competition	
	Model 1	Model 2	Model 1	Model 2
Gender: female	0.42	0.34	−0.38	−0.02
Age	−0.12	0.03	−0.04	−0.10
SES	−0.29	−0.11	−0.31*	−0.36*
School Status	0.45**	0.33*	0.63***	0.62***
Liking	−	−0.03	−	0.03
Disliking	−	0.37*	−	0.01
Interpersonal trust	−	0.59***	−	0.21
Social distance towards the Tajiks	−	0.07	−	−0.13
Trust towards the Tajiks	−	−0.08	−	−0.11
Adjusted R2	0.15*	0.43***	0.24**	0.23*
F	3.28	4.46	5.12	2.39

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Discussion

In this article, we conducted a theoretical analysis of studies on the interaction strategies and factors that different publications consider important in choosing certain modes of communication. To this end, four pairs of research hypotheses and one research question were formulated. The research question concerned whether the interpersonal or intergroup strategies are more predictive of cooperative and competitive interaction strategies and whether there are group differences.

Let us now consider the results of our empirical study. Subsequently, testing our hypotheses, we found that in the Tajiks (the ethnic majority in Tajikistan), the competition strategy is determined by the higher perceived school status and lower social distance towards the Russians. Thus, we see the absence of the role of interpersonal attitudes in the choice of the competition strategy. Applying a socio-cultural approach to the study of intergroup relations at school, we can conclude that the Tajiks have more power and higher social status in the school hierarchy (Rigby, 2004). The relationship found between the perceived school status and competition is valid for this judgment. Students with higher status tend to be leaders and may have sufficient resources to compete. Moreover, we have examined the competitive strategy within the framework of interdependence theory, which postulates that ‘a participant in social interaction finds enough strength and power to pursue his or her goals independently, without considering the interests of peers (Kelley, Thibaut, 1978). Interdependence theory suggests that the presence of power has an impact on the level of vulnerability and dependence between individuals. In particular, those who experience a sense of powerlessness are more vulnerable and dependent on others, as they actively strive for a sense of safety and protection (Kelley, Thibaut, 1978). People with low power tend to seek closer social relationships, whereas people with high power can afford to remain relatively independent of others and need to rely less on others for resources and support. Some research results suggest that individuals with high power are more

likely, than those with low power, to prefer to play and work alone (Lammers et al., 2012). In addition, power reduces the need for affiliation, i.e., high-status individuals indicate that maintaining close contact with others is less important to them (Waytz et al., 2015), whereas low-status individuals report greater interest in establishing new friendships (Case et al., 2015).

Our results obtained are inconsistent with existing evidence on this issue. Several studies show that both high social status and competitive orientation are correlated with greater social distance (Engelmann et al., 2013; Evans, Eder, 1993; Gee et al., 2020; Van Lange et al., 2011). However, rivalry can be beneficial for children and adolescents, helping them develop their self-esteem and identity among their friends at school, sports and other social events. Later in life, rivalry between friends may take the form of competition for business partners, job promotions, or even friendly competition during leisure time.

Research on the effects of competition on friendship also suggests that competition is an inevitable part of being human and that social comparisons between significant others are necessary for an individual to compare his or her achievements with those of others in order to gain insight into his or her level of mastery (Tassi, Schneider, 1997). Some studies show that during adolescence, men are more likely to be aggressive and competitive. Similar results obtained by Johnson and Ahlgren suggest that boys in high school no longer consider competition to be a bad thing (Johnson, Ahlgren, 1976). Furthermore, it has been found that competition as a form of interaction is certainly associated with the need to prove one's own superiority over others but does not always lead to conflicts between friends or the end of friendships (Schneider et al., 2005).

We can observe a different situation in the example of the Russian students in Tajikistan. For them, as an ethnic minority, interpersonal attitudes play an important role in choosing cooperative behavior to a greater extent, namely a high index of disliking and interpersonal trust, as well as a perceived high status at school support the choice of cooperation in interaction with classmates. The preference for cooperation with a high disliking index indicates that, if classmates reject a member of their class, it is possible to build relationships and restore reputation only by offering cooperation. It should be noted that this coping strategy works provided that the Russian students feel a high level of interpersonal trust towards the class and perceive their school status as high. The last two indicators may lead us to the idea that the Russian minority is oriented towards successful adaptation to the new context. Coping strategies are defined as specific voluntary actions that an individual takes to successfully adapt and mobilize personal resources when faced with the demands of a stressful situation (Compas et al., 2001).

Adolescents utilize a wide range of coping strategies to deal with stress in their everyday lives. Ayers et al. (1996) identified four subtypes of coping in adolescents using confirmatory factor analysis: active coping strategies (*e.g.*, problem solving and decision making), distraction coping strategies (*e.g.*, exercise and oth-

er distracting activities), support-seeking coping strategies, and avoidant coping strategies. Few studies have examined peer selection and socialization processes related to coping and association with peers who exhibit positive social and academic behaviors. However, it is clear that positive coping such as collaborating with peers and making joint decisions lead to more favorable outcomes in terms of adaptation. Given that minority adolescents can feel trusted in the classroom, it is likely that positive coping can be used to reduce disliking among peers.

Conclusion

We conducted a study on the role of interpersonal and intergroup attitudes in choosing interaction strategies among the Tajik and Russian students in diverse classrooms in Tajikistan. We found that the competitive strategy of the Tajiks predicted a smaller social distance towards the Russians. In contrast, the cooperative distance of the Russians was predicted by interpersonal attitudes, *i.e.*, the sociometric status of disliking and the high level of interpersonal trust. Notably, the school social status was positively related to both the cooperative and competition strategy in both groups. Thus, we found that the Russian students, as an ethnic minority, tend to rely more on the personal level, whereas the Tajik students rely on the intergroup level.

This study falls into the current topic of intergroup relations in diverse classrooms. Since school is an important platform for socialization, growth and relationship building, such research remains relevant.

Based on the results of our study, the following *recommendations* can be formulated:

Sociometric data can be valuable for class teachers in diagnosing socially rejected students, assessing the classroom atmosphere, and monitoring changes in interpersonal relationships of students at different stages of their education. The results of interaction diagnostics can serve as a basis for organizing effective group work, taking into account the ethnocultural aspect. In addition, the data obtained can be used to develop policies aimed at improving the school climate, identifying informal leaders, and reducing the level of conflicts in the classroom.

The study has its *limitations*: it was conducted only in one Russian-language school in Tajikistan; not all high school classes were studied due to exam preparation; teachers, as experts well acquainted with the students' relationships in the classroom, were not involved; and the ethnic composition of the classes was not considered as an additional variable explaining students' strategy choices.

Further research directions include studying other cultural contexts in the post-Soviet space, increasing the sample by involving students from different grades of middle and high school (from 8th to 11th grade) and schools with different status (public schools, schools where the number of immigrants exceeds the ethnic majority, specialized schools, schools with different ratings), as well as expanding the range of participants in the educational process, including parents and teachers in the research.

References

- Acedo-Carmona, C., & Gomila, A. (2019). Personal trust extends cooperation beyond trustees: A Mexican study. *International Journal of Psychology*, 54(5), 687–704. <https://doi.org/10.1002/ijop.12500>
- Adachi, P.J.C., Hodson, G., Willoughby, T., Blank, C., & Ha, A. (2016). From outgroups to allied forces: Effect of intergroup cooperation in violent and nonviolent video games on boosting favorable outgroup attitudes. *Journal of Experimental Psychology: General*, 145(3), 259–265. <https://doi.org/10.1037/xge0000145>
- Akerlof, G.A. (1997). Social distance and social decisions. *Econometrica*, 65(5), 1005–1027. <https://doi.org/10.2307/2171877>
- Ayers, T.S., Sandier, I.N., West, S.G., & Roosa, M.W. (1996). A dispositional and situational assessment of children's coping: Testing alternative models of coping. *Journal of Personality*, 64(4), 923–958. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1996.tb00949.x>
- Bell, A.N., Smith, D.S., & Juvonen, J. (2021). Interpersonal attitudes toward cross-ethnic peers in diverse middle schools: Implications for intergroup attitudes. *Group Processes & Intergroup Relations*, 24(1), 88–107. <https://doi.org/10.1177/1368430219888020>
- Binzel, C., & Fehr, D. (2013). Social distance and trust: Experimental evidence from a slum in Cairo. *Journal of Development Economics*, 103, 99–106. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2013.01.009>
- Bogardus, E.S. (1958). Racial distance changes in the United States during the past 30 years. *Sociology & Social Research*, 43, 127–134.
- Bowles, S. (2006). Group competition, reproductive leveling, and the evolution of human altruism. *Science*, 314(5805), 1569–1572. <https://doi.org/10.1126/science.1134829>
- Burton-Chellaw, M.N., Ross-Gillespie, A., & West, S.A. (2010). Cooperation in humans: competition between groups and proximate emotions. *Evolution and Human Behavior*, 31(2), 104–108. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2009.07.005>
- Cairns, R.B., Cairns, B.D., Neckerman, H.J., Gest, S.D., & Gariépy, J.-L. (1988). Social networks and aggressive behavior: Peer support or peer rejection? *Developmental Psychology*, 24(6), 815–823. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.24.6.815>
- Case, C.R., Conlon, K.E., & Maner, J.K. (2015). Affiliation-seeking among the powerless: Lacking power increases social affiliative motivation. *European Journal of Social Psychology*, 45(3), 378–385. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2089>
- Chen, R., & Chen, Y. (2011). The potential of social identity for equilibrium selection. *American Economic Review*, 101(6), 2562–2589. <https://doi.org/10.1257/aer.101.6.2562>
- Coleman, P.T., Deutsch, M., & Marcus, E.C. (Eds.). (2014). *The handbook of conflict resolution: Theory and practice (3rd ed.)*. San Francisco, CA: Jossey-Bass/Wiley.
- Compas, B.E., Connor-Smith, J.K., Saltzman, H., Thomsen, A.H., & Wadsworth, M.E. (2001). Coping with stress during childhood and adolescence: Problems, progress, and potential in theory and research. *Psychological Bulletin*, 127(1), 87–127. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.1.87>
- Cooley, S., Burkholder, A.R., & Killen, M. (2019). Social inclusion and exclusion in same-race and interracial peer encounters. *Developmental Psychology*, 55(11), 2440–2450. <https://doi.org/10.1037/dev0000810>
- Crandall, C.S., & Warner, R.H. (2005). How a prejudice is recognized. *Psychological Inquiry*, 16(2-3), 137–141.
- Engelmann, J.M., Over, H., Herrmann, E., & Tomasello, M. (2013). Young children care more about their reputation with ingroup members and potential reciprocators. *Developmental Science*, 16(6), 952–958. <https://doi.org/10.1111/desc.12086>

- Evans, C., & Eder, D. (1993). "NO EXIT": Processes of social isolation in the middle school. *Journal of Contemporary Ethnography*, 22(2), 139–170. <https://doi.org/10.1177/089124193022002001>
- Galchenko, I., & van de Vijver, F.J.R. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Gee, L.K., Schreck, M.J., & Singh, A. (2020). From lab to field: Social distance and charitable giving in teams. *Economics Letters*, 192, 109128. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2020.109128>
- Gelb, R., & Jacobson, J.L. (1988). Popular and unpopular children's interactions during cooperative and competitive peer group activities. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 16(3), 247–261. <https://doi.org/10.1007/bf00913798>
- Gieling, M., Thijs, J., & Verkuyten, M. (2010). Tolerance of practices by Muslim actors: An integrative social-developmental perspective. *Child Development*, 81(5), 1384–1399. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01480.x>
- Johnson, D.W., & Ahlgren, A. (1976). Relationship between student attitudes about cooperation and competition and attitudes toward schooling. *Journal of Educational Psychology*, 68(1), 92–102. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.68.1.92>
- Johnson, D.W., Maruyama, G., Johnson, R., Nelson, D., & Skon, L. (1981). Effects of cooperative, competitive, and individualistic goal structures on achievement: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 89(1), 47–62. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.89.1.47>
- Kelley, H.H., & Thibaut, J.W. (1978). *Interpersonal relations: A theory of interdependence*. New York, NY: Wiley.
- La Greca, A.M., & Harrison, H.M. (2005). Adolescent peer relations, friendships, and romantic relationships: Do they predict social anxiety and depression? *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 34(1), 49–61. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5
- Lammers, J., Dubois, D., Rucker, D.D., & Galinsky, A.D. (2013). Power gets the job: Priming power improves interview outcomes. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(4), 776–779. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2013.02.008>
- Lebedeva, N.M. (2022). *Ethnopsychology. Textbook and practice for academic bachelor's degree*. Moscow: Yurait. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the Russian population*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Lusher, D., Kremer, P., & Robins, G. (2013). Cooperative and competitive structures of trust relations in teams. *Small Group Research*, 45(1), 3–36. <https://doi.org/10.1177/1046496413510362>
- Martsinkovskaya, T.D. (1997). *Diagnostics of children's mental development*. Moscow: Linka-press. (In Russ.)
- Moreno, J.L. (1951). *Sociometry, Experimental Method and the Science of Society*. Beacon, NY: Beacon House Inc.
- Morgan, P.L., Farkas, G., Hillemeier, M.M., & Maczuga, S. (2008). Risk factors for learning-related behavior problems at 24 months of age: Population-based estimates. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 37(3), 401–413. <https://doi.org/10.1007/s10802-008-9279-8>
- Nikolaeva, L.Yu. (2015). The role of the Russians of Tajikistan in transforming Tajik society. *Comparative Politics Russia*, 6(2), 100–109. (In Russ.) [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2\(19\)-100-109](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-100-109)

- Pettigrew, T.F., & Tropp, L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90(5), 751–783. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.5.751>
- Putnam, R.D. (2009). Diversity, social capital, and immigrant integration: Introductory remarks. *National Civic Review*, 98(1), 3–5. <https://doi.org/10.1002/ncr.236>
- Rachlin, H., & Jones, B.A. (2008). Altruism among relatives and non-relatives. *Behavioural Processes*, 79(2), 120–123. <https://doi.org/10.1016/j.beproc.2008.06.002>
- Rahim, M.A., & Magner, N.R. (1994). Convergent and discriminant validity of the Rahim organizational conflict inventory—II. *Psychological Reports*, 74(1), 35–38. <https://doi.org/10.2466/pr0.1994.74.1.35>
- Rigby, K. (2004). Addressing Bullying in Schools. *School Psychology International*, 25(3), 287–300. <https://doi.org/10.1177/0143034304046902>
- Roseth, C.J., Johnson, D.W., & Johnson, R.T. (2008). Promoting early adolescents' achievement and peer relationships: The effects of cooperative, competitive, and individualistic goal structures. *Psychological Bulletin*, 134(2), 223–246. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.223>
- Schellenberg, J.A. (1996). *Conflict resolution: Theory, research, and practice*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Schneider, B.H., Woodburn, S.S., Pilar Soteras del Toro, M. del, & Udvari, S.J. (2005). Cultural and gender differences in the implications of competition for early adolescent friendship. *Merrill-Palmer Quarterly*, 51(2), 163–191. <https://doi.org/10.1353/mpq.2005.0013>
- Sherif, M., White, B.J., & Harvey, O.J. (1955). Status in experimentally produced groups. *American Journal of Sociology*, 60(4), 370–379. <https://doi.org/10.1086/221569>
- Smith, K.A. (1996). Cooperative learning: Making “groupwork” work. *New Directions for Teaching and Learning*, 1996(67), 71–82. <https://doi.org/10.1002/tl.37219966709>
- Steinkamp, M.W. (1990). The social concomitants of competitive and impatient/aggressive components of the Type A behavior pattern in preschool children: Peer responses and teacher utterances in a naturalistic setting. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(6), 1287–1295. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1287>
- Tajfel, H., Billig, M.G., Bundy, R.P., & Flament, C. (1971). Social categorization and intergroup behaviour. *European Journal of Social Psychology*, 1(2), 149–178. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420010202>
- Tassi, F., & Schneider, B.H. (1997). Task-oriented versus other-referenced competition: Differential implications for children's peer relations. *Journal of Applied Social Psychology*, 27(17), 1557–1580. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1997.tb01613.x>
- Tatarko, A.N., Lepshokova, Z.K., & Dubrov, D.I. (2019). Trust as a moderator of attitude towards ethnic diversity and acculturation expectations of the host population. *Social Psychology and Society*, 10(1), 92–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2019100106>
- Titkova, V., Ivaniushina, V., & Alexandrov, D. (2017). Smart, Pretty or Independent: Who Is Popular at School? *Educational Studies Moscow*, (4), 171–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-171-198>
- Tryon, A.S., & Keane, S.P. (1991). Popular and aggressive boys' initial social interaction patterns in cooperative and competitive settings. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 19(4), 395–406. <https://doi.org/10.1007/bf00919085>
- van der Linden, M., Hooghe, M., de Vroome, T., & Van Laar, C. (2017). Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 European societies. *PLoS ONE*, 12(5), e0177369. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177369>

- Van Lange, P.A.M., Klapwijk, A., & Van Munster, L.M. (2011). How the shadow of the future might promote cooperation. *Group Processes & Intergroup Relations*, 14(6), 857–870. <https://doi.org/10.1177/1368430211402102>
- Van Oudenhoven, J.P., Groenewoud, J.T., & Hewstone, M. (1996). Cooperation, ethnic salience and generalization of interethnic attitudes. *European Journal of Social Psychology*, 26(4), 649–661. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0992\(199607\)26:4<649::aid-ejsp780>3.0.co;2-t](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0992(199607)26:4<649::aid-ejsp780>3.0.co;2-t)
- Veenstra, R., Lindenberg, S., Munniksma, A., & Dijkstra, J.K. (2010). The complex relation between bullying, victimization, acceptance, and rejection: Giving special attention to status, affection, and sex differences. *Child Development*, 81(2), 480–486. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2009.01411.x>
- Wang, P., & Chen, L. (2012). The effects of sanction and social value orientation on trust and cooperation in public goods dilemmas. *Acta Psychologica Sinica*, 43(1), 52–64. <https://doi.org/10.3724/sp.j.1041.2011.00052>
- Waytz, A., Chou, E.Y., Magee, J.C., & Galinsky, A.D. (2015). Not so lonely at the top: The relationship between power and loneliness. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 130, 69–78. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2015.06.002>
- Wölfer, R., Schmid, K., Hewstone, M., & van Zalk, M. (2016). Developmental dynamics of intergroup contact and intergroup attitudes: Long-term effects in adolescence and early adulthood. *Child Development*, 87(5), 1466–1478. <https://doi.org/10.1111/cdev.12598>
- Xu, X., Potters, J., & Suetens, S. (2020). Cooperative versus competitive interactions and in-group bias. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 179, 69–79. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2020.08.041>
- Yamagishi, T., Kikuchi, M., & Kosugi, M. (1999). Trust, gullibility, and social intelligence. *Asian Journal of Social Psychology*, 2(1), 145–161. <https://doi.org/10.1111/1467-839x.00030>
- Zhang, Z., Zhang, X., & Putterman, L. (2019). Trust and cooperation at a confluence of worlds: An experiment in Xinjiang, China. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 161, 128–144. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.03.001>

Article history:

Received 5 March 2024

Revised 15 April 2024

Accepted 18 April 2024

For citation:

Bushina, E.V., & Karimova, A.M. (2024). The role of interpersonal and intergroup attitudes in interaction strategies of Russian and Tajik students in Tajikistan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 511–531. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-511-531>

Author's contribution:

Azkhariya M. Karimova and Ekaterina V. Bushina contributed to the design and implementation of the research, to the analysis of the results and to the writing of the manuscript.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Ekaterina V. Bushina, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Center of Sociocultural Research, HSE University, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9560-9609, SPIN-code: 6526-9176. E-mail: evbushina@hse.ru

Azhkariya M. Karimova, PhD student, Research Intern, Center of Sociocultural Research, HSE University, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1973-9414. E-mail: amuminova@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-511-531

EDN: KPYIYZ

УДК 316.6

Исследовательская статья

Роль межличностных и межгрупповых установок в выборе стратегий взаимодействия в поликультурных классах в Таджикистане

Е.В. Бушина^{ID}, А.М. Каримова^{ID}✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ amuminova@hse.ru

Аннотация. Данное исследование направлено на изучение роли межличностных и межгрупповых установок в выборе стратегий взаимодействия школьников в поликультурных классах Таджикистана. Стратегии взаимодействия рассматриваются с точки зрения поведенческих стратегий сотрудничества, соперничества, используемых школьниками русской и таджикской групп. Исследование проводилось в русскоязычной школе Таджикистана с участием как русских, так и таджикских школьников. Выборка состояла из русских (N = 51, мужчин — 51 %) и таджиков (N = 74, мужчин — 60 %) с 9 по 11 класс. Средний возраст выборки составил 16,20 лет (SD = 0,86). Для таджикских школьников, как представителей этнического большинства, межгрупповые установки были выявлены как важные факторы выбора стратегий взаимодействия. Высокий воспринимаемый школьный статус и меньшая культурная дистанция с русскими способствовали конкуренции. Для русских студентов, как представителей этнического меньшинства, в свою очередь, межличностные установки оказались значимыми предикторами стратегий взаимодействия. Так, высокий индекс антипатии и межличностного доверия, высокий воспринимаемый школьный статус способствовали сотрудничеству с одноклассниками. Результаты исследования обсуждаются.

Ключевые слова: межгрупповые установки, межличностные установки, симпатия и антипатия, стратегии взаимодействия, сотрудничество, конкуренция, школа, образовательная психология

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

История статьи:

Поступила в редакцию 5 марта 2024 г.

Принята к печати 18 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Bushina E.V., Karimova A.M. The role of interpersonal and intergroup attitudes in interaction strategies of Russian and Tajik students in Tajikistan // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 511–531. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-511-531>

Вклад авторов:

А.М. Каримова и *Е.В. Бушина* участвовали в разработке и проведении исследования, анализе результатов и написании рукописи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Бушина Екатерина Викторовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-9560-9609, SPIN-код: 6526-9176. E-mail: evbushina@hse.ru.

Каримова Азхария Мухамедовна, аспирант, стажер-исследователь, преподаватель, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0003-1973-9414. E-mail: amuminova@hse.ru.

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555

EDN: KRLEDX

УДК 316.6

Исследовательская статья

Современный кризис этнической и гражданской идентичности и стратегии совладания с ним (по материалам интервью россиян, «оставшихся» и «уехавших» в 2022 году)

Е.Д. Васильева^{id}, А.В. Трифонова^{id}, Н.М. Лебедева^{id}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация edvasilyeva@hse.ru

Аннотация. В период нестабильности, трансформации и неопределенности в российском обществе обостряется кризис этнической и гражданской идентичностей. Предметом данного качественного исследования стали проблемы, связанные с угрозами и кризисом гражданской и этнической идентичностей у россиян, а также стратегии совладания с ним. Сбор данных производился с февраля по июнь 2023 года. Выборка ($n = 41$) качественного исследования состоит из двух подвыборок: россияне, проживающие в России ($n = 21$), и россияне, эмигрировавшие из России после февраля 2022 года ($n = 20$). Сбор данных осуществлялся посредством полуструктурированных интервью. Данные были проанализированы методом тематического анализа с использованием программы Dedoose. Результаты показали, что основными угрозами позитивной российской идентичности являются: зависимость от внешней оценки со стороны референтных групп (в основном граждан других стран), поляризация, расслоение общества и внутренний конфликт. Кризис идентичности проявляется в двух противоположных процессах: дезидентификации с обесцениваемой группой и, наоборот, в усилении идентификации с ней и сопровождается сильными эмоциональными реакциями. Пережить кризис идентичности помогают стратегии избегания и защиты от травмирующей информации (дезидентификация, отдаление) и стратегии совладания (пересмысление, реафfirmация). Переживание кризиса идентичности – долговременный процесс и нуждается во внимании специалистов, дополнительных исследованиях и разработке целевых социальных и образовательных программ, помогающих справляться с источниками угрозы позитивной социальной идентичности, и выработке продуктивных стратегий совладания с кризисом идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, кризис идентичности, угрозы идентичности, стратегии совладания с кризисом идентичности, россияне, релоканты

Благодарности и финансирование. Н.М. Лебедева: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

События 2022 года запустили сложные социально-психологические процессы на постсоветском пространстве. Эти события могли повлиять на социальные идентичности россиян, став катализатором процессов переосмысления себя и своего места в мире.

Изучение современных социальных трансформаций через призму идентичности не является новым подходом, особенно в отечественной социальной психологии. Осмысление изменений, которые происходили в России в конце XX – начале XXI века, привело к тому, что отечественными учеными были значительно расширены представления о роли социальной идентичности и развито понятие кризиса идентичности (Ядов, 1994; Лебедева, 1999). В период после распада СССР на процесс самоидентификации среди прочего оказывали влияние изменения в социальной структуре и структуре взаимоотношений (Андреева, 2011). Однако если в тот период развитие данной темы стимулировалось в основном бурными социально-политическими процессами, происходящими внутри страны, то сегодня, в эпоху «глобальных вызовов» мы сталкиваемся с тем, что кризис идентичности и процесс переосмысления себя может происходить под влиянием гораздо более широкого информационного и геополитического контекста. В связи с этим, с одной стороны, полученные ранее результаты изучения социальной идентичности в период кризиса имеют важную объяснительную силу при интерпретации тех состояний, в которых находится современное общество, а с другой стороны, могут быть дополнены и расширены за счет включения новых контекстуальных особенностей.

Характерными признаками современной социально-психологической ситуации являются: высокий уровень тревоги – согласно социологическим опросам пик тревожности среди населения отмечался весной и осенью 2022 года¹; рост воспринимаемой угрозы², пессимизма и страха перед будущим, высокий уровень неопределенности – почти половина участников социологических опросов не чувствуют уверенности в завтрашнем дне и не планируют свое будущее (Левашов и др., 2023), рост социальной напряженности и снижение доверия любым источникам информации (Горшков и др., 2022). Исследователи фиксируют противоречивые тенденции на уровне общественных настроений: гордость за свой народ и надежда сочетаются с растерянностью, обидой за свой народ, усталостью/безразличием, чувством ответственности за происходящее и страхом³. Наблюдаются неоднозначные

¹ ФОМ. Настроения окружающих. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d40no2022.pdf> (дата обращения 20.06.2023).

² ВЦИОМ. Военная угроза извне: мониторинг. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/voennaj> (дата обращения: 10.11.23).

³ Левада-центр (признан иностранным агентом). Общественные настроения: июнь 2023 года. URL: <https://www.levada.ru/2023/07/11/obshhestvennye-nastroeniya-iyun-2023-goda/> (дата обращения: 05.11.2023).

процессы консолидации/деконсолидации российского общества. С одной стороны, происходит ослабление консолидации из-за идеологических разногласий, а с другой стороны, усиливается институциональное доверие и растет доля тех, кто считает, что Россия идет по правильному пути (Горшков и др., 2022).

События 2022 года способствовали росту миграции россиян за рубеж. Несмотря на то, что данные разнятся, отмечается, что в 2022 году число выездов из России только в страны постсоветского пространства стало рекордным за последние пять лет ⁴. Согласно данным Росстата, в 2022 году миграция в зарубежные страны составила 668 тыс. человек, причем 583 тыс. в страны СНГ ⁵. На данный момент в аналитической и исследовательской литературе практически не представлены данные, которые можно было бы использовать для анализа социально-психологических процессов, происходящих среди эмигрантов/релокантов последних двух лет. В отличие от эмигрантов «релокантами», как правило, называют тех, кого работодатель временно перемещает в другую страну. В настоящей статье мы не дифференцировали эти две категории уехавших в 2022 году, поскольку вопрос, являются ли они эмигрантами или релокантами, – это в том числе отдельный аспект самоопределения, который нами не был затронут. В средствах массовой информации и социальных сетях присутствуют довольно разнообразные и зачастую противоречивые свидетельства о тех феноменах, которые потенциально могли бы повлиять на самоопределение россиян.

Таким образом, в этом исследовании мы изучали воспринимаемые источники угрозы идентичности и особенности кризиса этнической и гражданской идентичностей у россиян в России и за рубежом, а также стратегии совладания с ним.

Социально-психологические подходы к исследованию угрозы и кризиса социальной идентичности

Согласно теории социальной идентичности, мы определяем себя через принадлежность к социальным группам. Членство в позитивно оцениваемых группах способствует достижению, сохранению и повышению позитивной самооценки, основанной на групповой принадлежности (Tajfel, Turner, 1986), в то время как членство в группах, ценность которых подвергается сомнению, создает угрозу социальной идентичности (Branscombe et al., 1999), переживание которой может вести к кризису идентичности.

Исследователи выделяют несколько источников угрозы социальной идентичности. Во-первых, это могут быть ситуации межгруппового сравнения, если их результат оказывается неблагоприятным для ингруппы, то есть способствует снижению коллективной самооценки (Branscombe et al., 1999). Во-вторых, ощущение угрозы может возникать из-за действий других групп, способствующих ухудшению имиджа ингруппы или снижению ее статуса (Hase et al., 2021). Примером могут служить ситуации, в которых сам индивид или представители его социальной группы подвергаются остракизму со

⁴ ФСБ России. Выезд граждан России // ЕМИСС. Государственная статистика. 2022. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (дата обращения 20.06.2023).

⁵ Росстат. Демографический ежегодник России. 2023: стат.сб. М.: Росстат, 2023. 256 с.

стороны представителей других групп (Branscombe et al., 2002). Так, например, ощущение угрозы социальной идентичности может возникать в ситуациях, когда социальная группа, к которой принадлежит индивид, отвергается другими группами или исключается из межгруппового взаимодействия. Важно подчеркнуть, что негативные реакции вызывает отвержение, направленное на представителей ингруппы в целом, даже если оно не затрагивает индивида напрямую (Hase et al., 2021). В-третьих, ингруппа также может быть источником угрозы социальной идентичности, если ее действия воспринимаются как нарушение общепринятых моральных стандартов или противоречат ценностям индивида. Например, ощущение угрозы может возникать у тех участников межгруппового взаимодействия, чья социальная группа обвиняется в причинении вреда представителям других групп (Shuman et al., 2018). Исследователи подчеркивают, что чувство угрозы социальной идентичности связано, прежде всего, со страхом «обесценивания» группы, с которой индивид идентифицирует себя, – ключевую роль здесь играет перспектива потери группой своей позитивной ценности. По определению, угроза социальной идентичности ассоциируется с переживанием негативных эмоций, связанных с потерей позитивной ценности групп. Ощущение угрозы социальной идентичности может способствовать переоценке себя и своего места в мире, результатом чего может стать конфликт идентичностей или кризис социальной идентичности (Hirsh, Kang, 2016).

Г.М. Андреева определяет кризис социальной идентичности как «особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» (Андреева, 2011, с. 5). Н.М. Лебедева характеризует кризис социальной идентичности в ситуации нестабильности общества как «ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих базальной потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации в изменившейся социальной реальности» (Лебедева, 1999, с. 50). Кризис социальной идентичности может сопровождаться резким усилением или ослаблением идентификации с релевантной социальной группой. Усиление социальной идентичности может вести к сверхпозитивной идентичности, в то время как результатом ослабления идентификации с ингруппой может стать чувство маргинальности и разрушение социальных связей (Лебедева, 1998). Одним из признаков кризиса идентичности может быть сужение идентификационной базы, то есть идентификация лишь той частью социальной группы, чьи ценности и взгляды не противоречат ценностям и взглядам индивида. Важную роль в этих процессах могут играть так называемые референтные группы, то есть группы, к которым человек фактически не принадлежит, но на ценности и взгляды которой он ориентируется в своих поступках. Неблагоприятные позиции групп членства на фоне референтных групп при межгрупповых сравнениях могут усиливать проявления кризиса социальной идентичности вплоть до разрыва со «своей» социальной группой. Как следствие, происходит распад социальных связей

и изменение неустойчивых социальных идентичностей, социальная апатия, снижение мотивации целеустремленной групповой деятельности (Ядов, 1994).

Кроме того, кризис идентичности может быть усилен за счет меняющейся роли, которую играет референтная группа. Человек может относить себя одновременно к реальной группе, к которой он принадлежит фактически, и к воображаемой группе, к которой он не принадлежит, но разделяет ценности и принимает способы поведения ее членов. О наличии кризиса идентичности может свидетельствовать не только потеря привлекательности реальной, но и референтной группы (Климов, 2001). Кроме того, различия между упомянутыми группами актуализируют проблему ценностей в процессе самоопределения. Так, например, чужая группа оказывается более позитивной, в частности, потому, что ее система ценностей выглядит более привлекательной. В современном состоянии развития технологий и расширения информационной среды увеличиваются возможности «доступа» к виртуальным и референтным группам, что способствует усилению кризиса идентичности (Белинская, 2009).

Стремление индивида избежать неблагоприятных психологических последствий, связанных с угрозой и кризисом социальной идентичности, может побуждать его к использованию психологических стратегий, направленных на нейтрализацию этой угрозы. В социально-психологической литературе разделяют эмоционально- и проблемно-ориентированные копинг-стратегии. К первой группе относят, например, отрицание и замалчивание, представляющие собой стратегии, направленные на избегание источника угрозы. Их основная задача – смягчение или устранение негативных психологических реакций, вызванных угрозой. Вторая группа представлена стратегиями, работающими непосредственно на решение проблемы, – это может быть переосмысление и активное изменение себя или ситуации, связанной с угрозой (Jaspal et al., 2020). Как правило, копинг-стратегии второй группы считаются более конструктивными, поскольку направлены на решение проблемы, а не на ее избегание, что является более эффективным в долгосрочной перспективе. Дж. Бриквел, автор теории процесса идентичности (Identity process theory), разделяет стратегии, действующие на интрапсихическом, межличностном и межгрупповом уровнях (Breakwell, 2015). В стратегиях интрапсихического уровня задействованы внутренние психологические защитные механизмы (например, отрицание); межличностные стратегии затрагивают взаимоотношения индивида с другими людьми (например, избегание общения, или, наоборот, сближение с определенными людьми); наконец, межгрупповые стратегии фокусируются на межгрупповом взаимодействии (например, создание новых социальных групп). Исследования показывают, что человек, сталкивающийся с угрозой идентичности, не ограничивается лишь какой-то одной определенной стратегией, а использует доступные ему копинг-стратегии разных уровней (Jaspal et al., 2020).

Целью данного исследования является изучение источников угрозы и особенностей кризиса этнической и гражданской идентичностей у россиян, а также стратегий совладания с ним. Нас заинтересовали две группы россиян, переживающих кризис социальной идентичности, – те, кто проживает

в России, и те, кто уехал в 2022 году. Предыдущие исследования этих групп были в основном сосредоточены на демографических и социологических аспектах новой волны миграции, однако не изучались психологические особенности восприятия и переживания кризиса этнической и гражданской идентичностей (Социодиггер, 2023).

На основе теоретического обзора литературы мы ставим перед собой следующие исследовательские вопросы для качественного исследования:

1) каковы воспринимаемые источники угрозы социальной идентичности у россиян в 2022–2023 годах?

2) как проявляется современный кризис этнической и гражданской идентичности у россиян?

3) каковы стратегии совладания с кризисом социальной идентичности у двух групп россиян (проживающий в настоящее время в России и уехавших в 2022 году)?

Процедура и методы исследования

Выборка. Общую выборку исследования составил 41 респондент. В нее вошли две категории россиян: проживающие в России и уехавшие из страны в 2022 году. Таким образом были сформированы две подвыборки. В первую подвыборку вошли 7 мужчин и 14 женщин, возраст от 29 до 63 лет. Во вторую подвыборку вошли 6 женщин и 14 мужчин в возрасте от 19 до 45 лет.

Процедура исследования. Сбор данных производился с февраля по июнь 2023 года. Эмпирическую базу исследования составили результаты глубинных полуструктурированных интервью. Использовались удобная выборка и метод снежного кома. Поскольку изучаемая тема является очень сензитивной, нашей задачей было обеспечить конфиденциальность и анонимность респондентов. Поэтому участие в исследовании было полностью анонимным, добровольным и не предполагало вознаграждения. На подготовительном этапе респонденты были проинформированы о целях исследования и мерах, предпринятых для обеспечения анонимности и конфиденциальности. Интервью с респондентами проводилось по заранее разработанному гайду, в который вошли 24 вопроса для первой подвыборки и 30 вопросов для второй подвыборки. Респонденты были проинформированы, что они имеют право отказаться отвечать на отдельные вопросы и участвовать в интервью в целом. Длительность одного интервью составляла от 40 до 90 минут.

Инструментарий. В качестве метода исследования были выбраны полуструктурированные глубинные интервью. Гайд интервью был разделен на несколько блоков вопросов: этническая идентичность (пример: «*Какие чувства вы испытываете в связи со своей этнической принадлежностью?*»), гражданская идентичность (пример: «*Что для вас значит быть гражданином России сегодня?*»), религиозная идентичность (пример: «*Считаете ли вы себя религиозным человеком?*»), копинг-стратегии в ситуации кризиса идентичности (пример: «*Что вам помогает найти опору в жизни в период нестабильности?*»), психологическое благополучие (пример: «*Ощущаете ли вы себя счастливым человеком?*»). Для второй подвыборки

россиян, уехавших из России, в гайд вошел блок вопросов, связанный с переездом и процессом адаптации в новой среде (пример: «Почему вы решились на отъезд?», «Насколько вы поддерживаете взаимоотношения с принимающим населением?»).

Обработка данных. На первом этапе обработки данных было проведено транскрибирование аудиозаписей интервью при помощи модели распознавания речи whisper. В процессе расшифровки интервью были сохранены стилистические особенности речи. В общей сложности было расшифровано 48 часов интервью, объем текста ответов одного респондента на вопросы интервью в транскрипции составил $M = 23\,793$ знаков, $SD = 13\,512$ знаков, общий объем расшифрованного текста – 975 492 знаков. После оцифровки ландшафт данных был структурирован по двум подвыборкам.

На втором этапе был проведен тематический анализ полученных данных при помощи программы Dedoose. Процедура тематического анализа была нацелена на ответы на поставленные исследовательские вопросы.

Результаты исследования

Источники угрозы социальной идентичности

Для ответа на первый исследовательский вопрос – «каковы воспринимаемые источники угрозы социальной идентичности у россиян в 2022–2023 годах?» – мы сфокусировались на выделении тех тем, которые описывают восприятие угрозы социальной идентичности. Для двух групп респондентов мы выделили общие угрозы идентичности – зависимость от внешней оценки (страх исключения), поляризация общества, внутренний ценностный конфликт.

Внешняя оценка группы либо просто констатируется респондентами: «На меня смотрят не на как человека, а как на гражданина своей страны, которая ведет себя неадекватно» (уехавш., жен., 40–50 лет); «русский в международном пространстве теперь метка, как правило, черная» (ост., муж., 30–40 лет), либо вызывает довольно яркие эмоции: «очень много наблюдаем, и я со стороны себя, что вот просто стало не то, чтобы стыдно, не могу сказать, что стыдно, потому что это моя идентичность. Но стало больно, неловко, как-то из-за того, что не знаешь, какая будет реакция» (ост., жен., 30–40 лет).

У россиян, находящихся за границей, это проявляется на уровне поведения: «Сейчас не хотелось бы ее [русскость] проявлять лишней раз» (уехавш., муж., 40–50 лет); «мне стало, во-первых, стремно говорить с нероссиянами про то, что я из России» (уехавш., муж., 30–40 лет); «рассказывать об этом направо и налево, если не спрашивают, наверное, я теперь уже не стану» (уехавш., муж., 20–30 лет).

Другой источник угрозы идентичности связан с **восприятием поляризации общества**, причем это проявляется и у россиян в России: «Вот Рос-

сия, она, мне кажется, достаточно разорванная» (ост., муж., 40–50 лет), и у россиян за границей: «все начали делить людей по достаточно одному простому критерию. И эта радикализация оценок, она служит таким хо-рошим маяком» (уехавш., муж., 30–40 лет).

Общим для двух групп источником угрозы идентичности является также **воспринимаемый конфликт между индивидуальными и социальными ценностями**: «чувствовать себя русским – это означает сегодня очень сильно внутри расщепиться, как бы немножечко растрескаться на две части» (ост., муж., 40–50 лет). Интересно также отметить отдельный случай несовпадения ценностей у респондента, который уехал из России в 2022 году, но потом вернулся в Россию. Описывая свои наблюдения, он отмечает несовпадение личных ценностей и взглядов с теми, с кем он общался после переезда: «я, оказывается, очень пророссийский по сравнению со всем окружением, что там было. Ну, я понял, что там мне, скорее всего, прям не место. [...] триггером [к возвращению] стало то, что я познакомился с людьми с другой позицией, с яркой такой позицией. И именно это меня подтолкнуло к тому, что у меня она точно не как у них» (вернувш., муж., 20–30 лет).

Воспринимаемые угрозы социальной идентичности ведут к переживанию кризиса этнической и гражданской идентичности. Далее мы рассмотрим результаты, связанные с проявлением этого кризиса.

Особенности проявления современного кризиса социальной идентичности

При анализе данных для ответа второй исследовательский вопрос – «Как проявляется современный кризис этнической и гражданской идентичности у россиян?» – были индуктивно выделены темы и подтемы, описывающие проявление кризиса идентичности. Результаты анализа представлены на рисунке 1 для группы россиян в России и на рисунке 2 для россиян, уехавших в 2022 году.

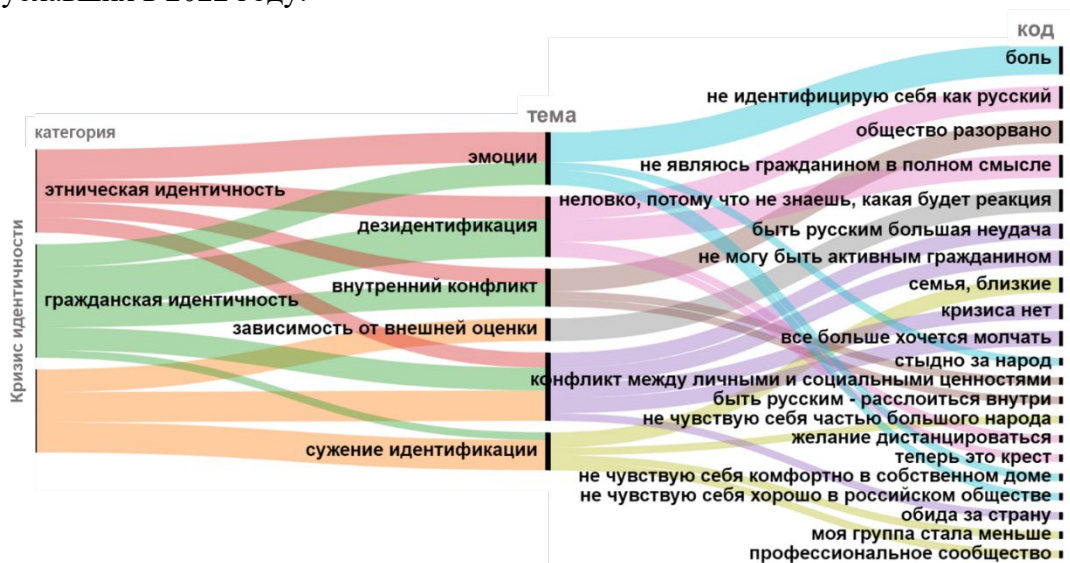

Рис. 1. Совместная встречаемость кодов с категориями – кризис идентичности, кризис этнической идентичности и кризис гражданской идентичности у россиян в России

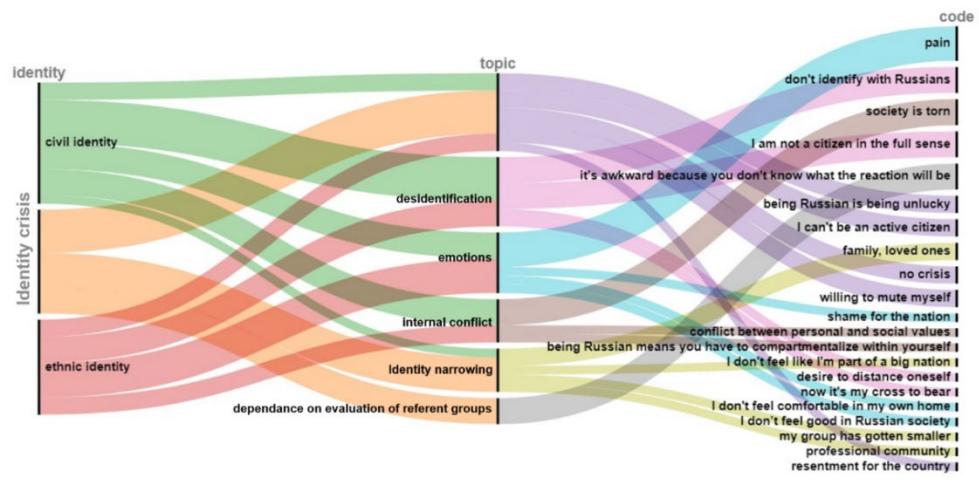

Figure 1. Co-occurrence of codes with categories – identity crisis, civic identity crisis and ethnic identity crisis among Russians living in Russia

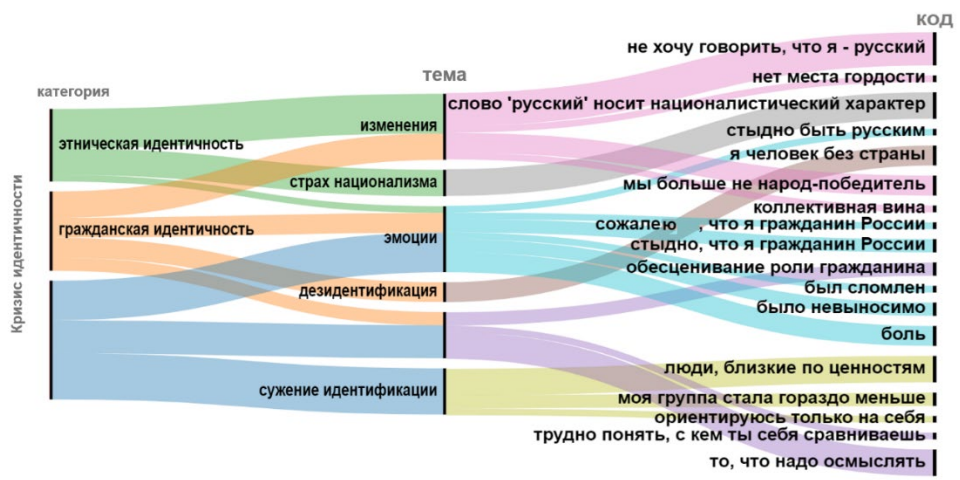

Рис. 2. Совместная встречаемость кодов с категориями – кризис идентичности, кризис этнической идентичности и кризис гражданской идентичности у россиян, уехавших в 2022 году

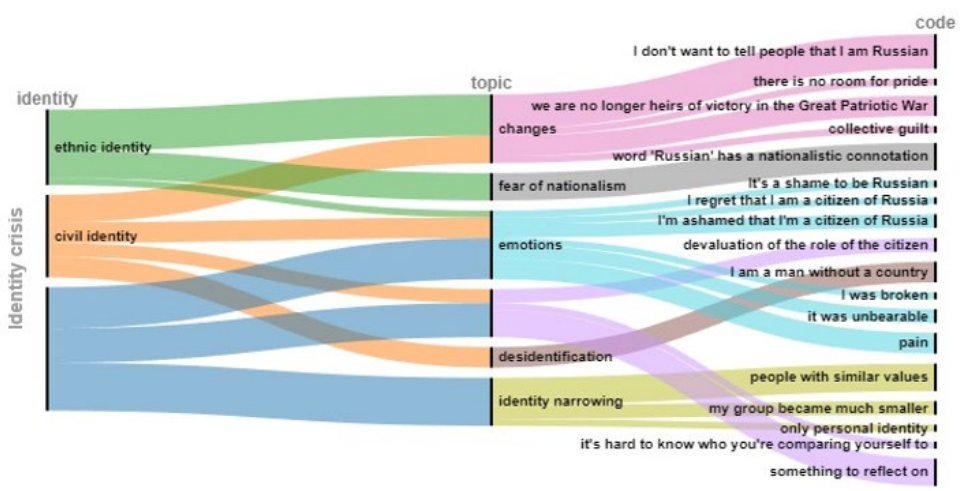

Figure 2. Co-occurrence of codes with categories – identity crisis, civic identity crisis and ethnic identity crisis among Russians who emigrated or relocated from Russia in 2022

Проявления кризиса социальной идентичности фиксируются у двух групп на следующих уровнях: дезидентификация, сужение идентификации, яркие эмоции, связанные с социальной идентичностью, и краткосрочная временная перспектива.

Дезидентификация с группой проявляется как в связи с этнической, так и с гражданской идентичностью: «я хочу дистанцироваться от этой основной массы» (ост., жен., 50–60 лет); «я не чувствую, что мне хорошо в российском обществе ... ощущения себя как части этой группы поменялись, да, поменялись в сторону отчуждения» (ост., муж., 40–50 лет). Отметим, что в группе россиян в России наблюдается и противоположная тенденция – усиление идентичности, например, своя группа характеризуется через слово «избранность» (ост., муж., 60–70 лет). И кроме того, в этой группе дезидентификация осознается и оценивается негативно: «Изменения произошли в оценке количества людей, выродившихся в людей без национальности. Я думала, что таких в России 10–20 %. Сейчас кажется, что их больше» (ост., жен., 50–60 лет).

Дезидентификация также была связана с воспринимаемыми страхами национализма: «в первую пору это перерастает в какие-то уже националистические такие веяния, от этого мне становится очень не по себе, потому что это, как показывает история, не приводит ни к чему хорошему, [...] это абсолютно какие-то примитивные такие рассуждения, поэтому да, мои ощущения от своей группы изменились за последнее время, мне становится страшно» (ост., жен., 30–40 лет).

Важнейшим аспектом кризиса идентичности является **сужение идентификации**: «Я чувствую ближний мир, но я не чувствую большого мира. То есть нет идентичности, большой социальности. Я не чувствую, что я живу в большой стране, в огромном народе» (ост., муж., 40–50 лет); «Ну, то есть группа стала меньше. Ощущение, моя идентичность стала, в смысле группа, намного меньше. Намного меньше» (ост., муж., 40–50 лет).

Основными референтными группами выступают семья, профессиональное сообщество, люди, близкие по ценностям: «мой мир, он все-таки основной, сосредоточен в основном на семье, доме, родных и на близком окружении» (ост., жен., 40–50 лет); «Сейчас эта группа, с которой я себя ассоциирую, она уменьшилась» (уехавш., муж., 20–30 лет).

Кроме того, в группе россиян за рубежом формируется идентификация с теми, кто также уехал из России: «я считаю, что меня очень-очень много объединяет с такими же людьми с похожими историями, коих я знаю достаточно, которые тоже могут себя назвать гражданами никакого государства. Ну, то есть людьми без страны», «И с ними, конечно, меня объединяет вот этот общий экспириенс, общая боль, общие переживания, вот этот опыт вынужденного переезда и так далее. И это очень сильно сплачивает» (уехавш., муж., 20–30 лет).

И наконец, кризис идентичности выражается в **интенсивности негативных эмоций**, связанных с социальными идентичностями: *«Когда сильно больно, об этом не говорят», «очень болезненная тема, поэтому в принципе ее люди не обсуждают (ост., жен., 40–50 лет); «мне стыдно просто за то, что я как будто бы не участвую в этом, но я русская, значит, участвую» (уехавш., жен., 30–40 лет); «в самом начале войны, когда я психологически была почти сломлена» (уехавш., жен., 40–50 лет); «просто стало невыносимо» (уехавш., жен., 40–50 лет).*

И последнее классическое проявление кризиса идентичности – краткосрочная временная перспектива. Например: *«Настолько быстро меняется, что очень сложно строить какие-то долгосрочные планы. Поэтому, естественно, хочется какой-то стабильности, естественно, хочется какого-то относительного якоря, за который можно держаться, и каких-то планов на будущее, которое можно строить. Но сейчас практически невозможно это, поэтому будем жить и смотреть» (уехавш., муж., 40–50 лет).*

Долгосрочное пребывание в состоянии кризиса является не только ресурсозатратным, но и ухудшает психологическое благополучие и взаимоотношения между людьми. Как люди справляются с этой ситуацией?

Стратегии совладания с кризисом социальной идентичности

Отвечая на третий исследовательский вопрос: «Каковы стратегии совладания с кризисом социальной идентичности у двух групп россиян?», мы выделили две группы копинговых стратегий.

Стратегии, направленные на восстановление и поддержание психологического благополучия. Первая группа представлена стратегиями, направленными на восстановление и поддержание психологического благополучия и не затрагивающими идентификационные процессы напрямую. К ним относятся попытки **рационализации ситуации, развитие осознанности, работа с эмоциями**: *«анализ, самоанализ, то есть мне помогает раскладывать какую-то эту ситуацию нестабильности или ее причины по полочкам, может быть, с психологом, может быть, самой, вот, и как-то осмысливать, что происходит, а что я могу сделать, такой вариант, сякой вариант, хотя бы просто проговаривать это внутри себя или с кем-то, мне, пожалуй, помогает» (ост., жен., 20–30 лет); «как бы, ну, я отслеживаю, какая эмоция у меня появляется, я начинаю с ней работать, начинаю рационализировать, чтобы она как бы уходила, да и ты бы в более рациональном русле находился» (ост., муж., 40–50 лет).*

Участники исследования отмечают, что работа над собой необходима в кризисной ситуации как для сохранения психологического благополучия: *«а самое унижающее – это страх, и в этой ситуации, чтобы как-то вообще выжить и сохранить себя, нужно ни в коем случае не накручивать, вот, это внутри, и стараться, ну, как-то свою стабильность поддерживать» (ост., жен., 30–40 лет),* так и для поддержания позитивной социаль-

ной идентичности: *«стараюсь себя останавливать в этих мыслях, потому что я понимаю, что в этом нет ничего плохого, что это неплохо, что я русский»* (уехавш., муж., 20–30 лет).

Как отмечалось ранее, угроза социальной идентичности психологически затратна. Для снижения остроты психологических реакций, связанных с ней, многие респонденты используют **стратегии избегания**.

Во-первых, это проявляется в изменившихся **паттернах медиапотребления**. Если весной 2022 года многие участники исследования постоянно мониторили новости, эмоционально вовлекаясь в происходящее, то на момент проведения исследования весной 2023 года многие из них признавались в том, что теперь они стараются дистанцироваться от негативной и травмирующей информации: *«И в один момент я понял, как сильно это влияет на меня, чтение новостей постоянно, и я решил отказаться от этого»* (уехавш., муж., 20–30 лет); *«Наверное, больше вот это сейчас переключение моих информационных потоков с политических на другие, [благодаря чему] стало легче»* (ост., жен., 40–50 лет).

Во-вторых, еще одним способом поддержания психологического благополучия стало **изменение круга общения**: *«начинаешь просто ограждать себя, с одной стороны, от тех людей, которые... тратят твои эмоциональные силы, будь то любая позиция, неважно – «за», «против», вообще пофиг, и окружать себя теми людьми, в которых ты видишь поддержку, опору и спокойствие, вот именно психологическое»* (ост., жен., 30–40 лет).

В-третьих, стратегия избегания проявляется и в **стремлении переключить внимание с кризисной ситуации на другие сферы жизни**, например, семью: *«у меня дети, ими надо было заниматься, и не было времени лежать в депрессии»* (уехавш., жен., 40–50 лет); друзей, работу или учебу: *«Я не даю себе вообще расслабиться, потому что не хочется погружаться в какой-то личностный кризис – что будет дальше, что будет со страной», «я даже подавляю эмоции тем, что я много работаю»* (уехавш., муж., 20–30 лет); *«Общение, то есть я встречаюсь с друзьями, встречаюсь с родными, играю в настольные игры, ходим на прогулки... и работа, естественно, она отвлекает настолько, что уже нет времени думать ни о чем, кроме этого»* (ост., муж., 40–50 лет).

Ряд респондентов отмечают, что они стараются дистанцироваться от ситуации – источника угрозы в целом: *«я в целом не хочу рассматривать себя как обязанную включаться в какие-то процессы, которые больше меня, и быть в них разменной монетой»* (уехавш., жен., 30–40 лет).

Стратегии, направленные на совладание с кризисом идентичности. Вторая группа копинговых стратегий включает в себя стратегии, напрямую направленные на совладание с угрозой и кризисом идентичности. С одной стороны, мы наблюдаем стремление респондентов дистанцироваться от проблемной идентичности.

Во-первых, для некоторых участников исследования способом совладания с угрозой идентичности стала актуализация тех компонентов самосознания, которые не связаны с кризисной ситуацией, – **поиск альтернативной идентичности**. Для кого-то точкой опоры стала этническая (не русская) идентичность: *«это та часть меня, которая мне дает силы, дает какую-то опору в жизни... когда какие-то совсем тяжелые моменты наступают в жизни, то это да, это дает силы»* (уехавш., жен., 40–50 лет); для кого-то религиозная: *«Вот, ну, надежда на Бога помогает [...] вот эта надежда именно как чувство, она есть, и я очень верю в то, что даже если там я была не идеальна, и все было плохо, мне все равно помогут сверху. Есть такое ожидание»* (ост., жен., 20–30 лет); для кого-то профессиональная идентичность: *«ценности этого сообщества профессионального в первую очередь я разделяю»* (ост., муж., 40–50 лет).

Во-вторых, у некоторых респондентов это стремление дистанцироваться от проблемной идентичности сочетается с **дезидентификацией**. То есть дезидентификация выступает не только в качестве симптома кризиса идентичности, но и в качестве сознательной стратегии совладания с ним: *«В ситуации, когда страна, чей паспорт у меня есть, ведет [...] войну в отношении другой страны, я не хочу себя чувствовать гражданкой России»* (уехавш., жен., 40–50 лет).

В-третьих, поведенческой копинг-стратегией является **отъезд из страны**: *«В какой-то мере [отъезд – это] попытка отречься от происходящего, глупая, конечно, спрятаться. Я не здесь, я не с вами»* (уехавш., муж., 40–50 лет).

С другой стороны, результаты исследования показывают, что переживание угрозы социальной идентичности может способствовать восстановлению позитивной социальной идентичности.

Во-первых, происходит **сближение с ингруппой**, причем эта стратегия наблюдается как у оставшихся, так и у уехавших. Человек, столкнувшийся с угрозой идентичности, начинает еще больше осознавать себя членом своей социальной группы, чувствовать свою принадлежность к ней: *«Еще больше люблю и еще больше сочувствую русскому народу»* (ост., жен., 40–50 лет); *«поначалу мне было, правда, стыдно, что я русская, что я из России, что у меня паспорт гражданина России есть, что я говорю на русском. Но потом, когда [...] концентрация неадекватна вокруг меня, со стороны разных людей стала сгущаться, я постояла за себя – "нет, все, я русская, мне хорошо"»* (уехавш., жен., 20–30 лет).

Для кого-то это сближение с ингруппой выражается в потребности в социальной сплоченности: *«чувствовать стал необходимость сплочения»* (ост., муж., 50–60 лет); а для кого-то сохранение социальных связей, несмотря на различия во взглядах: *«я не могу сказать, что я к ним стал более холодно относиться, они все равно мои друзья, я их люблю, я понимаю,*

что я не разделяю позицию, я так не думаю, но я понимаю, почему они так думают» (ост., муж., 40–50 лет).

Сближение с ингруппой у многих респондентов сочетается со стремлением защищать ее: *«У меня впервые, наверное, за всю мою жизнь такое чувство, что мне хочется защищать мою страну от нападок просто неуместных комментариев, неуместных стереотипных каких-то высказываний или предубеждений»* (уехавш., муж., 20–30 лет).

У некоторых респондентов это стремление защитить позитивный образ своей группы проявляется в работе с информацией, в частности, в работе с негативной информацией о роли страны в текущих событиях. Кто-то отрицает любую негативную информацию, считая ее ложной: *«Ну, потому что это чаще всего бывают фейки, поэтому ты испытываешь уже такой ужас, что как вообще такое может быть в отношении... солдат, да, там у нас парни молодые в основном. Обычно это негатив, и обычно в такое вообще не веришь»* (ост., жен., 40–50 лет); кто-то предпочитает игнорировать негатив для поддержания собственного психологического благополучия и позитивного образа ингруппы: *«Я понимаю, что в текущей ситуации международной да, бывает всякое, и, возможно, какие-то негативные действия с той и с другой стороны, но не зная о причинах, которые к этому приводят, судить я не берусь. Поэтому для собственного спокойствия я предпочитаю придерживаться того мнения, что... моя страна права»* (ост., жен., 40–50 лет).

Во-вторых, восстановление позитивной социальной идентичности происходит через **реафfirmацию**. Сталкиваясь с угрозой социальной идентичности, члены группы могут попытаться восстановить позитивный образ своей группы, фокусируясь на ее достижениях в областях, не связанных с кризисной ситуацией. Например, участники исследования часто говорили о важности для них русского языка и культуры: *«если представить, что, например, мне навсегда нужно отказаться от русского языка, никогда не слушать русскую музыку или не смотреть фильмы и не общаться ни с кем на русском языке, я думаю, что я бы... ну, это было бы огромным потрясением, я бы просто без этого жить не смог»* (уехавш., муж., 20–30 лет); *«я такой патриот России. Не действий каких-то политических, опять-таки правительства и прочее-прочее, но я очень дорожу этой культурой, которая есть, очень. Мне все очень нравится в том месте, где я живу, особенно после того, как я пожила в Израиле. Я прямо... Москва – это мое место силы»* (ост., жен., 30–40 лет).

В целом, результаты исследования показывают, что у многих респондентов кризисная ситуация актуализировала этнические и гражданские компоненты самосознания, став триггером процессов, связанных с **переосмыслением себя и своей группы**: *«быть русским это что-то такое, на тему чего нужно сейчас... не то что нужно, но приходится так или иначе рефлексировать»* (ост., жен., 30–40 лет); *«главное изменение то, что в це-*

лом я задумывался как-то об идентичности, потому что это до этого какой-то [она] роли не играла и мне было совершенно безразлично, русский или нерусский» (уехавш., муж., 20–30 лет). У некоторых участников исследования осознание и эмоциональное переживание собственной этнической и гражданской принадлежности способствовало усилению чувства ответственности: «ты как бы представляешь страну, и ты в какой-то мере несешь ответственность за то, что происходит» (уехавш., муж., 30–40 лет).

Более того, вместе с актуализацией этих компонентов самосознания, **ростом осознанности** наблюдается стремление человека к анализу и рефлексии: «я чувствую, что у меня есть некоторая обязанность сохранить вот это здоровое отношение, наверное, к русской идентичности и в целом к русской культуре [...] мне хочется, чтобы она никогда не ассоциировалась вот со всем этим ужасом, и я не стыжусь с того, что русский, [...] мне скорее хочется это все прожить, глубоко отрефлексировать, и когда это закончится, постараться максимально приложить усилия, чтобы и другие люди тоже понимали, что русские люди — это более широкое понятие» (уехавш., муж., 20–30 лет).

Обсуждение

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей современного кризиса этнической и гражданской идентичности у россиян в России и за рубежом.

Отвечая на первый исследовательский вопрос: «Каковы воспринимаемые источники угрозы социальной идентичности у россиян в 2022–2023 годах?», мы проанализировали ответы респондентов, связанные с восприятием угрозы социальной идентичности.

Результаты показали, что для представителей обеих исследуемых групп основными угрозами являются зависимость от внешней оценки (страх исключения), поляризация общества и внутренний конфликт. Исследования показывают, что проявления остракизма со стороны релевантных аутгрупп является важным источником угрозы социальной идентичности, даже если они направлены на социальную группу в целом и не касаются самого индивида напрямую (Hase et al., 2021). Изменения в восприятии России и русских в международном пространстве, а также санкции, направленные против России, влияют на самооценку русских и россиян, основанную на групповой принадлежности, и вызывают негативные психологические реакции.

Поляризация общества также является одним из источников угрозы идентичности. Разделение внутри своей социальной группы, происходящее за счет различий в восприятии и оценке событий, стимулирует переосмысление оснований для идентификации с группой.

Внутренний конфликт проявляется в столкновении в сознании противоречащих идей, ценностей и эмоциональных реакций. Например, когда че-

ловек ощущает несоответствие между индивидуальными и социальными ценностями. В частности, такой внутренний конфликт может быть следствием воспринимаемого нарушения ингруппой моральных стандартов, представляющих ценность для индивида (Shuman et al., 2018). Это согласуется с результатами предыдущих исследований, которые показывают, что несовпадение в ценностях и политических взглядах с представителями своей социальной группы может быть связано с чувством отчуждения и дистанцирования от нее (Bernard et al., 2006).

Второй исследовательский вопрос касался проявлений современного кризиса этнической и гражданской идентичности у двух групп россиян. Здесь мы наблюдаем две противоположные тенденции. С одной стороны, в ответах респондентов фиксируется стремление дистанцироваться от негативно оцениваемых групп. Исследования показывают, что угроза позитивному образу группы может вести к снижению уровня идентификации с ней (Powell et al., 2005). Например, несогласие с действиями других представителей ингруппы способствует дистанцированию как от тех, кто совершил неприемлемые для индивида действия, так и от ситуации в целом (Allpress et al., 2014). С другой стороны, наблюдаются сближение с ингруппой и рост патриотических настроений. Обе эти тенденции согласуются с результатами предыдущих исследований, выделяющими дезидентификацию и сближение с ингруппой в качестве реакций на угрозу идентичности (Allpress et al., 2014). По мнению исследователей, выбор того или иного ответа может быть связан с выраженностью социальной идентичности: у представителей группы с высоким уровнем идентификации, как правило, наблюдается усиление чувства принадлежности к группе, поскольку группа занимает настолько важную позицию в их самовосприятии, что даже угроза социальной идентичности не позволяет им дистанцироваться от нее (Branscombe, Wann, 1994). Некоторые эксперты, однако, полагают, что угроза социальной идентичности затрагивает, прежде всего, нарциссический компонент идентификации, способствуя росту националистических настроений (Bagci, 2023). Наше исследование показывает, что и оставшиеся в России, и уехавшие россияне боятся угрозы национализма в российском обществе, что может быть как следствием переживаемого россиянами кризиса идентичности, так и влиянием одних и тех же источников информации.

Наше исследование в качестве реакции на угрозу идентичности также зафиксировало сужение идентификационной базы, то есть идентификацию с более узкими социальными группами. Многие респонденты отмечали чувство потери общности со своей этнической группой и соотечественниками в целом, говоря о сближении с референтными группами – прежде всего с кругом единомышленников, а также более радикальное сужение идентификации с профессиональной группой, семьей или даже до уровня личностной идентичности, как это отмечалось в более ранних исследованиях кризиса идентичности в 90-х годах XX века (Лебедева, 1999; Андреева, 2011).

Согласно результатам нашего исследования, яркие эмоции, связанные с этническим и гражданским компонентами самосознания, выступают в качестве психологической реакции на угрозу социальной идентичности. Мы наблюдаем очень разные по валентности эмоции, но все они отличаются высокой интенсивностью, что может свидетельствовать о сензитивности этой темы для респондентов. Исследователи отмечают, что утрата позитивной ценности ингруппы связана с переживанием негативных эмоций (Branscombe, 1999). Зафиксированные нами чувства вины, стыда, обиды, горечи свидетельствуют о снижении коллективной самооценки, основанной на групповой принадлежности. Согласно исследованиям, интенсивность психологических реакций на угрозу может быть связана с выраженностью социальной идентичности (Doosje et al., 2006). По мнению экспертов, уровень идентификации с группой может выступать модератором взаимосвязей между воспринимаемой угрозой социальной идентичности и ее психологическими последствиями: чем сильнее идентификация с ингруппой, тем значительнее психологические реакции на воспринимаемую угрозу.

Отвечая на третий исследовательский вопрос: «Каковы стратегии совладания с кризисом социальной идентичности у двух групп россиян?», мы выделили стратегии, направленные на совладание с угрозой и кризисом этнической и гражданской идентичности. Важно отметить, что выделенные стратегии не являются взаимоисключающими, поскольку человек может одновременно использовать разные стратегии совладания. Полученные результаты свидетельствуют о доминировании стратегий избегания. Они используются на интрапсихическом (например, избегание или отрицание любой негативной информации о роли страны в текущих событиях, а также вытеснение негативных эмоций, связанных с переживанием угрозы идентичности), межличностном (например, избегание общения с людьми, напоминающими об угрозе) и межгрупповом (например, дезидентификация) уровнях. Эти стратегии направлены прежде всего на восстановление и поддержание психологического благополучия. Так, например, создавая психологическую дистанцию между собой и ингруппой (дезидентификация или актуализация альтернативных видов социальной идентичности), индивид может попытаться оградить себя от негативных психологических последствий, связанных с групповой принадлежностью, в том числе – от чувства вины и стыда. Легитимизация действий ингруппы (Gunn, Wilson, 2011) дает возможность защитить ее моральный облик и повысить тем самым самооценку, основанную на групповой принадлежности.

Стоит отметить, однако, что стратегии избегания, будучи направленными на устранение негативных психологических последствий угрозы идентичности, не являются эффективными в долговременной перспективе, поскольку они не работают с источником угрозы. Так, например, дезидентификация не спасает от мета-стереотипных опасений по поводу групповой репутации, поскольку в глазах окружающих индивид по-прежнему остается

представителем негативно оцениваемой социальной группы (Knowles et al., 2014). Поскольку ощущение угрозы социальной идентичности связано не только с тем, как сам индивид оценивает действия ингруппы с моральной точки зрения, но и с тем – как эти действия оценивают представители референтных аутгрупп, избегание или отрицание негативной информации о роли своей группы в тех или иных событиях не способствует нейтрализации угрозы идентичности, так как не влияет на восприятие ингруппы со стороны представителей других групп.

В то же время результаты нашего исследования свидетельствуют и об использовании россиянами проблемно-ориентированных стратегий, подразумевающих работу с источником угрозы идентичности. Это, прежде всего, стратегии, направленные на примирение со своей идентичностью через рост осознанности, реафfirmацию и принятие ответственности за действия ингруппы. Реафfirmация, то есть фокусирование на положительных характеристиках группы, способствует восстановлению самооценки, основанной на групповой принадлежности, что ведет к снижению интенсивности защитных реакций в случае возникновения угрозы (Gunn, Wilson, 2011). Признание ответственности за ингруппу в свою очередь может мотивировать индивида на действия, направленные на восстановление позитивного образа группы, в том числе на изменение восприятия ситуации–источника угрозы. Эти действия могут работать на повышение не только личной, но, возможно, и коллективной самооценки, поскольку могут способствовать улучшению образа группы в глазах представителей референтных групп (Knowles et al., 2014).

Заключение

Результаты качественного исследования двух групп россиян, уехавших из России в 2022 г. и оставшихся в ней, показали:

- представители обеих групп переживают кризис этнической и гражданской идентичности. Основными угрозами позитивной российской идентичности являются: *зависимость от внешней оценки* со стороны референтных групп (в основном граждан других стран), *поляризация, расслоение общества и внутренний конфликт*;

- кризис идентичности проявляется в двух противоположных процессах: *дезидентификации* с обесцениваемой группой и, наоборот, *в усилении идентификации* с ней и сопровождается *сильными эмоциональными реакциями*;

- переживание кризиса идентичности сопровождается копинговыми стратегиями: *стратегиями избегания и защиты* от травмирующей информации (дезидентификация, отдаление, отъезд и т.п.) и *стратегиями совладания* (переосмысление, реафfirmация, принятие ответственности за действия ингруппы, восстановление позитивной социальной идентичности);

- переживание кризиса идентичности – *долговременный процесс*, затрагивающий многих россиян разных возрастов, нуждается во внимании

специалистов, дополнительных исследованиях и разработке целевых социальных и образовательных программ, помогающих справляться с источниками угрозы позитивной социальной идентичности и выработке продуктивных стратегий совладания с кризисом идентичности.

Ограничения и направления дальнейшего исследования. Важно отметить, что сбор данных и анализ результатов исследования были проведены в 2023 году. Поскольку переживание кризиса идентичности – это динамический процесс, то результаты данного исследования фиксируют достаточно ограниченный по времени этап этого процесса. В связи с этим было бы целесообразно в дальнейшем повторно провести интервью с данной группой респондентов, чтобы зафиксировать изменения в переживании и совладании с кризисом идентичности.

Список литературы

- Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. Т. 4. № 20. С. 1–12. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
- Белинская Е.П. Кризис идентичности в условиях радикальных социальных изменений // Идентичность и организация в меняющемся мире: сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 93–111.
- Климов И.А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т.Г. Стефаненко. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 54–81.
- Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья. Социально-психологический анализ // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 4. С. 296–305.
- Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48–58.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Гребняк О.В., Новоженкина О.П. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: бюллетень. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023>
- Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 284 с. <https://doi.org/10.55604/9785777708984>
- СоциоДиггер. Они уехали. Новая волна российской эмиграции / под ред. К.А. Пахалюк, О.А. Якимовой. 2023. Т. 4. № 3 М.: ВЦИОМ, 2023. 90 с.
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Allpress J.A., Brown R., Giner-Sorolla R., Deonna J.A., Teroni F. Two faces of group-based shame: Moral shame and image shame differentially predict positive and negative orientations to ingroup wrongdoing // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2014. Vol. 40. No 10. Pp. 1270–1284. <https://doi.org/10.1177/0146167214540724>
- Bagci S.C., Stathi S., Golec de Zavala A. Social identity threat across group status: Links to psychological well-being and intergroup bias through collective narcissism and in-group satisfaction // *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*. 2023. Vol. 29. No 2. Pp. 208–220. <https://doi.org/10.1037/cdp0000509>
- Bernard M.M., Gebauer J.E., Maio G.R. Cultural estrangement: The role of personal and societal value discrepancies // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32. No 1. Pp. 78–92. <https://doi.org/10.1177/0146167205279908>

- Branscombe N.R., Ellemers N., Spears R., Doosje B. The context and content of social identity threat // *Social identity: Context, commitment, content* / Ed. by N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje. Malden, MA: Blackwell Publishers, 1999. Pp. 35–58.
- Branscombe N.R., Spears R., Ellemers N., Doosje B. Intragroup and intergroup evaluation effects on group behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. No 6. Pp. 744–753. <https://doi.org/10.1177/0146167202289004>
- Branscombe N.R., Wann D.L. Collective self-esteem consequences of outgroup derogation when a valued social identity is on trial // *European Journal of Social Psychology*. 1994. Vol. 24. No 6. Pp. 641–657. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420240603>
- Breakwell G.M. *Coping with Threatened Identities*. London: Psychology Press, 2015. 238 p. <https://doi.org/10.4324/9781315733913>
- Doosje B.E.J., Branscombe N.R., Spears R., Manstead A.S.R. Antecedents and consequences of group-based guilt: The effects of ingroup identification // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2006. Vol. 9. No 3. Pp. 325–338. <https://doi.org/10.1177/1368430206064637>
- Gunn G.R., Wilson A.E. Acknowledging the skeletons in our closet: The effect of group affirmation on collective guilt, collective shame, and reparatory attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. Vol. 37. No 11. Pp. 1474–1487. <https://doi.org/10.1177/0146167211413607>
- Hase A., Behnke M., Mazurkiewicz M., Wieteska K.K., Golec de Zavala A. Distress and retaliatory aggression in response to witnessing intergroup exclusion are greater on higher levels of collective narcissism // *Psychophysiology*. 2021. Vol. 58. No 9. e13879. <https://doi.org/10.1111/psyp.13879>
- Hirsh J.B., Kang S.K. Mechanisms of identity conflict: Uncertainty, anxiety, and the behavioral inhibition system // *Personality and Social Psychology Review*. 2016. Vol. 20. No 3. Pp. 223–244. <https://doi.org/10.1177/1088868315589475>
- Jaspal R., Lopes B., Wignall L. The coping with identity threat scale: Development and validation in a university student sample // *Identity*. 2020. Vol. 20. No 4. Pp. 225–238. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1808469>
- Knowles E.D., Lowery B.S., Chow R.M., Unzueta M.M. Deny, distance, or dismantle? How white Americans manage a privileged identity // *Perspectives on Psychological Science*. 2014. Vol. 9. No 6. Pp. 594–609. <https://doi.org/10.1177/1745691614554658>
- Powell A.A., Branscombe N.R., Schmitt M.T. Inequality as ingroup privilege or outgroup disadvantage: The impact of group focus on collective guilt and interracial attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. No 4. Pp. 508–521. <https://doi.org/10.1177/0146167204271713>
- Shuman E., Johnson D., Saguy T., Halperin E. Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44. No 11. Pp. 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. Pp. 7–24.

История статьи:

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Принята к печати 17 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Васильева Е.Д., Трифонова А.В., Лебедева Н.М. Современный кризис этнической и гражданской идентичности и стратегии совладания с ним (по материалам интервью россиян, «оставшихся» и «уехавших» в 2022 году) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 532–555. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555>

Вклад авторов:

Е.Д. Васильева – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста. *А.В. Трифонова* – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста. *Н.М. Лебедева* – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Васильева Екатерина Дмитриевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-7814-953X, ResearcherID: X-8185-2018, SPIN-код: 8077-0132. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Трифопова Анастасия Валентиновна, приглашенный преподаватель департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, SPIN-код: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-код: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555

EDN: KRLEDX

UDC 316.6

Research article

The Current Ethnic and National Identity Crisis and Coping Strategies to Deal with it (Based on Interviews with Russians Living in Russia and those who Emigrated after 2022)

Ekaterina D. Vasilyeva^{}, Anastasiia V. Trifonova^{},
Nadezhda M. Lebedeva^{}

HSE University,
Moscow, Russian Federation
 edvasilyeva@hse.ru

Abstract. In the period of instability, transformation and uncertainty in Russian society, ethnic and civil identities may undergo an intensifying crisis. In this qualitative study we explore problems associated with civil and ethnic identities threats and crisis among Russians, as well as strategies for coping with it. Data collection took place from February to June 2023.

The sample ($n = 41$) of the qualitative study consists of two subsamples: Russians living in Russia ($n = 21$) and Russians who emigrated or relocated from Russia after February 2022 ($n = 20$). Data collection was carried out through semi-structured interviews. Data were analyzed using thematic analysis method using Dedoose software. The results showed that the main threats to positive Russian identity were: dependence on evaluation from referent groups (mainly citizens of other countries), polarization of Russian society and internal conflict. The crisis of identity manifests itself in two opposite processes: disidentification / increased identification with a devalued group and is accompanied by strong emotional reactions. To overcome identity crisis Russians use avoiding strategies (de-identification, distancing), as well as coping strategies (re-evaluation, reaffirmation). Identity crisis is a long-term process that requires the attention of specialists, additional research and development of targeted social and educational programs aimed at promoting productive coping strategies.

Key words: ethnic identity, civic identity, identity crisis, identity threat, strategies for coping with an identity crisis, Russians, relocants.

Acknowledgements and Funding. N.M. Lebedeva: the study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Allpress, J.A., Brown, R., Giner-Sorolla, R., Deonna, J.A., & Teroni, F. (2014). Two faces of group-based shame: Moral shame and image shame differentially predict positive and negative orientations to ingroup wrongdoing. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 40(10), 1270–1284. <https://doi.org/10.1177/0146167214540724>
- Andreeva, G.M. (2011). Towards the problem of identity crisis amid the social transformations. *Psychological studies*, 4(20), 1–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
- Bagci, S.C., Stathi, S., & Golec de Zavala, A. (2023). Social identity threat across group status: Links to psychological well-being and intergroup bias through collective narcissism and ingroup satisfaction. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 29(2), 208–220. <https://doi.org/10.1037/cdp0000509>
- Belinskaya, E.P. (2009). Identity crisis in the context of radical social change. In N.M. Lebedeva, N.L. Ivanova, & V.A. Shtroo (Eds.) *Identity and Organization in a Changing World* (pp. 93–111). Moscow: HSE University. (In Russ.)
- Bernard, M.M., Gebauer, J.E., & Maio, G.R. (2006). Cultural estrangement: The role of personal and societal value discrepancies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 32(1), 78–92. <https://doi.org/10.1177/0146167205279908>
- Branscombe, N.R., & Wann, D.L. (1994). Collective self-esteem consequences of outgroup derogation when a valued social identity is on trial. *European Journal of Social Psychology*, 24(6), 641–657. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420240603>
- Branscombe, N.R., Ellemers, N., Spears, R., & Doosje, B. (1999). The context and content of social identity threat. In N. Ellemers, R. Spears, & B. Doosje (Eds.). *Social identity: Context, commitment, content* (pp. 35–58). Malden, MA: Blackwell Publishers.
- Branscombe, N.R., Spears, R., Ellemers, N., & Doosje, B. (2002). Intragroup and intergroup evaluation effects on group behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28(6), 744–753. <https://doi.org/10.1177/0146167202289004>
- Breakwell, G.M. (2015). *Coping with Threatened Identities*. London: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9781315733913>
- Doosje, B.E.J., Branscombe, N.R., Spears, R., & Manstead, A.S.R. (2006). Antecedents and consequences of group-based guilt: The effects of ingroup identification. *Group Processes & Intergroup Relations*, 9(3), 325–338. <https://doi.org/10.1177/1368430206064637>
- Gorshkov, M.K., & Tikhonova, N.E. (Eds.). (2022). *Russian Society and the Challenges of Time. Book Six*. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.55604/9785777708984>

- Gunn, G.R., & Wilson, A.E. (2011). Acknowledging the skeletons in our closet: The effect of group affirmation on collective guilt, collective shame, and reparatory attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 37(11), 1474–1487. <https://doi.org/10.1177/0146167211413607>
- Hase, A., Behnke, M., Mazurkiewicz, M., Wieteska, K.K., & Golec de Zavala, A. (2021). Distress and retaliatory aggression in response to witnessing intergroup exclusion are greater on higher levels of collective narcissism. *Psychophysiology*, 58(9), e13879. <https://doi.org/10.1111/psyp.13879>
- Hirsh, J.B., & Kang, S.K. (2016). Mechanisms of identity conflict: Uncertainty, anxiety, and the behavioral inhibition system. *Personality and Social Psychology Review*, 20(3), 223–244. <https://doi.org/10.1177/1088868315589475>
- Jaspal, R., Lopes, B., & Wignall, L. (2020). The coping with identity threat scale: Development and validation in a university student sample. *Identity*, 20(4), 225–238. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1808469>
- Klimov, I.A. (2001). Psychosocial mechanisms of the emergence of identity crisis. In Stefanenko, T.G. (Ed.). *Transformation of identification structures in modern Russia* (pp. 54–81). Moscow: Moscow Public Scientific Foundation Publ. (In Russ.)
- Knowles, E.D., Lowery, B.S., Chow, R.M., & Unzueta, M.M. (2014). Deny, distance, or dismantle? How white Americans manage a privileged identity. *Perspectives on Psychological Science*, 9(6), 594–609. <https://doi.org/10.1177/1745691614554658>
- Lebedeva, N.M. (1998). Russkie v stranakh blizhnego zarubezh'ya. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 68(4), 296–305. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M. (1999). Sotsial'naya identichnost' na postsovetском prostranstve: ot samouvazheniya k poiskam smysla. *Psychological Journal*, 20(3), 48–58. (In Russ.)
- Levashov, V.K., Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S., Grebnyak, O.V., & Novozhenina, O.P. (2023). *How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023*. Moscow: FCTAS RAS Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023>
- Pakhalyuk, K.A., & Yakimova, O.A. (Eds.) (2023). *SocioDigger. They left. New wave of Russian emigration*, 4(3). Moscow: VCIOM Publ. (In Russ.)
- Powell, A.A., Branscombe, N.R., & Schmitt, M.T. (2005). Inequality as ingroup privilege or outgroup disadvantage: The impact of group focus on collective guilt and interracial attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 31(4), 508–521. <https://doi.org/10.1177/0146167204271713>
- Shuman, E., Johnson, D., Saguy, T., & Halperin, E. (2018). Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 44(11), 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Tajfel, H., Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W.G. Austin (Eds.). *Psychology of Intergroup Relation* (pp. 7–24). Chicago: Hall Publishers.
- Yadov, V.A. (1994). Sotsial'naya identifikatsiya v krizisnom obschestve. *Sociological Journal*, (1), 35–52. (In Russ.)

Article history:

Received 1 March 2024

Revised 14 April 2024

Accepted 17 April 2024

For citation:

Vasilyeva, E.D., Trifonova, A.V., & Lebedeva, N.M. (2024). The current ethnic and national identity crisis and coping strategies to deal with it (based on interviews with Russians living in Russia and those who emigrated after 2022). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 532–555. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555>

Author's contribution:

Ekaterina D. Vasilyeva – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text writing. *Anastasiia V. Trifonova* – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text writing. *Nadezhda M. Lebedeva* – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Ekaterina D. Vasilyeva, Ph.D in Psychology, Research Fellow in the Centre for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-7814-953X, ResearcherID: X-8185-2018, SPIN-code: 8077-0132. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Anastasiia V. Trifonova, Visiting Lecturer, Faculty of Social Science, School of Psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, SPIN-code: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Psychology, Academic Supervisor of the Centre for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Science, School of Psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-code: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-556-586

EDN: LKCKVM

УДК 323.113:327.58:316.473

Исследовательская статья

Образы России и Русского мира у представителей русской диаспоры в Казахстане и Кыргызстане

Ю.С. Кузнецова

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

 usy8991@gmail.com

Аннотация. В настоящее время Русский мир потенциально выступает новым объединяющим, коммуникационным и цивилизационным фактором не только внутри России, но и за ее пределами, на постсоветском пространстве. Русская диаспора является частью Русского мира и может выступать его преемником и транслятором, поэтому данное исследование посвящено изучению образов Русского мира и России (как страны, откуда Русский мир берет свои истоки) у русских на постсоветском пространстве (на примере таких стран, как Казахстан и Кыргызстан). В выборку исследования вошел 71 представитель русской диаспоры, проживающий в Кыргызстане (41 человек) и Казахстане (30 человек). Были использованы следующие методы: метод открытых вопросов, ассоциативный метод и шкалирование. Было выявлено, что принадлежность к Русскому миру ощущают в той или иной степени большинство респондентов; в целом они оценивают его позитивно; наблюдается преобладание положительных чувств по отношению к Русскому миру, однако присутствует и тревога. Субъективные границы Русского мира у подавляющего большинства респондентов проходят либо по постсоветскому пространству, либо в принципе отсутствуют. Наблюдаются специфические различия: в хронологической цепи «Древняя Русь – царская Россия – Российская империя – СССР – Россия» вытесняются разные звенья в зависимости от исторических отношений с Россией тех стран, в которых живет русская диаспора. По сравнению с русскими из Казахстана, русские из Кыргызстана отмечают, что во временной перспективе Русского мира есть не только прошлое и настоящее, но и будущее; также у них присутствуют такие категории, как «время», «объединение», «религия», что свидетельствует о потенциале Русского мира как объединяющего фактора между Россией и, соответственно, Кыргызстаном. У некоторых представителей русской диаспоры не было ответов на тот или иной вопрос о Русском мире, что может говорить о безразличии или отсутствии представления о нем, а значит, о необходимости грамотного развития идеи Русского мира со стороны социальных и политических институтов.

Ключевые слова: образ России, Русский мир, русская диаспора, постсоветское пространство, Россия, Казахстан, Кыргызстан

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

© Кузнецова Ю.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

После распада Советского Союза перед странами бывшего СССР встали сложные вопросы, в частности, касающиеся новой идеологической и социальной политики. Одним из объединяющих факторов не только внутри России, но и на пространстве постсоветских стран выступила идея Русского мира как единого русского культурно-языкового пространства и цивилизационного развития (Батанова, 2009; Петухов, Бараш, 2014). Особая цивилизационная специфика отмечается в интегративном религиозном подходе: Русский мир есть не строго географическое, а цивилизационное понятие с гибкими границами своего пространства, ядром которого являются такие восточно-славянские страны, как Россия, Беларусь и Украина, а периферию исторически составляют страны постсоветского пространства¹. Обобщая, можно сказать, что Русский мир есть такое цивилизационно-культурное поле, которое охватывает соотечественников внутри и за пределами страны, может включать жителей всего постсоветского пространства, а также всех неравнодушных к русской культуре людей по всему миру. Русская диаспора, согласно диаспорно-языковому подходу П.Г. Щедровицкого, рассматривается как одна из главных составляющих Русского мира в диаде «Россия – русская диаспора» (Щедровицкий, 2000). По нашему мнению, принятие идеи Русского мира среди этнического большинства в странах бывшего Советского Союза пока неочевидно, однако если эту идею не понимает и не принимает русская диаспора, в таком случае она перестает быть главным преемником и транслятором принципов и ценностей этой идеи и автоматически настраивается на противоположные внешние силы. Это становится особенно актуально в современную эпоху цивилизационных конфликтов, которые имеют психологическую природу и происходят не на межгосударственном, а на межкультурном уровне больших пространств. Мы все чаще наблюдаем конфликт цивилизационных идентичностей (Еремина, Конфисахор, Солонников, 2018; Хренов, 2021). Так, конфликт Запада и восточнославянского мира рассматривается как «межцивилизационная квазивойна» (Хантингтон, 2003). Новый цивилизационный контекст способствует расширению психологических исследований на различных культурных пространствах, в том числе и постсоветском, поскольку его жители так или иначе все чаще видят себя частью западной цивилизации или исламского мира. Таким образом, Русский мир как наднациональный фактор направлен на выстраивание особого цивилизационного пути, объединение разных обществ независимо от национальных и этнических признаков, а также выступает коммуникативным ресурсом между ними.

Психологические исследования, посвященные этой проблеме, практически отсутствуют, поэтому необходимо разработать новый политико-психологический подход к изучению Русского мира, его психологического содержания с помощью психологического инструментария.

¹ Синодальный информационный отдел. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир — особая цивилизация, которую необходимо сберечь // Patriarchia.ru 08.09.2014. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (дата обращения: 06.03.2024).

Образ России и Русского мира

Большая часть исследований Русского мира носит теоретический и разноплановый характер, хотя изначально этот концепт создавался как практический инструмент консолидации (Щедровицкий, 2000). Также Русский мир определяется исследователями по-разному, что еще больше усложняет его изучение. Поэтому одной из общих задач настоящего исследования было определить Русский мир как концепт социальной психологии и изучить его субъективное содержание у респондентов, то есть чем оно реально наполнено в сознании граждан. Обратимся к двум определениям, которые были заимствованы из социологических исследований и которые наиболее точно определяют Русский мир в рамках социальных наук. По определению Е.А. Пеньковой: «Русский мир – общность людей, которая объединена социокультурными объективными (этническая и культурная принадлежность, владение языком) и субъективными факторами (самоидентификация с Русским миром, чувство сопричастности к русской истории, культуре, транслирование ценностей вовне, чувство солидарности, «соборности» и объединения на базе универсальных ценностей)» (Пенькова, 2012, с. 16). Н.А. Козловцева определяет Русский мир как «трансграничную надэтническую социокультурную общность, объединяющую на основе добровольного участия всех людей, интересующихся и разделяющих ценности русской культуры и небезразличных к судьбе России, вне зависимости от страны их происхождения и проживания, вероисповедания или родного языка» (Козловцева, 2017, с. 288). Русский мир строится на трех базовых принципах: использование русского языка, единство духовной культуры и ценностей и солидарность с русской историей (Батанова, 2009; Петухов, Бараш, 2014), и может выступать прообразом нового высшего уровня социальной идентичности – цивилизационной (Жаде, 2007), которая социально конструируется и базируется на психологических теориях социальной идентичности (Tajfel, Turner, 2004), социального конструирования реальности (Бергер, Лукман, 1995), воображаемых сообществ (Андерсон, 2001) и гуманитарного междисциплинарного подхода к изучению цивилизационной идентичности (Кондаков, Соколов, Хренов, 2011).

Идея Русского мира берет свои истоки из России – стержневого государства русской/евразийской цивилизации, государства, придерживающегося национальной политики, исходящей из трех основных принципов Русского мира. Именно поэтому принятие Русского мира и страны взаимосвязаны и их необходимо изучать вместе. Исследования, посвященные образу России, являются наиболее разработанной областью в политической психологии. Так, образ России изучали: Е.Б. Шестопад в контексте политико-психологического подхода (Образы государств..., 2008), О.В. Митина и В.Ф. Петренко в кон-

тексте психосемантического подхода (Митина, Петренко, 2009), О.С. Дейнека в контексте ситуативного подхода (Deyneka, Dauksha, 2014) и др. В настоящем исследовании мы опираемся на методологию Е.Б. Шестоपाल и ее научной группы и определяем образ страны так: образ страны – это «многосоставный ментальный конструкт, являющийся результатом отражения в сознании людей страны как политико-территориального и историко-культурного объекта» (Селезнева, Смулькина, 2018, с. 355). Отметим, что любой политический образ, будь то образ Русского мира или образ страны, это социальная репрезентация, поэтому его изучение опирается на теорию социальных представлений С. Московиси. Согласно этой теории, образы формируются в результате восприятия внешней информации, например, из СМИ и в процессе социальных взаимодействий, характеристики этих образов предстают в сознании человека на уровне обыденных представлений вокруг определенного понятийного ядра (Moscovici, 2001).

Психолого-политический подход к изучению образа страны (Образы государств..., 2008) был перенесен на методологию изучения образа Русского мира, и для его исследования «в первом приближении» в контексте психологической науки была выбрана *качественная методология*, чтобы понять когнитивно-эмоциональное содержание образа Русского мира и ответить на главные *исследовательские вопросы*:

- каков образ Русского мира у представителей русской диаспоры из Казахстана и Кыргызстана?
- идентифицируют ли себя представители русской диаспоры из Казахстана и Кыргызстана с Русским миром?
- какие у представителей русской диаспоры из Казахстана и Кыргызстана ассоциации с Русским миром?
- какие эмоции переживают представители русской диаспоры из Казахстана и Кыргызстана по отношению к Русскому миру?
- каковы субъективные границы Русского мира у представителей русской диаспоры из Казахстана и Кыргызстана?

Цель исследования – изучение образов России и Русского мира у представителей русской диаспоры из Казахстана и Кыргызстана.

В соответствии с целью были выделены следующие *задачи*:

- проанализировать исследования об образах России и Русского мира в психологической и междисциплинарной литературе;
- разработать методологию для исследования образов России и Русского мира;
- провести эмпирическое исследование на постсоветском пространстве и сравнительный анализ образов России и Русского мира у представителей русской диаспоры из Казахстана и Кыргызстана.

Процедура и методы

Участники исследования. В выборку исследования вошел 71 представитель русской диаспоры, проживающий в Кыргызстане и Казахстане. В табл. 1 представлены главные социально-демографические характеристики.

Таблица 1 / Table 1

Социально-демографические характеристики выборки /
Socio-demographic characteristics of the sample

Характеристики / Characteristics	Русские в Кыргызстане / Russians in Kyrgyzstan	Русские в Казахстане / Russians in Kazakhstan	Характеристики / Characteristics	Русские в Кыргы- стане / Russians in Kyrgyzstan	Русские в Казахстане / Russians in Kazakhstan
Всего чел. / Total	41	30	Место постоянного проживания / Place of permanent residence	—	—
Пол / Gender	—	—	Кыргызстан / Kyrgyzstan, %	100	0
Мужской / Male, %	27	13	Казахстан / Kazakhstan, %	0	100
Женский / Female, %	73	87	Время проживания в стране / Time of residence in the country	—	—
Возраст / Age	—	—	Меньше 1 года / Less than 1 yr, %	0	3
От 18 до 25 лет / 18–25 yrs, %	22	3	18–25 лет / 18–25 yrs, %	29	10
От 26 до 39 лет / 26–39 yrs, %	54	53	26–39 лет / 26–39 yrs, %	51	50
От 40 до 67 лет / 40–67 yrs, %	24	44	40–67 лет / 40–67 yrs, %	20	37
Уровень дохода / Income level	—	—	Всю жизнь / For life, %	85	80
Высокий / High, %	7	23	Не всю жизнь / Not for life, %	15	20
Средний / Medium, %	49	43	Планируемое время проживания в стране / Planned time of stay in the country	—	—
Низкий / Low, %	37	17	Всю жизнь / For life, %	37	47
Очень низкий / Very low, %	5	10	20 лет / 20 yrs, %	0	7
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer, %	2	7	10–15 лет / 10–15 yrs, %	0	7
Образование / Education	—	—	1–5 лет / 1–5 yrs, %	41	17
Среднее / Secondary, %	34	10	Не собираюсь жить / Do not plan to live, %	0	3
Среднее специальное / Secondary specialized, %	22	47	Не знаю / Do not know, %	22	20
Высшее / High, %	44	43	—	—	—
Отношение к религии / Religion	—	—	—	—	—
Не исповедую никакой религии / Non-religious, %	19	33	—	—	—
Православие / Orthodox, %	76	67	—	—	—
Другая религия / Another religion, %	5	0	—	—	—

Методы исследования. Вопрос изучения Русского мира с точки зрения политико-психологического подхода ставится впервые, поэтому для получения более ясного представления об этом концепте были выбраны следующие методы исследования: 1) метод открытых вопросов; 2) ассоциативный метод; 3) шкалирование. Опросник включает 9 вопросов (см. приложение).

Метод открытых вопросов. Вначале были разработаны несколько открытых вопросов об образе Русского мира, которые в пилотном исследовании были апробированы на русских в России, позже два из них были скорректированы. В итоговом варианте они приобрели следующий вид и имеют содержательное обоснование (1, 2, 4, 8, 9 вопросы в Приложении):

– 1-й и 2-й вопросы относят нас к трем базовым принципам Русского мира и объективным его факторам. Первый вопрос: *«Что значит для Вас быть русским?»* является открытым, чтобы потенциально расширить как теоретическое содержание понятия Русского мира, так и объективные и субъективные факторы принадлежности к Русскому миру. Второй вопрос является полуоткрытым и в него уже заложены теоретически выведенные три базовых принципа Русского мира для получения их эмпирического подтверждения у респондентов: *«Быть русским – это (выберите те варианты, которые подходят Вам): говорить на русском языке, исповедовать традиционные ценности русской культуры, хорошо знать исторические вехи развития России, испытывать солидарность с русской историей, знать и любить русскую историю, хранить память о своей семье и о тех местах, откуда она родом, воспитывать детей в ценностях русской культуры, черпать силы в русской культуре и традициях в разных жизненных ситуациях, другое);*

– 4-й вопрос о субъективных границах Русского мира актуален в рамках определения, что Русский мир есть цивилизационное понятие с не географическими, а гибкими границами своего пространства: *«Где, по Вашему мнению, проходят границы Русского мира? Какие группы, страны туда входят?»;*

– 8-й вопрос: *«В чем Вы видите силу России?»* раскрывает преимущества и достоинства страны, из которой берет свои истоки идея Русского мира. Потенциально положительные характеристики страны могут быть взаимосвязаны с положительным образом Русского мира и его принятием;

– 9-й вопрос: *«А в чем ее слабость?»* раскрывает те пробелы, возможные отрицательные характеристики, которые могут быть взаимосвязаны с негативным образом Русского мира и его непринятием.

Ассоциативный метод. Два вопроса направлены на получение ассоциаций с Русским миром и Россией (3-й и 7-й вопросы в Приложении):

– 3-й вопрос: «С чем у Вас ассоциируется Русский мир?» позволяет понять, в каких категориях осмысливается Русский мир, конкретизировать его содержание и оценить эмоциональную нагрузку. Этот метод особенно актуален в тех случаях, когда проводят разведочные исследования тех явлений, по которым отсутствуют полные и достоверные данные;

– 7-й вопрос: «По Вашему мнению, Россия – она какая? (дайте 3–5 определений)» относится к общему образу России – страны, откуда берет свои истоки идея Русского мира. Метод ассоциаций позволяет респондентам свободно ассоциировать на тему о России, выражая в потоке все ассоциативные характеристики, которые приходят им на ум (до 5 определений).

Шкалирование. В двух вопросах респонденты используют для ответов 7-балльную шкалу Ликерта (5-й и 6-й вопросы в Приложении):

– 5-й вопрос «Считаете ли Вы себя принадлежащим к Русскому миру? (оцените по шкале от 1 до 7)» о принадлежности к Русскому миру мы ставим не только потому, что в своем исследовании Е.А. Пенькова (2012) рассматривает Русский мир как фактор самоидентификации, но и в связи с тем, что Русский мир может являться новым видом социальной идентичности – цивилизационной. Метод шкалирования позволяет определить выраженность идентификации с Русским миром;

– 6-й вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к Русскому миру? (выберите те варианты, которые Вам подходят, и оцените их интенсивность по шкале от 1 (совсем не испытываю) до 7 (испытываю в полной мере): *гордость, восхищение, любовь, радость, надежда/упование, чувство собственного достоинства, растерянность, печаль, жалость, тревога, страх, разочарование, безразличие, стыд, вина, гнев, презрение, другое*)» о чувствах по отношению к Русскому миру закономерен потому, что политический образ есть не только отражение реально существующих ключевых особенностей объекта восприятия (Русского мира), но и проекция ожиданий субъекта восприятия (Пищева, 2011), в том числе привнесение эмоций, показывающих отношение к этому концепту и имеющих разную интенсивность.

Процедура исследования. Вопросы были предложены в онлайн-формате на платформе Анкетолог, полученные с помощью открытых и ассоциативных вопросов данные анализировались посредством количественного и качественного контент-анализа, был применен метод выделения категорий, проведены тематический и частотный анализы. К разработке категорий было приглашено 3 эксперта, имеющих психологическое и социологическое образование, в результате обработки данных была достигнута высокая согласованность результатов.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования образа Русского мира у русских в Казахстане и Кыргызстане

Представим результаты исследования и проанализируем полученные данные по каждому из вопросов.

Первый вопрос «Что значит для вас быть русским?» показал следующую палитру мнений (табл. 2). Ответы были обработаны с помощью контент-анализа, распределены по категориям, которые потом были объединены в темы, также был применен частотный анализ. Согласованность мнений экспертов: α Кронбаха 0,83 (русские в Кыргызстане), α Кронбаха 0,81 (русские в Казахстане).

Таблица 2

Категории ответов русских в Казахстане и Кыргызстане на вопрос «Что значит для вас быть русским?»

Русские в Казахстане	Русские в Кыргызстане
Культура: - «Культура» (15): «знать свой язык и владеть им», «думать по-русски», «богатая история», «русские ценности и вероисповедание» и пр. - Быть человеком (2): «оставаться человеком», «быть собой»	Культура: - «Культура» (24): «говорить на русском языке», «знать и уважать историю», «ценить культуру», «соблюдение религии», «великое культурное наследие» и пр. - «Быть человеком» (6), например: «просто быть Человеком», «быть хорошим человеком», «быть человеком с открытой душой», «открытым и уверенным» и пр.
Чувства: - «Гордость» (7) - «Исключительность» (1): «считать себя частью великой нации» - «Безразличие» (4), например: «не знаю», «ничего не значит», «просто быть русским», «быть космополитом»	Чувства: - «Гордость» (14), «уважение» (2), «любовь» (3), «патриотизм» (1) - «Исключительность» (2), например: «иметь свою историю», «уникальным»
Принадлежность: - «Принадлежность» (1) - «Нация/национальность» (9) - «Внешность» (1) - «Родиться» (3)	Принадлежность: - «Принадлежность» (3) - «Нация» (3)
Действия: - «Активные действия» (2): «сохранить культуру своего народа в любом месте», «читать предков» - «Пассивная позиция» (4): «родили», «повезло?», «мы не выбираем нацию», «быть космополитом»	Действия: - «Активные действия» (6), например: «хранить обычаи и традиции», «воспитывать внуков в русских ценностях», «защищать народ» и пр. - «Пассивная позиция» (2): «национальность не имеет значения», «просто быть русским»
Преемственность: - «Преемственность» (6), например: «быть гордым за историю своего народа», «сохранять культуру», «знать свою историю», «знать и помнить свои корни», «читать предков»	Преемственность: - «Преемственность» (11), например: «иметь русских маму и папу», «иметь русские корни», «быть потомком», «воспитывать внуков» и пр.
Безграничность: - «Безграничность» (3): «быть той национальностью, которой ты родился, не важно, где родился», «сохранять культуру своего народа в любом месте», «быть космополитом»	Безграничность: - «Безграничность» (3): «быть частью русского народа», «быть частью великого народа», «относиться к числу людей, которые говорят на русском языке»

Примечание. В скобках указана частота упоминания представленной категории.

Table 2

**Categories of answers to the question “What does it mean for you to be Russian?”
among the Russians from Kazakhstan and Kyrgyzstan**

Russians in Kazakhstan	Russians in Kyrgyzstan
Culture: - “Culture” (15): “knowing mother language and mastering it”, “thinking in Russian”, “having rich history”, “adhering to Russian values and the Orthodox faith”, <i>etc.</i> - “Being human” (2): “remaining human”, “being myself”	Culture: - “Culture” (24): “speaking Russian”, “knowing and respecting Russian history”, “appreciating Russian culture”, “adhering to the Orthodox faith”, “having great cultural heritage”, <i>etc.</i> - “Being human” (6), <i>e.g.</i> : “just being human”, “being a good person”, “being an open-minded person”, “being open and confident”, <i>etc.</i>
Feelings: - “Pride” (7) - “Exclusivity” (1): “considering myself a part of a great nation” - “Indifference” (4), <i>e.g.</i> : “I do not know”, “it means nothing”, “just being Russian”, “being a cosmopolitan”	Feelings: - “Pride” (14), “respect” (2), “love” (3), “patriotism” (1) - “Exclusivity” (2), <i>e.g.</i> : “having our own history”, “being unique”
Affiliation: - “Affiliation” (1) - “Nation/nationality” (9) - “Appearance” (1) - “Having being born” (3)	Affiliation: - “Affiliation” (3) - “Nation” (3)
Actions: - “Active actions” (2): “preserving Russian culture anywhere”, “honoring our own ancestors” - “Passive position” (4): “having been born”, “having got lucky?”, “we do not choose our nationality”, “being a cosmopolitan”	Actions: - “Active actions” (6), <i>e.g.</i> : “preserving our own customs and traditions”, “raising our own grandchildren in Russian values”, “protecting our own people”, <i>etc.</i> - “Passive position” (2): “nationality does not matter”, “just being Russian”
Succession: - “Succession” (6), <i>e.g.</i> : “being proud of the history of the Russian people”, “preserving Russian culture”, “knowing Russian history”, “knowing and remembering my own roots”, “honoring our own ancestors”	Succession: - “Succession” (11), <i>e.g.</i> : “having Russian parents”, “having Russian roots”, “being a descendant”, “raising our own grandchildren”, <i>etc.</i>
Boundlessness: - “Boundlessness” (3): “nationality is more important than place of birth”, “preserving Russian culture anywhere”, “being a cosmopolitan”	Boundlessness: - “Boundlessness” (3): “being part of the Russian people”, “being part of a great people”, “belonging to Russian-speaking people”

Note. The frequency of the mentioned categories is given in parentheses.

Так, из данных таблицы 2 следует, что для респондентов из Казахстана и Кыргызстана «быть русским» значит ассоциировать себя с русской культурой (язык, история, традиции и пр.), значит, быть человеком. При этом некоторые русские из Кыргызстана отмечают отдельное личностное качество – быть открытым. Тем не менее сами по себе обороты «оставаться человеком» и «быть собой», где нет прямой отсылки к конкретным характеристикам, все же говорят нам о русских ценностях. В обыденной речи можно часто услышать: «будь человеком», «нужно оставаться человеком», когда призывают к лучшим человеческим качествам, к порядочности, к пониманию или сочувствию; а «быть собой» значит быть искренним по отношению к себе и быть свободным выбирать свой путь. Многие респонденты чувствуют гордость и исключительность. Однако респонденты из Кыргызстана показывают больший спектр положительных чувств: и гордость, и любовь,

и уважение, и патриотизм. Также при упоминании о своих чувствах в своих цитатах они используют слово «Родина», что не наблюдается у представителей из Казахстана. Однако у представителей русской диаспоры обеих стран присутствует и безразличие, что может говорить о размывании, постепенном стирании своей этнической идентичности на фоне этнического большинства, а также равнодушии к русской культуре и тому, что отражено в идее Русского мира. Тем не менее русские из Казахстана и Кыргызстана отмечают принадлежность через нацию, через страну, где родился, а значит «быть русским» выходит за пределы российских географических границ. Об этом также говорит и категория «безграничность», где «русскость» не привязана к отдельной четко закреплённой локации и может «прорастать» за пределами страны, что созвучно цивилизационной природе Русского мира с его гибкими границами. Русские из Кыргызстана описывают свою принадлежность немного другим образом: через обозначение себя как части общности – русского народа, поэтому безграничность ими также понимается скорее через объединение отдельных частей, разбросанных по всему миру (русская диаспора как часть Русского мира). Преемственность в традициях, опыте между прошлым, настоящим и будущим также важна, чтобы чувствовать себя русским. Особый акцент на будущее ставят представители из Кыргызстана, когда дважды упоминают слово «внуки», а значит, преемственность не ограничивается только прошлым и настоящим. Противоположно русским из Казахстана, русские из Кыргызстана чаще упоминают «совершение активных действий» и реже занимают пассивную позицию. Такая пассивность и равнодушие, в особенности у русских из Казахстана, проявляются и в объявлении себя космополитом. Разберемся подробнее. Космополитизм – идеология так называемого «мирового гражданства»; идеология, проповедующая отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, отрицающая государственный и национальный суверенитет (Модржинская, 1977). Это определение говорит нам даже не столько о политических взглядах русского человека, сколько об отрицании родной культуры. За этими взглядами может стоять механизм оправдания «разрыва» на две страны: Россию и Казахстан.

Второй вопрос «Быть русским – это ...», где респондентам было необходимо выбрать из перечня вариантов наиболее отзвучающие им, показал следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Соотношение ответов (%) на вопрос «Быть русским – это» у русских из Казахстана и Кыргызстана / Ratio (in %) of answers to the question “Being Russian is ...” among the Russians from Kazakhstan and Kyrgyzstan

Варианты ответа / Answer options	Русские из Казахстана / Russians in Kazakhstan, %	Русские из Кыргызстана / Russians in Kyrgyzstan, %
Говорить на русском языке / Speaking Russian	70	70
Исповедовать традиционные ценности русской культуры / Professing the traditional values of Russian culture	53	68
Испытывать солидарность с русской историей / Feeling solidarity with Russian history	47	51
Знать и любить русскую историю / Knowing and loving Russian history	53	63
Хранить память о своей семье и о тех местах, откуда она родом / Keep the memory of our own family and the places where they come from	73	59
Воспитывать детей в ценностях русской культуры / Raising our own children in the values of Russian culture	53	51
Хорошо знать исторические вехи развития России / Being well-versed in the historical milestones of Russia's development	37	29
Черпать силы в русской культуре и традициях в разных жизненных ситуациях / Drawing strength from Russian culture and traditions in different life situations	43	51

Из табл. 3 можно заключить, что три базовых принципа Русского мира, а именно: использование русского языка, принятие ценностей русской культуры и солидарность с русской историей выражены в разной степени. Наиболее важно, как для русских из Казахстана, так и Кыргызстана, это говорить на русском языке, наименее – хорошо знать исторические вехи России. Отметим, что было предложено две альтернативы относительно истории: «испытывать солидарность с русской историей» и «знать и любить русскую историю», в которых делается акцент не только на когнитивном, но и на эмоциональном отношении к этому вопросу. Было показано, что эмоциональные варианты «любить», «испытывать солидарность» ближе русскому человеку из Казахстана и Кыргызстана, то есть историческая связь и сопричастность для них поддерживается не на уровне знаний, а на уровне чувств. Итак, быть русским, значит, прежде всего, говорить на русском языке, а также хранить память о своей семье и о местах, откуда она родом (особенно у русских из Казахстана), черпать силы в русской культуре, однако исторические вехи страны знать совсем необязательно. Здесь наблюдаются некоторые противоречия. Получается, что респонденты готовы сохранять память, но о чем – не так важно, нет необходимости в точности и глубине знаний. Отметим, что те представители русской диаспоры обеих стран, которые выбирали ответ «исповедовать традиционные ценности русской культуры», как правило, выбирали «воспитывать детей в ценностях русской культуры», а значит, сами выступают и носителями, и трансляторами «носимого» следующему поколению. Однако такая тенденция наблюдается больше у русских из Кыргызстана, а у русских из Казахстана – только у половины выборки, это означает, что трансляция «русскости» и принципов

Русского мира в Кыргызстане более вероятна, нежели в Казахстане. Уникальные ответы русских из Кыргызстана «ощущение своей значимости как части чего-то большего», «уникальность видения» говорят о том, что русский – это часть чего-то большего, часть общности, которое обладает уникальным взглядом на мир. Это согласуется с Русским миром как идеей, идеей, консолидирующей и предлагающей уникальный путь цивилизационного развития.

Третий вопрос «С чем у Вас ассоциируется Русский мир?» выявил палитру ассоциаций, которые с помощью трех экспертов были определены в тематические категории, позже объединенные в темы (табл. 4, 5). Согласованность мнений экспертов: α Кронбаха 0,83 (русские в Кыргызстане), α Кронбаха 0,81 (русские в Казахстане).

Таблица 4

Результаты индуктивного двухэтапного кодирования ассоциаций
о Русском мире у русских из Казахстана и Кыргызстана (часть 1)

Политика	Пространство	Время	Люди
Государство (Россия, СССР, царское время, Русь) Государство (Россия, СССР, держава)	Территория (СНГ, там, где русские) Территория (земля, там, где живут русские)	Время (прошлое, настоящее, будущее)	Полит. представители (президент, цари)
Политика (президент, пограничные с Россией страны)	—	Преемственность (Россия, СССР, царское время, Русь) Преемственность (Россия, СССР, держава)	Население (люди) Население (люди, народ, обычные люди, там, где живут русские)
Война/кризис и мир (война, мир, спокойствие) Война / кризис и мир (мир)	—	—	Конкретные деятели культуры (Пушкин, Толстой, Достоевский, Куприн, Есенин)

Примечание. Обычный шрифт – русские из Кыргызстана, жирный шрифт – русские из Казахстана.

Table 4

Results of inductive two-stage encoding of associations about the Russian World
among the Russians from Kazakhstan and Kyrgyzstan (Part 1)

Politics	Space	Time	People
State (Russia, the USSR, Tsarist times, Rus) State (Russia, the USSR, the Russian Empire)	Territory (CIS, where Russians live) Territory (land, where Russians live)	Time (past, present, future)	Leaders of the state (president, tsars)
Politics (president, countries bordering Russia)	—	Succession (Russia, the USSR, Tsarist times, Rus) Succession (Russia, the USSR, the Russian Empire)	Population (people) Population (nation, people, ordinary people, where Russians live)
War/crisis and peace (war, peace, calm) War/crisis and peace (peace)	—	—	Specific cultural figures (Pushkin, Tolstoy, Dostoevsky, Kuprin, Yesenin)

Note. Answers of the Russians from Kyrgyzstan are given in normal font; answers of the Russians from Kazakhstan are given in bold font.

Таблица 5

Результаты индуктивного двухэтапного кодирования ассоциаций
о Русском мире у русских из Казахстана и Кыргызстана (часть 2)

История	Культура	Общие характеристики	Другое
Преемственность (Россия, СССР, держава, царское время, Русь) Преемственность (Россия, СССР, держава)	Религия (православие)	Величие (величие, большое наследие) Величие (богатство, процветание)	Природа (поля, горы, мороз) Природа (земля, природа)
История История	Общая культура (язык, литература, балет, стереотипы, кухня, традиции) Общая культура (язык, литература, балет, кинематограф, театр, музыка, питание)	Разнообразие (СНГ, матрешка) Разнообразие (многонациональный народ)	Отношение (защита, хранение, часть личного опыта, безразличие) Отношение-безразличие / нет представления (не знаю, ничто, ни с чем, затрудняюсь ответить, просто Русский мир)
—	Менталитет / ценности (например, сострадание, справедливость) Менталитет / ценности (например, бесхитрость, доброта)	Объединение (единство)	—
—	—	Влияние / актив. сила (защита)	—
—	—	Мощь / пассив. сила (мощь) Мощь / пассив. Сила (мощество, мощь, сила)	—

Примечание. Обычный шрифт – русские из Кыргызстана, жирный шрифт – русские из Казахстана.

Table 5

Results of inductive two-stage encoding of associations about the Russian World
among the Russians from Kazakhstan and Kyrgyzstan (Part 2)

History	Culture	General characteristics	Other
Succession (Russia, the USSR, Tsarist times, Rus) Succession (Russia, the USSR, the Russian Empire)	Religion (Orthodoxy)	Greatness (greatness, great heritage) Greatness (wealth, prosperity)	Nature (fields, mountains, frost) Nature (land, nature)
History History	General culture (language, literature, ballet, stereotypes, cuisine, traditions) General culture (language, literature, ballet, cinema, theater, music, cuisine)	Diversity (CIS, matryoshka) Diversity (multinational people)	Attitude (protection, storage, part of personal experience, indifference) Attitude-indifference / no idea (I do not know, I find it difficult to answer, nothing, no answer, just the Russian world)
—	Mentality / values (e.g., compassion, justice) Mentality / values (e.g., simple-mindedness, kindness)	Unification (unity)	—
—	—	Influence / active force (protection)	—
—	—	Power / Passive power (might) Power / Passive Power (might, strength)	—

Note. Answers of the Russians from Kyrgyzstan are given in normal font; answers of the Russians from Kazakhstan are given in bold font.

В результате индуктивного двухэтапного кодирования было выделено несколько общих тем, куда вошли соответствующие категории (таблицы 4, 5). Как у русских из Казахстана, так у русских из Кыргызстана были выделены одинаковые темы (*политика, пространство, время, люди, история, культура, общие характеристики, другое*), однако их наполнение категориями немного различается. Сразу отметим, что выделенные темы частично пересекаются с выделенными Е.Б. Шестопал параметрами оценки образа страны: политико-культурный параметр, субъективный параметр; пространственный параметр, темпоральный параметр, политико-психологический параметр (Образы государств..., 2008).

Действительно, как отмечают русские из Кыргызстана, Русский мир рассматривается в контексте политики, ассоциируется с президентом, который часто использует это понятие в своей речи, ассоциируется с внешним контуром граничащих с Россией стран, поскольку по своей сути Русский мир выступает инструментом идентификации, объединения и коммуникации между разными социальными группами различных стран. Представители русской диаспоры осознают Русский мир в контексте политики, ассоциируя его с категорией государства.

У некоторых русских из Кыргызстана присутствует негативный эмоциональный окрас: Русский мир ассоциируется с войной, то есть в современной геополитической ситуации отстаивание этого мира воспринимается негативно и не принимается некоторыми респондентами, однако их уравнивают те респонденты, которые, наоборот, ассоциируют его с миром и спокойствием.

Русский мир – это и пространство, причем без привязки к конкретному месту, то пространство, где русские. Это указывает на гибкость и широту границ Русского мира; это и время, особо стоит отметить преемственность прошлого, настоящего, но связь с будущим замечается только у русских из Кыргызстана. Как и результаты предыдущего вопроса (воспитание внуков), это показывает, по сути, жизнеспособность идеи Русского мира в будущем и на территории Кыргызстана, для этого складывается благоприятная обстановка. Ответы, указывающие на безразличие, у этой группы практически отсутствуют, наоборот, даже отдельно выделяются защита и сохранение как показатели вовлечения этой идеи в их активные действия. У русских же в Казахстане не выделены категории будущего во «времени», «объединении», «религии», отсутствие этих категорий, а также отсутствие позиции по данному вопросу (категория «отношение») указывают на то, что Русский мир у них слабо выступает объединяющим и коммуникационным фактором.

Преимственность особенно выделяется на уровне страны, поскольку респонденты из Кыргызстана обозначили почти все стадии существования России (Древняя Русь, царское время, Российская империя, СССР, Россия) – стержневого государства русской/евразийской цивилизации, которое является истоком идеи Русского мира. Интересно, что в этой цепи русские из Кыргызстана не выделили времена Российской империи, а русские из Казахстана – Древнюю Русь. Выпадение этого звена может быть связано с исторической памятью, а также восприятием Русского мира как объединяющего фактора. Так, упоминание России, вероятно, связано с тем, что респонденты или их родственники могут быть оттуда родом, также сама идея Русского мира берет свои истоки из России. Упоминание СССР тоже проистекает из того факта, что Кыргызстан и Казахстан являлись республиками, ранее входившими в состав СССР. Что касается дореволюционного времени, то в 1731 году Абулхаир признал российское подданство, и Казахстан был в составе Российской империи до конца ее существования². Однако в эпоху Древней Руси (конец IX века до монгольского нашествия) Казахстан никогда не был частью Древней Руси, более того, монголо-татарское иго, подчинившее себе Древнюю Русь на долгие годы, занимало в том числе современную территорию Казахстана³. Такое историческое территориальное и культурное разъединение выбивает Древнюю Русь из хронологической цепи ассоциаций у русских из Казахстана. Выпадение звена Российской империи у русских из Кыргызстана также связано с геополитической обстановкой того времени. Так, территория Кыргызстана на тот период входила в Кокандское ханство (Хасанов, 1977). Между ним и Российской империей, особенно в первой половине XIX века, отношения были сложные и носили в основном конфронтационный характер. Также наблюдался разлом северных и южных кыргызов, когда первые добровольно переходили в российское подданство по причине внутренней смуты и экспансии Империи Цин, остальная территория современной Южной Киргизии была отвоена у Кокандского ханства и стала частью территории Ферганской долины в составе Российской империи⁴. Что касается Древней Руси и времени татаро-монгольского ига, то в X веке наблюдалось сужение территорий, контролируемых кыргызами, а при Чингисхане их государство как таковое уже не существовало: были лишь небольшие отдельные независимые владения, а в начале XIII века все

² Началось присоединение Казахстана к России. 21.10.1731. URL: <https://www.prilib.ru/history/619652> (дата обращения: 26.10.2023).

³ Материалы по истории Казахстана. Казахстан в монгольский период (XIII–XV вв.). URL: <https://www.kstu.kz/wp-content/uploads/docs/ik/teor/teor5.htm> (дата обращения: 26.10.2023).

⁴ Кокандская экспедиция 1875—76 гг. // Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В.Ф. Новицкого ... и др. СПб.; М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911—1915. Т. 13. С. 23–25.

эти уделы выразили покорность Чингисхану и добровольно вошли в состав Монгольской империи (Рашид ад-Дин, 1952). После история остается до конца неясной и полна проблем и противоречивых концепций. Поэтому в данном случае даже если часть кыргызов так или иначе участвовала в монгольских нашествиях, то она была лишь добровольно покорившейся частью ига и не самым сильным его звеном, и потому вытеснения звена Руси, как в случае с Казахстаном, не наблюдается.

В ответах респондентов из обеих стран также важный акцент делается на людях и ценностях русской культуры, это говорит о том, что Русский мир выступает инструментом идентификации, объединения и коммуникации на базе общих ценностей.

Четвертый вопрос «Где, по Вашему мнению, проходят границы Русского мира? Какие группы, страны туда входят?» показал целую палитру мнений. Был проведен контент-анализ, ответы были определены в тематические категории и проведен частотный анализ. Согласованность мнений: α Кронбаха 0,83 (русские в Кыргызстане), α Кронбаха 0,81 (русские в Казахстане). Данные приведены в табл. 6.

Таблица 6 / Table 6

Категории ответов на вопрос о границах Русского мира у русских из Казахстана и Кыргызстана / Categories of answers to the question about the boundaries of the Russian World among the Russians from Kazakhstan and Kyrgyzstan

Категории / Categories	Русские в Кыргызстане / Russians in Kyrgyzstan	%	Русские в Казахстане / Russians in Kazakhstan	%
«Субъекты России, где русские» / "Russian regions, where Russians live"	1	2	1	3
«В границах РФ» / "Within the borders of the Russian Federation"	7	17	4	13
«Славянские страны» / "Slavic countries"	4	10	3	10
«СНГ/постсоветское пространство» / "CIS/post-Soviet space"	9	22	9	30
«Везде, где русские, /нет границ» / "Everywhere where Russians are, / no borders"	19	46	8	27
«Нет представления» / "No idea"	7	17	3	10

Так было выделено несколько категорий, которые «воронкой» расширяются от малого до пространства всего мира. Как у русских в Казахстане, так и у русских в Кыргызстане субъективные границы Русского мира в большинстве своем выходят за пределы географических границ России. В основном эти границы проходят по постсоветскому пространству либо отсутствуют в принципе. Интересные замечания наблюдались у русских из Кыргызстана, ответы которых были определены в категорию «без границ». Они отмечали не только то, что «где русские – там и Русский мир», но и ас-

пект взаимодействия с другими общностями: «все, кто не притесняет русских, кто живёт с ними в мире», «Русский мир там, где к нему хорошо относятся и где люди общаются на одном языке». Это значит, что Русский мир транслируется не только на русских, но и на этническое большинство, где проживает русская диаспора, а потому выступает и коммуникационным фактором между разными культурами. Был также отмечен пространственно-временной критерий границ Русского мира: «те страны, которые были в составе страны более чем 100 лет», а значит, необходим срок, чтобы другие территории приняли и переняли принципы Русского мира. Все это подтверждает то, что Русский мир – цивилизационное понятие с гибкими границами.

В пятом вопросе «Считаете ли Вы себя принадлежащим к Русскому миру?» респондентам было предложено шкалирование от 1 до 7. Результаты показали, что 73 % русских в Кыргызстане в той или иной степени ощущают принадлежность к Русскому миру. Не определились 20%, не принадлежат в той или иной степени 7%. А также 80 % русских в Казахстане с разной степенью выраженности оценивают себя принадлежащими к Русскому миру, 10% респондентов не смогли определиться, 10% не считают себя принадлежащими к Русскому миру (рис. 1).

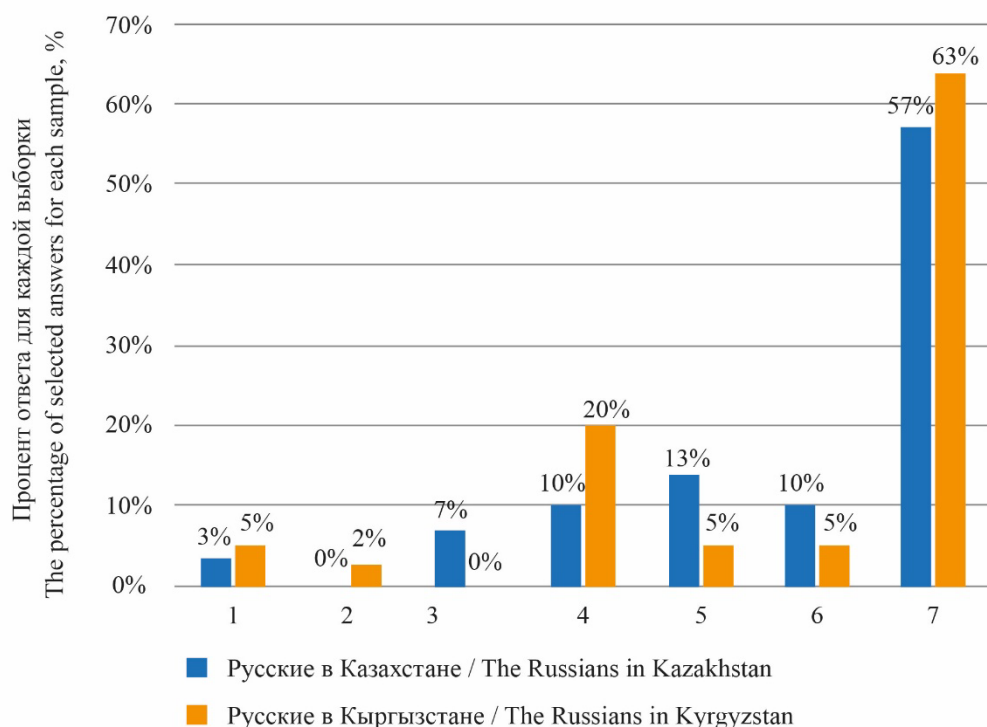

Рис. 1. Соотношение ответов (%) на вопрос о выраженности принадлежности к Русскому миру у русских из Казахстана и Кыргызстана
Figure 1. Ratio (in %) of answers to the question about the degree of belonging to the Russian World among the Russians in Kazakhstan and Kyrgyzstan

Результаты свидетельствуют о том, что Русский мир может включать в себя процесс идентификации, а значит, можно рассмотреть Русский мир как прообраз цивилизационной идентичности (как результат процесса идентификации). Более того, русские как из Казахстана, так и Кыргызстана идентифицируют себя с Русским миром, а значит, идея действительно распространяется на русскую диаспору за пределами официальных границ России и может служить фактором идентификации и объединения русских в России и за рубежом.

Шестой вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к Русскому миру? Выберите цифру от 1 (совсем не испытываю) до 7 (испытываю в полной мере) для каждого чувства» предполагал шкалирование каждого чувства от 1 до 7. Полученные данные представлены в табл. 7, где интегрированы результаты процентного соотношения ответов на вопрос о выраженности чувств по отношению к Русскому миру у русских как в Казахстане, так и Кыргызстане.

Таблица 7 / Table 7

Соотношение ответов (%) на вопрос о выраженности чувств по отношению к Русскому миру у русских в Казахстане (I) и Кыргызстане (II) / Ratio (in %) of answers to the question about the expression of feelings towards the Russian World among the Russians from Kazakhstan (I) and Kyrgyzstan (II)

Чувство / Feeling	Выраженность чувства / Intensity of feeling													
	1		2		3		4		5		6		7	
	Позитивные чувства / Positive feelings													
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Гордость / Pride	3	2	0	0	7	0	13	10	10	7	13	12	53	68
Восхищение / Admiration	3	2	3	0	7	2	10	12	13	10	20	10	43	63
Любовь / Love	3	2	0	0	10	0	7	2	3	15	17	17	60	63
Радость / Happiness	7	2	0	0	7	5	7	7	23	17	17	12	40	56
Надежда / упование / Hope	7	2	3	0	10	2	10	0	10	20	13	7	47	68
Чувство собственного достоинства / Self-esteem	7	2	0	2	0	0	10	7	13	2	7	17	63	68
	Негативные чувства / Negative feelings													
Растерянность / Confusion	57	73	17	12	7	5	3	0	3	5	7	5	7	0
Печаль / Sadness	60	61	13	12	7	5	10	12	3	7	3	0	3	2
Жалость / Pity	70	76	3	5	10	2	10	10	7	0	0	0	0	7
Тревога / Anxiety	57	54	10	2	7	10	13	17	7	7	0	5	7	5
Страх / Fear	67	68	13	5	3	10	7	7	7	2	3	2	0	5
Разочарование / Disappointment	67	73	20	10	0	5	3	2	7	2	0	2	3	5
Безразличие / Indifference	70	83	3	7	3	2	13	2	3	2	0	2	7	0
Стыд / Shame	83	78	10	2	0	5	3	2	3	5	0	0	0	7
Вина / Guilt	87	90	7	2	3	0	0	2	0	2	3	2	0	0
Отчаяние / Despair	87	83	7	10	3	2	0	2	0	2	3	0	0	0
Гнев / Anger	83	90	7	0	7	5	0	2	3	2	0	0	0	0
Презрение / Contempt	90	90	7	2	3	2	0	5	0	0	0	0	0	0
Ненависть / Hate	97	88	0	2	3	5	0	0	0	2	0	2	0	0

Опираясь на данные табл. 7, можно заключить, что наблюдается четкая дихотомия позитивных и негативных чувств. Наглядно выражены позитивные чувства гордости, восхищения, любви, радости, надежды/упования, чувства собственного достоинства (интенсивность от 5 до 7) у большинства респондентов. В основном респонденты как из Казахстана, так и Кыргызстана не испытывают негативные чувства вины, гнева, отчаяния, презрения и пр. Однако у некоторых из них наблюдаются растерянность и тревога. Несмотря на общий низкий уровень безразличия и чувства стыда по отношению к Русскому миру, у русских из Казахстана чаще встречаются ответы о безразличии, а у русских и Кыргызстана – о стыде. Однако в уникальных ответах респондентов как из Казахстана, так и Кыргызстана упоминались такие чувства, как: интерес, вера в будущее/лучшее, чувство связи и единения, трепет, солидарность и благодарность. В общем и целом преобладают позитивные чувства относительно Русского мира, что в данном случае говорит о жизнеспособности идеи Русского мира, потенциальных принятии русской диаспорой и ее развитию на постсоветском пространстве.

*Результаты исследования образа России у русских
в Казахстане и Кыргызстане*

У русских в Казахстане и Кыргызстане также было проведено исследование по изучению образа России, откуда берет свои истоки идея Русского мира. Ответы на три вопроса представлены в табл. 8. Данные были обработаны контент-анализом, распределены по категориям. Согласованность мнений экспертов: α Кронбаха 0,83 (русские в Кыргызстане), α Кронбаха 0,81 (русские в Казахстане).

Таблица 8

Категории ответов на вопросы об образе России у русских в Казахстане и Кыргызстане

По вашему мнению, Россия – она какая?	В чем вы видите силу России?	А в чем ее слабость?
Сила: - «Сильная» (16), например: «сильная», «могучая» и др.; - «Великая» (14); - «Смелая» (3). Сила: - «Сильная» (24), например: «сильная», «могучая» и др.; - «Великая» (11); - «Смелая» (3): «смелая», «отважная», «дерзкая»	Сила: - «В силе/могуществе» (2). Сила: - «В силе/могуществе» (5). Отсутствие силы: - «Ни в чем» (1)	Отсутствие слабостей: - «Нет слабостей» (7). Отсутствие силы: «незащищенность». Отсутствие слабостей: - «Нет слабостей» (5)
Единение: - «Сплоченная» (1). Единение: - «Сплоченная» (2)	Единение: - «В единении» (8). Единение: - «В единении» (13)	Отсутствие единения (2), например: «в разрозненности». Отсутствие единения: - «В разобщенности» (2)

Продолжение табл. 8

По вашему мнению, Россия – она какая?	В чем вы видите силу России?	А в чем ее слабость?
Многонациональность: - «Многонациональность» (3). Многонациональность: - «Многонациональность» (2)	Многонациональность: - «В многонациональности» (2)	—
Потенциал: - «Талантливая» (2); - «Высокий потенциал» (1); - «Богатая» (2). Потенциал: - «Высокий потенциал» (1); - «Богатая» (3)	Потенциал: - «В научно-техническом потенциа- ле, в потенциале молодежи (3); - «Талантливая» (1). Потенциал: - «В научно-техническо- природном потенциале» (3)	—
Мудрость: - «Мудрая» (3). Мудрость: - «Мудрая» (3)	Мудрость: - «В правде» (2). Мудрость: - «В умном президенте» (1)	Отсутствие мудрости: - «В глупости». Отсутствие мудрости: - «В глупости»
Ценности/характер: - «Добрая» (6), например: «щед- рая душа», «с открытым серд- цем», «добрая» и др.; - «Справедливая» (9); - «Духовная и благородная (6), например: «благородная», «вы- соконравственная», «достойная» и др. Ценности/характер: - «Добрая» (7), например: «добрая», «радушная», «щед- рая» и др.; - «Справедливая» (4)	Менталитет/характер (13), напри- мер: «в духе», «в самоотверженно- сти», «в семейных ценностях». Менталитет: - «В менталитете» (1)	Менталитет/характер: - «В доброте» (14), напри- мер: «в доброте», «в довер- чивости», «в мягкости»; - Другие ответы: в воспита- нии (2), в корысти и злобе, в неумении ценить свою страну. Менталитет/характер: - «В доброте» (5), напри- мер: «в доброте», «в до- верчивости», «в щедро- сти»; - Другие ответы: в про- дажности людей, в по- корности, в толерантно- сти, в менталитете
—	Люди: - «В людях» (9); - «В президенте» (10). Люди: - «В людях» (9); - «В президенте» (3)	Люди (см. также категорию «Менталитет/ценности»): - «В людях» (3). Люди (см. также катего- рию «Ментали- тет/ценности»): - «В людях» (2)
—	Политика: - «В президенте» (9); - «Во власти» (3). Политика: - «В президенте» (3)	Политика: - «В правительстве» (3); - «В политике» (2). Политика: - «В правительстве» (4); - «В политике» (1); - «В политическом строе» (1): в нелиберальной де- мократии
Размер (большой): - «Большая» (16), например: «большая», «огромная» и др. Размер (большой): - «Большая» (8), например: «большая», «просторная», «необъятная» и др.	Размер (большой) (2)	Размер (большой) (1)

Окончание табл. 8

По вашему мнению, Россия – она какая?	В чем вы видите силу России?	А в чем ее слабость?
Исключительность: - «Исключительная» (8): «держав» (4), «непобедимая» (2), «со своими правилами»; - «Гордая» (3); - «Независимая» (2). Исключительность: - «Исключительная» (3): «сверхдержава», «лучшая», «непобедимая»; - «Гордая» (2); - «Независимая» (2)	Исключительность: «русских и Россию бережет Бог»	Исключительность: «высокомерие»
Безразличие/нет представления (2), например, «нормальная». Безразличие/нет представления: - «Обычная» (2)	Безразличие/нет представления (2): «не знаю». Безразличие/нет представления: - «Нет содержательного ответа» (2): «ни в чем», «все равно»	Безразличие/нет представления (3). Безразличие/нет представления: - «Нет содержательного ответа» (3), например: «не знаю», «все равно». - «Пассивная позиция»: «все ее не любят»
Другие ответы: красивая (6), родная (2), холодная, защитница. Другие ответы: красивая, культурная, холодная, родная, надежная, защитница	Другие ответы: в знании и понимании истории, в сохранении всех языков и культур, в природных богатствах	Другие ответы: в дорогах, в алкоголе, в переименовании истории
«Страна-герой»: - «Держава» (4), - «Героическая», - «Непобедимая» (2), - «Сильная духом», - «Защитница», - «Самопожертвование»	—	—

Примечание. Обычный шрифт – русские из Кыргызстана, жирный шрифт – русские из Казахстана. В скобках указана частота упоминания представленной категории.

Table 8

Categories of answers to the questions about the image of Russia among the Russians from Kazakhstan and Kyrgyzstan

In your opinion, what is Russia like?	In your opinion, what is Russia's strength?	In your opinion, what is Russia's weakness?
Power: - "Strong" (16), e.g.: "strong", "mighty", etc.; - "Great" (14); - "Bold" (3). Strength: - "Strong" (24), e.g.: "strong", "mighty", etc.; - "Great" (11); - "Bold" (3): "bold", "brave", "daring"	Power: - "In strength/might" (2). Strength: - "In power/might" (5). Lack of power: - "No strength" (1)	Lack of weaknesses: - "No weaknesses" (7). Lack of power: "insecurity". Lack of weaknesses: - "No weaknesses" (5)
Unity: - "United" (1). Unity: - "United" (2)	Unity: - "In unity" (8). Unity: - "In unity" (13)	Lack of unity (2), e.g.: "in disunity". Lack of unity: - "In disunity" (2)

Continued in Table 8

In your opinion, what is Russia like?	In your opinion, what is Russia’s strength?	In your opinion, what is Russia’s weakness?
Multinationality: - “Multinational” (3). Multinationality: - “Multinational” (2)	Multinationality: - “In multinationality” (2)	—
Potential: - “Talented” (2); - “High potential” (1); - “Rich” (2). Potential: - “High potential” (1); - “Rich” (3).	Potential: - “In scientific and technical potential, in the potential of youth” (3), - “Talented” (1). Potential: - “In scientific, technical and natural potential” (3).	—
Wisdom: - “Wise” (3). Wisdom: - “Wise” (3)	Wisdom: - “In truth” (2). Wisdom: - “In the smart president” (1)	Lack of wisdom: - “In stupidity”. Lack of wisdom: - “In stupidity”
Values/character: - “Kind” (6), <i>e.g.</i> : “generous soul”, “open-hearted”, “kind”, <i>etc.</i> ; - “Just” (9); - “Spiritual and noble” (6), <i>e.g.</i> : “noble”, “highly moral”, “worthy”, <i>etc.</i> Values/character: - “Kind” (7), <i>e.g.</i>: “kind”, “hos- pitable”, “generous”, <i>etc.</i>; - “Fair” (4)	Mentality/character (13), <i>e.g.</i> : “in spirit”, “in dedication”, “in family values”. Mentality: - “In the mentality” (1)	Mentality/character: - “In kindness” (14), <i>e.g.</i> : “in kindness”, “in trustfulness”, “in gentleness”; - Other answers: in education (2), in greed and malice, in the inability to appreciate the native country. Mentality/character: - “In kindness” (5), <i>e.g.</i>: “in kindness”, “in trustfulness”, “in generosity”; - Other answers: in the venality of people, in obedience, in toler- ance, in mentality
—	People: - “In people” (9); - “In the president” (10). People: - “In people” (9); - “In the president” (3)	People (see also the category “Mentality / values”): - “In people” (3). People (see also the category “Mentality / values”): - “In people” (2)
—	Politics: - “In the president” (9); - “In power” (3). Politics: - “In the president” (3)	Politics: - “In the government” (3); - “In politics” (2). Politics: - “In the government” (4); - “In politics” (1); - “In the political system” (1): in the illiberal democracy
Size (large): - “Big” (16), <i>e.g.</i> : “big”, “huge”, <i>etc.</i> Size (large): - “Big” (8), <i>e.g.</i>: “big”, “spa- cious”, “immense”, <i>etc.</i>	Size (large) (2).	Size (large) (1).
Exclusivity: - “Exceptional” (8): “power” (4), “invincible” (2), “with its own rules”; - “Proud” (3); - “Independent” (2). Exclusivity: - “Exceptional” (3): “superpow- er”, “best”, “invincible”; - “Proud” (2); - “Independent” (2)	Exclusivity: “God protects Russians and Russia.”	Exclusivity: “arrogance”

In your opinion, what is Russia like?	In your opinion, what is Russia's strength?	In your opinion, what is Russia's weakness?
Indifference / no idea (2), <i>e.g.</i> , "normal". Indifference / no idea: - "Ordinary" (2)	Indifference / no idea (2): "I don't know." Indifference / no idea: - "No meaningful answer" (2): "nothing", "it does not matter"	Indifference / no idea (3). Indifference / no idea: - "No meaningful answer" (3), <i>e.g.</i> : "I do not know", "it does not matter". - "Passive position": "Nobody likes it"
Other answers: beautiful (6), native (2), cold, protective. Other answers: beautiful, cultured, cold, native, reliable, protective	Other answers: in the knowledge and understanding of history, in the preservation of all languages and cultures, in natural resources	Other answers: in the roads, in alcohol, in the reinterpretation of history
"Hero Country": - "Power" (4), - "Heroic", - "Invincible" (2), - "Spirited", - "Defender", - "Self-sacrifice"	—	—

Note. Answers of the Russians from Kyrgyzstan are given in normal font; answers of the Russians from Kazakhstan are given in bold font. The frequency of the mentioned categories is given in parentheses.

Из табл. 8 следует, что для русских из Казахстана и Кыргызстана Россия представляется в первую очередь сильной, великой и смелой. Также они акцентируют ее «характер»: добрая и справедливая. Образ также включает и пространственный параметр «большой размер». Россия для респондентов также представляет собой исключительную страну с высоким потенциалом, она – есть сплочение многообразия. Русские из Кыргызстана особо выделяют ее красоту, духовность и талант. Характеристики, данные респондентами именно из Кыргызстана, складываются в единую категорию «страны-героя». Все эти характеристики свидетельствуют в общем и целом о положительном образе России как страны, откуда берет свои истоки идея Русского мира, как стержневого государства русской/евразийской цивилизации. Положительный образ страны может способствовать привлекательности идеи Русского мира и ее принятию. Однако присутствуют как сильные, так и слабые стороны России. Выделенные категории по трем вопросам были расположены в смысловом соотношении по строкам табл. 8. Силу России респонденты видят в первую очередь в ее единении, людях, потенциале и могуществе как таковом. Респонденты из Кыргызстана подчеркивают исключительность страны через высшую силу, которой она управляется «русских и Россию бережет Бог». По сути, это формулировка афоризма российского фельдмаршала XVIII века Б.К. Миниха: «Россия – это такая страна, которая напрямую управляется Богом. Потому что, если это не так, непонятно, как она вообще существует»⁵. Некоторые из респондентов не видят слабостей, однако сла-

⁵ Путин заявил, что Россия управляется Богом, но существует благодаря народу. 06.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20177431> (дата обращения: 06.03.2024).

бости все-таки есть. Люди противоречиво воспринимаются и как сила, и как слабость. Доброта и доверчивость как общепринятые положительные качества и являющиеся частью положительного образа страны отчетливо выступают ее слабостью, как и некоторые другие черты характера. Несмотря на силу в единении, упоминается разобщенность страны, несмотря на мудрость – глупость. Гордость и независимость могут перерасти в высокомерие. А большую слабость помимо «людей» респонденты видят в политике, в частности, в правительстве, хотя в президенте видят силу. Отметим общую тенденцию: при ответах на любой из трех вопросов всегда находилось несколько респондентов, которые через ответы «не знаю» или «все равно» показывали свое безразличие/несформированность представления относительно России. Однако такое безразличие встречалось и в ответах на другие вопросы о Русском мире преимущественно у представителей русской диаспоры Казахстана. В целом образ России позитивен, однако при уточнении сильных и слабых сторон были выявлены противоречия.

Выводы

Итак, до сих пор практически отсутствовали исследования в контексте политико-психологического подхода об образах России и Русского мира у русской диаспоры за рубежом. Настоящее исследование впервые позволило изучить психологическое субъективное содержание Русского мира как потенциального консолидирующего фактора русских на постсоветском пространстве, в частности, в Казахстане и Кыргызстане. По результатам исследования были сформулированы следующие выводы:

- в целом Русский мир оценивается позитивно, наблюдается четкая дихотомия позитивных (интенсивно выражены) и негативных чувств (слабо выражены), однако также некоторыми респондентами ощущаются растерянность и тревога;

- подавляющее большинство респондентов оценивают себя принадлежащими в той или иной степени к Русскому миру, и потому он, распространяясь за пределы официальных границ России, может быть инструментом идентификации, объединения и коммуникации как русских между собой, так и русских с этническим большинством в странах постсоветского пространства;

- субъективные границы Русского мира различны, в основном они проходят по пространству СНГ/СССР либо в принципе отсутствуют, что также подтверждает цивилизационную природу Русского мира с гибкими границами;

- использование ассоциативного метода позволило выделить несколько категорий, объединенных в темы, характеризующие Русский мир. Интересно «выпадение» у русских из Казахстана Древней Руси, а у русских из

Кыргызстана Российской империи из хронологической цепи ассоциаций «Древняя Русь – царская Россия – Российская империя – СССР – Россия», что может быть связано с исторической памятью и «выпадением» тех исторических периодов, когда представленные страны находились не в дружественных отношениях с Россией, что противоречит объединяющей идее Русского мира;

– наблюдается преемственность прошлого, настоящего, но связь с будущим откликается только респондентам из Кыргызстана. Это говорит о жизнеспособности идеи Русского мира в будущем, и на территории Кыргызстана для этого складывается благоприятная обстановка;

– ответы, указывающие на безразличие, у респондентов из Кыргызстана практически отсутствуют, наоборот, даже отдельно выделяются защита и сохранение как показатели вовлечения этой идеи в их активные действия;

– у русских же в Казахстане не выделены категории будущего во «времени», «объединении», «религии», отсутствие этих категорий, а также отсутствие позиции по данному вопросу (категория «отношение») ослабляет объединяющую и коммуникационную роль Русского мира на территории Казахстана;

– в вопросе «что значит быть русским» были заключены базовые принципы Русского мира. Результаты показали, что они были выражены в разной степени. Быть русским – это, прежде всего, говорить на русском языке, а также хранить память о своей семье и о местах, однако исторические вехи страны знать совсем необязательно. Наблюдается противоречие: сохранение памяти важно, однако у респондентов нет потребности в глубине знаний истории, они связаны с ней лишь на эмоциональном уровне;

– поскольку на принятие идеи Русского мира может оказывать влияние образ страны, откуда она берет свои истоки, образ России также был изучен. Образ России у русских из Казахстана и Кыргызстана в целом положительный, а значит идея Русского мира может быть потенциально привлекательна и принимаема. Однако анализ сильных и слабых характеристик страны показал противоречивость ее образа, а также то, как ее достоинства могут одновременно оборачиваться и ее недостатками.

Итак, Русский мир – это уникальный путь цивилизационного развития, это единое русское культурно-языковое пространство, которое не ограничено объективными границами одного государства. Русский мир может быть фактором идентификации, коммуникации и консолидации как русских, так и русских и этнического большинства на постсоветском пространстве. Образ Русского мира у русских из Казахстана и Кыргызстана содержательно и эмоционально непротиворечив, но и неоднороден. Настоящее исследование имеет свои *ограничения*: численность выборки, выбор только двух стран

для анализа, отсутствие поколенческого анализа (что особенно актуально с точки зрения исторической перспективы на постсоветском пространстве). В будущих исследованиях актуально провести сравнение результатов об образах России и Русского мира, полученных у русской диаспоры, с результатами, полученными у русских из России, а также у этнического большинства тех стран, где проживает русская диаспора.

Данное исследование открывает новые перспективы для глубокого изучения образов России и Русского мира не только в научных, но и прикладных целях: ведь эта идея требует грамотного развития со стороны социальных и политических институтов, а забота о привлекательности образа страны также будет способствовать развитию и принятию идеи Русского мира.

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288с.
- Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дисс. ... канд. полит. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2009. 163 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Еремина Н.В., Конфисахор А.Г., Солонников Д.В. Фактор «идентичности» в развитии геополитических цивилизаций // Социодинамика. 2018. №. 3. С. 45–63. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.3.25672>
- Жаде З.А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации: дисс. ... докт. полит. наук. Краснодар: КубГУ, 2007. 352 с.
- Козловцева Н.А. «Русский мир» как теоретическое понятие в современном социально-гуманитарном знании // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 3. С. 284–292. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2017-14-3-284-292>
- Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты: монография. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.
- Митина О.В., Петренко В.Ф. Психосемантический анализ имиджа государства: реконструкция и измерение // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №. 3. С. 16–27.
- Модржинская Е.Д. Космополитизм // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.]. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1977. Т. 27. С. 256.
- Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. 286 с.
- Пенькова Е.А. Русский мир как фактор социальной идентификации российской молодежи: дисс. ... канд. соц. наук. М.: РГСУ, 2012. 164 с.
- Петухов В.В., Барааш Р.Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. Политические исследования. 2014. №. 6. С. 83–101. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.06.07>

- Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47–52.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. В 3-х т. / пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и прим. А. А. Семенова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т.1, кн. 1. 222 с.
- Селезнева А.В., Смутькина Н.В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 352–371. <https://doi.org/10.17223/18572685/54/21>
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
- Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М.: Наука, 1977. 95 с.
- Хренов Н.А. Между Америкой и Китаем: концепт «Другого» в становлении и трансформации цивилизационной идентичности России (начало) // Культура культуры. 2021. № 1. С. 6.
- Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское // Антология русской философии: В 3-х т. СПб.: Сенсор, 2000. Т. 2. С. 374–388.
- Deyneka O., Dauksha V. The image of the Belarusian State in students' consciousness during the recent financial crisis // Psychology Applications & Developments. Advances in Psychology and Psychological Trends Series / Ed. by C. Pracana. Lisboa: InScience Press, 2014. Pp. 272–281.
- Moscovici S. Social Representations: Essays in Social Psychology. New York: New York University Press, 2001. 313 p.
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Political Psychology: Key Readings / Ed. by J.T. Jost, J. Sidanius. New York, NY: Psychology Press, 2004. Pp. 276–293. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы об образах России и Русского мира

1. Что значит для Вас быть русским?
2. Быть русским – это (выберите те варианты, которые подходят Вам): говорить на русском языке, исповедовать традиционные ценности русской культуры, хорошо знать исторические вехи развития России, испытывать солидарность с русской историей, знать и любить русскую историю, хранить память о своей семье и о тех местах, откуда она родом, воспитывать детей в ценностях русской культуры, черпать силы в русской культуре и традициях в разных жизненных ситуациях, другое
3. С чем у Вас ассоциируется Русский мир?
4. Где, по Вашему мнению, проходят границы Русского мира? Какие группы, страны туда входят?
5. Считаете ли Вы себя принадлежащим к Русскому миру? (оцените по шкале от 1 до 7)
6. Какие чувства Вы испытываете по отношению к Русскому миру? (выберите те варианты, которые Вам подходят и оцените их интенсивность по шкале от 1 (совсем не испытываю) до 7 (испытываю в полной мере): гордость, восхищение, любовь, радость, надежда/упование, чувство собственного достоинства, растерянность, печаль, жалость, тревога, страх, разочарование, безразличие, стыд, вина, гнев, презрение, ненависть, другое)
7. По Вашему мнению, Россия – она какая? (дайте 3–5 определений)
8. В чем Вы видите силу России?
9. А в чем ее слабость?

История статьи:

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

Принята к печати 22 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Кузнецова Ю.С. Образы России и Русского мира у представителей русской диаспоры в Казахстане и Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 556–586. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-556-586>

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе:

Кузнецова Юлия Сергеевна, аспирант департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. ORCID: 0009-0007-0496-405X, SPIN-код: 9045-6323. E-mail: usy8991@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-556-586

EDN: LKCKVM

UDC 323.113:327.58:316.473

Research article

The Images of Russia and the Russian World among the Russian Diaspora in Kazakhstan and Kyrgyzstan

Yulia S. Kuznetsova

HSE University,
Moscow, Russian Federation
 usy8991@gmail.com

Abstract. Currently, the Russian world potentially is a new unifying, communication and civilizational factor not only within Russia, but also beyond its borders, in the post-Soviet space. The Russian diaspora is a part of the Russian world and can act as its successor and translator; therefore, this study is devoted to the images of the Russian world and Russia (as the country from which the Russian world takes its origins) among Russians in the post-Soviet space (using the example of countries such as Kazakhstan and Kyrgyzstan). The study sample included 71 members of the Russian diaspora living in Kyrgyzstan (41 people) and Kazakhstan (30 people); the methodological tools included: the open-ended question method, associative method and scaling. It was found that the majority of the respondents felt a sense of belonging to the Russian world to one degree or another; in general, they evaluated it positively; there was a predominance of positive feelings towards the Russian world, but anxiety was also present. For the overwhelming majority of the respondents, the subjective boundaries of the Russian world either ran through the post-Soviet space or were absent at all. Specific differences could be observed: in the chronological chain ‘Ancient Rus – Tsarist Russia – The Russian Empire – The USSR – Russia’ different links were displaced depending on the

historical relations of Russia with the countries where the Russian diaspora lived. Compared to the Russians from Kazakhstan, the Russians from Kyrgyzstan noted that in the time perspective of the Russian world there could be not only the past and the present, but also the future; they also had such categories as ‘time’, ‘unification’ and ‘religion’, which testified to the potential of the Russian world as a unifying factor between Russia and, accordingly, Kyrgyzstan. Some members of the Russian diaspora did not have answers to this or that question about the Russian world, which might indicate indifference or lack of understanding of it, and therefore the need for competent development of the idea of the Russian world on the part of social and political institutions.

Key words: The image of Russia, Russian world, Russian diaspora, the post-Soviet space, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Anderson, B. (2001). *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Batanova, O.N. (2009). *The Russian world and the problems of its formation*. Ph.D. in Political science Thesis. Moscow: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. (In Russ.)
- Berger, P.L., & Luckmann, T. (1995). *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Deyneka, O., & Dauksha, V. (2014). The image of the Belarusian State in students’ consciousness during the recent financial crisis. In C. Pracana (Ed.). *Psychology Applications & Developments. Advances in Psychology and Psychological Trends Series* (pp. 272–281). Lisboa: InScience Press.
- Eremina, N.V., Konfisakhov, A.G., & Solonnikov, D. V. (2018). «Identity» factor in development of geo-civilizations. *Sociodynamics*, (3), 45–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.3.25672>
- Huntington, S.P. (2003). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Saint Petersburg: AST. (In Russ.)
- Khasanov, A.K. (1977). *Popular movements in Kyrgyzstan during the period of the Kokand Khanate*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Khrenov, N.A. (2021). Between America and China: the concept of the “Other” in the formation and transformation of Russia’s civilizational identity (beginning). *Kul'tura kul'tury*, (1). 6. (In Russ.)
- Kondakov, I.V., Sokolov, K.B., & Khrenov, N.A. (2011). *Civilizational identity in the Transitional era: cultural, sociological and art historical aspects*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Kozlovitseva, N.A. (2017). The "Russian world" as a theoretical concept in the modern social and humanitarian knowledge. *Observatory of Culture*, 14(3), 284–292. (In Russ.) <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2017-14-3-284-292>
- Mitina, O.V., & Petrenko, V.F. (2009). Psychosemantic analysis of state image: reconstruction and measuring. *Psychological Journal*, 30(3), 16–27. (In Russ.)

- Modrzhinskaya, E.D. (1977). Cosmopolitanism. In A.M. Prokhorov (Ed.). *The Great Soviet Encyclopedia* (Vol. 27, p. 256). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
- Moscovici, S. (2001). *Social Representations: Essays in Social Psychology*. New York: New York University Press.
- Pen'kova, E.A. (2012). *The Russian World as a factor of social identification of Russian youth*. Ph.D. in Sociology Thesis. Moscow: Russian State Social University. (In Russ.)
- Petukhov, V.V., & Barash, R.E. (2014). The Russians and the «Russian World»: the historical context and the contemporary interpretation. *Polis. Political Studies*, (6), 83–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.06.07>
- Pishcheva, T.N. (2011). Political images: problems of investigation and of interpretation. *Polis. Political Studies*, (2), 47–52. (In Russ.)
- Rashid al-Din. (1952). *Collection of Chronicles* (vol. 1, book 1). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (2004). The social identity theory of intergroup behavior. In J.T. Jost, J. Sidanius (Eds.). *Political Psychology: Key Readings* (pp. 276-293). New York, NY: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>
- Zhade, Z.A. (2007). *Russia's Geopolitical identity in the context of globalization*. Doctorate in Political science Thesis. Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)

APPENDIX

Questions about the images of Russia and the Russian world

- 1 What does it mean for you to be Russian?
- 2 To be Russian is: (Choose the options that suit you: speaking Russian, professing the traditional values of Russian culture, being well-versed in the historical milestones of Russia's development, feeling solidarity with Russian history, knowing and loving Russian history, keeping the memory of our own family and the places where they come from, raising our own children in the values of Russian culture, drawing strength from Russian culture and traditions in different life situations, other)
- 3 What do you associate the Russian world with?
- 4 Where do you think the borders of the Russian world lie? Which groups and countries are included there?
- 5 Do you consider yourself to belong to the Russian world? (rate on a scale from 1 to 7)
- 6 What are your feelings towards the Russian world? (Choose the options that suit you and rate their intensity on a scale from 1 (do not experience at all) to 7 (experience to the fullest): pride, admiration, love, happiness, hope, self-esteem, confusion, sadness, pity, anxiety, fear, disappointment, indifference, shame, guilt, despair, anger, contempt, hate, other)
- 7 In your opinion, what is Russia like? (give 3–5 definitions)
- 8 In your opinion, what is Russia's strength?
- 9 In your opinion, what is Russia's weakness?

Article history:

Received 10 March 2024

Revised 20 April 2024

Accepted 22 April 2024

For citation:

Kuznetsova, Y.S. (2024). The images of Russia and Russian World among Russians in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 556–586. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-556-586>

Conflicts of interest:

The author declares that there is no conflict of interest.

Bio note:

Yulia S. Kuznetsova, PhD student in Psychology, HSE University, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-0496-405X, SPIN-code: 9045-6323. E-mail: usy8991@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-587-607

EDN: LXVYCE

УДК 159.9

Исследовательская статья

Осознанная саморегуляция и удовлетворенность жизнью как ресурсы профессиональной вовлеченности и предупреждения выгорания у современного учителя

И.Н. Бондаренко^{ID}, Т.Г. Фомина^{ID}, В.И. Моросанова^{ID}Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Москва, Российская Федерация pondi@inbox.ru

Аннотация. Актуальность поиска психологических ресурсов поддержания профессиональной вовлеченности и предупреждения эмоционального выгорания определяется высокими нагрузками и стрессовыми условиями работы современных учителей. Цель исследования – выявить регуляторные ресурсы вовлеченности учителей, рассмотреть их как способ защиты от выгорания в зависимости от удовлетворенности жизнью и стажа работы. Выборку исследования составили учителя средних школ Москвы, Московской области и Калуги ($n = 142$ человека, возраст $44,61 \pm 12,29$; средний стаж педагогической деятельности – $19,62 \pm 12,73$), которые были разделены на три группы: стаж 0–5 лет ($n = 21$, возраст $27,5 \pm 6,64$), стаж 5–20 лет ($n = 52$, возраст $38,35 \pm 8,23$), 20 лет и старше ($n = 69$, возраст $54,7 \pm 6,7$). Для диагностики использовались: Утрехтская шкала увлеченности работой (UWES); Опросник профессионального выгорания Маслач (МБВ/ПВ), Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) Э. Динера и др.; Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ-2020) В.И. Моросановой. В результате выявлены положительные взаимосвязи вовлеченности с осознанной саморегуляцией достижения целей, удовлетворенностью и профессиональными достижениями, и отрицательные – с симптомами выгорания. Показано, что уровень вовлеченности и удовлетворенности от стажа работы не зависят, в отличие от проявлений выгорания и регуляторных ресурсов, которые различаются у учителей с разным стажем. Впервые продемонстрирована метаресурсная роль саморегуляции, развитие которой вносит значимый вклад во все компоненты вовлеченности. Учителя с разным стажем работы используют специальные регуляторные ресурсы для ее поддержания. Наличие ресурсов зависит от содержательных задач профессиональной деятельности. Удовлетворенность жизнью особенно важна на начальном этапе работы в школе, в то время как низкое выгорание является условием высокой вовлеченности для учителей со средним и большим ста-

жем. Полученные результаты обсуждаются в контексте ресурсного подхода, а также практических технологий поддержания вовлеченности и снижения выгорания у учителей.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, вовлеченность, выгорание, ресурсный подход, удовлетворенность, учителя средней школы, педагогический стаж

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 20-18-00470 «Саморегуляция и школьная вовлеченность как психологические ресурсы академической успешности: лонгитюдное исследование».

Введение

В настоящее время учитель сталкивается с рядом новых задач, требующих серьезных дополнительных усилий. Освоение современных методов и форм обучения, связанных с информационными технологиями, сочетается с уже привычной перегруженностью бумажными отчетами и традиционными для педагога внеклассной работой, ответственностью за воспитание и с заботой о здоровье, развитии и безопасности учеников. Поскольку преподавание является одной из самых стрессовых профессий (Skaalvik, Skaalvik, 2011), проблема вовлеченности учителей в работу общепризнана (Klassen et al., 2013). Учителя с низкой вовлеченностью часто страдают от выгорания, имеют проблемы со здоровьем (Nakanen et al., 2006), для них характерен высокий абсентеизм (Bal et al., 2013). Все это приводит к неудовлетворенности жизнью и профессиональному выгоранию. Следствием этих процессов являются сильное снижение эффективности профессиональной деятельности педагога, невозможность выполнения поставленных перед ним задач, утрата творческого настроения относительно своего предмета и различные профессиональные деформации. Среди психологических факторов, противостоящих выгоранию, исследователи называют вовлеченность (Schaufeli, Bakker, 2004; Schaufeli et al., 2002) и уделяют большое внимание поиску ее предикторов.

Вовлеченность в профессиональную деятельность определяется как позитивное, приносящее удовлетворение состояние души, связанное с работой, которое характеризуется энергичностью, энтузиазмом и поглощенностью (Schaufeli et al., 2002). Согласно этому подходу, примененному нами в данном исследовании, под энергичностью понимается высокий уровень активности и психической устойчивости во время работы, готовность совершать усилия и настойчивость перед лицом трудностей. Энтузиазм проявляется в чувстве значимости, вдохновении, гордости и вызове. Поглощенность – есть полная концентрация при выполнении своей работы, ощущение быстро проходящего времени, желание возвращаться к этой деятельности после прерывания, переживание радости от достигнутых результатов. Достоинством данного подхода является также обеспеченность его хорошо зарекомендовавшим себя опросником для эмпирических исследований вовлеченности, который мы использовали в данной работе. Исследования,

проведенные в области преподавания, показали, что вовлеченность в работу является положительным предиктором эффективности, благополучия и удовлетворенности профессиональной деятельностью (Granziera et al., 2021). Так, метаанализ, основанный на исследованиях, в которых использовались показатели вовлеченности и выгорания, показал средние корреляции $\rho = -0,48$, $N = 25\,998$ (Crawford et al., 2010).

Понятие «выгорание» было введено для описания постепенного эмоционального истощения и потери мотивации, которые наблюдались у людей, добровольно работавших в организациях по оказанию помощи. По мнению К. Маслач, теоретический подход и опросная методика которой были использованы в нашем исследовании, выгорание — это реакция на хронические эмоциональные, межличностные, организационные или социальные стрессоры на работе (Maslach et al., 2001). Оно имеет три взаимосвязанных компонента: эмоциональное истощение (негативная эмоциональность и потеря энергии), деперсонализация (цинизм) (негативное, бессердечное или чрезмерно отстраненное отношение к другим людям) и снижение профессиональных достижений (снижение самооценки, включая чувство некомпетентности, отсутствие достижений и продуктивности на работе) (Maslach, Leiter, 2016).

Современные исследования выгорания многочисленны. Говоря конкретнее о преподавательской деятельности, В. Агиапонг с коллегами (Agyarpong et al., 2022) продемонстрировали, что выгорание у учителей связано с чрезмерными затратами энергии, сил и ресурсов, которые не всегда успевают восстанавливаться. Роль вовлеченности в противодействии выгоранию трудно переоценить. Так, показано, что вовлеченность, являясь противоположностью выгорания, опосредствует влияние высоких требований работы на плохое самочувствие, организационную приверженность и абсентизм (Барабанщикова, Качина, 2015). Выгорание в свою очередь опосредовало влияние недостатка ресурсов на низкую вовлеченность (Bakker et al., 2023).

Удовлетворенность жизнью — один из самых изученных и стабильных показателей в исследованиях, связанных со взрослыми людьми. Она отражает баланс между желаниями человека и его текущим состоянием. В настоящем исследовании мы используем подход Эд. Динера (Diener et al., 2003), который определяет данный конструкт как интегральную оценку человеком своей жизни, объединяющую частные оценки, которые он дает происходящим с ним событиям и обстоятельствам жизни. Удовлетворенному человеку присущи высокая самооценка, ощущение личного контроля, оптимизм, экстраверсия и социальная компетентность (Diener et al., 2003). По мнению этого автора, субъективное благополучие состоит из следующих компонентов: комплекса приятных эмоций (pleasant affect), комплекса неприятных эмоций (unpleasant affect) и удовлетворенности жизнью. Таким образом, задействуется как когнитивный (оценка удовлетворенности жизнью на интеллектуальном уровне), так и эмоциональный уровень (оценка событий на эмоциональном уровне). Достоинством этого подхода, во-первых,

является возможность респондентам самим определять критерии, по которым они оценивают отдельные аспекты своей жизни. При этом они не ограничиваются лишь аффективными переживаниями, но могут включать и неаффективную информацию, например успех в достижении важных жизненных целей (Diener et al., 2003). Во-вторых, в рамках этого подхода разработана шкала удовлетворенности жизнью, хорошо зарекомендовавшая себя в многочисленных исследованиях. Показано, что на *удовлетворенность жизнью* выгорание влияет негативно (Bakker, de Vries, 2021). В отличие от выгорания, вовлеченность положительно связана с удовлетворенностью жизнью (Hakanen, Schaufeli, 2012; Iancu et al., 2018).

Осознанная саморегуляция (СР) – это рефлексивный инструмент человека, обеспечивающий осознанное выдвижение жизненных целей, управление их достижением и возможность быть самостоятельным, ответственным, гибким и надежным. Осознанная саморегуляция реализуется когнитивно-операциональными компетенциями осознанного *планирования* целей, *моделирования* значимых условий их достижения, *программирования* действий, *оценивания* и *корректировки их результатов*. А также личностно-регуляторными компетенциями: инструментально-личностными свойствами (*гибкость, надежность, настойчивость, ответственность, инициативность* и др.), за которыми стоят личностные стратегии регуляции достижения целей. Система *когнитивно-операциональных и регуляторно-личностных компетенций* и *инструментально-личностных свойств* является механизмом мобилизации и интеграции всех остальных резервов и ресурсов индивидуальности (когнитивных, эмоциональных, личностных) для достижения поставленных целей. От их наличия и развития значимо зависят успешность, надежность, продуктивность и конечный результат действий человека в достижении любой цели. Общее развитие осознанной СР зависит как от когнитивного уровня СР, так и от личностного (Моросанова, 2021).

Применение ресурсного подхода к осознанной саморегуляции (Моросанова, 2014) в нашем исследовании дает возможность рассматривать саморегуляцию учителей как ресурс поддержания вовлеченности и снижения опасности выгорания в профессиональной деятельности педагога. Исследования, выполненные ранее в рамках этого подхода, позволили установить, что выгорание может сопровождаться сниженной регуляцией субъектом своей активности (Фомина, Моросанова, 2013). Также была раскрыта опосредствующая роль осознанной саморегуляции во взаимосвязи вовлеченности в работу и профессионального выгорания у педагогов (Фомина, 2016). В настоящем исследовании предлагается более комплексный подход, направленный на выявление универсальных и специальных ресурсов поддержания вовлеченности и противодействия выгоранию.

Вопрос влияния возраста и стажа работы на уровень выгорания и вовлеченности до сих пор не получил однозначного ответа. Можно предположить, что этот процесс не является ни линейным, ни непрерывным, что подтверждается результатами исследований связи стажа работы и выгорания

(Березина и др., 2023). В отношении вовлеченности мнения исследователей разнятся. Так, Т. Топчан и коллеги показали отсутствие влияния стажа на вовлеченность (Torchyuan, Woehler, 2021). А на выборке китайских учителей ($n=2185$) было продемонстрировано, что учителя с опытом преподавания менее пяти лет показали наибольшую вовлеченность в работу в сравнении с учителями, проработавшими в школе от 16 до 25 лет (Li et al., 2015). Из-за того, что вовлеченность в большей степени зависит от специфики решаемых задач (Bakker et al., 2011; Sonnentag, 2017), а уровень выгорания имеет накопительный эффект, настоящее исследование будет дополнено учетом такой переменной, как стаж работы.

Таким образом, **цель исследования** — выявление регуляторных ресурсов вовлеченности учителей и способов их защиты от выгорания в зависимости от удовлетворенности жизнью и стажа работы.

В исследовании решались следующие **задачи**:

1) изучить взаимосвязь между вовлеченностью, эмоциональным выгоранием, удовлетворенностью и осознанной саморегуляцией достижения профессиональных целей у педагогов;

2) сравнить группы, различающиеся по стажу работы, по исследуемым показателям;

3) выявить регуляторные и личностные предикторы компонентов вовлеченности в группах учителей, различающихся по стажу работы.

Процедура и методы исследования

Участники. Выборка включала 142 учителя (7 % мужчин) общеобразовательных школ Москвы, Троицка, Калуги. Средний возраст от 21 года до 70 лет ($M = 44,61 \pm 12,29$); стаж педагогической деятельности от 0,5 до 47 лет ($M = 19,62 \pm 12,73$). Выделены три группы учителей, различающихся по стажу работы: 1) стаж 0–5 лет ($n = 21$, возраст $27,5 \pm 6,64$); 2) стаж 5–20 лет ($n = 52$, возраст $38,35 \pm 8,23$); 3) стаж 20 лет и больше ($n = 69$, возраст $54,7 \pm 6,7$).

Методики. Данные об осознанной саморегуляции достижения цели, вовлеченности в профессиональную деятельность, удовлетворенности жизнью и о профессиональном выгорании собраны с помощью валидизированных и хорошо зарекомендовавших себя на практике опросников.

1. *Утрехтская шкала увлеченности работой* (Utrecht Work Engagement Scale, UWES) определяет степень увлеченности работой по трем составляющим: энергичность, энтузиазм и поглощенность деятельностью (Schaufeli W. et al., 2002), адаптация Д. Кутузовой (2006).

2. *Опросник профессионального выгорания К. Маслач*, МБИ/ПВ, адаптация Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой (2007) со шкалами: эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений, и интегральная шкала общего уровня выгорания.

3. *Одношкальный опросник Шкала удовлетворенности жизнью*, SWLS Э. Динера и др., 1985, адаптация Е. Н. Осина, Д. А. Леонтьева (2004).

4. *Опросник В.И. Моросановой Стиль саморегуляции поведения*, ССПМ-2020 (Моросанова, Кондратюк, 2020) со шкалами: планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, настойчивость, надежность и общий уровень саморегуляции.

Статистический анализ данных осуществлялся при помощи статистического пакета IBM SPSS Statistics 26. Применялись следующие процедуры статистического анализа: расчет описательных статистик, анализ значимых различий, кластерный анализ, регрессионный анализ.

Результаты исследования

Связи вовлеченности, эмоционального выгорания, удовлетворенности жизнью и осознанной саморегуляции

Для изучения взаимосвязи между вовлеченностью, эмоциональным выгоранием, удовлетворенностью и осознанной саморегуляцией достижения профессиональных целей выполнен ранговый корреляционный анализ Спирмена. Результаты получены на всей выборке (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязи между вовлеченностью, эмоциональным выгоранием, удовлетворенностью и осознанной саморегуляцией достижения профессиональных целей (вся выборка, N = 142) / Relationships between Engagement, Emotional Burnout, Satisfaction and Conscious Self-Regulation of Professional Goal Attainment (the total sample, N = 142)

Показатели CP / Variables of SR	Вовлеченность / Engagement				Выгорание / Burnout			
	Энергичность / Vigor	Энтузиазм / Dedication	Поглощенность / Absorption	Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	Эмоциональное истощение / Emotional exhaustion	Деперсонализация / Depersonalization	Редукция профессиональных достижений / Personal accomplishment	Выгорание / Burnout
Планирование / Planning	.45	.40	.52	.38	–22	–33	.41	–29
Моделирование / Modeling	.43	.48	.37	.38	–40	–29	.46	–39
Программирование / Programming	.36	.43	.41	.42	–17	–34	.43	–26
Оценивание результатов / Evaluating results	.49	.59	.55	.37	–28	–42	.47	–36
Гибкость / Flexibility	.29	.38	.21	.48	–34	–26	.34	–33
Надежность / Reliability	.44	.49	.30	.40	–46	–30	.34	–45
Настойчивость / Persistence	.43	.53	.46	.45	–22	–32	.51	–28
Общий уровень CP / Total level of SR	.57	.64	.55	.48	–40	–44	.58	–46

Примечание. Все корреляции значимы при $p \leq 0,001$.
Note. All the correlations are significant at $p \leq 0,001$.

Все показатели осознанной саморегуляции положительно взаимосвязаны с вовлеченностью и удовлетворенностью, субъективными переживаниями профессиональной эффективности и отрицательно – с выгоранием. Самые сильные взаимосвязи обнаружены с общим уровнем СР (от 0,57 до 0,68). Отметим компетенции *планирования и оценивания результатов*, как наиболее сильно связанные с вовлеченностью (от 0,40 до 0,59). Удовлетворенность в большей мере связана с *планированием, оцениванием результатов и настойчивостью*. Что касается профессионального выгорания, то самые высокие значения коэффициентов корреляции наблюдаются у эмоционального истощения, деперсонализации и общего уровня выгорания со шкалой *надежности* (0,30–0,46). Шкала «редукция профессиональных достижений» закономерно положительно взаимосвязана с саморегуляцией.

Вклад осознанной саморегуляции в вовлеченность

Для оценки вклада СР в вовлеченность выполнен множественный регрессионный анализ для каждого из ее компонентов по всей выборке учителей (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Регуляторные и личностные предикторы компонентов вовлеченности у учителей (вся выборка, N = 142) / Regulatory and Personality Predictors of Engagement Components in Teachers (the total sample, N = 142)

Предикторы / Predictors	Beta	Std. Err.	t (136)	p-level
Энергичность / Vigor Adjusted R ² = .457**; F (3.136) = 40.004				
Общий уровень СР / Total level of SR	.326	.080	4.10	.000
Профессиональное выгорание / Professional burnout	-.240	.077	-3.12	.002
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	.254	.084	3.04	.003
Энтузиазм / Dedication Adjusted R ² = .540***; F (3.136) = 55,507				
Профессиональное выгорание / Professional burnout	-.387	.071	-5.47	.000
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	.314	.077	4.08	.000
Общий уровень СР / Total level of SR	.182	.073	2.49	.014
Поглощенность / Absorption Adjusted R ² = .285*; F (1.138) = 56,422				
Общий уровень СР / Total level of SR	.539	.072	7.511	.000

Примечание. * p ≤ 0,05; ** p ≤ 0,01; *** p ≤ 0,001.
Note. * p ≤ 0,05; ** p ≤ 0,01; *** p ≤ 0,001.

Полученные результаты показали (см. табл. 2), что *Общий уровень осознанной саморегуляции* вносит вклад в каждый из компонентов вовлеченности. Этот вклад имеет свою специфику. Если энергичность и энтузиазм зависят от саморегуляции, удовлетворенности жизнью и отсутствия выгорания, то поглощенность детерминируется исключительно саморегуляцией.

Сравнение учителей с различным стажем работы по уровню вовлеченности, выгорания, саморегуляции и удовлетворенности

Для сравнения групп, различающихся по стажу работы, выполнено разделение выборки учителей на три группы по следующим критериям: педагогический стаж: от 0 до 5 лет – молодые специалисты, начинающие педагоги, от 5 лет до 20 лет – активно развивающиеся педагоги, более 20 лет – предпенсионный возраст и пенсионеры.

По вовлеченности и удовлетворенности жизнью в трех группах значимых различий не обнаружено (табл. 3). В то же время выявлены значимые различия по шкале *деперсонализация*. Попарное сравнение показало, что учителя, которые проработали в школе более 20 лет, в наименьшей степени склонны к профессиональному цинизму в сравнении с учителями с меньшим стажем работы ($p = 0,008$). Соответственно, им свойственен более низкий уровень эмоционального выгорания ($p = 0,009$).

Таблица 3 / Table 3

Сравнение учителей с различным стажем работы по уровню вовлеченности, выгорания, саморегуляции и удовлетворенности (критерий Краскела–Уоллеса) / Comparison of Teachers with Different Lengths of Service in terms of Engagement, Burnout, Self-Regulation and Life Satisfaction (Kruskal–Wallis Test)

Переменные / Variables	Стаж работы (лет) / Work experience (years)						K–W Test	p
	0–5 N = 21		5–20 N = 52		≥ 20 N = 69			
	M	σ	M	σ	M	σ		
Энергичность / Vigor	4.86	.70	4.7	.96	4.9	.98	3.65	.16
Энтузиазм / Dedication	5.44	.58	4.9	1.19	5.2	1.05	4.49	.11
Поглощенность / Absorption	5.05	.82	4.7	1.17	4.9	1.13	1.49	.48
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	25.74	3.76	23.1	5.02	24.3	5.10	4.52	.10
Эмоциональное истощение / Emotional Exhaustion	3.08	1.59	3.0	1.48	2.4	1.62	4.96	.08
Деперсонализация / Depersonalization	1.53	1.39	1.7	1.56	1.0	1.24	9.64	.01
Редукция профессиональных достижений / Personal accomplishment	5.31	.72	5.2	.74	5.3	.95	1.27	.53
Выгорание / Burnout	4.61	2.78	4.7	2.71	3.4	2.55	9.35	.01
Планирование / Planning	15.74	3.38	13.3	3.31	14.7	3.30	8.55	.01
Моделирование / Modeling	14.74	2.80	14.0	2.59	14.1	3.01	.86	.65
Программирование / Programming	17.00	2.18	15.8	2.23	17.1	2.50	11.65	.01
Оценка результатов / Evaluating results	16.26	3.87	14.9	3.44	16.2	3.67	6.88	.03
Гибкость / Flexibility	15.32	2.54	13.9	3.50	13.4	3.18	5.03	.01
Надежность / Reliability	13.84	3.67	13.1	3.30	13.9	3.00	2.81	.25
Настойчивость / Persistence	17.58	1.77	16.2	2.15	16.7	2.60	5.85	.05
Общий уровень CP / Total level of SR	11.4	13.5	101.1	14.3	106.0	15.7	6.025	.05

Также учителя различаются по уровню саморегуляции. Сразу отметим, что для всех трех групп, различающихся по стажу, характерен средний уровень СР. В то же время в группе со стажем 0–5 лет этот уровень значимо выше других групп ($p = 0,05$). Среди компетенций, по которым различаются группы, выделим *планирование, программирование, оценивание результатов и свойство гибкости*. Для молодых педагогов характерны относительно высокое развитие *планирования и гибкости*. Вероятно, именно эти компетентности важны на этапе адаптации. В свою очередь, для учителей со стажем 5–20 лет, тех, кто активно работает и развивается в школе, важны *программирование* (то есть краткосрочное пошаговое планирование) и *оценивание результатов*. И для педагогов с большим стажем работы мы наблюдаем средний уровень СР по всем компетенциям, вероятно, этого уровня достаточно для каждодневной школьной жизни.

Оценка вклада в компоненты вовлеченности саморегуляции, удовлетворенности и выгорания для групп с различным стажем работы позволила выявить регуляторные компетенции, которые важны на различных этапах профессиональной деятельности учителя (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Регуляторные и личностные предикторы компонентов вовлеченности в группах учителей, различающихся по стажу / Regulatory and Personality Predictors of Engagement Components in Groups of Teachers with Different Lengths of Service

Вовлеченность / Engagement	Стаж, годы / Work experience, years	Предикторы / Predictors	β	p
Энергичность / Vigor	≤ 5	$R^2 = .621^{***}; F(4.14) = 5.59$		
		Удовлетворенность жизнью / Satisfaction	.52	.03
		Оценка результатов / Evaluating results	.49	.05
	5–20	$R^2 = .426^{**}; F(3.52) = 14.59$		
		Надежность / Reliability	.34	.011
		Выгорание / Burnout	–.32	.010
	> 20	$R^2 = .569^{***}; F(5.56) = 17.1$		
		Удовлетворенность жизнью / Satisfaction	.24	.047
		Планирование / Planning	.40	.001
		Выгорание / Burnout	–.35	.001
Энтузиазм / Dedication	≤ 5	$R^2 = .416^{**}; F(2.16) = 7.32$		
		Удовлетворенность жизнью / Satisfaction	.47	.04
	5–20	$R^2 = .617^{***}; F(7.48) = 13.67$		
		Выгорание / Burnout	–.41	.001
		Моделирование / Modeling	.27	.030
		Удовлетворенность жизнью / Satisfaction	.28	.015
	> 20	$R^2 = .665^{***}; F(6.55) = 21.27$		
		Выгорание / Burnout	–.46	.000
		Оценка результатов / Evaluating results	.29	.027
		Настойчивость / Persistence	.29	.013
Поглощенность / Absorption	≤ 5	$R^2 = .631^{***}; F(7.11) = 5.39$		
		Выгорание / Burnout	–.66	.01
		Оценка результатов / Evaluating results	.53	.01
		Настойчивость / Persistence	.55	.006
		Моделирование / Modeling	.61	.035
	5–20	$R^2 = .297^{**} F(3.54) = 8.92$		
		Оценка результатов / Evaluating results	.31	.018
	> 20	$R^2 = .569^{***} F(5.57) = 17.38$		
		Оценка результатов / Evaluating results	.29	.052
		Выгорание / Burnout	–.25	.017
		Планирование / Planning	.30	.023

Результаты регрессионного анализа показали (таблица 4), что если у начинающих педагогов только поглощенность «страдает» от выгорания, то у опытных учителей проявления двух компонентов, энтузиазма и энергичности, связаны с низким его уровнем. У учителей с большим стажем работы уже для всех трех компонентов низкое выгорание является значимым условием наличия вовлеченности. Чем меньше преподавательский стаж, тем больше вовлеченность зависит от удовлетворенности жизнью. Отметим наличие специального регуляторного ресурса *оценивания результата* необходимым условием для высокой выраженности вовлеченности на протяжении всей педагогической деятельности.

Обсуждение результатов

Статья посвящена раскрытию и описанию роли осознанной саморегуляции в двух контрастных состояниях, возникающих в профессиональной деятельности учителя, – выгорании и вовлеченности. Результаты, полученные в исследовании, выявили отрицательные взаимосвязи вовлеченности с выгоранием (эмоциональное истощение и деперсонализация) и положительные – с профессиональными достижениями и удовлетворенностью жизнью. Полученные данные согласуются с точкой зрения тех исследователей, которые считают, что вовлеченность противоположна выгоранию, высоко коррелирует с ним, но является самостоятельным феноменом (Schaufeli, Salanova, 2013).

Для прояснения причинно-следственных связей между вовлеченностью и выгоранием, преимущественно касающихся вопроса, что возникает вследствие чего, исследователи настаивают на необходимости учета временного фактора. Так, К. Маслач и М. Лейтер (Maslach, Leiter, 1999) считали, что выгорание возникает, когда снижается вовлеченность, а энергичность, целеустремленность и поглощенность трансформируются в истощение, цинизм и неэффективность, соответственно. Объяснение находим в теории сохранения ресурсов С. Хобфолла (Hobföll, 1989): когда ценные ресурсы теряются (например, энергия в случае выгорания), люди стремятся свести к минимуму все возможные траты из-за опасения больших потерь. Как указывает М. Лейтер, эмоциональное истощение появляется, когда требования работы со временем превышают наличные ресурсы, тогда как цинизм скорее предсказывается ощущением несправедливости (Leiter et al., 2013). Таким образом, для профилактики выгорания учителей важно не пропустить момент частых проявлений негативной эмоциональности, снижения энергичности в работе, а также цинизма, который сводит на нет ощущение ее значимости. Ученые установили временной лаг, при котором эти эффекты становятся статистически значимыми, – 12 месяцев (Maricuțoiu et al., 2017). В свою очередь, в модели *расширения и построения* Б. Фредриксон (Fredrickson, 2004) показала, как опыт положительных эмоций помогает людям рас-

ширять свой репертуар мыслей и действий и в дальнейшем создавать и наращивать внутренние ресурсы. С этой точки зрения, высокий уровень вовлеченности может генерировать значительные личные ресурсы, которые со временем могут защитить человека от выгорания. В то же время А. Мякикангас (Mäkikangas, 2016) подчеркивает, что вовлеченность имеет тенденцию меняться с течением времени, *особенно* это касается молодых сотрудников.

Анализируя различия в профессиональном опыте новичка и специалиста со стажем, Ю.К. Стрелков (2008) сравнивает их по уверенности действий, по времени исполнения, сложности и масштабу решаемых задач, и, добавим, по тем психологическим ресурсам, которые использует учитель, сталкиваясь с отклонениями в течение процесса работы. Поэтому при ответе на вопрос, есть ли специфика в саморегуляции учителей в зависимости от стажа работы, мы сравнили уровень их выгорания, вовлеченности, удовлетворенности жизнью и саморегуляции в трех группах. Результаты сравнения по вовлеченности подтверждают данные исследований, которые не обнаруживают различий по стажу (Куликова, 2021; Topchyan, Woehler, 2021). Вероятно, это связано с тем, что определяющим фактором возникновения вовлеченности является именно соотношение имеющихся компетенций и сложности решаемых задач (Bakker et al., 2023; Csikszentmihalyi et al., 2014). По мере роста профессионализма и та и другая характеристика возрастают. Мы обнаружили самый низкий уровень цинизма в группе учителей с самым большим стажем. Действительно, невозможно много лет работать с детьми, если относиться к ним так, как описано в статье В.И. Имакаева «Критика педагогического цинизма» (Имакаев, 2016).

Впервые выявлены значимые различия в уровне осознанной саморегуляции в группах педагогов с разным стажем работы. Для начинающих учителей оказывается очень важным четко формулировать долгосрочные и краткосрочные цели (*планирование и программирование*), и быть повышенно внимательным к достигаемым на каждом этапе результатам (*оценивание результатов*). Для адаптации к школьному коллективу и новым задачам также необходима высокая *гибкость*.

Для учителей, проработавших в школе от 5 до 20 лет, вопрос целей является решенным, поэтому для них характерны высокое *программирование и оценка результатов*. На этом этапе хорошо освоенные процессы автоматизируются, «сворачиваются», уходят на неосознаваемый уровень.

Что касается учителей с большим стажем (> 20 лет), то для них характерен гармоничный профиль саморегуляции, то есть отсутствуют существенные различия в уровне регуляторных компетенций и свойств. Сравнивая неопытных и опытных специалистов, Ю.К. Стрелков указывает, что уверенность и спокойствие отличают работу профессионала. Опытный специалист обладает более подвижными когнитивными структурами, они упорядочены в своей изменчивости и подвижности, обеспечивают решение широкого круга различных по сложности задач (Стрелков, 2008).

Полученные результаты поставили задачу оценки вклада саморегуляции в вовлеченность учителей с различным стажем работы. Важно было узнать, какой компонент в большей степени зависит от собственной активности учителя, а какой – от внешних факторов, и ответить на вопрос, существует ли специфика детерминации вовлеченности в зависимости от стажа работы.

В результате проведенного исследования мы можем утверждать, что осознанная саморегуляция достижения цели вносит значимый вклад во все компоненты вовлеченности. В зависимости от стажа работы наблюдается следующая специфика.

На начальном этапе педагогической деятельности, вероятно, для снижения излишней тревожности и критики, важно переживать *поглощенность* деятельностью. Для этого требуются такие специальные регуляторные ресурсы, как *оценивание результатов, настойчивость и моделирование*, отражающие способность находить или создавать необходимые для достижения цели условия. Действительно, как указывает В.С. Собкин, молодые учителя прежде всего решают задачу передачи предметных знаний и уделяют много внимания проверке их усвоения (Собкин и др., 2014).

Для дальнейшей работы (стаж 5-20 лет) важно чувствовать *энтузиазм* как выражение удовлетворенности жизнью и отсутствия выгорания. *Моделирование* вносит в это состояние положительный вклад.

А вот у преподавателей с большим стажем (> 20 лет) к вышеназванным компетенциям добавляется *планирование*. Как указывают исследователи, это связано с тем, что именно в этот период в дополнение к образовательным целям учителя решают воспитательные задачи, что приводит к повышению увлеченности работой (Лукина, Запорожская, 2019). Культивирование успешной профессиональной деятельности как наиболее важной жизненной ценности в учительской среде осуществляется именно учителями с большим педагогическим стажем (Собкин и др., 2014).

В случае, когда педагог работает в школе долго, значимым становится состояние *энергичности* как выражения здоровья, отсутствие утомления и наличие желания продолжать трудовую деятельность. Это состояние достигается за счет *планирования и настойчивости*. Не менее важны удовлетворенность жизнью и низкое выгорание.

Полученные результаты показывают, что для энергичности и энтузиазма необходима высокая удовлетворенность жизнью.

С точки зрения ресурсного подхода, выгорание рассматривается «... как истощение ресурсов при желании продолжать трудиться в рамках профессии...» (Бессонова, 2009, с. 366) или как «... системный эффект снижения и инволюции ресурсов разных уровней психологической регуляции» (Водопьянова, 2015, с. 51). В настоящей статье в качестве такого ресурса рассмотрена осознанная саморегуляция достижения профессиональных целей. Нам удалось показать, что такие ценные состояния, как вовлеченность или поток, зависят не только от имеющихся компетенций и сложности зада-

ния (Csikszentmihalyi et al., 2014), а также от вовлеченности и удовлетворенности, но и в значительной степени — от уровня осознанной саморегуляции. Причем для противодействия выгоранию средний уровень саморегуляции является необходимым и достаточным.

Заключение и выводы

Ресурсный подход к осознанной саморегуляции предлагает новый взгляд на факторы поддержания высокой вовлеченности в профессиональную деятельность учителей. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **выводы**.

1. Выявлены положительные связи между вовлеченностью и осознанной саморегуляцией достижения целей, удовлетворенностью жизнью и самооценкой профессиональных достижений.

2. Показано, что вовлеченность и удовлетворенность не зависят от стажа работы, в то время как выгорание (цинизм) и отдельные регуляторные компетенции специфичны в выделенных группах.

3. Впервые продемонстрировано, что развитие осознанной СР вносит значимый вклад во все компоненты вовлеченности, то есть является ее универсальным ресурсом.

4. В группах с различным стажем работы выявлены специальные регуляторные ресурсы вовлеченности. Для преодоления трудностей начала работы в школе важны регуляторная *настойчивость* и высокоразвитые компетенции *моделирования* значимых для достижения целей условий и *оценивания результатов*, что обеспечивает успешное выполнение основной педагогической задачи – передачи научных знаний. У опытных учителей *моделирование и оценивание результатов* дополняются регуляторной *надежностью*. У преподавателей, которые работают в школе более 20 лет, к вышеназванным компетенциям добавляется *планирование*, что позволяет помимо решения задачи обучения успешно справляться с задачей воспитания.

5. Удовлетворенность жизнью особенно важна на начальном этапе работы в школе, в то время как низкое выгорание является условием высокой вовлеченности для учителей со средним и большим стажем работы в школе.

Список литературы

- Барабаничкова В.В., Климова О.А. Представления о вовлеченности в работу и трудолюбии в современных психологических исследованиях // Национальный психологический журнал. 2015. № 1 (17). С.52–60 <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0106>
- Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И. Взаимосвязь профессионального выгорания с показателями возраста и характеристиками образовательной среды // Психология и право. 2023. Т. 13. № 3. С. 193–210. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130314>
- Бессонова Ю.В. Ценностные детерминанты синдрома выгорания // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2009. № 4(51). С. 16–21.
- Водопьянова Н.Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2015. № 1. С. 45–54.

- Водопьянова Н.Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. СПб.: Питер, 2007. 338 с.
- Имакаев В.Р. Критика педагогического цинизма // Школьные технологии. 2016. № 4. С. 8–17.
- Куликова Т.И. Временная организация деятельности современного учителя как детерминанта его стрессоустойчивости // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 2. С. 54–75.
- Кутузова Д. А. Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: дис. ... канд. психол. наук. 19.00.13. М.: ПИ РАО, 2006. 213 с.
- Лукина В.С., Запорожская Е.Е. Увлеченность работой и профессиональное выгорание у учителей общеобразовательной школы // Казанский педагогический журнал. 2019. № 6. С. 133–136.
- Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4. С. 62–78.
- Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>
- Моросанова В.И., Кондратьев Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 155–167.
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Собкин В.С., Адамчук Д. В., Жуков И.Д., Янбекова Д.В. Отношение учителей к проблеме внедрения инноваций // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 23–33.
- Стрелков Ю.К. Структуры профессионального опыта // Д.А. Ошанин и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д.А. Ошанина / под ред. В.И. Панова. Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008. С. 187–210.
- Фомина Т.Г. Саморегуляция как медиатор связи увлеченности работой и профессионального выгорания педагогов // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Международной научной конференции. Кострома, 22–24.09.16: в 2 т. / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапорова, С.А. Хазова. Кострома: КГУ им. Некрасова, 2016. Т. 1. С. 166–168.
- Фомина Т.Г., Моросанова В.И. Профессиональное выгорание учителя: регуляторный подход // Акмеология. 2013. № 3. С. 40–44.
- Agyapong B., Obuobi-Donkor G., Burbach L., Wei Y. Stress, burnout, anxiety and depression among teachers: A scoping review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No 17. Article 10706. <https://doi.org/10.3390/ijerph191710706>
- Bakker A. B., Demerouti E., Sanz-Vergel A. Job demands–resources theory: Ten years later // *Annual review of organizational psychology and organizational behavior*. 2023. Vol. 10. Pp. 25–53. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-120920-053933>
- Bakker A.B., de Vries, J.D. Job demands–resources theory and self-regulation: New explanations and remedies for job burnout // *Anxiety, Stress & Coping: An International Journal*. 2021. Vol. 34. No 1. Pp. 1–21. <https://doi.org/10.1080/10615806.2020.1797695>
- Bakker A.B., Simon A.L. Leiter M.P Key questions regarding work engagement // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2011. Vol. 20. No 1. Pp. 4–28. <http://dx.doi.org/10.1080/1359432X.2010.485352>
- Bal M., Bryde D., Fearon D., Ochieng E. Stakeholder engagement: Achieving sustainability in the construction sector // *Sustainability*. 2013. Vol. 5. No 2. Pp. 695–710.
- Crawford E. R., LePine J. A., Rich B. L. Linking job demands and resources to employee engagement and burnout: a theoretical extension and meta-analytic test // *Journal of Applied Psychology*. 2010. Vol. 95. No 5. Pp. 834–848. <https://doi.org/10.1037/a0019364>
- Csikszentmihalyi M., Abuhamdeh S., Nakamura, J. Flow // *Flow and the foundations of positive psychology: The collected works of Mihaly Csikszentmihalyi*. Dordrecht: Springer, 2014. Pp. 227–238.

- Diener E., Scollon C. N., Lucas R. E.* The evolving concept of subjective well-being: The multifaceted nature of happiness // *Advances in Cell Aging and Gerontology*. 2003. Vol. 15. Pp. 187–219. http://dx.doi.org/10.1007/978-90-481-2354-4_4
- Fredrickson B. L.* The broaden-and-build theory of positive emotions // *Philosophical transactions of the royal society of London. Series B: Biological Sciences*. 2004. Vol. 359. No 1449. Pp. 1367–1377. <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1512>
- Granziera H., Collie R., Martin A.* Understanding teacher wellbeing through job demands-resources theory // *Cultivating teacher resilience* / Ed. C.F. Mansfield. Singapore: Springer, 2021. Pp. 229–244. https://doi.org/10.1007/978-981-15-5963-1_14
- Hakanen J.J., Bakker A.B., Schaufeli W.* Burnout and work engagement among teachers // *Journal of School Psychology*. 2006. Vol. 43. No 6. Pp. 495–513. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2005.11.001>
- Hakanen J.J., Schaufeli W.B.* Do burnout and work engagement predict depressive symptoms and life satisfaction? A three-wave seven-year prospective study // *Journal of affective disorders*. 2012. Vol. 141. No 2–3. Pp. 415–424. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2012.02.043>
- Hobföhl S.* Conservation of resources: a new attempt at conceptualizing stress // *American Psychologist*. 1989. Vol. 44. No 3. Pp. 513–524. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513>
- Iancu A., Rusu A., Maroiu C., Pacurar R., Maricutoiu L.* The effectiveness of interventions aimed at reducing teacher burnout: A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. 2018. Vol. 30. Pp. 373–396. <https://doi.org/10.1007/s10648-017-9420-8>
- Klassen R.M., Sündüs Y., Durksen T.* Measuring teacher engagement: development of The Engaged Teachers Scale (ETS) // *Frontline Learning Research*. 2013. Vol. 1. No 2. Pp. 33–52. <https://doi.org/10.1007/s10648-017-9420-8>
- Li M., Wang Z., You X., Gao J.* Value congruence and teachers' work engagement: the mediating role of autonomous and controlled motivation // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 80. Pp. 113–118. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.02.021>
- Mäkikangas A., Kinnunen U., Feldt T., Schaufeli W.* The longitudinal development of employee well-being: A systematic review // *Work & Stress*. 2016. Vol. 30. No. 1. Pp. 46–70. <https://doi.org/10.1080/02678373.2015.1126870>
- Maricuțoiu L.R., Sulea C., Iancu A.* Work engagement or burnout: Which comes first? A meta-analysis of longitudinal evidence // *Burnout Research*. 2017. Vol. 5. Pp. 35–43. <https://doi.org/10.1016/j.burn.2017.05.001>
- Maslach C., Leiter M.* Burnout and engagement in the workplace: A contextual analysis // *Advances in motivation and achievement* / Ed. by T. Urdan. Stamford, CT: JAI Press, 1999. Vol. 11. Pp. 275–302.
- Maslach C., Leiter M.P.* Understanding the burnout experience: Recent research and its implications for psychiatry // *World Psychiatry*. 2016. Vol. 15. Pp. 103–111. <https://doi.org/10.1002/wps.20311>
- Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P.* Job burnout // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52. Pp. 397–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.397>
- Schaufeli W., Salanova M.* Burnout, boredom and engagement at the workplace // *An introduction to contemporary work psychology* / Ed. by M. Peeters, J. de Jonge, T. Taris. Wiley-Blackwell, 2013. Pp. 291–320.
- Schaufeli W., Salanova M., González-Romá V., Bakker A.* The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach // *Journal of Happiness Studies*. 2002. Vol. 3. Pp. 71–92. <https://doi.org/10.1023/A:1015630930326>
- Schaufeli W.B., Bakker A.B.* Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi-sample study // *Journal of Organizational Behavior*. 2004. Vol. 25. Pp. 293–315. <https://doi.org/10.1002/JOB.248>
- Skaalvik E., Skaalvik S.* Teacher burnout: Relations between dimensions of burnout, perceived school context, job satisfaction and motivation for teaching. A longitudinal study // *Teachers and Teaching*. 2020. Vol. 26. Pp. 602–616. <https://doi.org/10.1080/13540602.2021.1913404>

- Sonnentag S.* A task-level perspective on work engagement: A new approach that helps to differentiate the concepts of engagement and burnout // *Burnout Research*. 2017. Vol. 5. Pp. 12–20. <https://doi.org/10.1016/j.burn.2017.04.001>
- Topchy R., Woehler C.* Do Teacher status, gender, and years of teaching experience impact job satisfaction and work engagement? // *Education and Urban Society*. 2021. Vol. 53. No 2. С. 119–145. <https://doi.org/10.1177/0013124520926161>

История статьи:

Поступила в редакцию 6 марта 2024 г.

Принята к печати 19 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Бондаренко И.Н., Фомина Т.Г., Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция и удовлетворенность жизнью как ресурсы профессиональной вовлеченности и предупреждения выгорания у современного учителя // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 587–607. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-587-607>

Вклад авторов:

И.Н. Бондаренко – дизайн исследования, анализ полученных данных, написание и редактирование текста. *Т.Г. Фомина* – дизайн исследования, сбор данных, написание и редактирование текста. *В.И. Моросанова* – научное руководство, написание и редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Сведения об авторах:

Бондаренко Ирина Николаевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая 9, стр. 4. ORCID: 0000-0001-5539-1027, ResearcherID: P-6901-2016, ScopusID: 56964809500, SPIN-код: 7862-3863. E-mail: pondi@inbox.ru

Фомина Татьяна Геннадьевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая 9, стр. 4. ORCID: 0000-0001-5097-4733, ResearcherID: P-2785-2016, ScopusID: 56528023600, SPIN-код: 7480-4880. E-mail: tanafoмина@mail.ru

Моросанова Варвара Ильинична, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии саморегуляции, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Российская Федерация, 125009 Москва, ул. Моховая 9, стр. 4. ORCID: 0000-0002-7694-1945, ResearcherID: J-5946-2016, ScopusID: 6506351065, SPIN-код: 4335-5542. E-mail: morosanova@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-587-607

EDN: LXVYCE

UDC 159.9

Research Article

Conscious Self-Regulation and Life Satisfaction as Resources for Professional Engagement and Burnout Prevention in Modern Teachers

Irina N. Bondarenko^{ID}, Tatiana G. Fomina^{ID}, Varvara I. Morosanova^{ID}

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research,
Moscow, Russian Federation

 pondi@inbox.ru

Abstract. The relevance of searching for psychological resources to maintain professional engagement and prevent emotional burnout is determined by the high workload and stressful working conditions of modern teachers. The purpose of this study was (1) to identify regulatory resources of teacher involvement and (2) to consider them as a way for the teachers to be protected against burnout depending on life satisfaction and length of service. The study sample consisted of secondary-school teachers from Moscow, Moscow region and Kaluga ($N = 142$, aged = 44.61 ± 12.29 ; average length of service = 19.62 ± 12.73), divided into three groups: average length of service = 0–5 years ($N = 21$, aged = 27.5 ± 6.64), average length of service = 5–20 years ($N = 52$; aged = 38.35 ± 8.23); and 20 and older ($n = 69$, aged = 54.7 ± 6.7). The diagnostic tools included: *The Utrecht Work Engagement Scale (UWES)*; *The Maslach Burnout Inventory (MBI)*; *The Satisfaction with Life Scale (SWLS)*; and V.I. Morosanova's *Questionnaire of Self-Regulation Style of Behavior, SSMS-2020*. The authors found positive relationships between engagement and conscious self-regulation of goal achievement, satisfaction and professional performance, but negative relationships with burnout symptoms. It has been shown that the level of engagement and satisfaction do not depend on length of service, in contrast to manifestations of burnout and regulatory resources, which differ among teachers with different lengths of service. For the first time, the meta-resource role of self-regulation has been demonstrated, the development of which makes a significant contribution to all components of engagement. Teachers with different lengths of service use different regulatory resources to maintain it, depending on the meaningful tasks of their professional activity. Life satisfaction is especially important at the initial stage of work at school, while low burnout is a condition for high involvement for teachers with medium and long experience. The obtained results are discussed in the context of the resource approach, as well as practical technologies for maintaining engagement and reducing burnout in teachers.

Key words: conscious self-regulation, engagement, burnout, resource approach, life satisfaction, secondary-school teachers, teachers' length of service

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation as part of the research project № 20-18-00470 "Self-Regulation and School Engagement as Psychological Resources of Academic Success: A Longitudinal Study".

References

- Agyapong, B., Obuobi-Donkor, G., Burback, L., & Wei, Y. (2022). Stress, Burnout, Anxiety and Depression among Teachers: A Scoping Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(17), 10706. <https://doi.org/10.3390/ijerph191710706>
- Bakker, A. B., Demerouti, E., & Sanz-Vergel, A. (2023). Job demands–resources theory: Ten years later. *Annual review of organizational psychology and organizational behavior*, 10, 25–53. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-120920-053933>
- Bakker, A.B., & de Vries, J.D. (2021). Job demands–resources theory and self-regulation: New explanations and remedies for job burnout. *Anxiety, Stress & Coping: An International Journal*, 34(1), 1–21. <https://doi.org/10.1080/10615806.2020.1797695>
- Bakker, A.B., Simon, A.L. & Leiter, M.P. (2011). Key questions regarding work engagement. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 20(1), 4–28. <http://dx.doi.org/10.1080/1359432X.2010.485352>.
- Bal, M., Bryde, D., Fearon, D., & Ochieng, E. (2013). Stakeholder engagement: Achieving sustainability in the construction sector. *Sustainability*, 5(2), 695–710.
- Barabanshchikova, V.V., & Klimova, O.A. (2015). Representations of work engagement and workaholism in modern psychological research. *National Psychological Journal*, (1), 52–60. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0106> (In Russ.).
- Berezina, T.N., Deulin, D.V., Sechko, A.V., & Rozenova, M.I. (2023). Relationship of professional burnout with age indicators and characteristics of the educational environment. *Psychology and Law*, 13(3), 193–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130314>
- Bessonova, Yu.V. (2009). Value determinants of burnout syndrome. *Chelovecheskii Faktor: Problemy Psikhologii i Ergonomiki*, (4), 16–21. (In Russ.).
- Crawford, E.R., LePine, J.A., & Rich, B.L. (2010). Linking job demands and resources to employee engagement and burnout: a theoretical extension and meta-analytic test. *Journal of Applied Psychology*, 95(5), 834–848. <https://doi.org/10.1037/a0019364>
- Csikszentmihalyi, M., Abuhamdeh, S., & Nakamura, J. (2014). Flow. In: *Flow and the foundations of positive psychology* (pp. 227–238). Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9088-8_15
- Diener E., Scollon C. N., & Lucas R. E. (2003). The evolving concept of subjective well-being: The multifaceted nature of happiness. *Advances in Cell Aging and Gerontology*, 15, 187–219. http://dx.doi.org/10.1007/978-90-481-2354-4_4
- Fomina, T.G. (2016). Self-regulation as a mediator of the relationship between work and professional burnout of teachers. In T.L. Kryukova, M.V. Saporovskaya, S.A. Hazova (Eds.), *Psychology of stress and coping behavior: resources, health, development: materials of the IV International Scientific Conference* (vol. 1, pp. 166–168). Kostroma: Kostroma State University named after N.A. Nekrasov Publ. (In Russ.).
- Fomina, T.G., & Morosanova, V.I (2013). Professional burnout: A regulatory approach. *Acmeology*, (3), 40–44. (In Russ.).
- Fredrickson, B. L. (2004). The broaden–and–build theory of positive emotions. *Philosophical transactions of the royal society of London. Series B: Biological Sciences*, 359 (1449), 1367–1378. <https://doi.org/10.1098/rstb.2004.1512>
- Granziera, H., Collie, R. & Martin, A. (2021). Understanding teacher wellbeing through job demands-resources theory. In: Mansfield, C.F. (Ed.), *Cultivating teacher resilience* (pp. 229–244). Singapore: Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-15-5963-1_14

- Hakanen, J.J., Bakker, A.B., & Schaufeli, W. (2006). Burnout and work engagement among teachers. *Journal of School Psychology*, 43(6), 495–513. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2005.11.001>
- Hakanen, J.J., & Schaufeli, W.B. (2012). Do burnout and work engagement predict depressive symptoms and life satisfaction? A three-wave seven-year prospective study. *Journal of Affective Disorders*, 141(2-3), 415–424. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2012.02.043>
- Hobföhl, S. (1989). Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*, 44(3), 513–524. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513>
- Iancu, A., Rusu, A., Maroiu, C., Pacurar, R., Maricutoiu, L. (2018). The effectiveness of interventions aimed at reducing teacher burnout: A meta-analysis. *Educational Psychology Review*, 30, 373–396. <https://doi.org/10.1007/s10648-017-9420-8>
- Imakaev, V.P. (2016). Critique of pedagogical cynicism. *School Technologies*, (4), 8–17. (In Russ.).
- Klassen, R.M., Sündüs, Y., & Durksen, T. (2013). Measuring teacher engagement: development of The Engaged Teachers Scale (ETS). *Frontline Learning Research*, 1(2), 33-52. <https://doi.org/10.14786/flr.v1i2.44>
- Kulikova, T.I. (2021). Time management as a determinant of stress resistance among the modern secondary school teachers. *Organizational Psychology*, 11(2), 54–75. (In Russ.).
- Kutuzova, D.A. (2006). Organization of activity and self-regulation style as factors of professional burnout of pedagogical psychologist. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education. (In Russ.).
- Li, M., Wang, Z., You, X., & Gao, J. (2015). Value congruence and teachers' work engagement: The mediating role of autonomous and controlled motivation. *Personality and Individual Differences*, 80, 113–118 <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.02.021>
- Lukina, V.S., Zaporozhskaya, E.E. (2019). Engagement and burnout syndrome of teachers of a secondary school. *Kazan Pedagogical Journal*, (6), 133-136. (In Russ.).
- Mäkikangas, A., Kinnunen, U., Feldt, T., & Schaufeli, W. (2016). The longitudinal development of employee well-being: A systematic review. *Work & Stress*, 30(1), 46–70. <https://doi.org/10.1080/02678373.2015.1126870>
- Maricuțoiu, L.R., Sulea, C., & Iancu, A. (2017). Work engagement or burnout: Which comes first? A meta-analysis of longitudinal evidence. *Burnout Research*, 5, 35–43. <https://doi.org/10.1016/j.burn.2017.05.001>
- Maslach, C., & Leiter, M. (1999). Burnout and engagement in the workplace: A contextual analysis. In: Urdan T. (Ed.), *Advances in motivation and achievement* (vol. 11, pp. 275–302). Stamford, CT: JAI Press.
- Maslach, C., & Leiter, M.P. (2016). Understanding the burnout experience: Recent research and its implications for psychiatry. *World Psychiatry*, 15(2), 103–111. <https://doi.org/10.1002/wps.20311>
- Maslach, C., Schaufeli, W.B., & Leiter, M.P. (2001). Job burnout. *Annual Review of Psychology*, 52, 397–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.397>
- Morosanova, V.I. (2014). Conscious self-regulation of personal activity as a psychological resource for achieving goals. *Theoretical and Experimental Psychology*, 7(4), 62–78. (In Russ.).
- Morosanova, V.I. (2021). Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving the problems of human activity. *Moscow University Psychology Bulletin*, (1), 3–37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01> (In Russ.).

- Morosanova, & V.I., Kondratyuk N.G. (2020). V.I. Morosanova's "Self-Regulation Profile Questionnaire - SRPQM 2020". *Voprosy Psichologii*, (4), 155-167. (In Russ.).
- Osin E.N., Leontiev D.A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 117–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Schaufeli, W., & Salanova, M. (2013). Burnout, boredom and engagement in the workplace. In: Peeters, M., de Jonge, J., & Taris, T. (Eds.), *An introduction to contemporary work psychology* (pp. 291-320). Wiley-Blackwell.
- Schaufeli, W., Salanova, M., González-Romá, V., & Bakker, A. (2002). The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach. *Journal of Happiness Studies*, 3, 71-92. <https://doi.org/10.1023/A:1015630930326>
- Schaufeli, W.B., & Bakker, A.B. (2004). Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi-sample study. *Journal of Organizational Behavior*, 25, 293-315. <https://doi.org/10.1002/JOB.248>
- Skaalvik, E, Skaalvik, S. (2020). Teacher burnout: Relations between dimensions of burnout, perceived school context, job satisfaction and motivation for teaching. A longitudinal study. *Teachers and Teaching*, 26, 602–616. <https://doi.org/10.1080/13540602.2021.1913404>
- Sobkin, V.S., Adamchuk, D.V., Zhukov, I.D., & Yanbekova, D.V. (2014). Teachers' attitude to the problem of implementation of innovations into educational practice. *Man and Education*, (3), 23-33. (In Russ.).
- Sonnentag, S. (2017). A task-level perspective on work engagement: A new approach that helps to differentiate the concepts of engagement and burnout. *Burnout Research*, 5, 12-20. <https://doi.org/10.1016/j.burn.2017.04.001>
- Strelkov, Yu. K. (2008). Structures of professional experience. In Panov, V.I. (Ed.), *D. A. Oshanin and modern psychology: to the 100th anniversary of the birth of D.A. Oshanin* (pp. 187-210). Obninsk: IG-SOCIN Publ. (In Russ.).
- Topchyan, R., & Woehler, C. (2021). Do teacher status, gender, and years of teaching experience impact job satisfaction and work engagement? *Education and Urban Society*, 53(2), 119-145. <https://doi.org/10.1177/0013124520926161>
- Vodopyanova, N.E. (2015). Modern concepts of resources of a subject of professional activity. *Vestnik of SPbSU. Series 16*, (1), 45-54. (In Russ.).
- Vodopyanova, N.E., & Starchenkova E. S. (2007). *Burnout syndrome*. Saint-Petersburg.: Piter Publ. (In Russ.).

Article history:

Received 6 March 2024

Revised 18 April 2024

Accepted 19 April 2024

For citation:

Bondarenko, I.N., Fomina, T.G., & Morosanova, V.I. (2024). Conscious self-regulation and life satisfaction as resources for professional engagement and burnout prevention in modern teachers. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 587–607. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-587-607>

Author's contribution:

Irina N. Bondarenko – design of the research, data analysis, writing – original draft preparation. *Tatiana G. Fomina* – design of the research, data collection, writing – original draft preparation. *Varvara I. Morosanova* – supervision, writing – review and editing

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest

Bio notes:

Irina N. Bondarenko, PhD in Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Psychology of Self-Regulation, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, 9/4 Mokhovaya St, 125009 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5539-1027, ResearcherID: P-6901-2016, ScopusID: 56964809500, SPIN-code: 7862-3863. E-mail: pondi@inbox.ru

Tatiana G. Fomina, PhD in Psychology, Leading Researcher, Laboratory of Psychology of Self-Regulation, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, 9/4 Mokhovaya St, 125009 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5097-4733, SPIN-code: 7480- 4880, ScopusID: 56528023600, ResearcherID: P-2785-2016. E-mail: tanafofomina@mail.ru

Varvara I. Morosanova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, ScD in Psychology, Head of the Laboratory of Psychology of Self-Regulation, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, 9/4 Mokhovaya St, 125009 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7694-1945, ResearcherID: J-5946-2016, AuthorID: 6506351065, SPIN-code: 4335-5542. E-mail: morosanova@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-608-632

EDN: LYAFQE

УДК 159.9:316.6

Исследовательская статья

Субъективная оценка факторов психологического благополучия русскими и армянскими студентами

А.Г. Самохвалова^{ID}, Н.С. Шипова^{ID},
О.Н. Вишневская^{ID}, Е.В. Тихомирова^{ID}

Костромской государственный университет,
Кострома, Российская Федерация
 a_samohvalova@kosgos.ru

Аннотация. Вызовы и социальная нестабильность современности актуализируют роль психологического благополучия как особенно значимой составляющей личности, направленной на сохранение и поддержание ее жизнеспособности, самоэффективности, стрессоустойчивости и ресурсности. Психологическое благополучие авторами рассматривается как интегральная характеристика состояний человека, обеспечивающая согласованность психических функций и процессов, достижение внутреннего равновесия и субъектной целостности. Целью исследования является определение субъективно-значимых факторов, которые, по мнению русских и армянских студентов, связаны с ощущением психологического благополучия. Совокупная выборка включала 234 респондента, обучающихся в провинциальных вузах России (130 человек, 58 % выборки девушки, 42 % – юноши) и Армении (104 человека, 61 % выборки девушки, 39 % – юноши), в возрасте от 18 лет до 25 лет. Диагностический инструментарий представлен методикой «Психологическое благополучие личности» А.Г. Самохваловой и др. и авторской анкетой, выявляющей субъективную оценку факторов психологического благополучия в современном социокультурном контексте. Установлено, что субъективно-значимыми факторами психологического благополучия студенческой молодежи обеих стран являются личностные особенности, актуальное психоэмоциональное состояние, социальная поддержка и отношения с близкими людьми. Кроме того, армянские студенты связывают собственное психологическое благополучие с обстановкой в мире, уровнем жизни в стране, принятыми в национальной культуре нормами и требованиями, религиозными взглядами, тогда как для русских студентов наиболее значимыми являются факторы, связанные с ощущением состояния физического здоровья, финансового благополучия, степени успешности в значимой деятельности, удовлетворенности отношениями с близкими людьми и с учебной группой.

Ключевые слова: психологическое благополучие, субъективная оценка, факторы психологического благополучия, студенты, молодежь

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-513-05005/21 «Теоретические и методические основы оценки психологического благополучия студенческой молодежи».

© Самохвалова А.Г., Шипова Н.С., Вишневская О.Н., Тихомирова Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

В современном мире социальной нестабильности и больших вызовов важную роль в аспекте сохранения и поддержания жизнеспособности субъекта, его стрессоустойчивости, жизнестойкости и ресурсности играет психологическое благополучие как интегральная характеристика состояний человека, обеспечивающих согласованность психических функций и процессов, достижение внутреннего равновесия и субъектной целостности (Самохвалова и др., 2021). Оно реализуется на психофизиологическом, индивидуально-психологическом и социально-психологическом уровнях и неразрывно связано с образом себя, своей жизни, жизненных перспектив. В студенческий период, период активного становления мировоззрения, поиска своего места в жизни, профессионального самоопределения, стремления к личностному росту и самореализации, психологическое благополучие играет важную ресурсную роль. Базируясь на ценностно-смысловых представлениях о «благополучной» жизни, гармонии, счастье, личной и общественной успешности, молодой человек соотносит «социальные» / «личные» задачи и собственные возможности (Эриксон, 1996), осмысливает себя в потоке жизни как субъекта «достижения / недостижения состояния благополучия». Способность осмыслить свое предназначение и реализовать личные задачи развития, не вступая в конфликт, но соглашаясь с усвоенными в процессе социализации нормативными представлениями «среды» о желательных векторах развития, дает возможность поддерживать баланс между внутренним и внешним миром.

Социокультурная детерминированность личностного развития позволяет говорить и о социокультурной предикции психологического благополучия субъекта (Шамионов, 2015). Осознаваемая часть психологического благополучия обуславливается как более константными культурными переменными, так и актуальным ситуативным контекстом. Исследования показывают, что связанные с психологическим благополучием семантические единицы: «счастье», «счастливый человек», «успех», «смысл жизни», «ценность» транслируются по мере роста и взросления человеку извне, впоследствии становясь мерилем собственного благополучия, критерием оценки личного бытия и опыта (Леонтьев, 2020). Отрицательные суждения о несоответствии «Я», личного бытия усвоенным социально-нормативным образцам и эталонам благополучия становятся источником страхов и онтологической тревоги, которая, в свою очередь, с одной стороны, препятствует проявлению субъектности и достижению психологического благополучия, так как лишает внутренних опор, создает семантическую ловушку, замкнутый круг «неблагополучия» особенно в ситуации, требования которой во много раз превышают силы субъекта; с другой — является источником возникновения интенции преодоления, достижения, самоутверждения, что возможно

при условии ее объективизации, понимания объективной причины возникшей тревоги (Тиллих, 1995).

Таким образом, подчеркивается значимое влияние на субъективную составляющую психологического благополучия «культурных измерений», эффектов этнической социализации, принадлежности человека к титульной группе (Шамионов, 2015). Этническая и культурная идентичность, ценностные ориентации, принадлежность к культуре, тип межэтнических отношений и др. коррелируют с особенностями субъективного самочувствия и самовосприятия в континууме оценки «благополучия – неблагополучия». Это подтверждается и зарубежными исследованиями, в которых современное понимание психологического и субъективного благополучия помещается в культурный и исторический контекст (Christopher, 1999). Это связано с тем, что психологическое благополучие конкретного человека напрямую связано с нормативным пониманием благополучия в той или иной культуре. Подчеркивается, что одной из ключевых ролей культуры является формирование того, как человеческие группы стремятся к личному и коллективному благополучию, и, таким образом, каждая культура содержит предписания и обычаи о том, как достичь оптимального функционирования и благополучия. Были выделены четыре фундаментальных различия в представлениях о психологическом благополучии в разных культурах: роль гедонистического опыта, самосовершенствования, автономии и значимости контекстуальных факторов в определении благополучия (Joshanloo et al., 2021). Эти различия составляют основу для осмысления кросс-культурных данных о психологическом благополучии.

Так, в ряде отечественных и зарубежных исследований обнаружены значимые различия в показателях субъективного благополучия, а также в критериях благополучия у представителей разных этнических и культурных групп. При этом отмечается, что в некоторых случаях культурные детерминанты оказывают наиболее сильное и определяющее значение, чем личностные переменные. Данная тенденция особенно прослеживается при сопоставлении коллективистического и индивидуалистического типов культур, культур Запада и Востока (Oyserman et al., 2002; Ryff et al., 2014).

В то же время исследования через сопоставление конструкторов психологического благополучия как многоуровневой модели у представителей разных типов культур показывают, что существуют как универсальные конструкторы благополучия, так и культурно опосредованные на «средних» и более высоких уровнях структуры психологического благополучия (Wissing, Temane, 2008). Так, в коллективистических типах культуры была выявлена специфика связи удовлетворенности жизнью с социальной поддержкой и фактором социальной удовлетворенности, а в индивидуалистических — с компетентностью и фактором самоэффективности. Также выявлено, что соответствие культуре, культурно специфичным паттернам эмоционального реагирования в том или ином ситуативном контексте предсказывает психо-

логическое благополучие личности (De Leersnyder et al., 2015). Важную роль для поддержания психологического благополучия играет и собственно доступность культуры для человека (Grossi et al., 2012).

Также наиболее связанным с культурой фактором психологического благополучия рассматривается религиозность (посещение церкви, частота молитв, выраженность убеждений). Исследования показали, что посещение церкви и значимость убеждений связаны с большей удовлетворенностью жизнью (Leondari, Gialamas, 2009). При этом подчеркивается, что верующие имеют более высокий уровень диспозиционной надежды и отличаются целостностью идентичности, которые являются значимыми коррелятами психологического благополучия (Ecer, 2022; Sözer, Eskin, 2023). При этом исследователи отмечают, что специфика связи психологического благополучия с религиозностью существенно зависит от культуры. Таким образом, культура является медиатором между благополучием и религиозностью (Lavrič, Flere, 2008).

Стоит подчеркнуть, что в большинстве исследований спектр социальных факторов психологического благополучия более широкий. Так, отмечается, что на большинство аспектов психологического благополучия влияет целый класс социокультурных, средовых факторов (такие как гендер, социальный класс, раса, этническая принадлежность, модели домохозяйства) и социальные институты (социального обеспечения, труда и здравоохранения) (McAlpine, Mechanic, 2010). Возрастные когорты и различные этнические группы по-разному реагируют на распознавание симптомов психологического неблагополучия, отличаются степенью готовности обратиться за помощью. Установлено, например, что культурный контекст жизни в Армении включает более тесные связи с социальным окружением по сравнению с Россией, что частично компенсирует необходимость обращения за психологической помощью (Башкин и др., 2023). Было выявлено, что среди социальных факторов, влияющих на психологическое благополучие учащейся молодежи, релевантны уровень образования родителей, профессия, доход и семейные отношения, но не значим фактор гендерной идентичности (Kagitcibasi, 2005).

Среди многообразных факторов психологического благополучия студентов в научном дискурсе отмечаются:

1. *Культурные нормы и ожидания* (Шамяонов, 2015; De Leersnyder et al., 2015). В некоторых культурах высокое значение придается успеху и достижениям, соответственно психологическое благополучие / неблагополучие субъекта напрямую от них зависит. В других культурах акцент сделан на равенстве, справедливости и гармонии, что может способствовать психологическому благополучию студентов.

2. *Ценности культуры* (Christopher, 1999; Шамяонов, 2015; Башкин и др., 2023). Например, в культурах, где акцент делается на коллективизме и семейных связях, студенты могут чувствовать большую поддержку и принадлежность. В то же время в культурах, где более важны индивидуальные

достижения и независимость, студенты могут стремиться к самореализации и развитию личности.

3. *Религиозные убеждения и практики* (Lavrič, Flere, 2008; Leondari, Gialamas, 2009; Ecer, 2022; Sözer, Eskin, 2023). В различных культурах религиозные убеждения и практики по-разному могут влиять на психологическое благополучие студентов: предоставлять чувство защищенности и принадлежности к группе, определять смыслы и направления в жизни, поддерживать их в трудных ситуациях, способствовать развитию религиозной идентичности; мотивировать и регулировать поступки.

4. *Социальная поддержка* (De Leersnyder et al., 2015). В разных культурах она может иметь различные формы и значимость. Например, в некоторых культурах семейная поддержка может играть ключевую роль, в то время как в других – более значимую роль могут играть друзья или сообщества. Наличие социальной поддержки может помочь студентам справиться со стрессом, чувством одиночества и повысить их психологическое благополучие.

5. *Образовательная система* (Grossi et al., 2012). В культурах, где акцент делается на конкуренции и индивидуальном успехе, студенты могут испытывать большое давление и стресс. С другой стороны, в культурах с более гибкой и поддерживающей образовательной системой студенты могут чувствовать большую свободу и удовлетворение от учебного процесса.

Выявление и учет значимых факторов, оказывающих влияние на психологическое благополучие студентов в контексте определенной культуры, в которой происходит их социализация, позволяет разрабатывать программы психологической помощи, направленной на повышение уровня психологического благополучия, конструктивное и адекватное культурным нормам преодоление возникающих барьеров самореализации, развитие ресурсности и жизнеспособности (Самохвалова и др., 2022б). При этом необходимо учитывать культурные различия в индивидуальных и коллективистических ценностях (Triandis, 1995). Например, студенты из коллективистических культур могут испытывать большую потребность в принадлежности к группе и поддержке со стороны своей культурной общности. Кроме того, особо востребованными становятся стратегии поддержки и помощи студентам, которые находятся в новой культурной среде или сталкиваются с вызовами, связанными с адаптацией и аккультурацией (Galyapina et al., 2023).

Теоретический анализ позволяет приблизиться к пониманию того, что различные факторы могут влиять на психологическое благополучие студентов в зависимости от социокультурного контекста, в котором происходит социализация молодежи, а также имеют кросскультурную специфику. На психологическое благополучие оказывают влияние *макрофакторы* (влияние культуры, религии, национальных ценностей и традиций, идеологии и государственной политики); *мезофакторы* (место проживания, социокультурная среда образовательного учреждения, населенного пункта) и *микрофакторы*

(социальный капитал личности, романтические, семейные и дружеские отношения, личностные особенности) (Самохвалова и др., 2021).

Однако в научном дискурсе отсутствуют исследования, описывающие, как именно современная молодежь оценивает влияние различных факторов на психологическое благополучие. Исходя из этого проблема исследования заключается в выявлении кросскультурной специфики субъективной оценки факторов, влияющих на психологическое благополучие русской и армянской студенческой молодежи.

Цель исследования – выявление субъективно-значимых факторов, которые, по мнению русских и армянских студентов, связаны с ощущением психологического благополучия.

Процедура и методы исследования

Для изучения и описания факторов, которые могут влиять на психологическое благополучие русских и армянских студентов, была сформирована совокупная **выборка**, которая включала 234 респондента, обучающихся в провинциальных вузах России и Армении, в возрасте от 18 до 25 лет, и состояла из двух подгрупп:

1-я подгруппа – студенты Костромского государственного университета, 130 человек в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст 19,7), русские по национальности (75 человек (58 % выборки) девушки, 55 человек (42 % выборки) юноши);

2-я подгруппа – студенты Гюмрийского университета «Прогресс» (республика Армения), 104 человека в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст 20,62), армяне по национальности (63 человека (61 % выборки) девушки, 41 человек (39 % выборки) юноши).

Все респонденты являются студентами бакалавриата, обучаются на педагогических и психологических направлениях подготовки.

Диагностический инструментарий представлен методикой «Психологическое благополучие личности» (Самохвалова и др., 2022а), позволяющей диагностировать как интегральный уровень психологического благополучия, так и выраженность отдельных его компонентов (ценностно-смыслового, когнитивного, аффективного, конативного, рефлексивного). Диагностическая методика разработана в соответствии со структурно-функциональной моделью психологического благополучия современных студентов (Самохвалова и др., 2021), с учетом возрастных особенностей студенческой молодежи, являющейся ее основной фокус-группой, прошла психометрическую проверку, показав валидность и надежность, шкалы методики значимо коррелируют со шкалами методики К. Рифф; методика имеет адаптацию для армянских студентов (Asriyan, Karapetyan, Samokhvalova, 2022).

Кроме того, использовалась авторская анкета, отражающая субъективную оценку респондентами силы и специфики влияния разнообразных фак-

торов на их психологическое благополучие. Анкета включает в себя несколько смысловых блоков.

1. Блок для субъективной оценки влияния на психологическое благополучие различных факторов. Предлагалось ответить на вопрос: «Что помогает Вам чувствовать себя благополучным?» и расположить ответы в порядке убывания значимости следующих факторов:

а) микрофакторы (самооценка, ценности и установки, состояние здоровья, финансовое благополучие, семья, удовлетворенность отношениями с близкими людьми, степень успешности в значимой деятельности);

б) мезофакторы (оценки значимых людей, характер отношений в учебной группе или рабочем коллективе, уровень жизни в стране);

в) макрофакторы (обстановка в мире, приоритеты и установки социума, национальные нормы и требования, религия).

2. Блок для оценки силы влияния отдельных факторов на психологическое благополучие. Респондентов просили: «Оцените степень влияния *фактора* на Ваше психологическое благополучие». Предлагалось оценить в процентах (от 0 до 100 %) влияние факторов семьи, общества, национальной культуры и традиций, религии. Также в данном блоке были представлены вопросы: «Каким образом *фактор* оказывает влияние на Ваше психологическое благополучие?». Ответ на данный тип вопросов предполагал выбор одного или нескольких вариантов ответов (мотивация, когниции, эмоции, поведение, оценки и др.) из предложенного списка и возможность дописать собственный вариант ответа.

3. Блок социодемографических вопросов (пол, возраст, национальность, вуз, форма и направление подготовки в вузе).

Оценка результатов производилась по частоте встречаемости того или иного признака.

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 20.0 и включала методы дескриптивной статистики (для обозначения общих тенденций), корреляционный анализ (для выявления взаимосвязей переменных), а также критерий Манна–Уитни (для выявления различий изучаемых параметров у студентов разных национальностей) и χ^2 критерий – угловое преобразование Фишера (для установления различий в частоте оценки значимости факторов).

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования были проанализированы основные характеристики психологического благополучия русских и армянских студентов. Проведен дескриптивный анализ переменных, которые демонстрируют выраженность общего показателя психологического благополучия и его отдельных структурных компонентов, а также результаты статистического сравнения полученных данных (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика показателей психологического благополучия русских и армянских студентов и их сравнительный анализ с помощью критерия Манна–Уитни / Descriptive Statistics of Psychological Well-Being Indicators of the Russian and Armenian Students and Their Comparative Analysis Using the Mann–Whitney U Test

Группы / Groups	M	SD	Минимум / Minimum	Максимум/ Maximum	Асимметрия / Asymmetry	Эксцесс / Excess	U-критерий / Utest	Уровень значимости / p-level
Общий показатель психологического благополучия / General indicator of psychological well-being								
Русские студенты / Russian students	99,7	18,23	30	127	-0,82	1,51	1815,5	0,000
Армянские студенты / Armenian students	113	15,8	74	144	-0,65	0,13		
Аффективный компонент / Affective component								
Русские студенты / Russian students	19,57	4,36	5	25	-0,84	0,74	1923,5	0,000
Армянские студенты / Armenian students	22,85	3,99	10	29	-0,72	0,82		
Когнитивный компонент / Cognitive component								
Русские студенты / Russian students	19,86	3,82	7	25	-0,31	-0,33	2122	0,000
Армянские студенты / Armenian students	22,36	3,51	12	29	-0,73	0,45		
Конативный компонент / Conative component								
Русские студенты / Russian students	19,8	3,64	7	25	-0,63	1,18	2162	0,0001
Армянские студенты / Armenian students	22,19	3,51	13	28	-0,30	-0,27		
Рефлексивный компонент / Reflexive component								
Русские студенты / Russian students	19,81	4,15	6	25	-0,85	0,97	2100	0,0001
Армянские студенты / Armenian students	22,59	3,71	12	28	-0,64	0,23		
Ценностно-смысловой компонент / Value-semantic component								
Русские студенты / Russian students	20,73	3,69	7	25	-1,15	2,53	1929,5	0,000
Армянские студенты / Armenian students	23,50	3,27	22	26	-0,39	0,14		

Установлено, что в выборке русских студентов преобладают высокий (51 %) и средний (47 %) уровни психологического благополучия. Низкий уровень благополучия выявлен у 2 % испытуемых. Данные исследования сочетаются с результатами, полученными на выборке русских студентов ранее: несмотря на сложность социальной обстановки, молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие в Центральной России, имеют преимущественно средние и высокие оценки благополучия (Исаева и др., 2022).

У армянских студентов также преобладают высокий (87 %) и средний (13 %) уровни благополучия. Низкого уровня зарегистрировано не было. При этом в обеих выборках более выражен ценностно-смысловой компонент, который отражает отношение армянских ($M=23,5$) и русских ($M=20,7$) студентов к собственной жизни: большинство молодых людей живут в соответствии с личностными ценностями и установками, которые определяют их целевую направленность.

С помощью критерия Манна–Уитни выявлены различия у студентов разных национальностей в *общем показателе психологического благополучия* ($U=1815,5$, $p=0,000$) и в степени выраженности его отдельных компонентов: *аффективном* ($U=1923,5$, $p=0,000$), *когнитивном* ($U=2122$, $p=0,000$); *конативном* ($U=2162$, $p=0,0001$), *рефлексивном* ($U=2100$, $p=0,0001$), *ценностно-смысловом* ($U=1929,5$, $p=0,000$). В целом можно отметить, что *армянские студенты* в большей степени удовлетворены собой и жизнью, положительно оценивают разные стороны своей жизни, осознают себя и свое место в мире, понимают систему личностных ресурсов и перспектив, имеют более оптимистичный взгляд на события настоящего и будущего. Русские студенты, в свою очередь, отмечают, что из-за событий, происходящих в мире и стране, у них появилась «тревожность и чувство неопределенности», «появилось больше переживаний», они ощущают «беспокойство за близких людей и собственное будущее».

Вместе с тем результаты анкеты показали, что и русские, и армянские студенты воспринимают собственную жизнь как пространство, наполненное смыслом. Они придерживаются собственной системы ценностей и живут в соответствии с ней.

При этом субъективное ощущение благополучия армянские студенты в основном связывают с собственной *самооценкой* (67 % опрошенных присвоили данному фактору первый ранг), *семьей* (63 %), *психозмоциональным состоянием* (56 %), *ценностями и установками на жизнь* (50 %), *уровнем успешности в значимой деятельности* (50 %). Наименьшим количеством выборов характеризуется фактор *приоритетов и установок социума* (8 %). Факторы *принятых в национальной культуре норм и требований*, а также

религиозных взглядов не стали доминирующими, однако 15 и 23 % соответственно придавали им первостепенную важность.

У русских студентов при оценке собственного благополучия важным признается также *актуальное психоэмоциональное состояние* (душевное благополучие) (42 % опрошенных присвоили ему первый ранг) и *самооценка* (35 %). Второстепенными являются *ценности и установки на жизнь* (28 % – первый ранг, 19 % – второй ранг). Также ощущение благополучия связано с *семьей* (28 % – первый ранг, 15 % – второй ранг) и степенью удовлетворенности *отношениями с близкими людьми* (25 % – первый ранг, 15 % – второй ранг). Играет роль также собственное состояние *физического здоровья* (25 % – первый ранг). *Приоритеты и установки социума*, по субъективным оценкам студентов, слабо влияют на психологическое благополучие личности оказывают. Наименьшее влияние оказывают и *религиозные взгляды* (33 % респондентов присвоили данному фактору последние ранги).

Полученные результаты показали наличие общих тенденций в оценке факторов психологического благополучия у представителей разных групп. Психологическое благополучие студенческой молодежи, независимо от национальной принадлежности, связывается с *самооценкой и психоэмоциональным состоянием* личности. Взаимосвязь самооценки, самопринятия и самочувствия была установлена и в других исследованиях (Muris, Otgaar, 2023). Авторы отмечают, что самооценка связана со всеми аспектами психологического благополучия и значительно улучшает самочувствие.

Важную роль для представителей разных культур играют также *ценности и установки на жизнь*. Молодые люди в основном живут в соответствии с собственными ценностями и установками, которые определяют их цели и мотивацию, являются главным критерием психологического благополучия / неблагополучия. Так, при оценке актуального уровня психологического благополучия значимым фактором у русских и армянских студентов является *собственное мнение* (71 % русских и 73 % армянских студентов присвоили первый ранг).

Поддержка и помощь семьи также имеют большое значение для ощущения психологического благополучия как для русских, так и для армянских студентов. Родители и родственники могут значительно влиять на их жизненный опыт и развитие, формируют их мировоззрение, ценности и нормы поведения. Значимой является эмоциональная и психологическая поддержка, участие в жизни молодого человека, материальная помощь и помощь в решении проблем, преодолении возникающих трудностей.

Анализ данных анкетирования с использованием критерия Фишера позволил установить различия в оценке значимости факторов, определяющих психологическое благополучие русских и армянских студентов (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Сравнение субъективной оценки значимости факторов психологического благополучия русскими и армянскими студентами с помощью критерия φ^* Фишера /
Comparison of Subjective Assessment of the Importance of Psychological Well-Being Factors by the Russian and Armenian Students Using F -Tests**

Фактор / Factor	Русские студенты / Russian students	Армянские студенты / Armenian students	φ^*	Уровень значимости p / Level of significance p
Удовлетворенность отношениями с близкими людьми / satisfaction with relationships with loved ones	57	41	2,25	$\leq 0,05$
Состояние физического здоровья / state of physical health	57	41	2,25	$\leq 0,05$
Уровень жизни в стране / standard of living in the country	45	76	4,51	$\leq 0,01$
Характер межличностных отношений в учебной группе / nature of interpersonal relationships in the study group	43	72	4,27	$\leq 0,01$
Обстановка в мире / situation in the world	46	71	3,65	$\leq 0,01$
Принятые в национальной культуре нормы и требования / norms and requirements accepted in the national culture	37	50	1,975	$\leq 0,05$
Религиозные взгляды / religious views	40	59	2,76	$\leq 0,01$
Оценки значимых людей / assessments of significant people	56	40	2,29	$\leq 0,05$
Финансовое благополучие / financial well-being	57	43	1,86	$\leq 0,05$
Степень успешности в значимой деятельности / degree of success in significant activities	46	71	3,63	$\leq 0,01$

Таким образом, наиболее субъективно-значимыми факторами психологического благополучия для русских студентов являются микро- и мезофакторы; для армянских студентов – мезо- и макрофакторы.

Интересные данные были получены по фактору «*влияния близких людей*» на психологическое благополучие личности. С одной стороны, студенты, независимо от национальности, признают важность оценок значимых людей для ощущения внутренней гармонии, поддержки и ресурсности. С другой стороны, степень авторитетности близких людей имеет национальную специфику. Так, для русских студентов более значимо мнение *романтического партнера* ($\varphi^* = 2,67, p \leq 0,01$) и *друзей* ($\varphi^* = 2,1, p \leq 0,05$).

Полученные данные соотносятся с результатами зарубежных исследований, в которых показано, что близкие отношения в период молодости (романтические и дружеские) являются важнейшим ресурсом развития и ключевым условием социализации человека, способствуют сохранению целостности личности в сложном мире высокой неопределенности, поддерживают индивидуальное и диадическое благополучие, сохраняют физическое и психологическое здоровье (Relationships as developmental contexts..., 1999). Для армянских студентов более значимо мнение *родителей* ($\varphi^* = 3,7, p \leq 0,01$),

родственников ($\varphi^* = 2,3, p \leq 0,05$) и мнение наставника (профессионального, духовного, старейшины рода и др.) ($\varphi^* = 1,77, p \leq 0,05$). Например, 42 % армянских студентов фактору «мнение родителей» присвоили первый и второй ранги. Армянская молодежь, как было установлено нами в более ранних исследованиях, открыто демонстрирует тенденцию «сближения со значимыми взрослыми», проявляет уважение к ним, ищет в них поддержки, принимает их ценности, имитирует паттерны поведения и общения, ориентируется на их оценку и одобрение. От этого напрямую зависят их уверенность в себе, удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие (Самохвалова, 2019).

Наименее значимую роль в ощущении психологического благополучия как для армянских, так и для русских студентов играет *общественное мнение* (43 % русских студентов и 38 % армян присвоили последние ранги). Таким образом, общественное мнение не является для молодых людей прямым и точным индикатором психологического благополучия. Можно предположить, что ключевую роль при определении собственного благополучия играют субъектные характеристики студентов, такие как адекватная оценка своих сил и ресурсов, наличие системы ценностей, вера в себя, устойчивые отношения с близкими, которые позволяют студентам чувствовать себя счастливыми и удовлетворенными жизнью даже в ситуациях, когда они слышат негативное общественное мнение.

Установлены взаимосвязи компонентов психологического благополучия с некоторыми субъективно-значимыми факторами (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Коэффициенты корреляции Спирмена между выраженностью компонентов психологического благополучия и факторов семьи и религии в группах русских и армянских студентов / Spearman's Rank Correlation Coefficients Between the Expression of Components of Psychological Well-Being and Family and Religion Factors in the Groups of Russian and Armenian Students

Параметры психологического благополучия / Parameters of psychological well-being	Семья / Family		Религия / Religion	
	Русские студенты / Russian students	Армянские студенты / Armenian students	Русские студенты / Russian students	Армянские студенты / Armenian students
Общий показатель психологического благополучия / General indicator of psychological well-being	0,18	0,01	0,17	0,37**
Аффективный компонент / Affective component	0,16	0,10	0,20*	0,50***
Когнитивный компонент / Cognitive component	0,19*	–0,02	0,16	0,29*
Конативный компонент / Conative component	0,07	–0,28*	–0,01	0,15
Рефлексивный компонент / Reflexive component	0,17	0,01	0,22**	0,31*
Ценностно-смысловой компонент / Value-meaning component	0,16	0,08	0,14	0,22

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.
Note. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Рассмотрим более детально, каким образом студенты двух стран оценивают влияние семьи, религии, общества, национальной культуры на свое психологическое благополучие.

Семья как фактор психологического благополучия

Субъективные оценки влияния семьи на уровень психологического благополучия у русских и армян различны ($U = 2169$, $p = 0,001$). При этом большее влияние семья оказывает на армянских студентов. Так, оценка влияния семьи на уровень психологического благополучия субъекта в выборке армянских студентов была признана довольно высокой – средние значения составили 79,09 %. При этом 17 % опрошенных отметили 100 % значимость данного фактора, и только 4 % установили ее значимость менее 50 %. С точки зрения армянских студентов, влияние семьи на психологическое благополучие заключается в формировании норм, ценностей и правил поведения (75 %), в оценке уровня благополучия личности (56 %), в семейной оценке соответствия жизни студента семейным традициям и ожиданиям (29 %), в обеспечении поддержки и защиты (29 %). Негативное влияние семьи на ощущение психологического благополучия было отмечено лишь в 8 % случаев (не дает проявить индивидуальность, подавляет авторитетом), а отсутствие влияния семьи зафиксировано в 4 % случаев.

В группе армянских студентов также была установлена связь *влияния семьи с когнитивным компонентом благополучия* ($R = -0,28$, $p = 0,04$). Следовательно, с одной стороны, семья играет важную роль в формировании способности у молодых людей адекватно реагировать на различные жизненные ситуации и использовать эффективные паттерны поведения, направленные на самовыражение и саморазвитие; закладывает основные ценности, которые определяют дальнейшее поведение и отношение человека к различным ситуациям. С другой стороны, как мы видим, высокий уровень влияния, который может выражаться в излишнем контроле, подавлении, негативной оценке действий молодых людей, может снижать способность студентов реагировать адекватно в жизненных обстоятельствах. Они могут стать более уязвимыми к стрессу, испытывать трудности в разрешении конфликтных ситуаций, саморегуляции и самоконтроле собственного эмоционального состояния.

Данная тенденция также находит свое отражение в ответах русских студентов. С их точки зрения, семья играет важную роль в оценке собственного благополучия (54 % отмечают высокую степень влияния, 29 % среднюю). Респонденты отмечают, что ее влияние очень значительное, но не всегда положительное. С одной стороны, семья формирует семейные нормы, ценности и правила поведения (56 %), обеспечивает поддержку и защиту (78 %), с другой — оценивает, насколько студент благополучен (25 %), оценивает соответствие жизни семейным традициям и ожиданиям (32 %), давит авторитетом, не дает проявить индивидуальность (8 %).

Причем русские студенты по сравнению с армянской выборкой значительно чаще утверждают, что семья «формирует семейные нормы, ценности и правила поведения» ($F = 2,09, p \leq 0,05$), «обеспечивает поддержку и защиту» ($\varphi = 6,89, p \leq 0,01$), «оценивает, насколько я благополучен» ($\varphi = 3,76, p \leq 0,01$).

При этом результаты корреляционного анализа позволяют установить связь влияния, оказываемого семьей, с *когнитивным компонентом психологического благополучия* ($R = 0,19, p = 0,03$). Таким образом, с точки зрения российских студентов, семья может помочь молодому человеку понять, какие сильные стороны у него есть, а также какие проблемы ему нужно будет преодолеть, чтобы достичь желаемых целей. Семья является надежной опорой для большинства молодых людей, помогает им найти свой путь, задавать и решать вопросы, учитывать пожелания и особенности личности молодого человека. Все это может способствовать самопроектированию и саморазвитию, интеграции молодого человека в общество и осознанию своего места в нем.

В целом полученные результаты подтверждаются исследованиями, утверждающими, что семья является важным и мощным ресурсом психологического благополучия человека (Сапоровская, 2020). Вместе с тем некоторые исследования подчеркивают и стрессогенное воздействие семьи на личность, утверждая, что негативные формы взаимодействия и взаимоотношений между родителями и детьми, а также стиль воспитания могут влиять на психическое здоровье ребенка (Холмогорова, Гаранян, Шайб, Виршинг, 2011).

Сами студенты отмечают, что семья на отдельных этапах их жизни «давит авторитетом», «не дает проявить индивидуальность», что вызывает негативные эмоции, протесты, нарушение внутренней гармонии и может рассматриваться как маркер психологического неблагополучия. Наряду с этим, как отмечают ученые, преодоление трудностей, связанных с сепарацией молодых людей от родителей, приводит к повышению психологического благополучия и формированию субъективной зрелости, а, следовательно, способствует взрослению (Манукян, 2022).

Религия как фактор психологического благополучия

Результаты исследования показали существование значимых различий в оценке влияния религии на уровень психологического благополучия у русских и армянских студентов ($U = 831, p = 0,001$). Религия оказывает большее влияние на ощущение психологического благополучия у армянских студентов (среднее значение показателя 71,79). Только 2 % опрошенных указали отсутствие влияния и 19 % отметили влияние на уровне менее 50 %. При этом 11 % студентов указали, что влияние, оказываемое религией, составляет 100 %. 79 % опрошенных отметили, что религия *задает ценности, правила и приоритеты жизни субъекта*; 42 % указали, что она *формирует образ благополучия, и критерии для его оценивания* (48 %), а также *диктует нормы социального поведения* (33 %). 35 % армянской выборки считают, что

религия является фактором, помогающим ощутить себя благополучным, 6 % называют ее мешающим фактором, 10 % опрошенных отрицают влияние религии на собственное психологическое благополучие.

В выборке русских студентов, в свою очередь, была отмечена низкая степень влияния религии на психологическое благополучие. Лишь 9 % студентов отметили сильное влияние религии: она формирует образ благополучия, задает ценности, правила и приоритеты жизни, помогает ощущать себя благополучным. 38 % молодых людей отметили, что религия задает ценности, правила и приоритеты жизни. Большинство молодых людей (69 %) отметили низкую степень влияния и отсутствие влияния религии на их благополучие (37 %).

Статистический анализ данных также подтвердил, что религия оказывает более значимое влияние на психологическое благополучие по субъективной оценке армянских студентов, задавая *ценности, правила и приоритеты жизни* ($\varphi^* = 5,01, p \leq 0,01$), диктуя *нормы социального поведения* ($\varphi^* = 2,23, p \leq 0,05$), формируя *критерии оценки уровня благополучия* ($F = 4,97, p \leq 0,01$), создавая *образ благополучия* ($\varphi^* = 3,57, p \leq 0,01$).

У русских студентов более значима переменная «отсутствие влияния религии на благополучие субъекта» ($\varphi^* = 4,31, p \leq 0,01$), а также в некоторых случаях выражена *защитная функция религии* («важно знать, что Бог есть и хранит тебя», «Бог как отец, который всегда поймет тебя»).

Результаты корреляционного анализа позволяют отметить наличие значимых взаимосвязей в выборке армянских студентов между *интегральным показателем психологического благополучия* и влиянием, оказываемым на молодежь *религией* ($R = 0,37, p = 0,007$), а также наличие связей *религии* и отдельных компонентов благополучия: *аффективного* ($R = 0,5, p = 0,0001$); *когнитивного* ($R = 0,29, p = 0,03$), *рефлексивного* ($R = 0,31, p = 0,03$). Таким образом, мы можем предполагать, что религия помогает молодым людям справляться с тревогой и стрессом, способствует построению системы личностных ресурсов и перспектив. Религия также помогает понимать свои ценности и убеждения, которые могут обеспечивать устойчивый психологический фундамент для самореализации в жизни. Кроме того, развитые в Армении религиозные обряды и практики предоставляют армянской молодежи возможность тесного общения и взаимодействия со своим этническим сообществом (причастность к большой национальной группе), мотивируют принимать участие в массовых религиозных мероприятиях. Все это создает чувство социальной общности, национального единства и способствует осознанию себя и своего места в мире. Результаты похожих исследований показывают, что люди, которые идентифицируют себя как религиозного человека, как правило, воспринимают себя более благополучными, сообщают о лучшем здоровье и счастье, независимо от религиозной принадлежности, религиозной деятельности, работы и семьи, социальной поддержки или финансового положения (Green, Elliott, 2010).

С влиянием *религии* в русской выборке связаны *аффективный* ($R = 0,2$, $p = 0,02$) и *рефлексивный* компоненты психологического благополучия ($R = 0,22$, $p = 0,01$). Видимо, студенты, которые опираются на веру как ресурс психологического благополучия, более гармоничны, целостны, более положительно оценивают разные стороны своей жизни, имеют более оптимистичный взгляд на события настоящего и будущего, обладают осознанным отношением к собственной жизни как к процессу личностного роста. Важно отметить, что именно внутренняя религиозность связывается исследователями с более высоким статусом психологического благополучия (Allport, Ross, 1967). В целом позитивные формы религиозного совладания положительно связаны с низкими уровнями депрессии и тревожности (Ано, Vasconcelles, 2005).

Общество и национальная культура как факторы психологического благополучия

Общество, по мнению студентов, также оказывает влияние на субъективное ощущение психологического благополучия, но не такое сильное, как семья (среднюю степень влияния отмечают 41 % студентов, низкую – 64 %). Возможно, влияние общества осознается студентами в меньшей степени. Это весьма неопределенная, аморфная категория для них. Они с детства понимают, что субъект должен ориентироваться на нормы, транслируемые обществом, что общество оценивает все его поступки. Однако по сравнению с семьей реальный функционал и механизмы влияния общества не всегда осознаются. По мнению молодых людей, общество формирует *критерии для того, чтобы они могли оценить свой уровень благополучия* (44 %), *диктует нормы социального поведения* (47 %), *устанавливает правовые рамки жизнедеятельности* (35 %). Причем все эти функциональные значения общества более осознаются русскими студентами (по критерию $\varphi^* p \leq 0,05$).

Армяне значимо чаще говорят о том, что общество *«мешает мне стать благополучным»* ($\varphi^* = 2,8$, $p \leq 0,01$), особенно в ситуациях, когда общественные нормы расходятся с семейными, требуют нарушения устоявшихся в кругу близких людей норм, традиций, ценностей, правил жизни. В традициях армянской культуры считается неуважительным по отношению к своему роду преступить идеалы семьи и подчиниться общественному мнению, которое весьма неустойчиво и стихийно (Asriyan et al., 2022).

С другой стороны, армяне более чувствуют *принадлежность к национальной культуре и этносу* (более 40 % армян отмечают высокую степень влияния национальной культуры на психологическое благополучие), в отличие от русских студентов (лишь 15 % отметили среднюю степень влияния). Армянская молодежь считает, что принадлежность к национальной культуре и этносу помогает *«ощущать себя принятым и защищенным в группе людей своей национальности»* ($\varphi^* = 2,5$, $p \leq 0,02$), *«следовать традициям моего народа и сохранять связь поколений»* ($\varphi^* = 5,27$, $p \leq 0,01$), *«знать, что люди моей национальности всегда придут мне на помощь»* ($\varphi^* = 2,25$, $p \leq 0,04$),

«ощущать единение со значимыми для моего народа известными людьми» ($\varphi^* = 2,1, p \leq 0,01$). Это объясняется тем, что исторический опыт, к которому приобщается армянская молодежь с детства в процессе социализации, значимо влияет на особенности национальной идентичности личности; при этом психологическим основанием формирования и сохранения общности является гордость за свой народ в определенных исторических ситуациях (Берберян, Тучина, 2018).

Принадлежность к национальной культуре и традициям оказывает меньшее влияние на психологическое благополучие русских студентов. Только 5 % отметили высокий уровень влияния, 78 % — отсутствие влияния или незначительное влияние национальных традиций на формирование образа благополучия.

Русские студенты подчеркивают, что они *ощущают себя частью своего народа* (51 % респондентов «гордятся тем, что русский», что «принадлежат к нации победителей», «являются частью самой большой страны» и др.) и это повышает уровень их психологического благополучия. Молодые люди могут опираться на свою принадлежность к национальной культуре и традициям в качестве источника личностного развития, могут обрести уверенность, основываясь на своей принадлежности к национальной идентичности, но это не оказывает решающего влияния на определение уровня их психологического благополучия.

Большинство русских респондентов отметили, что принадлежность к национальной культуре и этносу *«никак не влияет на психологическое благополучие»* (62 % респондентов), а в единичных случаях отмечали даже *негативное влияние* («русских не любят», «русским быть сегодня стыдно», «национальность лучше скрывать, чтобы не было проблем»). Данные тенденции, на наш взгляд, связаны с ситуацией социального отчуждения русского народа, а также с постепенным разрушением на уровне Российской Федерации базовых национальных моральных и культурных норм, национальных устоев и традиций, значимости национальной культуры, что становится реальной угрозой российскому национальному менталитету (Ковалев, 2022).

Заключение

Проведенное исследование показало, что современная студенческая молодежь России и Армении, несмотря на сложность и неопределенность социальной ситуации развития, имеет преимущественно высокий и средний уровни психологического благополучия, адекватно решая возрастные задачи и конструктивно преодолевая жизненные трудности. Из всех структурных компонентов психологического благополучия наиболее выраженным является ценностно-смысловой компонент, который отражает развитую субъектную позицию армянских и русских студентов, их небезразличное, неравнодушное отношение к собственной жизни, наличие индивидуальной системы ценностей и установок, определяющих их жизненные цели.

Однако существуют различия у студентов разных национальностей в общем показателе психологического благополучия и в степени выраженности его отдельных компонентов: армянские студенты более удовлетворены собой и жизнью, более оптимистичны, лучше осознают себя и свое место в мире, понимают систему личностных ресурсов и перспектив; русские студенты более тревожны, испытывают страх перед социальной неопределенностью, переживают за свою жизнь и будущее близких людей.

Результаты исследования показали, что субъективно-значимыми факторами психологического благополучия как для русской, так и для армянской студенческой молодежи являются самооценка и психоэмоциональное состояние личности, индивидуальные ценности и установки на жизнь, поддержка и помощь семьи. Вместе с тем выявлены некоторые различия: по субъективной оценке русских студентов, наиболее значимыми являются факторы, связанные с ощущением состояния физического здоровья, финансового благополучия, степени успешности в значимой деятельности, удовлетворенности отношениями с близкими людьми и с учебной группой; психологическое благополучие армян связано с уровнем жизни в стране, обстановкой в мире, принятыми в национальной культуре нормами и требованиями, религиозными взглядами.

Полученные результаты вносят вклад в проблему исследования социокультурной детерминации психологического благополучия молодежи, раскрывают кросскультурную специфику субъективной оценки факторов, влияющих на данный феномен у русских и армянских студентов, а также могут быть использованы для оказания психологической помощи студентам в виде консультативной, тренинговой работы в плане поддержки высокого уровня их психологического благополучия в эпоху глобальных вызовов и социальных перемен. Психологическая помощь для студентов разных национальных групп должна выстраиваться с учетом выявленной в исследовании специфики, на основе изучения и развития сильных сторон личности и социального капитала в группе российских студентов, а также с учетом существенного влияния мезо- и макрофакторов в группе армянской молодежи.

К ограничениям исследования можно отнести немногочисленность выборки, а также ограниченность диагностического инструментария методами, предоставляющими данные, основанные лишь на субъективной оценке студентами уровня своего психологического благополучия и факторов, оказывающих на него влияние. Перспектива дальнейших исследований видится в более детальной дифференциации факторов психологического благополучия студентов разных национальных и социальных групп; в разработке качественных методов исследования данной проблематики.

Список литературы

- Башкин Е.Б., Берберян А.С., Бычкова П.А., Новикова И.А., Саркисян И.А. Психологическое благополучие и отношение к обращению за помощью в сфере психического здоровья у армянских и российских студентов // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1 (44). С. 93–104. https://doi.org/10.48200/1829-0450_sh_2023_1_93

- Берберян А.С., Тучина О.Р. Исследование национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 2. С. 190–214. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.8>
- Исаева О.М., Акимов А.Ю., Волкова Е.Н. Факторы психологического благополучия российской молодежи // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 4. С. 24–35. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270403>
- Ковалев А.А. Разрушение базовых традиционных ценностей как угроза для национального менталитета // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 33–46. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-33-46>
- Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Манукян В.Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная зрелость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- Самохвалова А.Г. Коммуникативные трудности ребенка в поликультурной социальной среде: монография. Кострома: Костромской государственный университет, 2019. 280 с.
- Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н., Шипова Н.С., Асриян Э.В. Структурно-функциональная модель психологического благополучия современных студентов // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18. № 4. С. 47–63. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.4>
- Самохвалова А.Г., Шипова Н.С., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н. Методика оценки психологического благополучия студентов: верификация и валидизация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022а. Т. 28. № 1. С. 76–83. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-1-76-83>
- Самохвалова А.Г., Шипова Н.С., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н. Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишени психологической помощи // Консультативная психология и психотерапия. 2022б. Т. 30. № 1 (115). С. 29–48. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103>
- Сапоровская М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 4. С. 48–54. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>
- Тиллих П. Избранное: Теология культуры / пер. с англ. М.: Юрист, 1995. С. 27–63.
- Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Шайб П., Виршинг М. Эмоции и психическое здоровье в социальном и семейном контексте (на модели соматоформных расстройств) [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. № 1. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_1_6/nomer/nomer13.php (дата обращения: 22.08.2023).
- Шамионов Р.М. Критерии субъективного проявления личности: социокультурная детерминация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 3 (15). С. 213–218. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-3-213-218>
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. V. 5. No 4. Pp. 432–443.
- Ano G.G., Vasconcelles E.B. Religious coping and psychological adjustment to stress: A meta-analysis // *Journal of Clinical Psychology*. 2005. Vol. 61. No 4. P. 461–480. <https://doi.org/10.1002/jclp.20049>

- Asriyan E., Karapetyan N., Samokhvalova A. The adaptation of the Armenian version of the student's psychological well-being scale // *Modern Psychology*. 2022. Vol. 5. No 2. Pp. 3–10. <https://doi.org/10.46991/SBMP/2022.5.2.003>
- Christopher J.C. Situating psychological well-being: Exploring the cultural roots of its theory and research // *Journal of Counseling & Development*. 1999. Vol. 77. No 2. Pp. 141–152. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1999.tb02434.x>
- De Leersnyder J., Kim H., Mesquita B. Feeling right is feeling good: psychological well-being and emotional fit with culture in autonomy- versus relatedness-promoting situations // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. Pp. 630. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00630>
- Ecer E. Attachment-related anxiety and religiosity as predictors of generalized self-efficacy and dispositional hope // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. Vol. 15. No 4. Pp. 21–37. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0302>
- Galyapina V.N., Tuchina O.R., Apollonov I.A. Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar Territory // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 2. С. 197–210. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>
- Green M., Elliott M. Religion, health, and psychological well-being // *Journal of Religion and Health*. 2010. V. 49. No 2. Pp. 149–163. <https://doi.org/10.1007/s10943-009-9242-1>
- Grossi E., Tavano Blessi G., Sacco P.L., Buscema M. The interaction between culture, health and psychological well-being: Data mining from the Italian culture and well-being project // *Journal of Happiness Studies*. 2012. Vol. 13. No 1. Pp. 129–148. <https://doi.org/10.1007/s10902-011-9254-x>
- Joshanloo M., Van de Vliert E., Jose P.E. Four fundamental distinctions in conceptions of wellbeing across cultures // *The Palgrave Handbook of Positive Education* / Ed. by M.L. Kern, M.L. Wehmeyer. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 675–703. https://doi.org/10.1007/978-3-030-64537-3_26
- Kagıtcıbası C. Autonomy and relatedness in cultural context: Implications for self and family // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. Vol. 36. No 4. Pp. 403–422. <https://doi.org/10.1177/0022022105275959>
- Lavrič M., Flere S. The role of culture in the relationship between religiosity and psychological well-being // *Journal of Religion and Health*. 2008. Vol. 47. No 2. Pp. 164–175. <https://doi.org/10.1007/s10943-008-9168-z>
- Leondari A., Gialamas V. Religiosity and psychological well-being // *International Journal of Psychology*. 2009. Vol. 44. No 4. Pp. 241–248. <https://doi.org/10.1080/00207590701700529>
- McAlpine D. D., Mechanic D. The influence of social factors on mental health // *Principles and Practice of Geriatric Psychiatry* / Ed. by M.T. Abou-Saleh, C. Katona, A. Kumar. Chichester: John Wiley and Sons, 2010. Pp. 97–101. <https://doi.org/10.1002/9780470669600.ch18>
- Muris P., Ogaar H. Self-esteem and self-compassion: A narrative review and meta-analysis on their links to psychological problems and well-being // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. Vol. 16. Pp. 2961–2975 <https://doi.org/10.2147/PRBM.S402455>
- Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M. Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. No 1. Pp. 3–72. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.128.1.3>
- Relationships as Developmental Contexts: The Minnesota Symposia on Child Psychology, Volume 30 / Ed. by W.A. Collins, B. Laursen. New York: Psychology Press, 1999. 384 p. <https://doi.org/10.4324/9781410601902>
- Ryff C.D., Love G.D., Miyamoto Y., Markus H.R., Curhan K.B., Kitayama S., Park J., Kawakami N., Kan C., Karasawa M. Culture and the promotion of well-being in east and west: Understanding varieties of attunement to the surrounding context // *Increasing Psychological Well-Being in Clinical and Educational Settings: Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology*, vol 8. / Ed. by G. Fava, C. Ruini. Dordrecht: Springer, 2014. Pp. 1–19. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8669-0_1

- Sözer Ö.T., Eskin M. Religiosity, identity confusion, and psychological well-being in Turkish university students: The moderating role of religious orientation // *Journal of Religion and Health*. 2023. Vol. 62. No 2. Pp. 984–1006. <https://doi.org/10.1007/s10943-022-01625-2>
- Triandis H.C. Individualism & collectivism. Boulder, CO: Westview Press, 1995. 259 p. <https://doi.org/10.4324/9780429499845>
- Wissing M.P., Temane Q.M. The structure of psychological well-being in cultural context: Towards a hierarchical model of psychological health // *Journal of Psychology in Africa*. 2008. Vol. 18. No 1. Pp. 45–55. <https://doi.org/10.1080/14330237.2008.10820170>

История статьи:

Поступила в редакцию 3 августа 2023 г.

Принята к печати 23 января 2024 г.

Для цитирования:

Самохвалова А.Г., Шипова Н.С., Вишневская О.Н., Тихомирова Е.В. Субъективная оценка факторов психологического благополучия русскими и армянскими студентами // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2024. Т. 21. № 2. С. 608–632. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-608-632>

Вклад авторов:

А.Г. Самохвалова – концепция, написание основных положений статьи, обоснование методологии исследования, описание теоретических основ исследования, формулировка выводов. Н.С. Шипова – сбор эмпирических данных, статистическая обработка материалов, написание аннотации, ключевых слов статьи, описание и интерпретация полученных результатов. О.Н. Вишневская – сбор эмпирических данных, описание и интерпретация полученных результатов. Е.В. Тихомирова – подготовка плана статьи, обзор существующих исследований по проблеме статьи, структурирование статьи. Все авторы участвовали в написании и редактировании текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, директор Института педагогики и психологии, Костромской государственный университет, Российская Федерация, 156000, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. ORCID: 0000-0002-4401-053X, SPIN-код: 7869-7192. E-mail: a_samohvalova@ksgos.ru

Шипова Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Костромской государственный университет, Российская Федерация, 156000, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. ORCID: 0000-0002-0741-1297, SPIN-код: 9937-4423. E-mail: n_shipova@ksgos.ru

Вишневская Оксана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской государственный университет, Российская Федерация, 156000, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. ORCID: 0000-0003-1591-0077, SPIN-код: 3709-7484. E-mail: o_vishnevskaya@ksgos.ru

Тихомирова Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Костромской государственный университет, Российская Федерация, 156000, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. ORCID: 0000-0002-3844-4622, SPIN-код: 8670-2102. E-mail: tichomirowa82@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-608-632

EDN: LYAFQE

UDC 159.9:316.6

Research article

Subjective Assessment of Psychological Well-Being Factors by Russian and Armenian Students

Anna G. Samokhvalova^{ID}✉, Natalya S. Shipova^{ID},
Oksana N. Vishnevskaya^{ID}, Elena V. Tikhomirova^{ID}

Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

✉ a_samokhvalova@ksgos.ru

Abstract. The challenges and social instability of our time actualize the role of psychological well-being as a particularly significant component of personality, aimed at preserving and maintaining its viability, self-efficacy, stress resistance and resourcefulness. The authors consider psychological well-being as an integral characteristic of human states that ensure the consistency of mental functions and processes, the achievement of internal balance and subjective integrity. The aim of the study is to identify subjectively significant factors that, according to Russian and Armenian students, are associated with a sense of psychological well-being. The total sample included 234 respondents studying in provincial universities in Russia (130 persons, of whom 58 % were females and 42 % were males); and Armenia (104 persons, of whom 61 % were females and 39 % were males), aged from 18 to 25 years. The study was conducted on the basis of the methodology for assessing the psychological well-being of an individual developed by A.G. Samokhvalova *et al.* and the author's questionnaire for revealing the subjective assessment of the factors of psychological well-being in the modern socio-cultural context. It has been found that the subjectively significant factors of psychological well-being of student youth in both countries are personal characteristics, current psycho-emotional state, social support and relationships with loved ones. In addition, the Armenian students associate their own psychological well-being with the situation in the world, the standard of living in the country, the norms and requirements accepted in the national culture, religious views, while for the Russian students the most significant factors are those related to the feeling of physical health, financial well-being, degree of success in significant activities, satisfaction with relationships with loved ones and with the study group.

Key words: psychological well-being, subjective assessment, factors of psychological well-being, students, youth.

Acknowledgements and funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Scientific Committee of the Republic of Armenia as part of Scientific Project No. 20-513-05005\21 “Theoretical and methodological foundations for assessing the psychological well-being of student youth”.

References

- Allport, G.W., & Ross, J.M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5(4), 432–443.
- Ano, G.G. & Vasconcelles, E.B. (2005). Religious coping and psychological adjustment to stress: A meta-analysis. *Journal of Clinical Psychology*, 61(4), 461–480.
<https://doi.org/10.1002/jclp.20049>

- Asriyan, E., Karapetyan, N., & Samokhvalova, A. (2022). The adaptation of the Armenian version of the student's psychological well-being scale. *Modern Psychology*, 5(2), 3–10. (In Armenian) <https://doi.org/10.46991/SBMP/2022.5.2.003>
- Bashkin, E.B., Berberyan, A.S., Bychkova, P.A., Novikova, I.A., & Sarkisyan, I.A. (2023). Psychological well-being and attitudes toward seeking mental health services in Armenian and Russian university students. *Vestnik of the Russian-Armenian (Slavonic) University. Series: Humanities and social Sciences*, (1), 93–104. (In Russ.) https://doi.org/10.48200/1829-0450_sh_2023_1_93
- Berberyan, A.S., & Tuchina, O.R. (2018). Studying national identity and personal historical experience in the titular Armenian ethnic group and in the Armenian diaspora in Russia. *Russian Psychological Journal*, 15(2), 190–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.8>
- Christopher, J.C. (1999). Situating psychological well-being: Exploring the cultural roots of its theory and research. *Journal of Counseling & Development*, 77(2), 141–152. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1999.tb02434.x>
- Collins, W.A., & Laursen, B. (Eds.). (1999). *Relationships as Developmental Contexts: The Minnesota Symposia on Child Psychology, Volume 30*. New York: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9781410601902>
- De Leersnyder, J., Kim, H., & Mesquita, B. (2015). Feeling right is feeling good: psychological well-being and emotional fit with culture in autonomy- versus relatedness-promoting situations. *Frontiers in Psychology*, 6, 630. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00630>
- Ecer, E. (2022). Attachment-related anxiety and religiosity as predictors of generalized self-efficacy and dispositional hope. *Psychology in Russia: State of the Art*, 15(4), 21–37. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0302>
- Erikson, E. (1996). *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Galyapina, V.N., Tuchina, O.R., & Apollonov, I.A. (2023). Mutual acculturation of Russians and Armenians in the Krasnodar territory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 20(2), 197–210. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-2-197-210>
- Green, M. & Elliott, M. (2010). Religion, health, and psychological well-being. *Journal of Religion and Health*, 49(2), 149–163. <https://doi.org/10.1007/s10943-009-9242-1>
- Grossi, E., Tavano Blessi, G., Sacco, P.L., & Buscema, M. (2012). The interaction between culture, health and psychological well-being: Data mining from the Italian culture and well-being project. *Journal of Happiness Studies*, 13(1), 129–148. <https://doi.org/10.1007/s10902-011-9254-x>
- Joshanloo, M., Van de Vliert, E., & Jose, P.E. (2021). Four fundamental distinctions in conceptions of wellbeing across cultures. In M.L. Kern & M.L. Wehmeyer (Eds.). *The Palgrave Handbook of Positive Education* (pp. 675–703). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-64537-3_26
- Isaeva, O.M., Akimova, A.Yu. & Volkova, E.N. (2022). Factors of psychological well-being of Russian youth. *Psychological Science and Education*, 27(4), 24–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2022270403>
- Kagitcibasi, C. (2005). Autonomy and relatedness in cultural context: Implications for self and family. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36(4), 403–422. <https://doi.org/10.1177/0022022105275959>
- Kholmogorova, A.B., Garanyan, N.G., Shaib, P. & Wirsching, M. (2011). Emotions and mental health in the social and family context (based on the model of somatoform disorders). *Medical Psychology in Russia*, (1). (In Russ.) URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_1_6/nomer/nomer13.php (accessed: 22.08.2023).
- Kovalev, A.A. (2022). Destruction of basic traditional values as a threat to the national mentality. *Social and Political Research*, (3), 33–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-33-46>

- Lavrič, M., & Flere, S. (2008). The role of culture in the relationship between religiosity and psychological well-being. *Journal of Religion and Health*, 47(2), 164–175. <https://doi.org/10.1007/s10943-008-9168-z>
- Leondari, A., & Gialamas, V. (2009). Religiosity and psychological well-being. *International Journal of Psychology*, 44(4), 241–248. <https://doi.org/10.1080/00207590701700529>
- Leontiev, D.A. (2020). Happiness and well-being: toward the construction of the conceptual field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 14–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Manukyan, V.R. (2022). Growing up of youth: separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18–27 years. *Psychological Science and Education*, 27(3), 129–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- McAlpine, D. D. & Mechanic, D. (2010). The influence of social factors on mental health. In M.T. Abou-Saleh, C. Katona, & A. Kumar (Eds.) *Principles and Practice of Geriatric Psychiatry* (third edition, pp. 97–101). Chichester: John Wiley and Sons. <https://doi.org/10.1002/9780470669600.ch18>
- Muris, P. & Otgaar, H. (2023). Self-esteem and self-compassion: A narrative review and meta-analysis on their links to psychological problems and well-being. *Psychology Research and Behavior Management*, 16, 2961–2975 <https://doi.org/10.2147/PRBM.S402455>
- Oyserman, D., Coon, H.M., & Kimmelmeier, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128(1), 3–72. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.128.1.3>
- Ryff, C.D., Love, G.D., Miyamoto, Y., Markus, H.R., Curhan, K.B., Kitayama, S., Park, J., Kawakami, N., Kan, C., & Karasawa, M. (2014). Culture and the promotion of well-being in east and west: Understanding varieties of attunement to the surrounding context. In Fava, G., & Ruini, C. (Eds.). *Increasing Psychological Well-Being in Clinical and Educational Settings: Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology* (vol. 8, pp. 1–19). Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8669-0_1
- Samohvalova, A.G., Shipova, N.S., Tikhomirova, E.V., & Vishnevskaya, O.N. (2022a). Scale for assessing the psychological well-being of students: verification and validation. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 28(1), 76–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-1-76-83>
- Samokhvalova, A.G. (2019). *Communication difficulties of a child in a multicultural social environment*. Kostroma: Kostroma State University. (In Russ.)
- Samokhvalova, A.G., Shipova, N.S., Tikhomirova, E.V., & Vishnevskaya, O.N. (2022b). Psychological well-being of modern students: typology and targets of psychological help. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 30(1), 29–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103>
- Samokhvalova, A.G., Tikhomirova, E.V., Vishnevskaya, O.N., Shipova, N.S., & Asriyan, E.V. (2021). The structural-functional model of contemporary students' psychological well-being. *Russian Psychological Journal*, 18(4), 47–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.4>
- Saporovskaya, M.V. (2020). Intergenerational conflict and psychological well-being of the family. *Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 26(4), 48–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>
- Shamionov, R.M. (2015). Criteria of subjective personal well-being: socio-cultural determinacy. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 4(3), 213–218. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2015-4-3-213-218>
- Sözer, Ö.T., & Eskin, M. (2023). Religiosity, identity confusion, and psychological well-being in Turkish university students: The moderating role of religious orientation. *Journal of Religion and Health*, 62(2), 984–1006. <https://doi.org/10.1007/s10943-022-01625-2>

- Tillich, P. (1995). *Selected: Theology of Culture* (pp. 27-63). Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Triandis, H.C. (1995). *Individualism & collectivism*. Boulder, CO: Westview Press.
<https://doi.org/10.4324/9780429499845>
- Wissing, M.P., & Temane, Q.M. (2008). The structure of psychological well-being in cultural context: Towards a hierarchical model of psychological health. *Journal of Psychology in Africa*, 18(1), 45–55. <https://doi.org/10.1080/14330237.2008.10820170>

Article history:

Received 3 August 2023

Revised 20 January 2024

Accepted 23 January 2024

For citation:

Samokhvalova, A.G., Shipova, N.S., Vishnevskaya, O.N., & Tikhomirova, E.V. (2024). Subjective assessment of psychological well-being factors by Russian and Armenian students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 608–632. (In Russ.)
<http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-608-632>

Authors' contribution:

Anna G. Samokhvalova – conception and main provisions of the article, substantiation of the research methodology, description of the theoretical foundations of the study, formulation of conclusions. *Natalya S. Shipova* – collection of empirical data, statistical processing of materials, annotations and keywords of the article, description and interpretation of the results. *Oksana N. Vishnevskaya* – collection of empirical data, description and interpretation of the results. *Elena V. Tikhomirova* – preparation of the article outline, review of existing research on the problem of the article, structuring of the article. All authors participated in writing and editing the text of the article.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Anna G. Samokhvalova, Doctor of Psychology, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St, Kostroma, 156000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4401-053X, SPIN-code: 7869-7192. E-mail: a_samokhvalova@kosgos.ru

Shipova Natalya Sergeevna, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of special pedagogy and psychology, Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St, Kostroma, 156000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0741-1297, SPIN-code: 9937-4423. E-mail: n_shipova@kosgos.ru

Oksana N. Vishnevskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Acmeology of Personality, Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St, Kostroma, 156000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1591-0077, SPIN-code: 3709-7484. E-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Elena V. Tikhomirova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St, Kostroma, 156000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3844-4622, SPIN-code: 8670-2102. E-mail: tichomirowa82@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656

EDN: MAIMEA

УДК 159.99

Обзорная статья

Обзор методов анализа социальной идентичности: проблемы и перспективы их разрешения

И.Б. Бовина¹, Б.Г. Бовин²

¹Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

²Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Российская Федерация
 innabovina@yandex.ru

Аннотация. Интерес к проблеме эмпирического анализа социальной идентичности обусловлен разработкой модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, как следствие, необходимостью инструмента для выявления особенностей социальной идентичности, что и определяет цель представленного в статье аналитического обзора. С одной стороны, сама модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде опирается на постулаты подхода социальной идентичности в целом и положения модели неопределенности-идентичности М. Хогга, в частности. Это объясняет преимущественный интерес к методам анализа социальной идентичности, существующим в этом теоретическом поле. С другой стороны, насколько позволяют судить монографические исследования социальной идентичности, а также методические работы, то представляется возможным расширять рамки анализа, уделяя внимание инструментам, используемым и в других теоретических рамках. Интеграция этих двух линий позволила определить три основных типа инструментов анализа социальной идентичности (инструменты, основанные на ассоциативной методике; шкалы; картографирование социальной идентичности) и предпринять их критический анализ. Делаются выводы по преимуществам каждого инструмента измерения социальной идентичности. Отмечается, что в рамках модели оценки риска наиболее адекватной является разработка сложной методологической стратегии, включающей модифицированный вариант «Теста двадцати утверждений» с последующим картографированием социальной идентичности, которая позволит получить оценку социальных идентичностей индивида как ресурса, противостоящего радикализации.

Ключевые слова: социальная идентичность, ассоциативная методика, «Тест двадцати утверждений», картографирование социальной идентичности, измерение социальной идентичности с помощью шкал, оценка риска радикализации

Введение

Вслед за Ж.-П. Кодолом, представляется возможным говорить о том, что конструкт идентичности является ключевым для социальной психологии, поскольку служит отражением одного из центральных конфликтов между индивидуальным и коллективным, между поиском персональной и социальной идентичностей (Deschamps, Moliner, 2008).

Изучению идентичности в социальной психологии уделено значительное внимание в рамках ряда теорий и моделей (Иванова, 2006; Haslam, 2004; Haslam et al., 2018). Положения теории социальной идентичности Г.Тэшфела и теории самокатегоризации Дж.Тернера (в современной литературе уже используется понятие подхода социальной идентичности, что отражают масштаб современного развития этих теорий (Haslam et al., 2018)) достаточно давно и хорошо известны отечественным социальным психологам благодаря усилиям В.С. Агеева, Г.М. Андреевой и П.Н. Шихирева (Агеев, 1983; Андреева, 2014; Шихирев, 1997). Подход социальной идентичности неоднократно применялся отечественными исследователями, оказывался в фокусе рефлексии в диссертационных трудах, в рамках этого подхода формулировались оригинальные концепции (Белинская, 2006; Иванова, 2003; Стефаненко, 1999).

Вопросы, касающиеся методов изучения социальной идентичности, в меньшей степени получили внимание отечественных исследователей, что объясняет правомерность обращения к этой теме и определяет *цель* представленного в статье аналитического обзора. Подчеркнем особо, что интерес к проблеме измерения социальной идентичности связан с разработкой модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, как следствие – необходимостью анализа особенностей социальной идентичности в подростково-молодежной среде (Дворянчиков и др., 2023). Таким образом, выбранная перспектива рассмотрения социальной идентичности обладает определенной новизной и значимостью.

Перед тем как перейти к обсуждению методов анализа социальной идентичности, скажем несколько слов о сути самой модели.

Модель оценки риска радикализации восходит к идеям теории неопределенности-идентичности М. Хогга (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg, 2021; Hogg et al., 2013), что обуславливает важность социальной идентичности для принятия решения об уязвимости к радикализации того или иного индивида. Апелляция к социальной идентичности как важному конструкту в связи с объяснением радикализации не является чем-то новым. В качестве примера можно упомянуть модели К. Викторовича, Ф. Мохаддама, В. Свана с коллегами, М.Д. Силбера и А. Батта (King, Taylor, 2011; Swann et al., 2009), а также схемы оценки риска радикализации (Lloyd, 2019; Fernandez, de Lasala, 2021). Среди прочих укажем так называемый «научный подход к поиску индикаторов радикализации и реакции на нее» (SAFIRE), используемый для мониторинга радикализации в образовательной среде (Sarma, 2017). Однако модели радикализации К. Викторовича, Ф. Мохаддама, М.Д. Силбера и А. Батта не имеют эмпирической проверки, идентичность

выступает как объяснительный конструкт, но исследователи не сталкивались с проблемой ее измерения (Бовина и др., 2020; King, Taylor, 2011). В теории слияния идентичностей, разработанной В. Сваном с коллегами, для измерения слияния идентичностей используется специально созданная для этого шкала (Swann et al., 2009). Несмотря на то, что подход социальной идентичности является основополагающим для теории слияния идентичностей, однако постулат о слиянии идентичностей разнит ее с идеями Г. Тэшфела и Дж. Тернера (Ellemers, Haslam, 2012; Haslam et al., 2018; Tajfel, 1972; Tajfel, 1982; Turner, 1980).

Наконец, в случае мониторинга радикализации в образовательной среде (SAFIRE) используется система наблюдаемых показателей, на основе которых делается заключение об уязвимости того или иного индивида (Sarma, 2017), то есть особенности социальной идентичности определяются на основе специфических наблюдаемых поведенческих признаков.

Разрабатываемая модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде (Дворянчиков и др., 2023) основывается на положениях подхода социальной идентичности (Ellemers, Haslam, 2012; Haslam et al., 2018; Tajfel, 1972; Tajfel, 1982; Turner, 1980), развитии ее мотивационных аспектов в теории неопределенности–идентичности М. Хогга (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg et al., 2013), а также логике построения моделей оценки риска (Herrington, Roberts, 2012).

Социальная идентичность рассматривается как интернализованная принадлежность человека к группе, благодаря этой идентичности субъект отвечает на вопрос «кто я такой в данном контексте?» (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg, 2021; Hogg et al., 2013). Чувство неопределенности сопряжено с особенностями социальной идентичности, испытывая это чувство, человек задается вопросами: «Что делать?», «Кем быть?», «Что думать?». Тезис о том, что чувство неопределенности не является диспозиционной особенностью радикализирующегося субъекта, но зависит от социального контекста, соответствует логике теории М. Хогга (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg et al., 2013).

Идея Г. Тэшфела о том, что человек обладает рядом социальных идентичностей, некоторые из которых важны для него, а другие – нет, а также постулат А. Хаслама (Tajfel, 1982; Haslam et al., 2018) о множественности позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, позволили сформулировать положение модели оценки риска, согласно которому идентификация с различными группами является фактором, «удерживающим» от радикализации, отсутствие множественных позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, оказывается фактором, «подталкивающим» в сторону радикализации.

Если индивид не видит важности в тех социальных идентичностях, которыми он обладает, то он не может использовать преимущества психологического толка, ассоциированные с этим групповым членством (Haslam et al., 2018): ведь именно группа задает человеку ценности и нормы, в соответствии с которыми он действует или бездействует; благодаря групповому членству человек вовлекается в процессы социального влияния; благодаря

степени идентификации с группой человек переживает свою связь с другими членами группы. Именно социальная идентичность дает человеку возможность обрести цель, смысл и ценность своего существования, обеспечивает его чувством эффективности и власти. Кроме того, социальная идентичность позволяет человеку обрести предсказуемость окружающего мира. Отсюда в результате игнорирования имеющихся социальных идентичностей под угрозой оказывается удовлетворение базовых потребностей, что побуждает человека к действиям по изменению ситуации.

В модели оценки риска радикализации уделяется внимание специфике групп, с которыми идентифицируется индивид, учитывается, являются ли они малыми (семья, друзья, школьный класс) или большими группами (этнос, возрастная, гендерная группа). Семья и друзья – это примеры высокоэнтитативных групп, как было показано в работах Б. Ликеля с коллегами (Lickel et al., 2000; Lickel et al., 2001). Радикализация – процесс поиска социальной идентичности (иначе говоря, поиска определенного группового прототипа); в этой логике отстранение от семьи и друзей (высокоэнтитативных групп (Campbell, 1958)) является указанием на потерю социальной идентичности или отсутствие идентификации с группами из близкого окружения (Sarma, 2017), то есть это еще один индикатор уязвимости индивида в радикализации («подталкивающий» фактор). Стоит подчеркнуть, что в модели SAFIRE отстранение от ближайшего окружения соответствует третьей стадии процесса радикализации. Для операционализации положений модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде требуется адекватный инструмент измерения социальной идентичности.

Итак, ключевой вопрос, на который требуется найти ответ в рамках предлагаемого здесь аналитического обзора, таков: какие из методов изучения социальной идентичности в наибольшей степени адекватны для выявления ее особенностей в подростково-молодежной среде (в логике модели оценки риска радикализации)? Ответ на этот вопрос требовал определения рамок поиска методов и их критического анализа на основе соответствующих работ. С одной стороны, тот факт, что сама модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде опирается на постулаты подхода социальной идентичности в целом (Ellemers, Haslam, 2012; Tajfel, 1972), а также на положения модели неопределенности-идентичности М.Хогга, в частности (Hogg, 2007; Hogg, 2021) объясняет преимущественный интерес к методам анализа социальной идентичности, существующим в этом теоретическом поле. С другой стороны, насколько позволяют судить монографические исследования социальной идентичности, а также методические работы, представляется возможным расширять рамки анализа, уделяя внимания инструментам, используемым и в других теоретических рамках (Белинская, 2006; Иванова, 2003; Стефаненко, 1999; Татарко, Лебедева, 2011; Deschamps, Moliner, 2008).

Интеграция этих двух линий позволила определить три основных типа инструментов анализа социальной идентичности: 1) инструменты, основанные на ассоциативной методике; 2) шкалы; 3) картографирование социальной идентичности.

Изучение социальной идентичности с помощью ассоциативной методики

Очевидно, что методы и приемы измерения социальной идентичности разработаны в рамках соответствующих подходов и теорий (Deschamps, Moliner, 2008; Haslam et al., 2018), однако перед тем, как сфокусировать внимание на анализе инструментов, разработанных в рамках подхода социальной идентичности (на основных положениях которого сформулирована модель оценки риска радикализации), остановимся на инструменте анализа социальной идентичности, который заслуживает особого внимания в силу своей применимости для измерения идентичности, – «Тесте двадцати утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда (Kuhn, McPartland, 1954). Обращение к обсуждению этого инструмента объясняется некоторой парадоксальностью: с одной стороны, инструмент достаточно хорошо знаком отечественным исследователям [оригинальный текст статьи М. Куна и Т. Макпартленда был переведен на русский язык] (Кун, Макпартленд, 1984), сам метод не только описан в работе, посвященной изучению этнической идентичности (Татарко, Лебедева, 2011), но и по-прежнему используется в исследованиях для достижения различных задач, будь то анализ этнической идентичности, выявление особенностей и динамики социальной идентичности в молодежной среде, специфики социальных идентичностей в студенческой среде (например, Иванова, 2003; Муращенкова и др., 2023; Румянцева, 2005; Babbitt, Burbach, 1990; Bochner, 1994; Cousins, 1989; Grozev, Easterbrook, 2024; Rhee et al., 1995; Watkins et al., 1997). С другой стороны, ряд приемов использования этого инструмента, применяемого для изучения социальной идентичности, остается вне фокуса внимания отечественных авторов. Это и объясняет наш интерес к обсуждению «Теста двадцати утверждений», его модификаций, а также к некоторым модальностям работы с данными, полученными с его помощью.

Итак, одним из первых способов изучения социальной идентичности можно считать попытку, предпринятую в рамках символического интеракционизма М. Куном и Т. Макпартлендом (Kuhn, McPartland, 1954). Речь идет о «Тесте двадцати утверждений», который изначально был предложен для анализа Я-концепции, но со временем стал широко использоваться как инструмент для изучения идентичности (Иванова, 2003; Татарко, Лебедева, 2011; Deschamps, Moliner, 2008). Суть этого инструмента заключается в том, что респонденту предлагается сформулировать двадцать ответов на вопрос «Кто Я?», при этом ответы должны быть разными, отвечать требуется так, как если бы респондент отвечал сам себе, а не кому-то другому (например, исследователю и пр.). В соответствии с инструкцией предлагается не заботиться о порядке ответов, в оригинальном варианте респондент располагает двенадцатью минутами на формулирование ответов. В основе этого способа измерения идентичности лежит ассоциативная методика, когда в фокусе внимания респондента оказывается он сам (Deschamps, Moliner, 2008), ранг

ассоциации может быть рассмотрен как время реакции на стимул (в логике закона К. Марбе) (Flament, Rouquette, 2003).

В оригинальной версии инструмент рассматривался как способ анализа аттитудов индивида к самому себе, ответы респондентов предполагалось кодировать с помощью дихотомии (консенсусные и субконсенсусные категории, которые в переводе были обозначены как объективные и субъективные (Кун, Макпартленд, 1984)). В первую категорию были отнесены ответы, касающиеся социальных статусов и ролей, другими словами – групповой принадлежности индивидов к малым и большим группам. Во вторую категорию были объединены различного рода характеристики (констатирующего и оценочного толка), индивидуализирующие респондента (Kuhn, McPartland, 1954). Если взглянуть на это дихотомию через призму ключевого вопроса социальной психологии, о котором говорилось выше, то представляется возможным говорить о том, что респонденты, делая себя объектом рефлексии, рассматривают себя через призму социальных и персональных идентичностей. В оригинальной версии вычислялся показатель, оценивающий количество консенсусных ответов, то есть количество самокатегоризаций респондентов как членов различных групп. Использование этого инструмента предполагает вычисление согласованности кодировщиков тем или иным способом (Богомолова и др., 2006), достаточно распространенным является показатель *Kanna* Коэна (Cohen, 1960)).

Семь десятилетий прошло с момента выхода в свет работы М. Куна и Т. Макпартленда, предложенный инструмент для анализа идентичности подвергался многочисленной критике, касающейся валидности самой методики (Bochner, 1994). Критики указывали на неясность в отношении идентичностей, через призму которых индивиды рассматривают себя. Кроме того, можно говорить о том, что остается открытым вопрос, какую именно социальную идентичность индивид получает в этих группах позитивную или негативную и пр. (Deschamps, Moliner, 2008).

Критические замечания отчасти стали источником модификаций инструмента (Bochner, 1994; Watkins et al., 1997). При этом метод анализа идентичности, разработанный в рамках символического интеракционизма, используется для решения задач, связанных с измерением социальной идентичности, в рамках других подходов, в частности, в рамках подхода социальной идентичности (Белинская, 2006; Иванова, 2003).

Анализ литературы позволяет говорить о существовании разнообразных модификаций изначальной системы кодирования (или категориальной сетки, используемой для анализа ответов), а также самого инструмента и процедуры его использования. Количество кодов (или категорий и подкатегорий) варьирует от 2 до 59, что определяется целями исследования, используется сокращенная процедура, где вместо двадцати ответов респондентам предлагается сформулировать семь ответов, сами же ответы взвешиваются или нет (Bochner, 1994; Cousins, 1989; Rhee et al., 1995).

Т. Макпартленд с коллегами уже в 1961 году модифицировали кодировочную систему, предложив конкретизировать каждую из изначальных категорий с помощью двух соответствующих (McPartland et al., 1961): категория **А**: Я как физическая структура в пространстве и во времени; категория **В**: Я через призму социальной структуры; категория **С**: Я – вне социальной структуры, то есть чувства, действия и реакции вне прямых указаний на социальную структуру (хотя другие имплицитно присутствуют в ответах, относящихся к этой категории); категория **Д**: Я вне связи с физическим, социальной структурой, вне социального взаимодействия, своего рода абстрактное Я. Логика этой системы такова, что категории А и В, взятые вместе, предшествуют категориям С и D.

В последующих исследованиях предлагались новые категориальные сетки (Bochner, 1994; Cousins, 1989; Rhee et al., 1995). В кросскультурных исследованиях модификации системы кодов были подчинены сравнению Я-концепции представителей различных культур (так называемых западных и незападных культур, культур индивидуализма и коллективизма). В частности, в работе С. Бочера категориальная сетка включала следующие категории: идиоцентрические характеристики (утверждения об особенностях, состояниях, чертах личности вне связи с другими людьми); аллоцентрические характеристики (утверждения, указывающие на взаимозависимости, реакции на других людей), а также указания на принадлежность к большим группам и указания на принадлежность к малым группам (Bochner, 1994).

В категориальной сетке, предложенной Р. Гордоном (Deschamps, Moliner, 2008), открывалась возможность детализировать социальную и персональную идентичности: 1) характеристики, относящиеся к категориям, к которым человек принадлежит при рождении, или к возложенным на него определенным функциям (пол, этническое и национальное происхождение, религия); 2) роли и привязанности, которые касаются семейных ролей (мать, сестра, брат и т. д.), характеристики, указывающие на политическую ориентацию или профессиональные группы; 3) абстрактные, экзистенциальные идентификации и идеологические убеждения (человек, индивид и пр.); 4) интересы и занятия (интеллектуальные интересы, художественная деятельность и т. д.); 5) личностные характеристики (к ним предлагается отнести моральные ценности, автономию, восприятие единства Я, индивидуальные способности и т. д.).

Даже на примере этих нескольких категориальных сеток, разработанных для анализа ответов респондентов на вопрос «Кто Я?», очевидно, что исследователи имеют значительные степени свободы, позволяющие им использовать метод в соответствии с конкретными целями. Для нас же важным является потенциал этого инструмента для измерения социальной и персональной идентичностей.

В исследовании Д. Ваткинса с коллегами (Watkins et al., 1994) была продемонстрирована правомерность использования сокращенного варианта

опросника. Исследователи отмечали, что зачастую после 10 ответов испытуемые дают либо синонимичные ответы, либо такие варианты, которые попадают в категорию «другое», поскольку не несут смысловой нагрузки, достаточно абстрактны, поэтому эмпирическая проверка позволила говорить о применимости сокращенной версии методики Куна и Макпартленда.

На возможность использования сокращенного варианта методики (шесть ответов вместо двадцати) указывают и отечественные авторы (Татарко, Лебедева, 2011). Так или иначе внесение ограничений на количество ответов обладает не только прагматическим интересом (объем работы с полученными данными значительно облегчается), но вносит определенность относительно соотношения социальных и персональных идентичностей.

Логика взвешивания ответов разнится: используется процентное соотношение тех или иных категорий (Watkins et al., 1994), ранжируются ответы, данные респондентами, что позволяет вычислять соответствующие суммарные или усредненные показатели для интересующих категорий.

В инструкции методики говорится о том, что порядок ответов не имеет значения. С учетом ассоциативной природы ответов, апеллируя к традиции использования методики свободных ассоциаций в теории социальных представлений, можно говорить о том, что спонтанная последовательность ответов не совпадает с последовательностью, основанной на важности ответов (Moliner, Lo Monaco, 2017). По сути, мы имеем дело с различными процессами – автоматическими и контролируруемыми. Изучая особенности социальной идентичности в подростково-молодежной среде в связи с проблемой радикализации, определенный интерес представляет сравнение того, какова последовательность ответов, указывающих на социальную и персональную идентичности в случае автоматических и контролируемых когнитивных процессов, актуализируемых различными инструкциями (спонтанные ответы или ранжирование ответов самим респондентами в зависимости от важности).

Сказанное выше позволяет заключить, что, несмотря на критический взгляд на инструмент измерения идентичности, его широкое использование в течение 70 лет свидетельствует только в пользу гибкости «Теста двадцати утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда, его потенциала и возможностей.

Другой инструмент измерения социальной идентичности, основанный на ассоциативном методе, который в некотором смысле разрешает проблемы «Теста двадцати утверждений», – так называемый «психосоциальный инвентарь идентичности», был предложен М. Заваллони (Deschamps, Moliner, 2008).

В основе этого способа измерения социальной идентичности лежит идея изучения когнитивной структуры, связанной с представлениями. Суть этого способа сводится к выявлению личностного полюса идентичности и социального полюса идентичности (собственно – персональной и социальной идентичностей в терминах подхода социальной идентичности).

На первом этапе респондентам предлагается высказать свободные ассоциации, относительно различных групп. Само задание сформулировано

так: «Мы...» или «Они...» (например, «Мы, психологи...» и «Они, психологи...»). Среди различных социальных категорий, которые представляют интерес для исследования: нация, пол, религия, профессия, социальный класс, группы, выделяемые на основе политической ориентации, возрастная группа и семья (Deschamps, Moliner, 2008).

На втором этапе респондентам предлагается ответить на ряд вопросов, которые позволяют оценить важность, а также валентность ассоциаций, выработанных на первом этапе. Кроме того, вопросы, касающиеся существования различий между ответами на вопросы, относительно «Мы..» и «Они...». Идет ли речь о категории в целом или респонденты усматривают конкретные подгруппы; отвечая на вопросы, оценивали ли они каждую группу или категорию саму по себе, высказывали ли они свое собственное мнение или мнение других, и пр.

Несомненно, данный вариант измерения социальной идентичности оказывается многомерным, еще раз отметим, что он позволяет преодолеть ограничения, которые содержатся в оригинальной методике М. Куна и Т. Макпартленда (касающиеся отсутствия ответа на вопрос о значимости той или иной социальной идентичности), сохраняя преимущества, связанные с использованием ассоциативного метода. В то же самое время – этот способ анализа идентичности достаточно объемен, что затрудняет его применимость в логике модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Шкалы для измерения социальной идентичности

Традиционным способом измерения социальной идентичности являются шкалы, разработанные в рамках различных моделей, которые так или иначе отсылают к идеям Г. Тэшфела (Tajfel, 1972; Tajfel, 1982).

В рамках подхода социальной идентичности среди прочих различают два ключевых понятия: социальная идентификация и социальная идентичность. С одной стороны, социальная идентификация и социальная идентичность – не есть одно и то же. Как подчеркивают Т. Постмес с коллегами (Postmes et al., 2013), социальная идентичность указывает на группу как воспринимаемую сущность, как следствие, речь идет о групповых нормах и отношении к аут-группе, то есть о социально разделенных когнициях. В случае идентификации делается указание на отношение индивида к группе, то есть указания на разделенные когниции отсутствует. А. Хаслам, ссылаясь на концептуализацию К. МакГарти с коллегами (Haslam, 2004), отмечает, что социальная идентификация и так называемая *выпуклость* социальной идентичности есть взаимосвязанные динамические процессы, которые подпитывают друг друга. Социальная идентификация указывает на относительно устойчивую идентификацию индивида с группой, своего рода готовность использовать определенную социальную категорию для самоопределения, в то время как *выпуклость* социальной идентичности указывает на реакции

индивида на определенный контекст, готовность взаимодействовать в соответствии с определенной самокатегоризацией (Haslam, 2004).

Как отмечает А. Хаслам (Haslam, 2004), ряд шкал позволяет измерять оба эти состояния. С другой стороны, в некоторых работах понятия социальной идентификации и социальной идентичности используются как взаимозаменяемые (Reysen et al., 2013).

В «Новой психологии здоровья» А. Хаслама с коллегами (Haslam et al., 2018) в разделе, посвященном измерению социальной идентичности, предлагается ряд инструментов, в частности, речь идет о шкалах для измерения социальной идентификации, множественных идентичностей, различных аспектов социальной идентичности, силы персональной идентичности, однако инструмента, который бы измерял социальную идентичность, не предлагается.

Как отмечает Р. Браун, интерес исследователей к разработке шкал для измерения социальной идентичности определяется необходимостью проверить ряд предположений теории социальной идентичности, согласно которым: существует связь между силой идентификации и внутригрупповым фаворитизмом, межгрупповые процессы модулируются силой социальной идентификации (Brown, 2020). Изначально, как подчеркивает Браун, Г. Тэшфел не ставил перед собой задачи разработать валидный инструмент для измерения социальной идентичности (Brown, 2020).

Начиная с 1980-х годов XX века проблема измерения социальной идентичности оказалась в фокусе самого пристального внимания исследователей (Haslam, 2004; Postmes et al., 2013; Reysen et al., 2013), как следствие, в литературе можно обнаружить целый ряд инструментов, которые используются для измерения социальной идентификации. В 80–90-х годах предлагаются одномерные инструменты для измерения социальной идентификации, исследователи исходили из идеи о том, что социальная идентичность – это единый конструкт, предлагая для измерения от 1 до 10 пунктов (Haslam, 2004; Postmes et al., 2013; Reysen et al., 2013).

В конце 90-х годов разрабатываются многомерные инструменты, включающие субшкалы. основополагающим постулатом в этом случае является идея о необходимости различать составляющие социальной идентичности (эмоциональная привязанность к группе, например, не тождественна осознанию своей принадлежности к группе). Суть и количество субшкал различаются (количество субшкал варьирует от 2 до 7, что зависит от того, какова исходная теоретическая модель). Сходным образом наблюдаются флуктуации количества пунктов внутри субшкал (оно варьирует от 2 до 24) (Reysen et al., 2013).

К примеру, в методике С. Хинкля с коллегами (Reysen et al., 2013) предлагается различать три субшкалы, каждая из которых направлена на оценку соответствующего измерения: эмоциональная идентификация (4 пункта), оппозиция индивидуального и группового (2 пункта), когнитив-

ные аспекты идентификации (2 пункта). В случае инструмента, предложенного Н. Элемерс с коллегами, оцениваемые измерения субшкал таковы: групповая самооценка (4 пункта), групповая самокатегоризация (3 пункта), приверженность к группе (3 пункта) (Reysen et al., 2013).

Преимущество многомерного инструмента для измерения социальной идентичности над одномерным принимается исследователями по умолчанию (Postmes et al., 2013). Тем не менее, в некоторых случаях использование более короткого инструмента оказывается предпочтительным, что объясняется прагматическими соображениями (например, в случае использования сложного и объемного методического инструментария, повторяющихся измерений, если нужно проверить, что манипуляция выпуклости социальной идентичности сработала и пр.) (Haslam, 2004; Postmes et al., 2013).

Т. Постмес с коллегами предприняли серии исследований, которые позволили создать валидный инструмент для измерения социальной идентификации: респонденту предлагается утверждение, которое нужно оценить по 7-балльной шкале Ликерта (от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен»): «Я идентифицируюсь с группой (укажите, пожалуйста, группу)» (Haslam et al., 2018; Postmes et al., 2013).

Для измерения множественных социальных идентичностей Ж. Жеттен с коллегами (Haslam et al., 2018) разработали отдельную методику, которая включает ряд утверждений, согласие или несогласие с каждым из которых оценивается по 7-балльной шкале («Я принадлежу к множеству различных групп», «Я участвую в деятельности многих разных групп», «Я дружу с людьми из разных групп», «У меня крепкие связи со многими группами»).

С одной стороны, использование шкал для измерения социальной идентичности видится своего рода «королевским способом» анализа идентичности. С другой стороны, при всех преимуществах использования шкал, о чем говорится в литературе (Haslam et al., 2018; Postmes et al., 2013), вслед за С. Бентли с коллегами можно усмотреть как минимум две серьезные проблемы использования шкал для анализа социальной идентичности.

Во-первых, у исследователя нет возможности оценить в полной мере сложную систему социальных идентичностей индивида (Bentley et al., 2020). Апеллируя к тезису Г. Тэшфела, представляется возможным говорить о том, что человек обладает рядом социальных и персональных идентичностей, некоторые для него важны, другие – нет (Tajfel, 1982). В том или ином контексте актуализируется определенная социальная идентичность, через призму которой он действует или бездействует. Тем не менее важным представляется узнать, какими социальными идентичностями человек обладает, какие являются важными для него. В случае использования шкал исследователь акцентирует ту или иную социальную идентичность, оставляя за рамками другие. Во-вторых, использование шкал как инструмента анализа социальной идентичности не позволяет оценивать взаимосвязи между социальными

идентичностями, другими словами – совместимость принадлежности к тем или иным группам (Bentley et al., 2020).

Именно эти два недостатка шкал как инструмента анализа социальной идентичности критичны для модели оценки риска радикализации, поскольку ключевым в модели оказывается оценка *множественности* социальных идентичностей (наличие ряда значимых позитивных социальных идентичностей, совместимых друг с другом) (Haslam et al., 2018).

Картографирование социальной идентичности

Серьезный потенциал, позволяющий преодолеть ограничения, характерные для измерения социальной идентичности с помощью шкал, можно усмотреть в методе картографирования социальной идентичности (Bentley et al., 2023; Haslam et al., 2018), который появился относительно недавно и начинает активно использоваться.

Как отмечают С. Бентли с коллегами, в зачаточной форме логика картографирования социальной идентичности возникла в рамках программы, разработанной для организационного контекста (Bentley et al., 2020). Т. Крувис с коллегами реализовали серии исследований (со сложной методологией и на значительной по объему выборке респондентов), что позволило оценить внутреннюю согласованность инструмента, проверить конвергентную и дискриминантную валидность, другими словами, продемонстрировать, что картографирование является собой надежный и валидный инструмент для анализа социальной идентичности (Cruwys et al., 2016).

Процедура картографирования стала использоваться в рамках психологии здоровья для оценки эффективности вторичной и третичной профилактики (Bentley et al., 2020; Haslam et al., 2018). Итак, суть этого метода сводится к следующему: респондентам предлагается подумать обо всех социальных группах, к которым он принадлежит, и указать названия этих групп на соответствующих стикерах различного формата (большой формат соответствует большей важности группы для индивида, средний формат – средней важности группы; маленький формат – малой важности) (Bentley et al., 2020; Bentley et al., 2023; Haslam et al., 2018). Далее, используя 10-балльную шкалу Ликерта, предлагается оценить каждую группу по ряду критериев, например: 1) чувства, которые респондент испытывает в связи со своим членством в каждой группе; 2) собственная прототипичность в случае каждой группы; 3) поддержка (получаемая от других членов группы и оказываемая им). Для оценки времени, проводимого с каждой группой, предлагается использовать шкалу от 0 до 30 (Haslam et al., 2018). Каждая оценка по критерию фиксируется на стикере. Обратим внимание, что критерии, по которым оценивается групповая принадлежность, варьируют, это определяется целями исследования социальной идентичности.

На следующем этапе похожие группы предлагается расположить вместе, а отличающиеся – порознь. Наконец, респонденту необходимо указать

совместимость принадлежности к различным группам одновременно. Для этого используются линии различных типов: прямая линия указывает на то, что совмещать принадлежность к группам легко, волнистая линия свидетельствует о средней степени легкости совмещения принадлежности к группам; зигзагообразная линия указывает на то, что совмещать принадлежность к группам сложно (рис.1).

Картографирование социальной идентичности открывает перед исследователем возможность анализа интересующего конструкта по ряду ключевых измерений, сформулированных в рамках подхода социальной идентичности (Ellemers, Haslam, 2012; Haslam et al., 2018; Tajfel, 1982).

Другими словами, благодаря этому современному методу визуализации социальных идентичностей перед исследователем открывается возможность оценить количество и качество этих идентичностей человека.

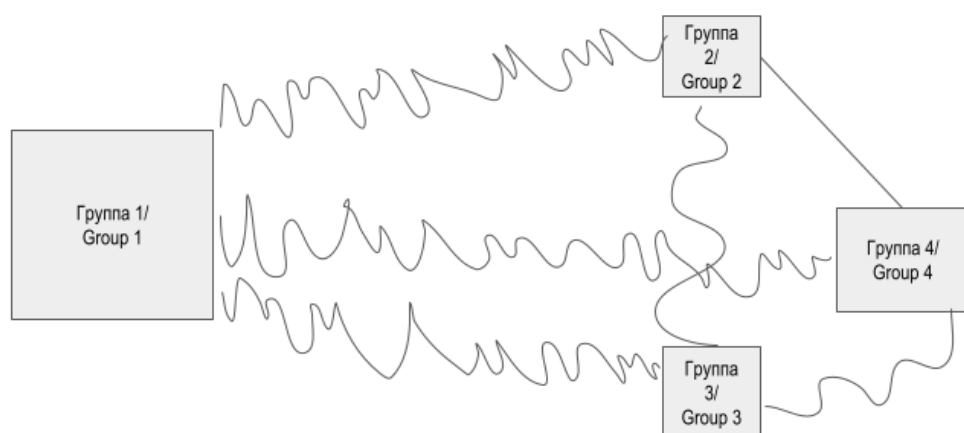

Рис. 1. Пример карты социальных идентичностей
Figure 1. Example of a social identity map

Примечание. Размер стикера указывает на важность группы, линии – на совместимость социальных идентичностей. Прямая линия, соединяющая группы 2 и 4 указывает на совместимость членства в этих группах. Волнистая линия, соединяющая группы 2 и 3 (или группу 3 и группу 4), свидетельствует, что членство в этих группах в средней степени совместимо. Наконец, зигзагообразная линия, соединяющая группу 1 со всеми группами, говорит о том, что эти социальные идентичности в значительной степени трудно совместить, при этом членство в группе 1 важнее всего для респондента. Оценки групповой принадлежности по ряду критериев (по 10-балльной шкале) Ликерта указываются в соответствующих углах каждого стикера.

На рисунке представлена воображаемая карта, нарисованная авторами для иллюстрации метода.

Note. The size of the sticker indicates the importance of the group; the lines indicate the compatibility of social identities. The straight line connecting Group 2 and Group 4 indicates compatibility of membership in these groups. The wavy line connecting Group 2 and Group 3 (or Group 3 and Group 4) indicates that membership in these groups is moderately compatible. Finally, the zigzag line connecting Group 1 with all groups indicates that these social identities are highly incompatible, with membership in Group 1 being the most important to the respondent. Assessments of group membership on a number of criteria (on a 10-point Likert scale) are indicated in the corresponding corners of each sticker.

The figure shows an imaginary map drawn by the authors to illustrate the method.

Онлайн-версия картографирования социальной идентичности открывает возможность проведения исследования на значительной (по своему объему) выборке (Bentley et al., 2020) и является современным методом исследования.

Несомненно, и этому методу анализа социальной идентичности присущи определенные недостатки, однако они касаются скорее сложности использования методики в аудиторном опросе, поскольку предлагается взаимодействие с исследователем. Онлайн-версия существует в англоязычном варианте (Bentley et al., 2020), однако ее адаптация и использование в отечественном контексте – дело будущего (поскольку предполагает использование соответствующего программного обеспечения).

Этот способ анализа социальной идентичности в значительной степени отвечает задаче операционализации модели оценки риска радикализации, поскольку он позволяет выявить особенности социальной идентичности представителей подростково-молодежной среды. Кроме того, в эпоху визуальной риторики (Rose, 2014) этот инструмент анализа социальной идентичности оказывается наиболее *современным* и адаптированным методом для исследования, реализуемого в подростково-молодежной среде.

Модель оценки риска радикализации опирается на идею о множественности социальной идентичности (наличие у индивида ряда позитивных значимых социальных идентичностей, совместимых друг с другом) (Haslam et al., 2018), поэтому очевидно, что именно эти критерии оказываются первостепенными для оценки индивидом. Оценивая количество и качество социальных идентичностей, этот метод позволяет фиксировать, на какие именно групповые принадлежности индивид указывает, называются ли большие или малые группы. Этот аспект также является важным в логике модели оценки риска.

Более того, в логике модели оценки риска радикализации предлагается использование сложной методологической стратегии, включающей на одном этапе (в случае аудиторного опроса) сокращенную версию «Теста двадцати утверждений» с последующей процедурой взвешивания ответов, а на втором этапе – использование картографирования социальной идентичности в рамках глубинного интервью.

Если развивать идею о том, что модель оценки риска позволит выявить уязвимых к радикализации представителей подростково-молодежной среды, то логично предполагать разработку специальных превентивных мер, нацеленных на дерадикализацию (Бовин и др., 2021). Отсюда – повторная диагностика с помощью картографирования социальной идентичности позволила бы оценить динамику социальных идентичностей индивида в результате воздействия превентивных мероприятий, по аналогии с тем, как это делается в профилактических интервенциях в рамках психологии здоровья (Bentley et al., 2020; Haslam et al., 2018).

Заключение

Итак, цель обзора, представленного в статье, заключалась в анализе методов измерения социальной идентичности (основанных на использовании ассоциативной методики, шкал и картографирования). Такой фокус

внимания обусловлен поиском адекватного инструмента, который позволил бы выявить и проанализировать особенности социальной идентичности в рамках модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде (Дворянчиков и др., 2023).

Предпринятый анализ методов изучения социальной идентичности позволяет говорить о том, что классический инструмент, основанный на ассоциативной методике («Тест двадцати утверждений», предложенный М. Куном и Т. Макпартлендом (Kuhn, McPartland, 1954) семь десятилетий назад), по-прежнему используется исследователями для измерения социальной идентичности (Муращенкова и др., 2023; Grozev, Easterbrook, 2024). Стоит отметить, что классическая процедура претерпела ряд модификаций – как с точки зрения сбора ассоциативных ответов, так и процедуры обработки (Bochner, 1994; Cousins, 1989; Rhee et al., 1995; Watkins et al., 1997); в отечественной литературе модификации связаны преимущественно с категориальной сеткой, которую предлагают исследователи в соответствии с той или иной задачей (Богомолова и др., 2006; Румянцева, 2005).

Использование шкал для изучения социальной идентичности является традиционным способом анализа социальной идентичности, в исследованиях используются одномерные и многомерные инструменты, включающие различное количество субшкал (от 2 до 7), а также разнящиеся по количеству пунктов (от 2 до 24), что соответствует той или иной концептуализации социальной идентичности (Reysen et al., 2013).

Картографирование социальной идентичности является современным методом, который преодолевает ограничения, характерные для шкал как инструмента анализа социальной идентичности. Картографирование социальной идентичности позволяет оценивать количество и качество социальных идентичностей человека. Благодаря методу визуализации социальных идентичностей этот инструмент легко использовать в исследованиях, реализуемых на представителях подростково-молодежной среды, поскольку для них изображения обладают легитимной властью (Kalmus, 2007). Вслед за Т. Крувис с коллегами (Cruwys et al., 2016) представляется возможным говорить о том, что картографирование социальной идентичности обладает ценностью не только как инструмент анализа социальной идентичности, но и благодаря тому вкладу, который метод вносит в дальнейшее развитие теории социальной идентичности.

Если взглянуть на проанализированные инструменты изучения социальной идентичности через призму модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, то следует отметить: применение шкал требует их соответствующей адаптации. Ассоциативная методика («Тест двадцати утверждений») и процедуры картографирования – более гибкие инструменты, они просты в обращении; именно эти два способа анализа социальной идентичности в наибольшей степени соответствуют логике модели оценки риска радикализации.

Использование сокращенного варианта «Теста двадцати утверждений» с последующей процедурой взвешивания ответов открывает возможность прояснить, с какими именно группами индивид идентифицирует себя, а также оценить их важность для него. Благодаря этой процедуре представляется возможным получить ответ на вопрос о наличии или отсутствии у индивида множественной социальной идентичности, а также оценить, какие именно группы дают индивиду эти идентичности (большие или малые), идентифицируется ли он с высокоэнтитативными группами.

Обращение к картографированию социальной идентичности позволяет получить отличающуюся оценку социальных идентичностей индивида, ответить на вопрос об их количестве и качестве. Очевидно, что этот способ анализа социальной идентичности в подростково-молодежной среде позволяет вскрыть иные особенности. Рассматривая модель оценки риска радикализации как базу для последующей разработки инструмента для мониторинга подростково-молодежной среды, можно допустить использование сложной методологической стратегии, включающей на одном этапе (в рамках аудиторного опроса) сокращенную версию «Теста двадцати утверждений» с последующей процедурой взвешивания ответов, а на втором этапе – использование картографирования социальной идентичности в случае выявления потенциально уязвимых индивидов (в рамках глубинного интервью).

Список литературы

- Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во МГУ, 1983. 144 с.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2014. 252 с.
- Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2006. 50 с.
- Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 181–194. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I) // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 120–142. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Богомолова Н.Н., Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г. Контент-анализ // Социальная психология: Практикум: Учеб, пособие для студентов вузов / под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 131–162.
- Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 23–37. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402>
- Иванова Н.Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 4. С. 14–38.
- Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности: автореф. дисс... докт. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2003. 51 с.
- Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / ред. Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 180–188.

- Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Калинина Н.В., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Маленова А.Ю., Малышев И.В. Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 68–88. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405>
- Румянцева Т.В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 28 с.
- Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М.: МГУ, 1999. 46 с.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы исследования этнической идентичности // Методы этнической и кросскультурной психологии: учебно-метод. пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 13–14.
- Шихирев П.Н. Современная социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ИП РАН, 1999. 447 с.
- Babbitt C.E., Burbach H.J. A comparison of self-orientation among college students across the 1960s, 1970s and 1980s // Youth & Society. 1990. Vol. 21. No. 4. Pp. 472–482. <https://doi.org/10.1177/0044118x90021004003>
- Bentley S.V., Greenaway K.H., Haslam S.A., Cruwys T., Steffens N.K., Haslam C., Cull B. Social identity mapping online // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol. 118. No 2. Pp. 213–241. <https://doi.org/10.1037/pspa0000174>
- Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: Social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections // Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations / Ed. by I. Winkler, S. Reissner, R. Cascón-Pereira. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2023. Pp. 87–102. <https://doi.org/10.4337/9781802207972.00018>
- Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism/collectivism distinction // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol. 25. No 2. Pp. 273–283. <https://doi.org/10.1177/0022022194252007>
- Brown R. The social identity approach: Appraising the Tajfellian legacy // British Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 59. No 1. Pp. 5–25. <https://doi.org/10.1111/bjso.12349>
- Campbell D.T. Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. No 1. Pp. 14–25. <https://doi.org/10.1002/bs.3830030103>
- Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales // Educational and Psychological Measurement. 1960. Vol. 20. No 1. Pp. 37–46. <https://doi.org/10.1177/001316446002000104>
- Cousins S.D. Culture and self-perception in Japan and the United States // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. No 1. Pp. 124–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.124>
- Cruwys T., Steffens N.K., Haslam S.A., Haslam C., Jetten J., Dingle G.A. Social identity mapping: A procedure for visual representation and assessment of subjective multiple group memberships // British Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 55. No 4. Pp. 613–642. <https://doi.org/10.1111/bjso.12155>
- Deschamps J.-C., Moliner P. L'identité en psychologie sociale: Des processus identitaires aux représentations sociales. Paris: Armand Colin, 2008. 186 p.
- Ellemers N., Haslam S.A. Social identity theory // Handbook of Theories of Social Psychology: Volume 2 / Ed. by P.A. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. London: SAGE Publications Ltd., 2012. Pp. 379–398. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n45>

- Fernandez C., de Lasala F.* Risk Assessment in Prison. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. 26 p. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/radicalisation-awareness-network-ran/publications/risk-assessment-prison-2021_en (accessed: 26.04.2024).
- Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. Comment étudier les représentations sociales. Paris: Armand Colin, 2003. 176 p.
- Grozev V.H., Easterbrook M.J.* The identities of employed students: Striving to reduce distinctiveness from the typical student // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2024. Pp. 1–22. <https://doi.org/10.1111/asap.12403>
- Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure. London: Routledge, 2018. 510 p. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
- Haslam S.A.* Measurement of social and organizational identification // *Psychology in Organizations: The Social Identity Approach*. London: SAGE Publications Ltd., 2004. Pp. 271–274. <https://doi.org/10.4135/9781446278819>
- Herrington V., Roberts K.* Risk assessment in counterterrorism // *Countering Terrorism: Psychosocial Strategies* / Ed. by U. Kumar, M.K. Mandal. London: SAGE Publications Ltd., 2012. Pp. 282–305.
- Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty* / Ed. by M.A. Hogg, D.L. Blaylock. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 19–35. <https://doi.org/10.1002/9781444344073.ch2>
- Hogg M.A.* Uncertain self in a changing world: A foundation for radicalisation, populism, and autocratic leadership // *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32. No 2. Pp. 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
- Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Advances in experimental social psychology* / Ed. by M.P. Zanna. San Diego, CA: Elsevier Academic Press, 2007. Vol. 39. Pp. 69–126. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)39002-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)39002-8)
- Hogg M.A., Kruglanski A., Van den Bos K.* Uncertainty and the roots of extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No 3. Pp. 407–418. <https://doi.org/10.1111/josi.12021>
- Kalmus V.* Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy // *Media Literacy: A Reader* / Ed by D. Macedo, S.R. Steinberg. New York: Peter Lang, 2007. Pp. 157–165.
- King M., Taylor D.M.* The radicalization of homegrown Jihadists: A review of theoretical models and social psychological evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23. No 4. Pp. 602–622. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>
- Kuhn M.H., McPartland T.S.* An empirical investigation of self-attitudes // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19. No 1. Pp. 68–76. <https://doi.org/10.2307/2088175>
- Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J.* Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5. No 2. Pp. 129–140. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0502_4
- Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N.* Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. No 2. Pp. 223–246. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.2.223>
- Lloyd M.* Extremist risk assessment: A directory // *Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST)*. 2019. URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (accessed: 26.04.2024).
- McPartland T.S., Cumming J.H., Garretson W.S.* Self-conception and ward behavior in two psychiatric hospitals // *Sociometry*. 1961. Vol. 24. No 2. Pp. 111–124. <https://doi.org/10.2307/2786061>
- Moliner P., Lo Monaco G.* Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales: Fondements conceptuels et aspects pratiques. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.

- Postmes, T., Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: Reliability, validity, and utility // *British Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 52. No 4. Pp. 597–617. <https://doi.org/10.1111/bjso.12006>
- Reysen S., Katzarska-Miller I., Nesbit S.M., Pierce L. Further validation of a single-item measure of social identification // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. No 6. Pp. 463–470. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1973>
- Rhee E., Uleman J.S., Lee H.K., Roman R.J. Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. No 1. Pp. 142–152. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.1.142>
- Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture // *The Sociological Review*. 2014. Vol. 62. No 1. Pp. 24–46. <https://doi.org/10.1111/1467-954x.12109>
- Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. No 3. Pp. 278–288. <https://doi.org/10.1037/amp0000121>
- Swann W.B. Jr., Gómez A., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. No 5. Pp. 995–1011. <https://doi.org/10.1037/a0013668>
- Tajfel H. La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale* / Ed. by S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972. Pp. 272–302.
- Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. No 1. Pp. 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Turner J.C. Towards a cognitive redefinition of the social group // *Social identity and intergroup relations* / Ed. by H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. Pp. 15–40.
- Watkins D., Yau J., Dahlin B., Wondimu H. The Twenty Statements Test: Some measurement issues // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1997. Vol. 28. No 5. Pp. 626–633. <https://doi.org/10.1177/0022022197285007>

История статьи:

Поступила в редакцию 23 марта 2024 г.

Принята к печати 5 мая 2024 г.

Для цитирования:

Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Обзор методов анализа социальной идентичности: проблемы и перспективы их разрешения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 633–656. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656>

Вклад авторов:

Авторы внесли равный вклад в концептуализацию исследования, отбор и анализ литературы, написание, редактирование и оформление текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Российская Федерация, 127051,

Москва, Сретенка, 29). ORCID: 0000-0002-9497-6199, SPIN-код: 9663-3747, AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФКУ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, 125130, Москва, Нарвская, 15А, стр. 1), ORCID: 0000-0001-9255-7372. E-mail: bovinbg@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656

EDN: MAIMEA

UDC 159.99

Review article

Methods of Social Identity Analysis: Problems and Prospects for Their Resolution (Brief Review)

Inna B. Bovina¹, Boris G. Bovin²

¹Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russian Federation

²Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation
 innabovina@yandex.ru

Abstract. What are the methods of social identity analysis in terms of the radicalization risk assessment model? The answer to this question determines the aim of the proposed brief review. On the one hand, the model of assessing the risk of radicalization in adolescence and youth is based on the ideas of the social identity approach as well as on the uncertainty-identity model. As a result, the predominant interest is directed towards the methods developed in the field of social identity approach. On the other hand, it seems possible to expand the scope of analysis, including the tools used in other theoretical frameworks. By integrating these two lines of research, three main types of social identity analysis tools (associative technique tools, scales, and social identity mapping) are identified and critically analyzed. Conclusions are made about the advantages of each social identity measurement tool. In addition, it is emphasized that within the framework of the risk assessment model, it would be most appropriate to develop a complex methodological strategy, including a modified version of the *Twenty Statements Test*, followed by social identity mapping.

Key words: social identity, associative methodology, twenty statements test, social identity mapping, social identity measurement, radicalization risk assessment.

References

- Ageev, V.S. (1983). *Psychology of intergroup relations*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2014). *Psychology of social cognition*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)

- Babbitt, C.E., & Burbach, H.J. (1990). A comparison of self-orientation among college students across the 1960s, 1970s and 1980s. *Youth & Society*, 21(4), 472–482. <https://doi.org/10.1177/0044118x90021004003>
- Belinskaya, E.P. (2006). *Identity of personality in the conditions of social change*. Doctor in Psychology Thesis Abstract. Moscow: MSU. (In Russ.)
- Bentley, S.V., Greenaway, K.H., Haslam, S.A., Cruwys, T., Steffens, N.K., Haslam, C., & Cull, B. (2020). Social identity mapping online. *Journal of Personality and Social Psychology*, 118(2), 213–241. <https://doi.org/10.1037/pspa0000174>
- Bentley, S.V., Haslam, S.A., Greenaway, K.H., Cruwys, T., & Steffens, N. (2023). A picture is worth a thousand words: Social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections. In I. Winkler, S. Reissner, R. Cascón-Pereira (Eds.). *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations* (pp. 87–102). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781802207972.00018>
- Bochner, S. (1994). Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism/collectivism distinction. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 25(2), 273–283. <https://doi.org/10.1177/0022022194252007>
- Bogomolova, N.N. Malysheva, N.G., & Stefanenko T.G. (2006). Content analysis. In T.V. Folomeeva (Ed.). *Social psychology: A practical course* (pp. 131–162). Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Bovin, B.G., Bovina, I.B., & Tikhonova, A.D. (2021). Radicalisation: A social psychological perspective (Part III). *Psychology and Law*, 11(1), 181–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Bovina, I.B., Bovin, B.G., & Tikhonova, A.D. (2020). Radicalisation: A social psychological perspective (Part I). *Psychology and Law*, 10(3), 120–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Brown, R. (2020). The social identity approach: Appraising the Tajfellian legacy. *British Journal of Social Psychology*, 59(1), 5–25. <https://doi.org/10.1111/bjso.12349>
- Campbell, D.T. (1958). Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities. *Behavioral Science*, 3(1), 14–25. <https://doi.org/10.1002/bs.3830030103>
- Cohen, J. (1960). A coefficient of agreement for nominal scales. *Educational and Psychological Measurement*, 20(1), 37–46. <https://doi.org/10.1177/001316446002000104>
- Cousins, S.D. (1989). Culture and self-perception in Japan and the United States. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56(1), 124–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.124>
- Cruwys, T., Steffens, N.K., Haslam, S.A., Haslam, C., Jetten, J., & Dingle, G.A. (2016). Social identity mapping: A procedure for visual representation and assessment of subjective multiple group memberships. *British Journal of Social Psychology*, 55(4), 613–642. <https://doi.org/10.1111/bjso.12155>
- Deschamps, J.-C., & Moliner, P. (2008). *L'identité en psychologie sociale: Des processus identitaires aux représentations sociales*. Paris: Armand Colin.
- Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Melnikova, D.V., Belova, E.D., & Bovina, I.B. (2023). Risk of radicalisation in adolescents: Theory, facts and comments. *Social Psychology and Society*, 14(4), 23–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402>
- Ellemers, N., & Haslam, S.A. (2012). Social identity theory. In P.A. Van Lange, A.W. Kruglanski & E.T. Higgins (Eds.). *Handbook of Theories of Social Psychology: Volume 2* (pp. 379–398). London: SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n45>
- Fernandez, C., & de Lasala, F. (2021). *Risk Assessment in Prison*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Retrieved April 26, 2024, from https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/radicalisation-awareness-network-ran/publications/risk-assessment-prison-2021_en
- Flament, C., & Rouquette, M.-L. (2003). *Anatomie des idées ordinaires. Comment étudier les représentations sociales*. Paris: Armand Colin.

- Grozev, V.H., & Easterbrook, M.J. (2024). The identities of employed students: Striving to reduce distinctiveness from the typical student. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 1–22. <https://doi.org/10.1111/asap.12403>
- Haslam, C., Jetten, J., Cruwys, T., Dingle, G., & Haslam, S.A. (2018). *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
- Haslam, S.A. (2004). Measures of social and organizational identification. In *Psychology in Organizations: The Social Identity Approach* (pp. 271–274). London: SAGE Publications Ltd.
- Herrington, V., & Roberts, K. (2012). Risk Assessment in counterterrorism. In U. Kumar & M.K. Mandal (Eds.). *Countering Terrorism: Psychosocial Strategies* (pp. 282–305). London: SAGE Publications Ltd.
- Hogg, M.A. (2007). Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (Ed.). *Advances in experimental social psychology*, Vol. 39 (pp. 69–126). San Diego, CA: Elsevier Academic Press. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)39002-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)39002-8)
- Hogg, M.A. (2012). Self-uncertainty, social identity, and the solace of extremism. In M.A. Hogg & D.L. Blaylock (Eds.). *Extremism and the psychology of uncertainty* (pp. 19–35). Oxford: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444344073.ch2>
- Hogg, M.A. (2021). Uncertain self in a changing world: A foundation for radicalisation, populism, and autocratic leadership. *European Review of Social Psychology*, 32(2), 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
- Hogg, M.A., Kruglanski, A., & Van den Bos, K. (2013). Uncertainty and the roots of extremism. *Journal of Social Issues*, 69(3), 407–418. <https://doi.org/10.1111/josi.12021>
- Ivanova, N.L. (2003). *Psychological structure of social identity*. Doctor in Psychology Thesis Abstract. Yaroslavl: YarSU. (In Russ.)
- Ivanova, N.L. (2006). Psychological analysis of social identity. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 3(4), 14–38. (In Russ.)
- Kalmus, V. (2007). Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In D. Macedo & S.R. Steinberg (Ed.). *Media Literacy: A Reader* (pp. 157–165.). New York: Peter Lang.
- King, M., & Taylor, D.M. (2011). The radicalization of homegrown Jihadists: A review of theoretical models and social psychological evidence. *Terrorism and Political Violence*, 23(4), 602–622. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>
- Kuhn, M., & McPartland, T. (1984). An empirical investigation of self-attitudes. In G.M. Andreeva, N.N. Bogomolova, L.A. Petrovskaya (Eds.). *Modern foreign social psychology: Texts* (pp. 180–188). Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Kuhn, M.H., & McPartland, T.S. (1954). An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review*, 19(1), 68–76. <https://doi.org/10.2307/2088175>
- Lickel, B., Hamilton, D.L., & Sherman, S.J. (2001). Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity. *Personality and Social Psychology Review*, 5(2), 129–140. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0502_4
- Lickel, B., Hamilton, D.L., Wierzchowska, G., Lewis, A., Sherman, S.J., & Uhles, A.N. (2000). Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78(2), 223–246. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.2.223>
- Lloyd, M. (2019). *Extremist risk assessment: A directory*. Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). Retrieved April 26, 2024, from <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/>
- McPartland, T.S., Cumming, J.H., & Garretson, W.S. (1961). Self-conception and ward behavior in two psychiatric hospitals. *Sociometry*, 24(2), 111–124. <https://doi.org/10.2307/2786061>
- Moliner, P., & Lo Monaco, G. (2017). *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales: Fondements conceptuels et aspects pratiques*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble.

- Murashcenkova, N.V., Gritsenko, V.V., Kalinina, N.V., Konstantinov, V.V., Kulesh, E.V., Malenova, A.Y., & Malyshev, I.V. (2023). Attitudes towards patriotism and patriotic self-identity of Russian students youth in the polarization of Russian society. *Social Psychology and Society*, 14(4), 68–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405>
- Postmes, T., Haslam, S.A., & Jans, L. (2013). A single-item measure of social identification: Reliability, validity, and utility. *British Journal of Social Psychology*, 52(4), 597–617. <https://doi.org/10.1111/bjso.12006>
- Reysen, S., Katzarska-Miller, I., Nesbit, S.M., & Pierce, L. (2013). Further validation of a single-item measure of social identification. *European Journal of Social Psychology*, 43(6), 463–470. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1973>
- Rhee, E., Uleman, J.S., Lee, H.K., & Roman, R.J. (1995). Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(1), 142–152. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.1.142>
- Rose, G. (2014). On the relation between ‘visual research methods’ and contemporary visual culture. *The Sociological Review*, 62(1), 24–46. <https://doi.org/10.1111/1467-954x.12109>
- Rumyantseva, T.V. (2005). *Transformation of identity of students of medical university in changing social conditions*. PhD in Psychology Thesis Abstract. Yaroslavl: YarSU. (In Russ.)
- Sarma, K.M. (2017). Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 72(3), 278–288. <https://doi.org/10.1037/amp0000121>
- Shikhirev, P.N. (1999). *Modern social psychology*. Moscow: The Institute of Psychology RAN Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (1999). *Social psychology of ethnic identity*. Doctor in Psychology Thesis Abstract. Moscow: MSU. (In Russ.)
- Swann, W.B. Jr., Gómez, Á., Seyle, D.C., Morales, J.F., & Huici, C. (2009). Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(5), 995–1011. <https://doi.org/10.1037/a0013668>
- Tajfel, H. (1972). La catégorisation sociale. In S. Moscovici (Ed.). *Introduction à la psychologie sociale* (pp. 272–302). Paris: Larousse.
- Tajfel, H. (1982). Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 33(1), 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Tatarko, A.N., & Lebedeva, N.M. (2011). Methods of ethnic identity research. In *Methods of ethnic and cross-cultural psychology. Textbook* (pp. 13–14). Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.)
- Turner, J.C. (1982). Towards a cognitive redefinition of the social group. In H. Tajfel (Ed.). *Social identity and intergroup relations* (pp. 15–40). Cambridge: Cambridge University Press.
- Watkins, D., Yau, J., Dahlin, B., & Wondimu, H. (1997). The Twenty Statements Test: Some measurement issues. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 28(5), 626–633. <https://doi.org/10.1177/0022022197285007>

Article history:

Received 23 March 2024

Revised 30 April 2024

Accepted 5 May 2024

For citation:

Bovina, I.B., & Bovin, B.G. (2024). Methods of social identity analysis: Problems and prospects for their resolution (Brief review). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 633–656. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656>

Author's contribution:

The authors contributed equally to the conceptualization of the study, selection and analysis of literature, writing, editing and design of the article.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Professor at the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (29 Sretenka St, 127051 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9497-6199, SPIN-code: 9663-3747, AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Researcher, Federal State Institution — Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (15A, Narvskaya St, bldg 1, 125130 Moscow, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-9255-7372. E-mail: bovinbg@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-657-682

EDN: MCKAAY

УДК 159.9.072

Теоретическая статья

Этические аспекты измерения интеллекта: навстречу компетентности и справедливости

Т.И. Логвиненко¹, Т.Н. Канонир², Е.А. Орел², А.А. Куликова²

¹Научно-технологический университет «Сириус»,
Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
 logvinenkota.spb@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме измерения интеллекта с акцентом на этический аспект разработки и применения тестов. История психодиагностики интеллекта дает разнообразные примеры, проблемные с точки зрения этики, которые не раз приводили к негативным последствиям как на уровне отдельных индивидов, так и для целых сообществ. Цель данной статьи – описать актуальные этические проблемы в сфере измерения интеллекта, их предпосылки и исторические примеры. Мы обсуждаем этические проблемы, касающиеся: 1) глобальных подходов к операционализации интеллекта; 2) возможных нарушений прав человека в результате применения тестов интеллектов; 3) справедливости тестов интеллекта для различных групп респондентов; 4) оценки качества и выбора тестового инструментария. Данные вопросы мы рассматриваем через призму этических принципов психолога, таких как уважение, честность, компетентность и ответственность. Несмотря на богатую историю измерения интеллекта и исследований в этой области, этические проблемы, поднятые десятилетия назад, не потеряли свою актуальность. Так как этические вопросы часто не имеют однозначно верного ответа, важным является само существование такой дискуссии и обсуждение истоков этических проблем тестирования интеллекта, широкого контекста, в которых они существуют, и предлагаемых сообществом решений. Материалы и выводы данной статьи могут быть полезны как исследователям, так и практикам для принятия информированных решений в контексте измерения интеллекта.

Ключевые слова: интеллект, IQ, тесты интеллекта, психодиагностика, психологическая оценка, этические принципы, этика психолога

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01399).

© Логвиненко Т.И., Канонир Т.Н., Орел Е.А., Куликова А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Использование тестов для психологической диагностики имеет длительную историю, богатую как на открытия и инновации, так и на ошибки и нарушения прав участников тестирования. В ходе развития психологии как научной и практической области формировались этические принципы профессиональной деятельности. Часто они становились результатом переосмысления методов работы психологов, иногда – после трагических прецедентов. Сегодня профессиональная и исследовательская деятельность психолога регулируется различными этическими кодексами. В России наиболее распространен этический кодекс Российского психологического общества¹, в мире, например, Мета-кодекс этики Европейской федерации ассоциаций психологов² и Этические принципы психологов и кодекс поведения Американской психологической ассоциации³. Кодексы обязательно содержат раздел, посвященный использованию психодиагностических инструментов. Однако кодексы дают общие направления деятельности, но не могут и не должны описывать все возможные этические дилеммы, возникающие в процессе работы психолога. Поэтому важно изучать опыт и ошибки прошлого, чтобы научиться распознавать потенциальные этические дилеммы в ежедневной практике и решать их в соответствии с профессиональными принципами.

Вышесказанное в полной мере относится к тестированию интеллекта, одной из главных и старейших областей психологической диагностики. Для введения в контекст стоит кратко определить интеллект как способность к рассуждению и решению проблем (Gottfredson, 1997; Neisser et al., 1996). Важность измерения интеллекта, как правило, обосновывается тем, что интеллект является предиктором академических, профессиональных и социальных достижений во взрослом возрасте (Deary, 2012; Deary et al., 2010; Sternberg et al., 2001; Strenze, 2007; Zaboski II et al., 2018). Более того, ученые указывают, что интеллект предсказывает эти достижения лучше, чем какие-либо другие черты и способности (Plomin & von Stumm, 2018).

Абсолютное большинство инструментов, используемых для оценки интеллекта (например, тест Стэнфорд-Бине, тест Векслера), базируются на психометрических теориях, которые возникли на основе факторного анализа результатов уже существующих тестов (об истории тестов интеллекта и способностей см.: Анастаси, Урбина, 2007). Большое количество разработанных тестов помогло психометрическим теориям приобрести солидное эмпирическое обоснование, что и обеспечило популярность этого подхода среди исследователей и практиков, которые добавляют все новые и новые данные. Длительная история тестирования интеллекта и развития психометрических теорий дает нам возможность рассмотреть множество этических дилемм

¹ Российское психологическое общество. *Этический кодекс психолога*. <http://psyurus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения: 30.01.2024).

² European Federation of Psychologists' Associations. *Meta-Code of Ethics*. 2005. <https://www.efpa.eu/sites/default/files/2023-04/meta-code-of-ethics.pdf> (accessed: 30.01.2024).

³ American Psychological Association. *Ethical Principles of Psychologists and Code of Conduct*. 2017. <https://www.apa.org/ethics/code> (accessed: 30.01.2024).

и потенциальных нарушений прав участников тестирования. Анализ этих кейсов актуален и для современной психодиагностики.

Цель данной статьи – рассмотреть этические дилеммы, возникавшие в ходе длительной истории измерения интеллекта и имеющие актуальность на сегодняшний день. Мы обозначим проблемные вопросы, где возможно – предлагаемые пути их решения, и рассмотрим их в контексте сегодняшних представлений об этической профессиональной деятельности психолога. Международное психологическое сообщество выделяет следующие основные этические принципы⁴: 1) уважение прав, свободы и достоинства личности (конфиденциальность, добровольное участие, осведомленность, право на самоопределение, и непосредственно уважение); 2) компетентность (профессиональные знания специалиста, осознание границ своей компетентности, знание профессиональной этики, профессиональное развитие, невозможность действий в определенных условиях); 3) ответственность (непричинение вреда, решение этических дилемм, ответственность по отношению к клиентам, профессиональному сообществу и обществу в целом); 4) честность (справедливость, последовательность, уважение к коллегам, избегание конфликта интересов, ответственность и открытость перед профессиональным сообществом). Мы будем обращаться к этим принципам при описании этических проблем.

В первом разделе статьи опишем предпосылки, предусмотренные в самой концепции интеллекта и истории ее развития и измерения IQ, которые лежат в основе многих частных этических и методологических вопросов. Далее через призму четырех этических принципов рассмотрим несколько конкретных кейсов, как исторических, так и современных, иллюстрирующих нетривиальные этические вопросы, которые стоят перед исследователями и практиками.

Что измеряют тесты интеллекта?

Современные представления об интеллекте и, соответственно, его измерении формировались в контексте западной науки и главенствующих в то или иное время концепций. Так, например, большое влияние на развитие представлений об интеллекте оказала евгеника, отголоски которой мы будем находить в истории измерения интеллекта на протяжении всего двадцатого века.

В начале двадцатого века в Старом Свете наука была более ориентирована на теорию и выявление общих закономерностей функционирования человеческой психики (традиция, заданная В. Вундтом и продолженная, например, в гештальт-психологии). В это же время основным двигателем развития инструментов для психологической диагностики становится США, где традиционно был силен уклон на прикладное использование результатов тестирования. Этот подход затем распространился на весь западный мир: опросы и тестирования ориентировались на немедленное прикладное использование, например, в целях отбора в образовании и в профессиональной деятельности. Определенно тесты, их содержание начали отражать запросы

⁴ European Federation of Psychologists' Associations. Meta-Code of Ethics. 2005. <https://www.efpa.eu/sites/default/files/2023-04/meta-code-of-ethics.pdf> (accessed: 30.01.2024).

общества на измерения. Такая ситуация в какой-то момент привела к монополии на представления о том, кого считать достаточно интеллектуальным, или, другими словами, интеллект какого типа будет востребован в обществе. Востребованным в обществе был интеллект, понимаемый как способность решать когнитивные задания и ориентированный на набор знаний, преподаваемых в учебных заведениях. Монополия такого «аналитического интеллекта» (близкого к академическим достижениям) была нарушена только в начале 1980-х годов, когда в свет сначала вышла книга Г. Гарднера «Структура разума: теория множественного интеллекта» (Gardner, 1983), а следом Р. Стернберг презентовал свою триархическую теорию интеллекта (Sternberg, 1985). Параллельно, начиная с 1920-х годов развивались идеи социального интеллекта – «мудрого поведения в человеческих отношениях», как определил его Э. Торндайк (Thorndike, 1920). Эти идеи к середине – концу 1980-х приобрели большую популярность в психологическом сообществе и продолжили развиваться в начале 1990-х, когда благодаря бестселлеру Д. Гоулмана (Goleman, 1995) стал набирать свою популярность интеллект эмоциональный. Можно резюмировать, что в истории изучения и измерения интеллекта со временем происходит переосмысление того, какие характеристики человека являются значимыми для процессов, происходящих в обществе (Герасимова & Орел, 2022).

Критики утверждают, что современные популярные тесты IQ охватывают не весь спектр человеческого интеллекта, часто упуская из вида такие аспекты, как креативность, эмоциональный интеллект, социальные навыки и практическую мудрость (Холодная, 2004а). Так, в 2004 году на страницах журнала «Психология. Журнал ВШЭ» состоялась знаковая дискуссия, посвященная вопросам тестирования интеллекта и роли результатов тестирования для принятия решений. Часть специалистов (Ушаков, 2004; Шмелев, 2004) показывали вклад интеллекта в различные достижения человека – академические или профессиональные. Другие же (Холодная, 2004b) призывали с осторожностью использовать тесты интеллекта, так как в руках непрофессионалов они могут навредить интересам личности.

К. Станович (Stanovich, 2009) соглашается с тем, что существует много типов поведения, которое можно охарактеризовать как интеллектуальное, но разделяет со многими психологами обеспокоенность тем, что применение слова «интеллект» к широкому спектру различных видов поведения усугубляет существующую путаницу. Он отмечает, что некоторые люди, несмотря на наличие находящегося в рамках нормы интеллекта, не могут мыслить или действовать рационально. Для описания этого феномена он использует термин «дизрационалия» (*dysrationalia*): к этому же феномену он относит примеры, когда выдающиеся и успешные в своей профессии люди принимают иррациональные, а порой даже кажущиеся глупыми личные решения. Один из выводов К. Становича состоит в том, что традиционные тесты IQ не могут в полной мере оценить то, что они предназначены оценивать – способность к рассуждению и решению проблем (Stanovich et al., 2016). Эти сообщения необходимо иметь в виду и когда мы предполагаем, что коэффици-

ент IQ ничего не значит в реальном мире, и когда мы рассчитываем, что высокий IQ гарантирует рациональное поведение и личный и профессиональный успех.

Дополнительно встает вопрос, что понимается под успешностью, которую предсказывают традиционные тесты интеллекта. Исследования показывают, что интеллект, измеренный с помощью традиционных тестов IQ, является довольно точным предиктором академических и профессиональных достижений (Roth et al., 2015). Однако существуют и другие характеристики успеха, такие как индивидуальное чувство самореализации, благополучие. Они в том числе зависят от личных качеств и мотивации, поэтому прогностическую достоверность тестов интеллекта не следует переоценивать и рассматривать как окончательный показатель будущего успеха (Müska, 2014). Более того, в своей недавней статье Р. Стернберг, Д. Прейсс и С. Караме (Sternberg et al., 2023) заявляют, что господствующая сегодня концепция интеллекта в значительной степени отражает не современные культурные потребности, а скорее потребности Европы и Америки начала XX века, когда эта концепция формировалась. Авторы утверждают, что определение того, что мы понимаем под интеллектом, должно рассматриваться в рамках соответствующих исторических контекстов и может и должно меняться вместе с преобразованиями в обществе.

Таким образом, доминирующее понимание интеллекта как аналитических способностей, развиваемых в рамках системы образования (не во всех странах доступного для каждого ребенка), в последние 30 лет все сильнее уступает свои лидирующие позиции более широким взглядам на интеллект и критерии социальной успешности в целом. Образование к тому же отражает общественный консенсус о том, чему нужно учить для успеха в этом конкретном сообществе, а значит индикаторы успеха и лежащие в их основе знания и навыки могут различаться от культуры к культуре.

Однако несмотря на критику психометрических теорий, на сегодняшний день пока еще абсолютное большинство тестов, используемых для психодиагностики интеллекта, разработаны в рамках этого подхода. Популярность этих тестов основывается на большом количестве доступных эмпирических данных, что помогает практикам принимать обоснованные решения на основе полученных результатов (хотя и тут ведется научная дискуссия о том, какие именно данные и в какой форме правомерно использовать при интерпретации – см., например, Canivez et al., 2020). Вместе с тем нам кажется, что накопившиеся противоречия и новые общественные запросы подталкивают к парадигмальному сдвигу в глобальных подходах к пониманию и измерению интеллекта. Однако в любом случае исследователям и практикам важно ясно понимать теоретические основания, на которых построены и доминирующие, и альтернативные и еще только разрабатываемые тесты интеллекта, так как теоретическая основа напрямую связана с интерпретацией результатов.

Как в результате оценки интеллекта могут нарушаться права различных групп респондентов?

А. Бине, основоположник современного подхода к измерению интеллекта, утверждал, что: 1) тест должен применяться только для тех целей и той целевой группы, для которой он создается, и 2) тест не должен быть инструментом стигматизации тех, кому не удалось с ним справиться (Gould, 1981). Однако именно это и произошло с тестированием интеллекта с течением времени. Применение результатов тестирования интеллекта для принятия решений в различных сферах на протяжении всей истории измерений IQ часто становились предметом споров и разбирательств как в научных кругах, так и в средствах массовой информации (The IQ controversy..., 1976; Kamin & Egerton, 1973). Задача данного раздела – попытаться обобщить опыт подобных конфликтов и выявить, какие факторы важно учитывать при принятии тех или иных решений на основе результатов тестирования интеллекта.

Первая группа кейсов касается использования показателей IQ как фактора дискриминации меньшинств. Интерпретация результатов некоторых тестов на интеллект на многие годы повлияла на отношение к интеллектуальным способностям людей, не принадлежащих к среднему классу «белой» Америки. Таким важным тестом бесспорно стал тест Army Alpha, разработанный под руководством Р. Йеркса (R.M. Yerkes) в 1917 году и применяемый для тестирования и распределения рекрутов в американской армии. Этим тестом было протестировано почти два миллиона человек (Gould, 1981). Разрабатываемый и интерпретируемый под влиянием евгеники, тест давал преимущество в результатах образованным респондентам, знакомым с бытом и практиками, присущими среднему классу. Очень быстро выяснилось, что тест не подходит для тестирования людей, не владеющих грамотой, и была разработана невербальная версия теста Army Beta. Как будто появление «адаптированной» версии может говорить о том, что разработчики учли то обстоятельство, что тест должен учитывать знакомство потенциальных респондентов с контекстом заданий. Однако невербальные задания также содержали в себе искажения, так как изображали объекты и действия, не знакомые, например, многим чернокожим рекрутам. Естественно, полученные результаты показывали «интеллектуальное преимущество» белых американцев и очень низкий уровень интеллекта у чернокожих. Учитывая масштабность тестирования и влияние вовлеченных в его организацию людей, именно результаты этого теста в конце концов легли в основу принятия закона «Об ограничении иммиграции» 1924 года, зафиксировавшего квоты на въезд для жителей Европы и запрещающего иммиграцию жителям Азиатского региона. В законе предусматривалось обязательное тестирование всех въезжающих в США. Поначалу это тестирование оценивало не столько интеллект вновь прибывших иммигрантов, сколько их знание английского языка. Позже были разработаны невербальные тесты, и экзамены стали проводиться на родном языке иммигранта, однако тем, кто не мог сдать тест, могло быть отказано во въезде. Стоит отметить, правда, что процент отказов на основании именно результатов тестирования был очень низким (Warne, 2020 на основе данных Н. Unrau, 1984). Тем не менее этот пример хорошо

иллюстрирует, как легко тестирование интеллекта становится механизмом сегрегации и стигматизации различных групп населения.

Реакцией на истории о сегрегации и разделения общества на основе тестирования в некоторых случаях становился полный запрет на любые тестирования умственных способностей. Для примера достаточно вспомнить постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»⁵ (ЦК ВКП(б), 1985), поставившим крест на развитии отечественной психодиагностики на долгие годы. В качестве обоснования запрета на проведение обследований умственных способностей учащихся авторы постановления указывают на следующие обстоятельства:

«Практика педологов, протекавшая в полном отрыве от педагога и школьных занятий, свелась в основном к ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т. п., давно осужденных партией. Эти, якобы, научные «обследования», проводимые среди большого количества учащихся и их родителей, направлялись, по преимуществу, против неуспевающих или неукладывающихся в рамки школьного режима школьников и имели своей целью доказать, якобы, с «научной» «биосоциальной» точки зрения современной педологии наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости ученика или отдельных дефектов его поведения, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива.

В этих же целях действовала обширная система обследований умственного развития и одаренности школьников, некритически перенесенная на советскую почву из буржуазной классовой педологии и представляющая из себя форменное издевательство над учащимися, противоречащая задачам советской школы и здравому смыслу. Ребенку 6–7 лет задавались стандартные казуистические вопросы, после чего определялся его так называемый «педологический» возраст и степень его умственной одаренности.

Все это вело к тому, что все большее и большее количество детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и «трудных».

На основании отнесения подвергшихся педологическому «изучению» школьников к одной из указанных категорий педологи определяли подлежащих удалению из нормальной школы детей в «специальные» школы и классы для детей «трудных», умственно отсталых, психо-невротиков и т. д.»

Как видно из приведенной цитаты, основной обозначенной причиной запрета деятельности педологов являлась сегрегация детей на основе результатов измерения их умственных способностей. В отсутствии стандартов

⁵ Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». 4 июля 1936 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. В 16 т. Т. 6. 1933–1937 гг. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 364–367.

разработки и администрирования тестов у сообщества педологов не было аргументов в споре с советской властью, решившей не работать с культурой оценки умственных способностей, чтобы использовать ее результаты во благо обществу, а просто запретить всяческие измерения, чтобы убрать основания для разделения учащихся по уровню способностей.

Пример Советского Союза не является единственным. В Соединенных Штатах подобные кейсы неправомерного использования тестов IQ в конечном итоге вылились в серию судебных исков, повлекших ограничения в использовании тестов. В одном из наиболее известных таких разбирательств – «Ларри П. против Райлза» – федеральный суд США запретил использовать тесты на интеллект для отнесения учащихся к категории «умственно отсталых» и последующего направления их в специальные классы. Аргументация суда заключалась в том, что тесты носили незаконный дискриминационный характер, поскольку при их использовании непропорционально большой процент афроамериканских детей получал результаты IQ ниже 70 баллов, что является одним из критериев умственной отсталости. Беспокойство и общественная критика имели веские основания, однако при принятии итоговых решений валидность результатов самого тестирования не была полноценно оценена и потому, как минимум часть детей впоследствии не получили необходимой образовательной поддержки. Несмотря на эти неоднозначные результаты, запрет действовал еще в течение нескольких десятилетий (Sattler, 2008; Powers et al., 2004).

В приведенных примерах наблюдаются нарушения принципов уважения и честности, которые в дальнейшем вызывали контрреакции, зачастую тоже с неоднозначными последствиями в контексте общественного блага. Оценка интеллекта — это чувствительный вопрос для общества, так как она имеет значительное влияние на судьбу людей. Мы полагаем, что реализация принципов уважения и честности возможна при выполнении следующих условий: во-первых, четкого определения целей тестирования и регулярного мониторинга соответствия его результатов этим целям; во-вторых, максимальной нейтральности по отношению к различным группам людей и обеспечении справедливой оценки. Профессиональному сообществу необходимо постоянно отслеживать, на каких предпосылках основываются измерения и выводы, чтобы в будущем своевременно предотвращать и выявлять возможные этические нарушения.

Вслед за этим встает вопрос о том, при каких условиях оценивание может быть справедливым и какую роль в спорных последствиях тестирования играет сам тест? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к проблеме необъективности тестов.

Справедливы ли тесты интеллекта для различных групп?

Есть две крайние точки зрения: первая, что тесты интеллекта в своей массе позволяют объективно оценить способности, и противоположная, что многие тесты способностей вообще и тесты интеллекта в частности несправедливы по отношению к некоторым группам респондентов. Началом подобной критики стали наблюдения, что этнические меньшинства, отдельные

расы, малоимущие и другие группы систематически получают при тестировании баллы ниже, чем доминирующие или привилегированные группы. Критики объясняют это свойствами тестов и несовершенными подходами к оцениванию. Опасения связаны, в частности, с тем, что людям из группы меньшинств могут чаще ставить чрезмерный (ложноположительный) психиатрический диагноз, учащиеся непропорционально часто попадают в специальные классы, а кандидатам отказывают в приеме на работу или в образовательное учреждение из-за несправедливых стандартизированных тестов. В этом контексте кейс «Ларри П. против Райлза», описанный выше, был знаковой вехой этих дебатов.

Чтобы описать пространство между этими крайними точками зрения, стоит ввести два важных понятия – справедливость теста (*test fairness*) и предвзятость теста (*test bias*). В литературе можно встретить разные позиции: 1) справедливость и непредвзятость являются тождественными понятиями; 2) непредвзятость является одним из необходимых условий справедливости теста; 3) предвзятость теста не исключает справедливость, и наоборот.

Одними из первых разделять понятия (не)предвзятости и справедливости предложили Дж. Хантер и Ф. Шмидт (Hunter & Schmidt, 1976), делая акцент на том, что (не)предвзятость относится к техническим и статистическим свойствам теста, которые могут быть оценены; а справедливость теста является социальным и этическим концептом, прежде всего связанным с вопросом принятия решений на основе тестов и их социальными последствиями. Вопрос справедливости, таким образом, авторы тесно связывают с философскими концепциями отбора и приводят описания возможных позиций: например, позиции неквалифицированного индивидуализма, общественных квот, квалифицированного индивидуализма. С точки зрения, которую представляют Дж. Хантер и Ф. Шмидт, справедливость и предвзятость хоть и связаны, но не являются взаимоисключающими, и вопрос справедливого использования любого теста выходит из плоскости объективного и становится вопросом морали и ценностей отдельного человека, организаций и сообществ, принимающих решения.

Иную позицию можно встретить в стандартах, совместно разработанных Американской ассоциацией исследований в области образования, Американской психологической ассоциацией и Национальным советом по измерениям в образовании (American Educational Research Association et al., 1999, 2014), являющихся влиятельными игроками в области тестирования в образовании и психологии. В последней версии стандартов тема «Справедливость тестирования» была вынесена в отдельную секцию-книгу (*Fairness in Educational...*, 2022), наряду с традиционными секциями по валидности и надежности тестов. Стандарты определяют четыре основания справедливого тестирования: 1) сопоставимость интерпретации результатов для разных испытуемых должна быть приоритетнее стандартизации процедур тестирования; 2) отсутствие предвзятости измерения (*measurement bias*) при разработке теста; 3) доступность измеряемых конструктов для всех тестируемых при разработке теста и 4) интерпретация и использование тестовых баллов должны отражать взаимодействие индивидуальных особенностей тестируе-

мого с тестом и контекстом, в котором он проводится. То есть согласно этой точке зрения, непредвзятость (прежде всего – отсутствие предвзятости измерения) является одним из необходимых условий справедливости теста.

Так или иначе, несмотря на некоторую путаницу между понятиями справедливости и предвзятости в неакадемической среде (Reynolds & Suzuki, 2012) и различий в определении «справедливости теста» среди ученых, в научном сообществе есть относительно консолидированное мнение, что (не)предвзятость теста относится к статистическим показателям. Предвзятость в этом смысле означает неодинаковую валидность теста для различных подгрупп, когда индивиды с гипотетически одним уровнем латентной способности (например, одинаковым уровнем интеллекта) получают разные результаты по тесту. Предвзятый тест систематически завышает или занижает значение переменной, для оценки которой он предназначен. Если эта погрешность зависит от культурной переменной, такой как этническая принадлежность, то говорят о наличии культурной предвзятости теста, однако смещение может происходить и относительно других переменных – например, возраста и пола.

Очень долгое время среди пользователей тестов и исследователей было распространено мнение, что для использования теста на другом языке и в другой культуре не требуется каких-то изменений в тесте, кроме перевода. Более того, если тест предполагался для использования на том же языке, на котором он разработан, но для другой целевой популяции, или если это невербальный тест, никакие дополнительные процедуры не нужны. Представление о том, что тесты нуждаются в адаптации, которая не является просто переводом, хотя и существовали в научном сообществе долгое время, но официально и полно закрепились не столь давно, ознаменовавшись выходом Руководства по адаптации тестов от Международной комиссии по тестам в 2004 году (Bartram & Hambleton, 2016). Вся процедура адаптации как раз направлена на достижение эквивалентности и сопоставимости конструкторов, методов и отдельных заданий для всех целевых групп двух версий инструментов, результаты которых могут быть сравнимы. В случаях, когда эквивалентности по каким-либо причинам невозможно достичь, сравнения не проводятся. В Руководстве описаны способы оценки и преодоления предвзятости, которые в целом соответствует так называемой концепции предвзятости (Van de Vijver & Leung, 2021; Van de Vijver & Poortinga, 1997; Van de Vijver & Tanzer, 2004).

Предвзятость на уровне конструкторов может быть, если оцениваемый конструктор неодинаково выражается или должен быть определен по-разному у различных групп. В контексте оценки интеллекта вопрос может звучать так: «Является ли интеллект представителя одной культуры/расы/группы тем же самым конструктором, что и интеллект представителя другой культуры/расы/группы?».

Предвзятость на уровне методов может возникнуть из-за несопоставимости выборок (различия в образовании и доступе к образованию, социально-экономическом статусе, жители городов или сельской местности и др.) или, например, из-за несопоставимости условий оценивания (неодинаковая понят-

ность инструкций для разных респондентов, коммуникативные проблемы во взаимодействии с администратором тестирования и его установки и др.).

Предвзятость на уровне отдельных заданий, пожалуй, является самым очевидным и известным пунктом. Так, даже на заре создания тестов на интеллект при переводе учитывались как минимум нюансы географических названий, меры длины, валюты и так далее. Например, когда тест А. Бине был переведен на английский язык для использования в США, американским психологам было очевидно, что арифметическое задание, требующее знания французских денег, необходимо изменить, поскольку в США нет монет в $\frac{1}{2}$ цента или 2 цента (Terman, 1916). Однако сопоставимость отдельных утверждений не всегда настолько очевидна, и ее проверка требует применения специальных психометрических процедур.

В своем справочнике по психологическому тестированию Р. Грегори (Gregory, 2015) указывает, что в большинстве тестов способностей и достижений не обнаружена предвзятость, и ссылается на работы А. Дженсена (Jensen, 1980), С. Рейнольдса (Reynolds, 1994), Н. Кансела и П. Сакетта (Kuncel & Sackett, 2007) и других. Вместе с тем есть работа Й. Вихертс (Wicherts, 2016) с обзором исследований предвзятости батарей тестов интеллекта (в том числе самых популярных, например, WAIS-IV), где автор приходит к выводу, что в более чем половине статей не подтверждается, например, измерительная инвариантность (эквивалентность) методик в отношении этнических групп, пола, образования или возраста. Нет также и консенсуса и о конкретных способах измерения предвзятости (Putnick & Bornstein, 2016), а также о степени влияния разных аспектов предвзятости на валидность выводов о групповых различиях – например, см. полемику Б. Меулемана и соавторов (Meuleman et al., 2023) и К. Вельцеля и соавторов (Welzel et al., 2023).

Так или иначе, можно выделить как минимум три альтернативных направления развития тестов интеллекта, возникших в том числе как ответ на критику о предвзятости «классических» тестов. Одно направление включает развитие идеи невербальных культурно-неспецифических тестов. Примерами подобных комплексных и современных тестов могут быть Leiter-3 (Roid & Koch, 2017, доступен для использования в России) и UNIT II (Friedlander Moore et al., 2017; использовался в России в исследовательских целях). Оба теста разрабатывались в так называемой парадигме «универсального дизайна», являются полностью невербальными и были специально созданы для применения как в общих, так и особых популяциях: различных этнических группах, респондентов с ограниченным слухом, речью или другими нарушениями развития.

Вторым направлением можно обозначить то, что Дж. Наглиери назвал тестами второго поколения (Naglieri, 2015): прежде всего, Cognitive Assessment System (Naglieri et al., 1997) и Kaufman Assessment Battery for Children II (Bain & Jaspers, 2010; Kaufman & Kaufman, 1983). Особенностью этих тестов является добавление нейропсихологических классификаций и теорий в теоретическое основание теста и наличие полностью невербальных вариантов, что обеспечивает более справедливое оценивание самых разных детских популяций. Согласно авторам, эти тесты предсказывают академические до-

стижения не хуже классических, но при их применении различия между расами в сравнении с классическими тестами уменьшаются вдвое.

Третье направление можно обозначить как «культурно-специфическое» или «экологическое» (Berry, 1976, 2022). Эта точка зрения подчеркивает, что интеллект адаптируется к экологическим и культурным условиям, а потому развитие и проявление индивидуального интеллекта будут меняться по мере изменения этих условий – и этот контекст необходимо учитывать при оценке и создании тестов интеллекта. Примером реализации «культурно-специфического» подхода может быть тест «Panga Munthu», разработанный в Замбии для измерения интеллекта африканских детей (Kathura & Serpell, 1998), где исследователи просили вылепить фигурку человека из глины или проволоки вместо выполнения бумажных заданий. Еще одним примером может быть концепция «практического интеллекта» (Sternberg, 1985; Sternberg et al., 2021), в рамках которой исследователи оценивали интеллект у коренных жителей Аляски с помощью разработанного теста таситного (неявного) знания в сферах информации о травах, рыболовстве, выживании, фольклоре и охоте (Grigorenko et al., 2004).

Резюмируя, можно сказать, что вопрос непредвзятого оценивания является составной частью общих вопросов о качестве и валидности инструментария, а также – более глобальных дискуссий об определении интеллекта вообще (см. раздел 1) и природе групповых различий. Нам представляется, что этическая задача исследователей – как минимум быть в курсе этих обсуждений и учитывать их в собственных научных задачах, особенно если они касаются сравнительных исследований. Задача разработчиков тестов – пользоваться лучшими из существующих гайдлайнов для разработки и оценки свойств тестов, проводить полноценные исследования валидности на репрезентативных выборках и проверять, не является ли сам тест и задания источниками различий между группами. Эти задачи напрямую связаны с профессиональной *компетентностью*, которая, в свою очередь, позволяет реализовываться *принципу ответственности* – ответственности исследователей и разработчиками перед отдельными индивидами и обществом в целом. Очевидно, что не для всех инструментов будут проведены необходимые исследования и анализы – в этом случае критически важным кажется как минимум *описывать* тесты согласно международным стандартам, демонстрировать и те аспекты валидности, для которых были получены обнадеживающие результаты, и те аспекты, для которых таких результатов не обнаруживалось или которые не были оценены. Например, для этого возможно использовать Европейскую модель оценки качества тестов. Последняя версия модели была выпущена в 2013 году⁶, и имеет перевод на русский, новая версия⁷ уже доступна для предварительного просмотра и обсуждения.

⁶ Evers A., Hagemeister C., Høstmælingen A., Lindley P., Muñiz J., Sjöberg A. EFPA review model for the description and evaluation of psychological and educational tests // Test review form and notes for reviewers. Version 4.2, 6. 2013. https://www.efpa.eu/sites/default/files/2023-06/110c_EFPA_BOA_TEST_REVIEW_MODEL_version426.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

⁷ A Task Force of the Board of Assessment of EFPA. EFPA model for the review, description and evaluation of psychological and educational tests // Test review form and notes for re-

В данном случае это станет реализацией *принципа честности*. Соблюдение этого принципа позволит не опускать проблемные вопросы в область «не-сказанного» или даже «замалчиваемого», а потенциальным пользователям тестов – помнить про качество тестов, выбирать тест с учетом целевой аудитории респондентов и думать про валидность интерпретации. Мы подробнее остановимся на этических аспектах, касающихся выбора и использования качественного (или некачественного) инструментария в следующем разделе.

Как оценить качество оценочного инструментария?

Вопрос качества тестов закреплен в различных этических кодексах. Например, в этическом кодексе, принятом Российским психологическим обществом, в пункте 2.3.1 говорится об обязанности психолога пользоваться только валидными и надежными инструментами⁸. Однако именно качество используемых тестов зачастую вызывает самые большие дискуссии, и ситуация в России – не исключение.

В России при формировании рынка оценочных инструментов действовал еще один важный фактор – экономический. Современная российская психодиагностика зарождалась в начале 1980-х годов (так, первый перевод классического учебника А. Анастаси «Психологическое тестирование» увидел свет в 1982 году), и к моменту социальных и экономических потрясений 1990-х годов отечественных инструментов диагностики было еще не очень много. Как пишет А.Г. Шмелев, «...производство отечественных тестов погибло, фактически не поднявшись из младенческой колыбели. Оказалось гораздо выгоднее пользоваться краденными западными методиками, чем оригинальными отечественными, за которые отечественные специалисты законно хотели получить компенсацию вложенного квалифицированного труда.» (Шмелев, 2004, с. 42). В открытой продаже начали появляться сборники тестов (например, *Лучшие психологические тесты*, 1992), которые содержали в себе исключительно тексты заданий и способы подсчета баллов, без указаний на то, каким образом проводилась их валидизация и стандартизация. Культура публикации результатов психометрического анализа инструментов начала формироваться гораздо позже, а понимание того, что тест должен иметь опубликованные результаты проверки его качества у массового пользователя тестов, не до конца сформировано и по сей день. «Лучшие психологические тесты» теперь опубликованы на открытых порталах в интернете, а в продаже все также можно найти тесты (в том числе тест Векслера), не имеющими в комплекте технических отчетов о результатах их психометрического анализа.

Кроме того, почти любой психологический тест для диагностики интеллекта детей и подростков, используемый в России, можно найти в открытом доступе в сети интернет. Кроме вопроса о правомерном использовании закрытых профессиональных тестов, речь о котором порой не идет, мы

viewers. Version 5.0. https://www.efpa.eu/sites/default/files/2024-11/2024-11-18_test-review-model_draft-for-consultation.pdf (дата обращения: 28.12.2024).

⁸ Российское психологическое общество. *Этический кодекс психолога*. <http://psyrus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения: 30.01.2024).

опять возвращаемся к вопросу качества тестов. Доступность профессиональных инструментов для непрофессионалов самым негативным образом сказывается на валидности результатов и их интерпретации, так как потенциальный диагностируемый может натренироваться на прохождение тестирования.

Еще один аспект, который необходимо обсудить, – стандартизация тестов. Любой психологический тест, который предполагает использование в индивидуальной психодиагностике, требует проведения процедуры стандартизации, так как психолога в первую очередь интересует вопрос соотнесения результата отдельного человека либо с определенным критерием, либо, что более применимо к тестам на интеллект, с представляющей его популяцией. Однако использование тестов на интеллект в России уже дает нам примеры, когда тесты не имеют актуальных норм, но все равно применяются в психодиагностике. Например, широко используемый для диагностики интеллекта у детей и подростков тест Векслера до сих пор использует не просто старые нормы, но еще и полученные не на российских выборках (Филимоненко, Тимофеев, 2016). Употребление таких норм приводит к серьезным ошибкам в интерпретации результатов, особенно в тех случаях, когда интеллект является диагностирующим критерием и результаты диагностики определяют серьезные последствия для жизни ребенка.

Более того, даже нормы, полученные для целевой популяции для тестов на интеллект, требуют пересмотра не реже чем раз в десять лет, что было наглядно продемонстрировано эффектом Флинна (Flynn, 1984, 1987). В рамках этого эффекта было продемонстрировано, что каждое следующее поколение показывает более высокие показатели интеллекта, чем предыдущее. Несмотря на то, что вокруг эффекта Флинна ведется обширная дискуссия (например, Dutton et al., 2016; Kaufman, 2010; McGrew, 2010), его выявление сыграло не последнюю роль в стимулировании разработчиков тестов регулярно пересматривать нормы.

Лейтмотивом темы качества профессиональных тестов звучит применение *принципа компетентности*. Принцип компетентности преломляется во всех ситуациях, когда психолог должен сделать осознанный выбор релевантного и качественного инструментария и отказаться от использования инструментов с неподтвержденным психометрическим качеством. Также компетентность будет проявляться в использовании только тех тестов, работать с которыми психолог обучился, так как большинство тестов на интеллект, предназначенных для психодиагностики, достаточно объемны, сложны в администрировании и требуют специального обучения для применения. Нельзя игнорировать тот факт, что для того, чтобы реализовывать принцип компетентности, необходимо соответствующим образом готовить специалистов. Такая подготовка должна включать не только и не столько знакомство с существующими методиками, но овладение основами разработки тестов, психометрики и принципами проведения диагностики и представления результатов.

Выбор инструмента для диагностики неизбежно затрагивает и еще один этический принцип – *принцип ответственности*. Когда психолог использует некачественный инструмент, он всегда получает искаженный

результат, ведущий к ошибкам, которые могут иметь драматические последствия в жизни респондента. Решения, принятые на основе искаженных результатов, имеют последствия для ребенка и его родителей, так как ребенок не получает необходимой для него поддержки. Это также создает сложности школе, так как педагоги не могут учесть особенные потребности ребенка. И глобально использование некачественных инструментов наносит вред профессиональному сообществу и обществу в целом, так как ведет к недоверию к специалистам и избеганию обращения за помощью в случае необходимости.

Обсуждение

Измерение интеллекта занимает отдельное место в истории развития психодиагностики. К настоящему моменту проделан большой путь, появились процедуры адаптации тестов к различным культурным контекстам, знание о необходимости обновления норм и правила стандартизации – психометрическая наука шагнула вперед, дав возможности более точного оценивания и применения новых форматов, таких как, например, компьютерное тестирование. Однако до конца этот путь не пройден, и перед исследователями возникают запросы, на которые необходимо реагировать.

В рамках данной статьи обсуждались основные проблемы, связанные с измерением интеллекта, включая глобальные подходы к его операционализации, потенциальные нарушения прав человека в результате применения тестов, справедливость оценивания для различных групп респондентов, а также вопросы качества и выбора тестовых инструментов. С нашей точки зрения, преодоление этих трудностей требует от психологического сообщества постоянной рефлексии, направленной на обеспечение соблюдения этических принципов в психодиагностике, таких как уважение, честность, компетентность и ответственность. Такая рефлексия необходима для движения в сторону адекватного тестирования интеллекта в нашей стране. Данная задача требует совместных усилий всех специалистов — как исследователей, так и практиков.

Исходя из проанализированных вопросов, можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, интеллект представляет собой важный социальный конструкт, результаты его оценки имеют значительное влияние как на уровне отдельного индивида, так и на уровне общества. Например, результаты оценки интеллекта могут стать основой для принятия важных решений, касающихся здоровья, образования или профессиональной деятельности. А на макроуровне они связаны с различными экономическими характеристиками региона или страны, а также такими страновыми характеристиками, как политические свободы, уровень здравоохранения, продолжительность жизни и так далее. Подробнее о концепции макропсихологии интеллекта в исследованиях А.В. Юревича и коллег (Юревич и др., 2007), Д.В. Ушакова и А.А. Григорьева (Ushakov, Grigoriev, 2016)]. Наша позиция заключается в том, что, учитывая большое значение оценки интеллекта для психодиагностики и исследований индивидуальных различий в целом, психологам (как исследователям, так и практикам) важно ориентироваться

в дискуссии, касающейся операционализации интеллекта и не упускать из виду «большую картину», так как теоретическая основа напрямую связана с интерпретацией результатов.

Во-вторых, справедливая оценка интеллекта представляет собой сложную задачу, затрагивающую как исследователей-разработчиков тестов, так и специалистов-практиков. Для первых проблема заключается в создании валидных и надежных тестов, которые учитывают культурные и социальные различия респондентов. Для вторых — в корректной организации тестирования и интерпретации полученных данных. Современные общественные запросы требуют от научного сообщества создания доказательной базы и обеспечения справедливости тестирования. Однако используемые в России инструменты для измерения интеллекта пока не могут в полной мере удовлетворить эти требования, что подчеркивает необходимость разработки новых диагностических инструментов, соответствующих современным реалиям.

В-третьих, необходимо отметить, что даже самый современный и валидный тест не может сам по себе решить всех проблем, связанных с оценкой интеллекта. Мы хотели бы подчеркнуть значимость контекста использования теста, и вклад каждого конкретного специалиста в валидность тестирования, результатов и их интерпретации. Например, неправомерное использование «некачественного» метода и интерпретация результатов, не подкрепленная научной аргументацией, — это решение конкретного специалиста, даже если оно не до конца осознанное и/или поддерживается определенной «традицией» использования. Мы видим необходимость в повышении чувства индивидуальной ответственности специалистов за свою профессиональную деятельность, а также безусловно — в создании благоприятной среды для развития их профессиональных компетенций и формировании общественных и государственных ожиданий как в отношении работы специалистов, так и по поводу качества психометрического инструментария.

Таким образом, общей задачей и практического, и научного профессиональных сообществ является обеспечение обоснованного и корректного использования результатов измерения интеллекта. Принятие решений на основе этих данных должно не только не причинять вреда, но приносить пользу отдельным участникам тестирования и обществу в целом.

Заключение

Измерение интеллекта является одним из ключевых вопросов психодиагностики и требует постоянного научного развития и этической рефлексии. Несмотря на достигнутый прогресс в создании более точных и совершенных инструментов измерения, остаются нерешенные вопросы, связанные с обеспечением валидности, справедливости и соблюдением прав человека при оценке интеллектуального развития. Продолжение междисциплинарного диалога и повышение ответственности специалистов как в области исследований, так и в практике тестирования представляется необходимым условием для дальнейшего совершенствования методов и повышения их полезности как для отдельных индивидов, так и для общества в целом.

Список литературы

- Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. 7-е междунар. изд. СПб.: Питер, 2007. 687 с.
- Герасимова Ю.О., Орел Е.А. Измеряя школьника: зачем мы развиваем и оцениваем социально-эмоциональные навыки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 61–75. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-61-75>
- Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации: Описание и руководство к использованию / отв. ред. А.Ф. Кудряшов. Петрозаводск: Петроком, 1992. 318 с.
- Ушаков Д.В. Тесты интеллекта, или Горечь самопознания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 2. С. 76–93.
- Филимоненко Ю.И., Тимофеев В.И. Тест Д. Векслера: Диагностика структуры интеллекта (детский вариант): методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2016. 106 с.
- Холодная М.А. Профессиональные иллюзии как следствие упрощенных представлений о человеческом интеллекте // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004а. Т. 1. № 4. С. 38–44.
- Холодная М.А. Психологическое тестирование и право личности на собственный вариант развития // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004б. Т. 1. № 2. С. 66–75.
- Шмелев А.Г. Тест как оружие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 2. С. 40–53.
- Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макropsychологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.
- American Educational Research Association, American Psychological Association, National Council on Measurement in Education. Standards for Educational and Psychological Testing (1st ed.). Washington, DC: American Educational Research Association, 1999. 194 p.
- American Educational Research Association, American Psychological Association, National Council on Measurement in Education. Standards for Educational and Psychological Testing (2014th ed.). Washington, DC: American Educational Research Association, 2014. 230 p.
- Bain S.K., Jaspers K.E. Test review: Review of Kaufman brief intelligence test, Second edition. Bloomington, MN: Pearson, Inc. // Journal of Psychoeducational Assessment. 2010. Vol. 28. No 2. Pp. 167–174. <https://doi.org/10.1177/0734282909348217>
- Bartram D., Hambleton R.K. The ITC guidelines: International standards and guidelines relating to tests and testing // The ITC International Handbook of Testing and Assessment / Ed. by F.T.L. Leong, D. Bartram, F. Cheung, K.F. Geisinger, D. Ilescu. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 35–46. <https://doi.org/10.1093/med:psych/9780199356942.003.0004>
- Berry J.W. Cross-cultural research and methodology series: III. Human ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation. New York: Sage Publications/Halstead Press, 1976. 242 p.
- Berry J.W. The forgotten field: Contexts for cross-cultural psychology // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2022. Vol. 53. No 7–8. Pp. 993–1009. <https://doi.org/10.1177/00220221221093810>
- Canivez G.L., McGill R.J., Dombrowski S.C., Watkins M.W., Pritchard A.E., Jacobson L.A. Construct validity of the WISC-V in clinical cases: Exploratory and confirmatory factor analyses of the 10 primary subtests // Assessment. 2020. Vol. 27. No 2. Pp. 274–296. <https://doi.org/10.1177/1073191118811609>

- Deary I.J. Intelligence // *Annual Review of Psychology*. 2012. Vol. 63. No 1. Pp. 453–482. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-120710-100353>
- Deary I.J., Penke L., Johnson W. The neuroscience of human intelligence differences // *Nature Reviews Neuroscience*. 2010. Vol. 11. No 3. Pp. 201–211. <https://doi.org/10.1038/nrn2793>
- Dutton E., van der Linden D., Lynn R. The negative Flynn Effect: A systematic literature review // *Intelligence*. 2016. Vol. 59. Pp. 163–169. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2016.10.002>
- Fairness in Educational and Psychological Testing: Examining Theoretical, Research, Practice, and Policy Implications of the 2014 Standards / Ed. by J.L. Jonson, K.F. Geisinger. Washington: American Educational Research Association, 2022. 466 p. <https://doi.org/10.3102/9780935302967>
- Flynn J.R. Massive IQ gains in 14 nations: What IQ tests really measure // *Psychological Bulletin*. 1987. Vol. 101. No 2. Pp. 171–191. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.101.2.171>
- Flynn J.R. The mean IQ of Americans: Massive gains 1932 to 1978 // *Psychological Bulletin*. 1984. Vol. 95. No 1. Pp. 29–51. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.1.29>
- Friedlander Moore A., McCallum R.S., Bracken B.A. The universal nonverbal intelligence test: Second edition // *Handbook of Nonverbal Assessment* / Ed. by R.S. McCallum. Cham: Springer, 2017. Pp. 105–125. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50604-3_7
- Gardner H. *Frames of mind: The theory of multiple intelligences*. New York: Basic Books, 1983. 440 p.
- Goleman D. *Emotional intelligence*. New York: Bantam Books, Inc., 1995. 352 p.
- Gottfredson L.S. Mainstream science on intelligence: An editorial with 52 signatories, history, and bibliography // *Intelligence*. 1997. Vol. 24. No 1. Pp. 13–23. [https://doi.org/10.1016/s0160-2896\(97\)90011-8](https://doi.org/10.1016/s0160-2896(97)90011-8)
- Gould S.J. *The Mismeasure of Man*. New York: WW Norton, 1981. 352 p.
- Gregory R.J. *Psychological Testing: History, Principles and Applications* (7th ed.). Harlow: Pearson, 2015. 589 p.
- Grigorenko E.L., Meier E., Lipka J., Mohatt G., Yanez E., Sternberg R.J. Academic and practical intelligence: A case study of the Yup'ik in Alaska // *Learning and Individual Differences*. 2004. Vol. 14. No 4. Pp. 183–207. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2004.02.002>
- Hunter J.E., Schmidt F.L. Critical analysis of the statistical and ethical implications of various definitions of test bias // *Psychological Bulletin*. 1976. Vol. 83. No 6. Pp. 1053–1071. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.83.6.1053>
- Jensen A.R. *Bias in Mental Testing*. New York: The Free Press, 1980. 786 p.
- Kamin L., Egerton J. The misuse of IQ testing // *Change: The Magazine of Higher Learning*. 1973. Vol. 5. No 8. Pp. 40–43. <https://doi.org/10.1080/00091383.1973.10568572>
- Kaufman A.S. Looking through Flynn's rose-colored scientific spectacles // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2010. Vol. 28. No 5. Pp. 494–505. <https://doi.org/10.1177/0734282910373573>
- Kaufman A.S., Kaufman N.L. Kaufman assessment battery for children (KABC, K-ABC) [Database record] // *APA PsycTests*. 1983. <https://doi.org/10.1037/t27677-000>
- Kuncel N.R., Sackett P.R. Selective citation mars conclusions about test validity and predictive bias // *American Psychologist*. 2007. Vol. 62. No 2. Pp. 145–146. <https://doi.org/10.1037/003-066x62.2.145>
- McGrew K.S. The Flynn effect and its critics: Rusty linchpins and “lookin’ for g and Gf in some of the wrong places” // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2010. Vol. 28. No 5. Pp. 448–468. <https://doi.org/10.1177/0734282910373347>
- Meuleman B., Żółtak T., Pokropek A., Davidov E., Muthén B., Oberski D.L., Billiet J., Schmidt P. Why measurement invariance is important in comparative research. A response to Welzel et al. (2021) // *Sociological Methods & Research*. 2023. Vol. 52. No 3. Pp. 1401–1419. <https://doi.org/10.1177/00491241221091755>

- Naglieri J.A. Hundred years of intelligence testing: Moving from traditional IQ to second-generation intelligence tests // *Handbook of Intelligence* / Ed. by S. Goldstein, D. Princiotta, J. Naglieri. New York: Springer, 2015. Pp. 295–316. https://doi.org/10.1007/978-1-4939-1562-0_20
- Naglieri J.A., Das J.P. Cognitive assessment system (Vol. 96). Itasca, IL: Riverside Publishing, 1997.
- Neisser U., Boodoo G., Bouchard T.J., Boykin A.W., Brody N., Ceci S.J., Halpern D.F., Loehlin J.C., Perloff R., Sternberg R.J., Urbina S. Intelligence: Knowns and unknowns // *American Psychologist*. 1996. Vol. 51. No 2. Pp. 77–101. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.51.2.77>
- Powers K.M., Hagans-Murillo K.S., Restori A.F. Twenty-five years after Larry P.: The California response to overrepresentation of African Americans in special education // *The California School Psychologist*. 2004. Vol. 9. No 1. Pp. 145–158. <https://doi.org/10.1007/bf03340915>
- Putnick D.L., Bornstein M.H. Measurement invariance conventions and reporting: The state of the art and future directions for psychological research // *Developmental Review*. 2016. Vol. 41. Pp. 71–90. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2016.06.004>
- Reynolds C. Bias in testing // *Encyclopedia of human intelligence* / Ed. by R.J. Sternberg. New York: Macmillan, 1994. Vol. 1. Pp. 175–178.
- Reynolds C.R., Suzuki L.A. Bias in psychological assessment: An empirical review and recommendations // *Handbook of Psychology*. 2nd ed. / Ed. by I. Weiner. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2012. Pp. 82–113. <https://doi.org/10.1002/9781118133880.hop210004>
- Roid G.H., Koch C. Leiter-3: Nonverbal cognitive and neuropsychological assessment // *Handbook of Nonverbal Assessment* / Ed. by R. McCallum. Cham: Springer, 2017. Pp. 127–150. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50604-3_8
- Roth B., Becker N., Romeyke S., Schäfer S., Domnick F., Spinath F. M. Intelligence and school grades: A meta-analysis // *Intelligence*. 2015. Vol. 53. Pp. 118–137. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2015.09.002>
- Sattler J.M. Assessment of children: Cognitive foundations and applications. 5th ed. La Mesa, CA: Jerome M. Sattler, Publisher, Inc., 2008. 790 p.
- Stanovich K.E. What intelligence tests miss: The psychology of rational thought. New Haven, CT: Yale University Press, 2009. 308 p. <https://doi.org/10.12987/9780300142532>
- Stanovich K.E., West R.F., Toplak M.E. The Rationality Quotient: Toward a Test of Rational Thinking. Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. 480 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262034845.001.0001>
- Sternberg R.J., Glaveanu V., Karami S., Kaufman J.C., Phillipson S.N., Preiss D.D. Meta-intelligence: Understanding, control, and interactivity between creative, analytical, practical, and wisdom-based approaches in problem solving // *Journal of Intelligence*. 2021. Vol. 9. No 2. P. 19. <https://doi.org/10.3390/jintelligence9020019>
- Sternberg R.J., Grigorenko E., Bundy D.A. The predictive value of IQ // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2001. Vol. 47. No 1. Pp. 1–41. <https://doi.org/10.1353/mpq.2001.0005>
- Sternberg R.J., Preiss D.D., Karami S. An historical causal-chain theory of conceptions of intelligence // *Review of General Psychology*. 2023. Vol. 27. No 3. Pp. 320–335. <https://doi.org/10.1177/10892680231158790>
- Sternberg, R.J. Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence. Cambridge: Cambridge University Press., 1985. 432 p.
- Strenze T. Intelligence and socioeconomic success: A meta-analytic review of longitudinal research // *Intelligence*. 2007. Vol. 35. No 5. Pp. 401–426. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2006.09.004>

- Terman L.M.* The uses of intelligence tests // The measurement of intelligence. Boston: Houghton, Mifflin and Company, 1916. Pp. 3–21. <https://doi.org/10.1037/10014-001>
- The IQ controversy: Critical readings / Ed. by N.J. Block, G. Dworkin. New York: Pantheon Books, 1976. 557 p.
- Thorndike E.L.* Intelligence and its uses // Harper's Magazine. 1920. Vol. 140. Pp. 227–235.
- Ushakov D.V., Grigoriev A.A.* Macropsychology of intelligence: through emotions to theoretical depth // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 629–635. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-629-635>
- Van de Vijver F., Tanzer N.K.* Bias and equivalence in cross-cultural assessment: An overview // European Review of Applied Psychology. 2004. Vol. 54. No 2. Pp. 119–135. <https://doi.org/10.1016/j.erap.2003.12.004>
- Van de Vijver F.J.R., Leung K.* Methods and Data Analysis for Cross-Cultural Research. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. <https://doi.org/10.1017/9781107415188>
- Van de Vijver F.J.R., Poortinga Y.H.* Towards an integrated analysis of bias in cross-cultural assessment // European Journal of Psychological Assessment. 1997. Vol. 13. No 1. Pp. 29–37. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.13.1.29>
- Warne R.T.* In the Know: Debunking 35 Myths about Human Intelligence. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 434 p. <https://doi.org/10.1017/9781108593298>
- Welzel C., Brunkert L., Kruse S., Inglehart R.F.* Non-invariance? An overstated problem with misconceived causes // Sociological Methods & Research. 2023. Vol. 52. No 3. Pp. 1368–1400. <https://doi.org/10.1177/0049124121995521>
- Wicherts J.M.* The importance of measurement invariance in neurocognitive ability testing // The Clinical Neuropsychologist. 2016. Vol. 30. No 7. Pp. 1006–1016. <https://doi.org/10.1080/13854046.2016.1205136>
- Zaboski B.A.II, Kranzler J.H., Gage N.A.* Meta-analysis of the relationship between academic achievement and broad abilities of the Cattell-Horn-Carroll Theory // Journal of School Psychology. 2018. Vol. 71. Pp. 42–56. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2018.10.001>

История статьи:

Поступила в редакцию 31 января 2024 г.

Принята к печати 2 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Логвиненко Т.И., Канонир Т.Н., Орел Е.А., Куликова А.А. Этические аспекты измерения интеллекта: навстречу компетентности и справедливости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 657–682. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-657-682>

Вклад авторов:

Т.И. Логвиненко – концепция и дизайн исследования, первоначальный текст рукописи, итоговое редактирование текста. Т.Н. Канонир – концепция и дизайн исследования, первоначальный текст рукописи. Е.А. Орел – концепция исследования, написание отдельных разделов статьи. А.А. Куликова – концепция исследования, написание отдельных разделов статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Логвиненко Татьяна Игоревна, старший специалист, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Российская Федерация, 354340, Федеральная территория «Сириус», Олимпийский пр-т, 1. ORCID: 0000-0001-7430-1963, SPIN-код: 8068-9856. E-mail: logvinenkota.spb@gmail.com.

Канонир Татьяна Николаевна, Dr.Psych. (PhD), доцент, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-5606-8379. E-mail: tkanonir@hse.ru.

Орел Екатерина Алексеевна, кандидат психологических наук, PhD, старший научный сотрудник, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-9100-0713. E-mail: eorel@hse.ru.

Куликова Алена Александровна, кандидат наук об образовании, приглашенный преподаватель, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-4296-3521. E-mail: aponomareva@hse.ru.

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-657-682

EDN: MCKAAY

UDC 159.9.072

Theoretical article

Ethical Aspects of Measuring Intelligence: Towards Competence and Fairness

Tatiana I. Logvinenko¹, Tatiana N. Kanonir²,
Ekaterina A. Orel², Alena A. Kulikova²

¹Sirius University of Science and Technology, The Sirius Federal Territory,
Russian Federation

²HSE University,
Moscow, Russian Federation

 logvinenkota.spb@gmail.com

Abstract. The article is focused on the problem of intelligence measurement, with an emphasis on the ethical aspects of developing and using tests. The history of intelligence measurement provides a variety of examples, problematic from an ethical point of view, which have repeatedly led to negative consequences for both individuals and entire communities. The purpose of this article is to describe current ethical issues in the field of intelligence measurement, their background and historical examples. We discuss the ethical issues in terms of: (1) global approaches to operationalizing intelligence; 2) possible human rights violations resulting from the use of intelligence tests; 3) the fairness of intelligence tests for different groups of respondents; and 4) assessment of test quality in test selection. These issues are examined through the prism of the ethical principles of psychologists, such as respect, honesty, competence, and responsibility. Despite the extensive history of measuring intelli-

gence and research in this area, ethical issues raised decades ago have not lost their relevance. Since ethical questions often do not have clear-cut answers, we believe that engaging in discussions about ethical issues in intelligence testing and exploring potential solutions is itself important and warranted. The content and conclusions of this article may be useful for both researchers and practitioners to make informed decisions in the context of intelligence measurement.

Key words: intelligence, IQ, intelligence test, psychodiagnostics, psychological assessment, ethical principles, ethics code

Acknowledgements and Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01399).

References

- American Educational Research Association, American Psychological Association, National Council on Measurement in Education (1999). *Standards for Educational and Psychological Testing* (1st ed.). Washington, DC: American Educational Research Association.
- American Educational Research Association, American Psychological Association, National Council on Measurement in Education (2014). *Standards for Educational and Psychological Testing* (2014th ed.). Washington, DC: American Educational Research Association.
- Anastasi, A., & Urbina, S. (2007). *Psychological testing* (7th ed.). Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bain, S.K., & Jaspers, K.E. (2010). Test review: Review of Kaufman brief intelligence test, Second edition. Bloomington, MN: Pearson, Inc. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 28(2), 167–174. <https://doi.org/10.1177/0734282909348217>
- Bartram, D., & Hambleton, R.K. (2016). The ITC guidelines: International standards and guidelines relating to tests and testing. In F.T.L. Leong, D. Bartram, F. Cheung, K.F. Geisinger, & D. Iliescu (Eds.). *The ITC International Handbook of Testing and Assessment* (pp. 35–46). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/med:psych/9780199356942.003.0004>
- Berry, J.W. (1976). *Cross-cultural research and methodology series: III. Human ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation*. New York: Sage Publications/Halstead Press.
- Berry, J.W. (2022). The forgotten field: Contexts for cross-cultural psychology. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 53(7–8), 993–1009. <https://doi.org/10.1177/00220221221093810>
- Block, N.J., & Dworkin, G. (Eds.). (1976). *The IQ controversy: Critical readings*. New York: Pantheon Books.
- Canivez, G.L., McGill, R.J., Dombrowski, S.C., Watkins, M.W., Pritchard, A.E., & Jacobson, L.A. (2020). Construct validity of the WISC-V in clinical cases: Exploratory and confirmatory factor analyses of the 10 primary subtests. *Assessment*, 27(2), 274–296. <https://doi.org/10.1177/1073191118811609>
- Deary, I.J. (2012). Intelligence. *Annual Review of Psychology*, 63(1), 453–482. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-120710-100353>
- Deary, I.J., Penke, L., & Johnson, W. (2010). The neuroscience of human intelligence differences. *Nature Reviews Neuroscience*, 11(3), 201–211. <https://doi.org/10.1038/nrn2793>
- Dutton, E., van der Linden, D., & Lynn, R. (2016). The negative Flynn Effect: A systematic literature review. *Intelligence*, 59, 163–169. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2016.10.002>
- Filimonenko, Yu. I., & Timofeev, V.I. (2016). *Wechsler Intelligence Scale for Children (WISC)*. Saint Petersburg: IMATON. (In Russ.)
- Flynn, J.R. (1984). The mean IQ of Americans: Massive gains 1932 to 1978. *Psychological Bulletin*, 95(1), 29–51. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.1.29>

- Flynn, J.R. (1987). Massive IQ gains in 14 nations: What IQ tests really measure. *Psychological Bulletin*, 101(2), 171–191. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.101.2.171>
- Friedlander Moore, A., McCallum, R.S., & Bracken, B.A. (2017). The universal nonverbal intelligence test: Second edition. In R.S. McCallum (Eds.). *Handbook of Nonverbal Assessment* (pp. 105–125). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50604-3_7
- Gardner, H. (1983). *Frames of mind: The theory of multiple intelligences*. New York: Basic Books.
- Gerasimova, Yu., & Orel, E. (2022). Measuring a schoolchild: Why we develop and assess social-emotional skills. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(1), 61–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-1-61-75>
- Goleman, D. (1995). *Emotional intelligence*. New York: Bantam Books, Inc.
- Gottfredson, L.S. (1997). Mainstream science on intelligence: An editorial with 52 signatories, history, and bibliography. *Intelligence*, 24(1), 13–23. [https://doi.org/10.1016/s0160-2896\(97\)90011-8](https://doi.org/10.1016/s0160-2896(97)90011-8)
- Gould, S.J. (1981). *The Mismeasure of Man*. New York: WW Norton.
- Gregory, R.J. (2015). *Psychological Testing: History, Principles and Applications* (7th ed.). Harlow: Pearson.
- Grigorenko, E.L., Meier, E., Lipka, J., Mohatt, G., Yanez, E., & Sternberg, R.J. (2004). Academic and practical intelligence: A case study of the Yup'ik in Alaska. *Learning and Individual Differences*, 14(4), 183–207. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2004.02.002>
- Hunter, J.E., & Schmidt, F.L. (1976). Critical analysis of the statistical and ethical implications of various definitions of test bias. *Psychological Bulletin*, 83(6), 1053–1071. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.83.6.1053>
- Jensen, A.R. (1980). *Bias in Mental Testing*. New York: The Free Press.
- Jonson, J.L., & Geisinger, K.F. (Eds.). (2022). *Fairness in Educational and Psychological Testing: Examining Theoretical, Research, Practice, and Policy Implications of the 2014 Standards*. Washington: American Educational Research Association. <https://doi.org/10.3102/9780935302967>
- Kamin, L., & Egerton, J. (1973). The misuse of IQ testing. *Change: The Magazine of Higher Learning*, 5(8), 40–43. <https://doi.org/10.1080/00091383.1973.10568572>
- Kaufman, A.S. (2010). Looking through Flynn's rose-colored scientific spectacles. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 28(5), 494–505. <https://doi.org/10.1177/0734282910373573>
- Kaufman, A.S., & Kaufman, N.L. (1983). *Kaufman assessment battery for children (KABC, K-ABC)* [Database record]. APA PsycTests. <https://doi.org/10.1037/t27677-000>
- Kholodnaia, M.A. (2004a). Professional illusions resulting from simplified ideas about human intelligence. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1(4), 38–44. (In Russ.)
- Kholodnaia, M.A. (2004b). Psychological testing and the right of a person to chose her/his own path of development. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1(2), 66–75. (In Russ.)
- Kudryashov, A.F. (Ed.). (1992). *Best psychological tests for vocational selection and career guidance: Description and user guide*. Petrozavodsk: Petrokom (In Russ.)
- Kuncel, N.R., & Sackett, P.R. (2007). Selective citation mars conclusions about test validity and predictive bias. *American Psychologist*, 62(2), 145–146. <https://doi.org/10.1037/003-066x62.2.145>
- McGrew, K.S. (2010). The Flynn effect and its critics: Rusty linchpins and “lookin’ for g and Gf in some of the wrong places”. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 28(5), 448–468. <https://doi.org/10.1177/0734282910373347>

- Meuleman, B., Żółtak, T., Pokropek, A., Davidov, E., Muthén, B., Oberski, D.L., Billiet, J., & Schmidt, P. (2023). Why measurement invariance *is* important in comparative research. A response to Welzel et al. (2021). *Sociological Methods & Research*, 52(3), 1401–1419. <https://doi.org/10.1177/00491241221091755>
- Naglieri, J.A. (2015). Hundred years of intelligence testing: Moving from traditional IQ to second-generation intelligence tests. In Goldstein, S., Princiotta, D., Naglieri, J. (Eds.). *Handbook of Intelligence* (pp. 295–316). New York: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4939-1562-0_20
- Naglieri, J.A., Das, J.P. (1997). *Cognitive assessment system* (Vol. 96). Itasca, IL: Riverside Publishing.
- Neisser, U., Boodoo, G., Bouchard, T.J., Boykin, A.W., Brody, N., Ceci, S.J., Halpern, D.F., Loehlin, J.C., Perloff, R., Sternberg, R.J., & Urbina, S. (1996). Intelligence: Knowns and unknowns. *American Psychologist*, 51(2), 77–101. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.51.2.77>
- Powers, K.M., Hagans-Murillo, K.S., & Restori, A.F. (2004). Twenty-five years after Larry P.: The California response to overrepresentation of African Americans in special education. *The California School Psychologist*, 9(1), 145–158. <https://doi.org/10.1007/bf03340915>
- Putnick, D.L., & Bornstein, M.H. (2016). Measurement invariance conventions and reporting: The state of the art and future directions for psychological research. *Developmental Review*, 41, 71–90. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2016.06.004>
- Reynolds, C. (1994). Bias in testing. In R.J. Sternberg (Ed.). *Encyclopedia of human intelligence* (Vol. 1, pp. 175–178). New York: Macmillan.
- Reynolds, C.R., & Suzuki, L.A. (2012). Bias in psychological assessment: An empirical review and recommendations. In I. Weiner (Ed.). *Handbook of Psychology*, 2nd ed. (pp. 82–113). Hoboken: John Wiley & Sons, Inc. <https://doi.org/10.1002/9781118133880.hop210004>
- Roid, G.H., & Koch, C. (2017). Leiter-3: Nonverbal cognitive and neuropsychological assessment. In R. McCallum (Ed.). *Handbook of Nonverbal Assessment* (pp. 127–150). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50604-3_8
- Roth, B., Becker, N., Romeyke, S., Schäfer, S., Domnick, F., & Spinath, F. M. (2015). Intelligence and school grades: A meta-analysis. *Intelligence*, 53, 118–137. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2015.09.002>
- Sattler, J.M. (2008). *Assessment of children: Cognitive foundations and applications* (5th ed.). La Mesa, CA: Jerome M. Sattler, Publisher, Inc.
- Shmelev, A.G. (2004). A test as a weapon. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1(2), 40–53. (In Russ.)
- Stanovich, K.E. (2009). *What intelligence tests miss: The psychology of rational thought*. New Haven, CT: Yale University Press. <https://doi.org/10.12987/9780300142532>
- Stanovich, K.E., West, R.F., & Toplak, M.E. (2016). *The Rationality Quotient: Toward a Test of Rational Thinking*. Cambridge, MA: The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262034845.001.0001>
- Sternberg, R.J. (1985). *Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sternberg, R.J., Glaveanu, V., Karami, S., Kaufman, J.C., Phillipson, S.N., & Preiss, D.D. (2021). Meta-intelligence: Understanding, control, and interactivity between creative, analytical, practical, and wisdom-based approaches in problem solving. *Journal of Intelligence*, 9(2), 19. <https://doi.org/10.3390/jintelligence9020019>
- Sternberg, R.J., Grigorenko, E., & Bundy, D.A. (2001). The predictive value of IQ. *Merrill-Palmer Quarterly*, 47(1), 1–41. <https://doi.org/10.1353/mpq.2001.0005>
- Sternberg, R.J., Preiss, D.D., & Karami, S. (2023). An historical causal-chain theory of conceptions of intelligence. *Review of General Psychology*, 27(3), 320–335. <https://doi.org/10.1177/10892680231158790>

- Strenze, T. (2007). Intelligence and socioeconomic success: A meta-analytic review of longitudinal research. *Intelligence*, 35(5), 401–426. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2006.09.004>
- Terman, L.M. (1916). The uses of intelligence tests. In *The measurement of intelligence* (pp. 3–21). Boston: Houghton, Mifflin and Company. <https://doi.org/10.1037/10014-001>
- Thorndike, E.L. (1920). Intelligence and its uses. *Harper's Magazine*, 140, 227–235.
- Ushakov, D.V. (2004). Intelligence tests, or the bitter taste of self-knowledge. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1(2), 76–93. (In Russ.)
- Ushakov, D.V., & Grigoriev, A.A. (2016). Macropsychology of intelligence: through emotions to theoretical depth. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13(4), 629–635. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-629-635>
- Van de Vijver, F., & Tanzer, N.K. (2004). Bias and equivalence in cross-cultural assessment: An overview. *European Review of Applied Psychology*, 54(2), 119–135. <https://doi.org/10.1016/j.erap.2003.12.004>
- Van de Vijver, F.J.R., & Leung, K. (2021). *Methods and Data Analysis for Cross-Cultural Research* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781107415188>
- Van de Vijver, F.J.R., & Poortinga, Y.H. (1997). Towards an integrated analysis of bias in cross-cultural assessment. *European Journal of Psychological Assessment*, 13(1), 29–37. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.13.1.29>
- Warne, R.T. (2020). *In the Know: Debunking 35 Myths about Human Intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108593298>
- Welzel, C., Brunkert, L., Kruse, S., & Inglehart, R.F. (2023). Non-invariance? An overstated problem with misconceived causes. *Sociological Methods & Research*, 52(3), 1368–1400. <https://doi.org/10.1177/0049124121995521>
- Wicherts, J.M. (2016). The importance of measurement invariance in neurocognitive ability testing. *The Clinical Neuropsychologist*, 30(7), 1006–1016. <https://doi.org/10.1080/13854046.2016.1205136>
- Yurevich, A.V., Ushakov, L.V., & Tsapenko, I.P. (2007). Quantitative evaluation of present-day Russian society macropsychological state. *Psikhologicheskii zhurnal*, 28(4), 23–34. (In Russ.)
- Zaboski, B.A.II, Kranzler, J.H., & Gage, N.A. (2018). Meta-analysis of the relationship between academic achievement and broad abilities of the Cattell-Horn-Carroll Theory. *Journal of School Psychology*, 71, 42–56. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2018.10.001>

Article history:

Received 31 January 2024

Revised 31 March 2024

Accepted 2 April 2024

For citation:

Logvinenko, T.I., Kanonir, T.N., Orel, E.A., & Kulikova, A.A. (2024). Ethical aspects of measuring intelligence: Towards competence and fairness. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 657–682. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-657-682>

Author's contribution:

Tatiana I. Logvinenko – study concept and design, manuscript draft, final text editing. Tatiana N. Kanonir – study concept and design, manuscript draft. Ekaterina A. Orel – study concept, writing of individual article sections. Alena A. Kulikova – study concept, writing of individual article sections.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Tatiana I. Logvinenko, Research Fellow, Center for Cognitive Sciences, Sirius University of Science and Technology, 1 Olimpiyskiy Ave., 354340 The Sirius Federal Territory, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7430-1963, SPIN-code: 8068-9856. E-mail: logvinenkota.spb@gmail.com.

Tatiana N. Kanonir, Dr. Psych. (PhD), Associate Professor, Institute of Education, HSE University, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5606-8379. E-mail: tkanonir@hse.ru.

Ekaterina A. Orel, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Institute of Education, HSE University, Candidate of Psychological Sciences, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9100-0713. E-mail: eorel@hse.ru.

Alena A. Kulikova, PhD in Education, Research Fellow, Institute of Education, HSE University, 20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4296-3521. E-mail: aponomareva@hse.ru.

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-683-697

EDN: MVZUNQ

УДК 159.9:005.745

Научный репортаж

«Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие» – итоги Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию профессора А.И. Крупнова

**Е.Б. Башкин¹, А.С. Берберян², Д.С. Ермаков¹,
И.А. Новикова¹✉, Е.А. Бжоян¹**

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

²Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения

✉ novikova_ia@pfur.ru

Аннотация. 26 апреля 2024 г. в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы состоялась Международная научно-практическая конференция «Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие», посвященная 85-летию доктора психологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, заслуженного профессора РУДН им. П. Лумумбы Александра Ивановича Крупнова. Цель мероприятия – поиск решений актуальных проблем развития личности и индивидуальности в современном обществе, обсуждение результатов актуальных научных исследований, инновационных психотерапевтических, образовательных и социальных технологий, обмен опытом, установление контактов между учеными и практиками из разных стран. Конференция объединила более 500 научно-педагогических работников, практикующих психологов, аспирантов, студентов из 17 стран (Австралия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Вьетнам, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Малайзия, Россия, Сербия, США, Узбекистан, Хорватия, Черногория) и 19 регионов Российской Федерации. В статье кратко представлены основные мероприятия конференции: пленарное и секционные заседания, научно-методический семинар, конкурс студенческих стендовых докладов, а также круглый стол.

Ключевые слова: международная конференция, личность, исследования, образование, развитие, индивидуальность, А.И. Крупнов, РУДН

26 апреля 2024 г. в Москве на базе кафедры психологии и педагогики филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) состоялась Международная научно-практическая конференция «Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие»¹, посвященная 85-летию доктора психологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской

© Башкин Е.Б., Берберян А.С., Ермаков Д.С., Новикова И.А., Бжоян Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

¹ Сайт РУДН. URL: <https://www.rudn.ru/media/events/9bd1f1f6-5b07-4fcc-a210-17f9645b761b> (дата обращения: 30.04.2024).

Федерации, заслуженного профессора РУДН, академика Международной академии наук высшей школы и Международной академии педагогического образования, члена Международного психологического общества почета Psi Chi Александра Ивановича Крупнова. Участие в мероприятии в очном и дистанционном форматах приняли более 500 научно-педагогических работников, практикующих психологов, аспирантов, студентов из Австралии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Вьетнама, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Малайзии, России, Сербии, США, Узбекистана, Хорватии, Черногории.

Открывая пленарное заседание, председатель программного комитета, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики РУДН **Евгений Брониславович Башкин** отметил, что вопросы общей, социальной и дифференциальной психологии, подготовки психолого-педагогических кадров в высшей школе, которые входят в сферу научных интересов профессора А. И. Крупнова, одного из организаторов и руководителей кафедры и наставника многих ее сотрудников, продолжают оставаться актуальными как в России, так и за рубежом. Цель конференции – поиск решений актуальных проблем развития личности и индивидуальности в современном обществе, обсуждение результатов актуальных научных исследований, инновационных психотерапевтических, образовательных и социальных технологий, обмен опытом, установление контактов между учеными и практиками из разных стран.

Александр Иванович Крупнов, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заслуженный профессор РУДН
(фото из архива кафедры психологии и педагогики РУДН)
Professor Alexander I. Krupnov, Doctor of Psychology, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honored Professor of the RUDN University
(photo from the archive of the Department of Psychology and Pedagogy of RUDN University)

С приветствиями в адрес юбиляра и собравшихся обратились президент РУДН, доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии образования (РАО) **Владимир Михайлович Филиппов**; доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета РУДН **Виктор Владимирович Барабаш**; доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии наук (РАН) и РАО, научный руководитель Института психологии РАН **Анатолий Лактионович Журавлев**; доктор психологических наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, директор Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ, ранее – Психологический институт РАО), президент Российского психологического общества **Юрий Петрович Зинченко**; доктор философских наук, профессор, ученый секретарь Научного совета по методологии искусственного интеллекта РАН **Андрей Юрьевич Алексеев**; доктор психологических наук, профессор, научный руководитель научного центра когнитивных исследований Научно-технологического университета «Сириус», профессор Хьюстонского и Йельского университетов (США) **Елена Леонидовна Григоренко**; доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ) **Ася Суреновна Берберян** (Ереван, Армения); доктор педагогических наук, директор Института педагогических исследований **Николетта Гутвайн** (Белград, Сербия); доктор психологии, профессор психологии и организационного лидерства Университета Фордхем, почетный член Международного психологического общества почета Psi Chi **Гарольд Такушьян** (Нью-Йорк, США).

Александр Иванович Крупнов в приветственном обращении поблагодарил коллег и учеников за организацию конференции и продолжение традиций научной школы, а также передал напутствие всем участникам конференции: *«Хотелось бы пожелать всем занимающимся нашей наукой найти индивидуальный и неповторимый взгляд на предмет своего искреннего интереса, быть всегда верным себе и своему делу, широко и бескорыстно делиться достигнутым пониманием с окружающими. Не сомневайтесь, что тогда найдутся те, кто применит и расширит ваше видение психологической проблематики в новых непростых условиях. Удачи Вам во всех ваших начинаниях!»*.

На пленарном заседании были представлены доклады об истории и современных направлениях работы научной школы проф. А.И. Крупнова, а также об актуальных проблемах и перспективах психологии личности и высшего образования в целом.

Галина Николаевна Каменева, кандидат психологических наук, доцент, и **Ирина Александровна Новикова**, кандидат психологических наук, доцент, доценты кафедры психологии и педагогики РУДН в докладе «Юбилей научной школы А.И. Крупнова в РУДН: итоги и перспективы» отметили, что нынешний, 2024, год богат на взаимосвязанные юбилеи, главным из которых является 85-летие проф. А.И. Крупнова. 40 лет тому назад (1984 г.) им была разработана трехкомпонентная целостно-функциональная модель ак-

тивности, которая затем трансформировалась в шести- (1988 г.) и восьми-компонентный (1999 г.) варианты (мотивационно-смысловой блок – установочно-целевой, мотивационный, когнитивный, продуктивный компоненты; инструментально-динамический блок – динамический, эмоциональный, регуляторный, рефлексивно-оценочный компоненты) системно-функциональной модели свойств личности.

В 2024 г. исполняется также 60 лет кафедре психологии и педагогики РУДН: основана в 1964 г. как кафедра педагогики, с 1972 г. – кафедра педагогики и психологии, с 2004 г. – кафедра социальной и дифференциальной психологии с курсом общей психологии и педагогики, с 2008 г. – разделение на кафедру социальной и дифференциальной психологии и кафедру психологии и педагогики, с 2021 г. – объединение в кафедру психологии и педагогики. 25 лет (с 1999 г.) в университете реализуется направление подготовки «Психология», 20 лет тому назад (в 2004 г.) здесь состоялся первый выпуск бакалавров-психологов.

Открытие и пленарное заседание Международной научно-практической конференции
«Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие»
(фото из архива кафедры психологии и педагогики РУДН)

Opening and plenary session of the International Scientific and Practical Conference
“Personality in Modern Society: Research, Education, Development”
(photo from the archive of the Department of Psychology and Pedagogy of RUDN University)

В настоящее время на кафедре, неоценимый вклад в становление и развитие которой внес проф. А.И. Крупнов, проработав здесь 35 лет (в том числе 20 – в должности заведующего), реализуются программа бакалавриата и две магистерские программы по направлению подготовки «Психология». В рамках сетевого Университета Шанхайской организации сотрудничества функционирует международная магистратура по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» (совместно с Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева, Казахским национальным

университетом имени аль-Фараби, Южно-Казахстанским университетом имени М. Ауэзова). В 2024 г. открыта специальность «Клиническая психология». С 2025 г. планируется набор на международную магистерскую программу «Психология» в рамках сетевого Университета Содружеств Независимых Государств.

Ежегодно проводятся международные и студенческие научные конференции, выполняются научно-исследовательские работы в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», государственного задания Министерства науки и высшего образования, а также по инициативным темам, грантам и хозяйственным договорам с предприятиями и организациями. С 2003 г. силами кафедры издается журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика», в котором публикуются на русском и английском языках результаты фундаментальных и прикладных научных исследований в области ведущих направлений психологии, педагогики, образования (журнал индексируется в РИНЦ, RSCI, BAK, PsycINFO (APA), DOAJ, WJCI, Google Scholar и других международных базах данных)². С 2013 г. в РУДН работает единственное в России отделение Международного психологического общества почета *Psi Chi*.

Доклад «Новый мир и личность клиентов психологического консультирования: нужны ли новые подходы в консультировании?» **Наталии Евгеньевны Водопьяновой**, доктора психологических наук, доцента, профессора и **Раиля Агзамовича Хайруллина**, психолога-консультанта, ассистента (кафедра психологического обеспечения профессиональной деятельности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета) был посвящен особенностям этой важной области психологической практики в современную эпоху. За последние годы отмечается увеличение обращений к психологам (женщины чаще, чем мужчины, хотя число клиентов-мужчин существенно выросло). К современным запросам клиентов часто относится синдром эмоционального (в том числе профессионального) выгорания. Изменилась и мотивация обращения к психологу. Возрос интерес к собственным индивидуальным особенностям и возможностям, саморефлексии, размышлениям о внутреннем мире, желание обсудить с профессионалом свои переживания и проблемы. Поход к психологу стал рассматриваться не как «лечение», а как забота о себе, своем здоровье и качестве жизни. В то же время доступность психологической литературы, семинаров, тренингов и т. п. порождает иллюзию высокой психологической грамотности. Посещение психолога, участие в групповых мероприятиях зачастую является данью моде, а не проявлением истинного желания изменить себя. Клиенты говорят, что хотят развиваться, становиться лучше, а на деле ждут от консультанта быстрых решений, чтобы избавиться от негативных состояний без долгих усилий и работы над собой, избегая ответственности за собственный выбор.

Александр Александрович Обознов, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии труда, эрго-

² Сайт журнала «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика». URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/index> (дата обращения: 30.04.2024).

номики, инженерной и организационной психологии Института психологии РАН в докладе *«Профессионально-ответственное отношение специалиста: психологический аспект»* подчеркнул актуальность разработанной профессором А.И. Крупновым модели системно-функционального анализа активности человека, которая включает три взаимосвязанных компонента: мотивационно-смысловой, операционально-динамический и продуктивно-результативный. В ней четко проявляется сущность активности как процесса, обеспечивающего непрерывное взаимодействие субъекта с миром, его стремление к реализации определенного предметного отношения. Предложенная модель может рассматриваться как отправная точка методологии психологических исследований активности человека во всей полноте его значимых отношений – к миру, обществу, профессии, семье и т.п.

Варвара Ильинична Моросанова, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующая лабораторией психологии саморегуляции ФНЦ ПМИ в докладе *«Саморегуляция и самосознание личности в юношеском возрасте»* обратила внимание на важность поиска психологических ресурсов, позволяющих человеку активно действовать, осознанно и ответственно выдвигать цели, самостоятельно и гибко управлять их достижением в условиях беспрецедентного повышения неопределенности. Модель осознанной саморегуляции включает когнитивно-операциональный и личностно-регуляторный уровни, а также стадии – субъекта поведения, субъекта деятельности, субъекта саморазвития и субъекта жизнедеятельности. Необходимы специальные усилия педагогов для развития осознанной саморегуляции как важнейшей личностной компетентности. Становлению регулирующей функции самосознания в юношеском возрасте способствует такое обучение, которое дает импульс к развитию потребности и способности ответственно выдвигать цели своего поведения и самостоятельно добиваться их достижения, создает внутренние предпосылки и социальную ситуацию реализации молодым человеком своей субъектности.

Николета Гутвайн, доктор педагогических наук, директор Института педагогических исследований (Белград, Сербия) в докладе *«Виртуальная идентичность и аутентичность молодежи»* отметила, что цифровое пространство (социальные сети, сообщества, платформы и пр.) предоставляет широкие возможности, но в то же время порождает психологические проблемы. Некоторые молодые люди используют виртуальную идентичность для выражения аутентичных частей, а другие могут создавать идеализированные версии себя. В целом цифровизация, хотя и влечет новые вызовы и риски, может стать инструментом поддержки, а не препятствием в формировании идентичности. Понимание этой сложной взаимосвязи является ключевым фактором в развитии стратегий, обеспечивающих сбалансированное взаимодействие в цифровой среде.

Надежда Михайловна Лебедева, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в докладе *«Современный кризис этнической и гражданской идентичности и стратегии совладания с ним»* отметила, что в период

активных изменений социальной действительности возникает кризис идентичности, который заключается в рассогласовании и противоречии между компонентами самоидентификации. Как показывают результаты изучения психологических особенностей двух выборок россиян – проживающих на родине и эмигрировавших в 2022 г., источниками угрозы идентичности могут быть страх исключения со стороны референтных групп (граждан других стран), поляризация общества, внутренний ценностный конфликт. Переживание кризиса идентичности, свойственного представителям обеих групп, сопровождается копинговыми стратегиями избегания и защиты (дезидентификация, отдаление, отъезд и т. п.) и стратегиями совладания (переосмысление, реафfirmация, принятие ответственности, восстановление позитивной социальной идентичности).

Далее программой конференции была предусмотрена работа секций, в ходе работы которых были рассмотрены актуальные теоретические, методологические, практические аспекты исследования и развития личности в сферах образования, диагностики, психокоррекции и др.

На заседании секции *«Современные теоретико-методологические подходы к исследованию личности и индивидуальности»* (соруководители – Марина Михайловна Мишина, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики образования Российского государственного гуманитарного университета, Ирина Александровна Новикова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики РУДН) были обсуждены доклады, посвященные разработке многофакторной шкалы созависимости личности и опросников самоуважения и переживаемой межличностной синхронизации; современным исследованиям свойств личности на основе системно-функционального подхода А.И. Крупнова: инициативности, ответственности, креативности, настойчивости, трудолюбия; подходам к исследованию интеллекта, духовных способностей личности, зависти, взаимосвязи общительности и мотивов выбора, соотношения личной и социальной идентичности, смысла жизни и пр.

Секция *«Становление и развитие личности профессионала в многокультурном пространстве»* была организована совместно с Самарским филиалом Московского городского педагогического университета (СФ МГПУ) и Российско-Армянского университета (соруководители – Ольга Алексеевна Корнилова, доктор психологических наук, доцент, первый заместитель директора СФ МГПУ, Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии РАУ, Евгений Брониславович Башкин, кандидат психологических наук, зав. кафедрой психологии и педагогики РУДН) и прошла в режиме видеоконференции. Рассматривались проблемы исследования субъективных представлений о профессионализме и профессионалах в разных культурах, формирования «гибких» навыков в контексте профессионального становления в поликультурной среде, а также психологические особенности адаптации и интеграции экспатов в профессиональное сообщество и пр.

Работа секции *«Личность и цифровизация»* (соруководители — Регина Вячеславовна Ершова, доктор психологических наук, профессор, профессор

кафедры психологии и педагогики РУДН, Камчыбек уулу Мырзабек, кандидат психологических наук, доцент, декан факультет социально-гуманитарных наук Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына) была посвящена анализу следующей актуальной проблематики: информационное сознание молодежи в условиях глобализации, цифровое поведение и психологическое благополучие личности, цифровые технологии и искусственный интеллект в современном образовании, влияние цифровизации образования на становление личности обучающихся и психическое благополучие, изучение стратегий освоения онлайн-курсов на основе анализа цифровых следов, молодежное социальное предпринимательство в цифровом обществе, проблемы трансформации идентичности личности в Интернете, интернет-зависимости и кибернасилия.

Программа секции **«Самореализация личности в современном обществе»** (соруководители – Сергей Иванович Кудинов, доктор психологических наук, профессор, профессор, Станислав Сергеевич Кудинов, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра психологии и педагогики РУДН) включала обсуждение исследований гармоничной самореализации личности в переходный период развития общества, взаимосвязи самоактуализации и магического мышления, самореализации личности дошкольника в технологии ранних профессиональных проб, психологических аспектов гражданско-патриотического самосознания молодежи, патриотических установок подростков в контексте взросления, позитивного развития в спорте, профессиональной самореализации педагогов и ее особенностей в условиях цифровизации образования, возможностей функционального образования и микроквалификации для развития взрослых и пр.

В центре внимания докладчиков на секции **«Психолого-педагогические проблемы и технологии развития и психокоррекции личности»** (соруководители – Марина Александровна Рушина, кандидат психологических наук, доцент, Екатерина Николаевна Полянская, кандидат психологических наук, доценты кафедры психологии и педагогики РУДН) были практически значимые проблемы стилей эффективного воспитания ребенка в семье, психолого-педагогического сопровождения развития младших школьников в совместной детско-родительской проектной деятельности, стратегий воспитания в семьях с одним ребенком и многодетных, роли семьи в сексуальном образовании детей и молодежи, взаимосвязи успешности обучения и самооценки в подростковом возрасте, агрессивности и путей ее коррекции, правосознания спортсменов как сдерживающего агрессию личностного фактора, развития позитивных убеждений учителей в работе с учащимися, факторов риска и психопрофилактики формирования асоциальной направленности личности, изучения прекарной составляющей наставнической деятельности, педагогической нейрокоррекции навыков и компетенций и пр.

Секция **«Адаптация, аккультурация и коммуникация личности в поликультурном пространстве»** (соруководители – Галина Николаевна Каменева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики РУДН, Валентина Васильевна Гриценко, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры этнопсихологии и психо-

логических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета) была посвящена рассмотрению актуальных проблем межкультурной адаптации, коммуникации и этнической идентичности личности, таких как: связь индивидуальных ценностей и мотивов конструирования этнической идентичности, психологическое благополучие и взаимная аккультурация этнических групп в постсоветских странах, проницаемость социальных границ и медиативная роль аккультурационных стратегий, идентичность(и) в мультикультурном государстве и нациестроительная функция системы образования, уровни межкультурной адаптации, особенности прокрастинации и самоорганизации у российских и иностранных студентов, психолого-педагогическое сопровождение адаптации личности мигранта в поликультурном образовательном пространстве школы, влияние личностного потенциала на психологическое благополучие мигрантов.

На секции **«Психологическое благополучие и психическое здоровье личности»** (соруководители – Юлия Александровна Чудина, кандидат психологических наук, доцент, Дмитрий Александрович Шляхта, кандидат психологических наук, доценты кафедры психологии и педагогики РУДН) был обсужден целый спектр актуальных и практически значимых проблем: метакогнитивные убеждения в структуре психологического здоровья личности, субъективное благополучие обучающихся как ценностно-целевой ориентир системы образования, осознанная саморегуляция, школьная вовлеченность и субъективное благополучие обучающихся, характеристики проявления эмоционального интеллекта и психологического благополучия, распознавание эмоций как индикатор психического здоровья, взаимосвязь эмоционального выгорания и психологического благополучия, отношение к своему телу и внутренняя картина здоровья у подростков, психологические профили нарушений психического благополучия, особенности проактивного совладающего поведения у родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, взаимосвязь школьной тревожности и факторов суицидального риска, аутопсихологическая компетентность и психологическое благополучие подростков, аспекты практической работы с тревожностью и страхами, методика восстановления базового доверия миру «Добавление» и др.

В ходе работы секции **«Высшая школа и личность: опыт, проблемы, перспективы»** (соруководители – Вячеслав Ильич Казаренков, доктор педагогических наук, профессор, профессор, Тинатин Владимировна Чхиквадзе, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии и педагогики РУДН) обсуждалась следующая проблематика: самосовершенствование педагога высшей школы как фактор развития личности студента, проблемы и перспективы подготовки будущих учителей химии, анализ жалоб на преподавателя как средство формирования личности студента, самооценка как основа саморегулируемого обучения, психологические последствия цифровизации образования в высшей школе, специфика общительности, академической мотивации, творческой активности, настойчивости, перфекционизма, эмоционального выгорания и профессиональной идентичности у студентов и пр.

В программу секции **«Проблемы и отклонения в развитии личности и пути их профилактики и коррекции»** (соруководители – Ольга Борисовна Михайлова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики РУДН, Небойша Мацанович, доктор педагогических наук, профессор факультета политических наук Университета в Бания-Луке, Босния и Герцеговина) были включены доклады преимущественно зарубежных ученых (Азербайджан, Босния и Герцеговина, Черногория), подготовленные на английском языке и посвященные сложным проблемам развития личности с точки зрения риска и защитных факторов, личностного развития несовершеннолетних правонарушителей и этапов преступного поведения, социально-дезадаптивного развития и девиантного поведения в дошкольном, подростковом возрасте, поведенческих расстройств несовершеннолетних, личности несовершеннолетнего правонарушителя и возрастного предела уголовной ответственности, абьюзивных отношений и расстройств личности и др.

В рамках проекта «Социально-педагогические особенности формирования „гибких“ навыков у студентов интернационального вуза», который выполняется на базе РУДН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01367, был проведен научно-методический семинар **«„Гибкие“ навыки и универсальные компетенции современного студента»** (соруководители – Дмитрий Сергеевич Ермаков, доктор педагогических наук, доцент, профессор, Татьяна Сергеевна Пилишвили, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра психологии и педагогики РУДН), где обсуждались вопросы проектирования метапредметного содержания высшего образования, технологии его реализации и способы диагностики результатов (на примере креативности, критического мышления, коммуникации, эмоционального интеллекта и пр.).

Участники Международной научно-практической конференции «Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие» во время секционных заседаний, научно-методологического семинара и круглого стола
(фото из архива кафедры психологии и педагогики РУДН)

Participants of the International Scientific and Practical Conference "Personality in Modern Society: Research, Education, Development" during breakout sessions, a scientific and methodological seminar, and a "round table"
(photo from the archive of the Department of Psychology and Pedagogy of RUDN University)

В ходе конференции состоялся конкурс студенческих стендовых докладов (постеров), организованный совместными усилиями РУДН, СФ МГПУ и РАУ. Всего на конкурс было представлено более 40 постеров по трем направлениям подготовки: «Психология» (номинации: «Лучшее исследование цифрового поведения и психологического благополучия личности», «Лучшее исследование социальной и профессиональной идентичности личности» и «Лучшее исследование межличностных отношений и социально-психологических особенностей личности»), «Психолого-педагогическое образование» и «Педагогика». Все постеры были размещены на сайте СФ МГПУ. Первый этап конкурса прошел в заочном формате, и по результатам оценок экспертов во второй этап вышли 18 работ по направлению «Психология», 6 работ по направлению «Педагогика» и 3 работы по направлению «Психолого-педагогическое образование». Во время второго тура, организованного тремя вузами в режиме видеоконференции, финалисты должны были представить постеры в онлайн-формате конкурсной комиссии по каждому направлению подготовки.

Победители конкурса были отмечены дипломами I степени и призами организационного комитета. По направлению подготовки **«Психология»**:

- в номинации «Лучшее исследование цифрового поведения и психологического благополучия личности» – **Павел Ухов** (научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент С.С. Кудинов, РУДН);

- в номинации «Лучшее исследование межличностных отношений и социально-психологических особенностей личности» – **Ануш Казарян** (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор А.С. Берберян, РАУ);

- в номинации «Лучшее исследование социальной и профессиональной идентичности личности» – **Василиса Куликова** (научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А.А. Гудзовская, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева).

По направлению подготовки **«Психолого-педагогическое образование»**: **Алина Михайлова** (научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент И.Л. Матасова, СФ МГПУ); по направлению подготовки «Педагогика»: **Александра Матвеева** (научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент А.Ю. Смолькова, СФ МГПУ). Остальные участники получили дипломы II–III степени и сертификаты.

Завершилось мероприятие круглым столом **«Научная школа А.И. Крупнова в РУДН: вчера, сегодня, завтра»**, на котором очно и онлайн выступили многочисленные коллеги, ученики и друзья юбиляра, которые поделились своими впечатлениями и воспоминаниями о совместной работе с А.И. Крупновым на разных этапах его научно-педагогической деятельности³.

А.И. Крупнов является продолжателем традиций известной научной школы в области дифференциальной психологии и психофизиологии Бориса Михайловича Теплова (доктор психологических наук, профессор, академик Академии педагогических наук (АПН) СССР, 1896–1965) и Владимира

³ Сайт конференции *«Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие»*. URL: <http://krupnov.personality.tilda.ws> (дата обращения: 30.04.2024).

Дмитриевича Небылицына (доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР, 1930–1972). В 1966 г. окончил Свердловский государственный педагогический институт (СГПИ; ныне – Уральский государственный педагогический университет). Под руководством В.Д. Небылицына в 1969 г. в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР начал исследования общительности, рассматриваемой как проявление личностной активности в коммуникативной сфере. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию «Динамические характеристики активности и их электроэнцефалографические корреляты». С 1972 по 1982 г. заведовал кафедрой психологии СГПИ, продолжая разрабатывать проблемы активности и саморегуляции личности.

На основе идей своего учителя А.И. Крупнов разработал модель целостно-функционального анализа активности, человека и в 1985 г. защитил докторскую диссертацию «Психофизиологический анализ индивидуальных различий активности человека». В конце 1980-х гг., исходя из предложенного понимания структуры активности, им начата разработка системно-функциональной модели свойств личности, которые рассматривались как характеристики общеличностной активности в различных сферах жизнедеятельности: коммуникативной, волевой, познавательной и пр.

В это время на кафедре педагогики и психологии Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, на которой А.И. Крупнов работал с 1984 г. (с 1990 г. – заведующий кафедрой), формируется научная школа системных исследований личности в рамках системно-функционального подхода. Здесь были разработаны и апробированы методики по диагностике общепрофессиональных свойств личности (ответственности, инициативности, трудолюбия, организованности, общительности, любознательности, настойчивости, изобретательности, уверенности), а также разработаны и внедрены программы по их саморегуляции и коррекции.

А.И. Крупнов работал в РУДН по 2019 г. (до 2010 г. возглавлял кафедру социальной и дифференциальной психологии). Им опубликованы 10 монографий и более 200 статей, подготовлено шесть докторов и более 50 кандидатов психологических наук. Наряду с научно-педагогической деятельностью был членом диссертационных советов РУДН и Московского гуманитарного университета; членом редакционных коллегий журналов «Педагогическое образование и наука», «Проблемы теории и методики обучения», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Педагогика и психология»; экспертом Высшей аттестационной комиссии. Награжден медалями «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы», нагрудными знаками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Почетный работник высшего образования Российской Федерации», почетным званием «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Идеи научной школы А. И. Крупнова получают дальнейшее развитие в работах учеников, сотрудников и коллег как в РУДН, так и в других научных и образовательных организациях России (Москва, Санкт-Петербург, Бийск, Брянск, Екатеринбург, Коломна, Магнитогорск, Рязань, Самара, Тамбов, Тольятти, Уфа и др.) и зарубежных стран.

Оргкомитет и все участники конференции «Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие» поздравляют Александра Ивановича Крупнова с юбилеем и желают дальнейших творческих успехов его научной школе!

История статьи:

Поступила в редакцию 29 апреля 2024 г.

Принята к печати 5 мая 2024 г.

Для цитирования:

Башкин Е.Б., Берберян А.С., Ермаков Д.С., Новикова И.А., Бжоян Е.А. «Личность в современном обществе: исследование, образование, развитие» – итоги Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию профессора А.И. Крупнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 683–697. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-683-697>

Вклад авторов:

Все авторы внесли равный вклад в подготовку, написание и редактирование текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Башкин Евгений Брониславович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-4118-813X, ResearcherID: AAD-3412-2022, SPIN-код: 8735-7551. E-mail: bashkin_eb@pfur.ru

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, Институт международных отношений и общественно-политических наук, Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения, 0051, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123. ORCID: 0000-0003-0321-0161, SPIN-код: 4171-8178. E-mail: aspsy@inbox.ru

Ермаков Дмитрий Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-0737-0189, ScopusID: 57217044140, ResearcherID: AAN-3602-2020, SPIN-код: 2411-2984. E-mail: ermakov_ds@pfur.ru

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-5831-1547, ScopusID: 35766733000, ResearcherID: Q-5276-2016, SPIN-код: 7717-2834. E-mail: novikova_ia@pfur.ru

Бжоян Елена Артуровна, аспирант кафедры психологии и педагогики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-3187-5024, SPIN-код: 8728-2283. E-mail: bzhojan_ea@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-683-697

EDN: MVZUHQ

UDC 159.9:005.745

Scientific report

“Personality in Modern Society: Research, Education, Development” – Results of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 85th anniversary of Professor Alexander I. Krupnov

Evgeniy B. Bashkin¹, Dmitry S. Ermakov¹, Asya S. Berberyan²,
Irina A. Novikova¹✉, Elene A. Bzhoyan¹

¹RUDN University,

Moscow, Russian Federation

²Russian-Armenian (Slavonic) University,

Yerevan, Republic of Armenia

✉ novikova_ia@pfur.ru

Abstract. On April 26, 2024, the International Scientific and Practical Conference “Personality in Modern Society: Research, Education, Development” was held at the RUDN University (Moscow, Russia). It was dedicated to the 85th anniversary of Professor Alexander I. Krupnov, Doctor of Psychology, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honored Professor of the RUDN University. The purpose of the event is to find solutions to current problems of personality development in modern society, discuss the results of current scientific research, innovative psychotherapeutic, educational and social technologies, exchange experiences, and establish contacts between scientists and practitioners from different countries. The conference brought together more than 500 researchers, university and school teachers, practicing psychologists, Ph.D. students, and university students from 17 countries (Australia, Azerbaijan, Armenia, Belarus, Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, China, Croatia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Malaysia, Montenegro, Russia, Serbia, USA, Uzbekistan, Vietnam) and from 19 regions of the Russian Federation. The article briefly presents the main events of the conference: plenary and breakout sessions, the scientific and methodological seminar, the competition for university student poster presentations, and a “round table”.

Key words: international conference, personality, education, development, research, A.I. Krupnov, RUDN University

Article history:

Received 29 April 2024

Revised 4 May 2024

Accepted 5 May 2024

For citation:

Bashkin E.B., Ermakov D.S., Berberyan A.S., Novikova I.A., & Bzhoyan E.A. (2024). “Personality in Modern Society: Research, Education, Development” – Results of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 85th anniversary of Professor Alexander I. Krupnov. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 683–697. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-683-697>

Author's contribution:

All authors contributed equally to the preparation, writing and editing of the article.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Evgeniy B. Bashkin, PhD in Psychology, Head of the Psychology and Pedagogy Department at the RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4118-813X, ResearcherID: AAD-3412-2022, SPIN-code: 8735-7551. E-mail: bashkin_eb@pfur.ru

Dmitry S. Ermakov, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0737-0189, ScopusID: 57217044140, ResearcherID: AAN-3602-2020, SPIN-code: 2411-2984. E-mail: ermakov_ds@pfur.ru

Asya S. Berberyan, Doctor of Psychology, Professor, Russian-Armenian (Slavonic) University, 123 Hovsep Emin St, 0051, Yerevan, Armenia. ORCID: 0000-0003-0321-0161, SPIN-code: 4171-8178. E-mail: aspsy@inbox.ru

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at Psychology and Pedagogy Department, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, 117198, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5831-1547, SPIN-code: 7717-2834, ScopusID: 35766733000, ResearcherID: Q-5276-2016. E-mail: novikova_ia@pfur.ru

Elene A. Bzhoyan, Ph.D. student of the Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, 117198, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3187-5024, SPIN-code: 8728-2283. E-mail: bzhoyan_ea@pfur.ru